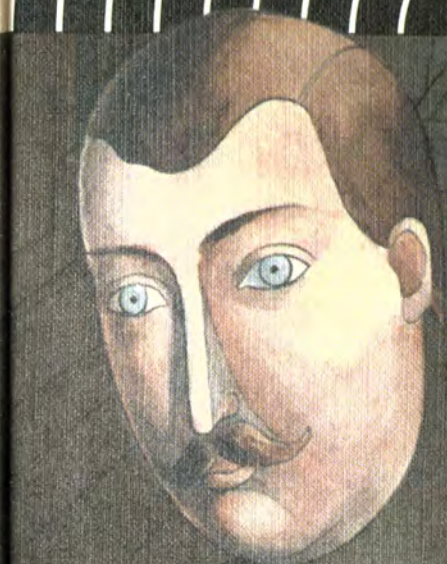
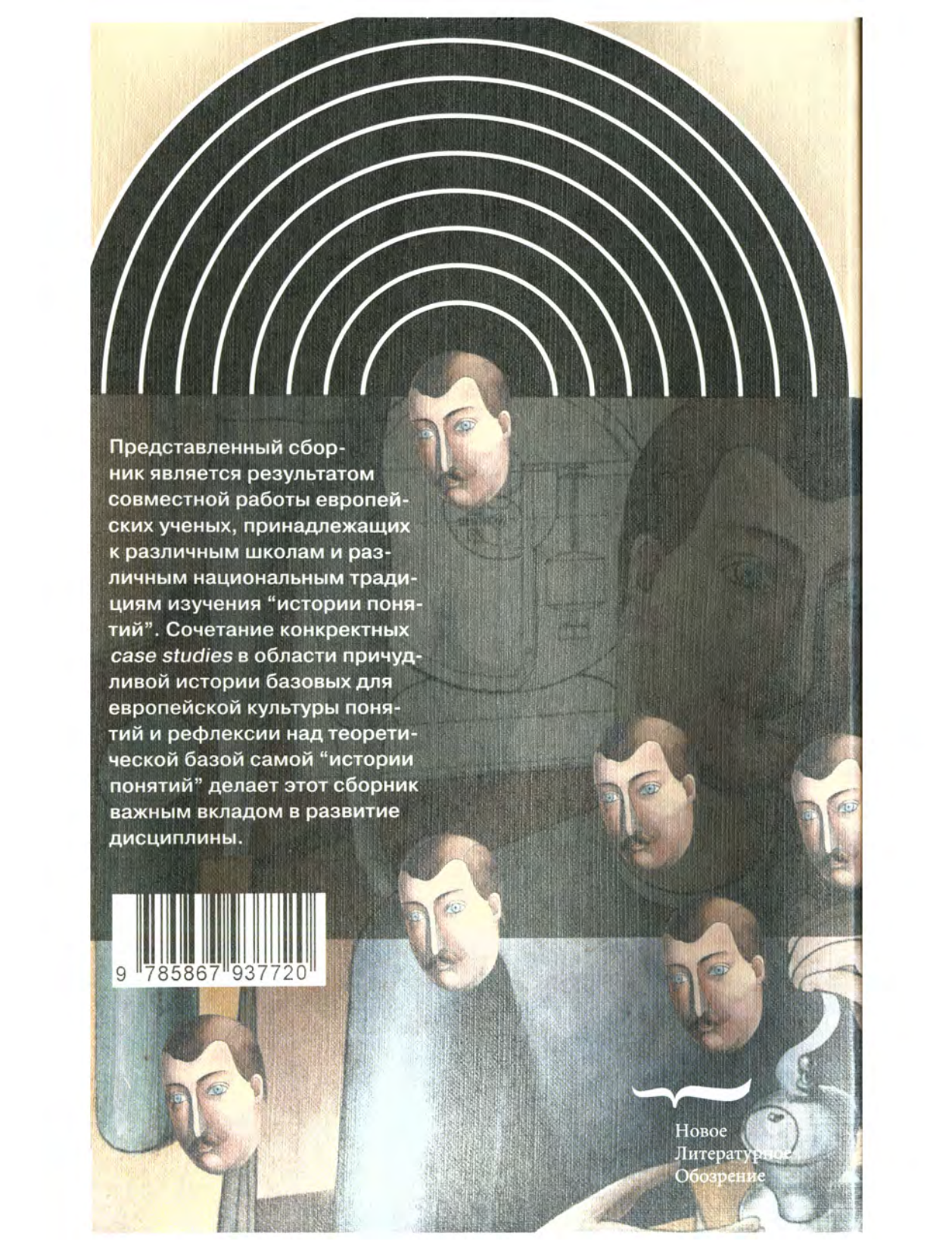


История понятий, история дискурса, история метафор

# История понятий, история дискурса, история метафор







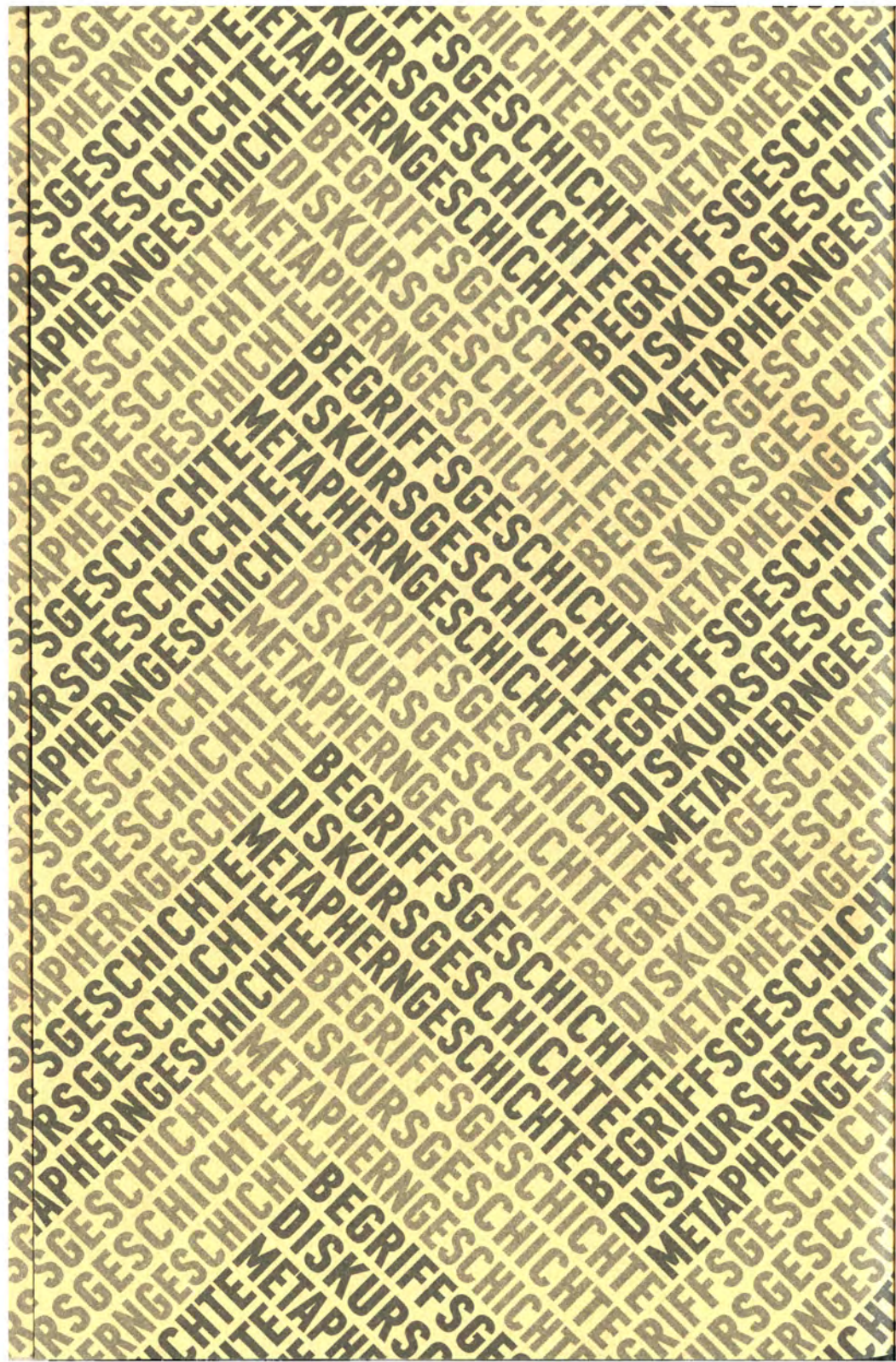
Представленный сборник является результатом совместной работы европейских ученых, принадлежащих к различным школам и различным национальным традициям изучения "истории понятий". Сочетание конкретных *case studies* в области причудливой истории базовых для европейской культуры понятий и рефлексии над теоретической базой самой "истории понятий" делает этот сборник важным вкладом в развитие дисциплины.



9 785867 937720

Новое  
Литературное  
Обозрение





• И Н Т Е Л Л Е К Т У А Л Ь Н А Я   И С Т О Р И Я   •

# Begriffs- geschichte, diskurs- geschichte, metaphern- geschichte

Edited by  
Hans Erich Bodeker

# История понятий, история дискурса, история метафор

Сборник статей  
*Перевод с немецкого*



Новое  
Литературное  
Обозрение

2010

УДК 001.11

ББК 87.421

И90

Редактор серии  
*И. Калинин*  
Научная редакция  
*В. Дубина*

Русский перевод настоящего издания стал возможным  
благодаря финансовой поддержке  
Института истории общества Макса Планка в Геттингене.

**И 90 История понятий, история дискурса, история менталитета / Сборник статей под редакцией Ханса Эриха Бёдекера. Перевод с немецкого. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 328 с.**

Представленный сборник является результатом совместной работы европейских ученых, принадлежащих к различным школам и различным национальным традициям изучения «истории понятий». Сочетание конкретных *case studies* в области причудливой истории базовых для европейской культуры понятий и рефлексии над теоретической базой самой «истории понятий» делает этот сборник важным вкладом в развитие дисциплины.

УДК 001.11

ББК 87.421

**ISBN 978-5-86793-772-0**

© Wallstein Verlag, Göttingen 2002

© Авторы, 2010

© Переводчики, 2010

© Художественное оформление. Новое литературное обозрение, 2010

Ханс Эрих Бёдекер

## ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ\*

Общие принципы исторического мышления построены не на природных законах, а на правилах семантики.

*Эрнст Кассифер «Опыт о человеке»*

### I

Взросшее в исторической культурологии в 1960-е годы осознание значимости языка, слов и словосочетаний оказало огромное влияние на исторический анализ, подвергнув решительным изменениям как его методы, так и его познавательные интересы<sup>1</sup>. Эти процессы привели к усилению роли изысканий, посвященных развитию и изменению смысла высказываний в их лингво-семиотическом понимании. Однако эклектизм методов таких исследований уже с самого начала навлек на них немало критических замечаний<sup>2</sup>.

---

\* Термин «историческая культурология» употреблен здесь за неимением более точного обозначения в русском языке для немецкого «historische Kulturwissenschaft», а также из стремления избежать загромождения текста постоянным повторением конструкций вроде «исторические исследования культуры», которые, возможно, чуть ближе к содержанию немецкого термина, но также не полностью отражают его смысл. (*Прим. пер.*)

<sup>1</sup> Данная статья не претендует на аналитическую и библиографическую завершенность и представляет собой скорее сжатый обзор разнообразных подходов исторической семантики, чем результат законченного исследования.

<sup>2</sup> Обзор последних исследований на эту тему см.: *Reichardt R. Historische Semantik zwischen lexicométrie und New Cultural History, Einführende Bemerkungen zur Standortbestimmung // Aufklärung und Historische Semantik. Interdisziplinäre Beiträge zur westeuropäischen Kulturgeschichte // Zeitschrift für historische Forschung. Beiheft 21 / Reinhardt R. (Hg.). Berlin, 1998. S. 7–28; также и последняя работа: *Konersmann R. Komödien des Geistes. Historische Semantik als philosophische Bedeutungsgeschichte // Archiv für Begriffsgeschichte, Sonderheft / Hg. von Scholz G. Hamburg, 2000.**



Исходной точкой новых теоретических построений стала поверхностность и недостаточность подходов традиционной истории идей, сконцентрированной в значительной мере на канонических текстах великих мыслителей. Традиционная история идей все более и более казалась устаревшей еще и потому, что социальная история на протяжении долгого времени рассматривала общество как главный объект своего изучения. В академической культуре Запада этот теоретический импульс привел к требованию качественного обновления истории идей посредством контекстуализации исследуемых текстов. При этом новые теоретические ориентиры значительно варьировались в различных академических кругах, поскольку теоретические построения и методы зависят в каждом конкретном случае от уже сложившейся научной традиции. Значительные отличия в развитии немецкой, французской и англо-американской исторической семантики говорят вместе с тем и о недостаточном взаимодействии этих академических миров, на которое исследователи часто не обращают должного внимания.

Наряду с теоретической недостаточностью традиционной истории идей, определяющими факторами новой перспективы в развитии исторической культурологии в Германии выступают прежде всего потребности социальной истории и общественных наук. Таким образом, прежняя история идей здесь должна была быть преобразована в социальную историю идей. Во Франции, напротив, продолжались напряженные отношения между историей ментальностей, сохранявшей свои сильные позиции благодаря историкам из «Анналов», и образом мыслей, развиваемым структуралистами в отчасти лингвистических, отчасти социологических дискуссиях о значении исторических понятий в обновлении истории идей. В англо-американской традиции интеллектуальной истории (*intellectual history*), которая, в противоположность немецкой или французской, эпистемологически и институционально утвердилась в системе координат истории, философии и политических наук, — главные шаги по обновлению истории идей были сделаны в сторону теоретизирования. Основополагающее влияние здесь принадлежало философии языка Джона Л. Остина и Джона Серля, чьи теории языковых актов (*speech acts*) связы-

вают высказывания, равно как и другие проявления языка, с историческим действием.

Различные версии исторической семантики, с их специфическим подходом к реконструкции процесса образования смысла и смысловых изменений в языке, установили новые методологические стандарты. Тем не менее общие для всех этих направлений теоретические постулаты они использовали совершенно различным способом.

## II

В Германии историческая семантика развивалась в первую очередь как «история понятий» (*Begriffsgeschichte*), которую можно интерпретировать, по сути, как социальную историю и историю ментальностей языковых актов<sup>3</sup>. С середины 60-х годов прошлого столетия прежде всего Райнхарт Козеллек пытался практиковать и развивать историю понятий как методически самостоятельную часть социально-исторического исследования. Его подход к изучению понятий состоял в том, что изменения социальной реальности семантически проявляются в важнейших понятиях политико-социального мира. История понятий, по Козеллеку, концентрируется на длительностях в развитии значений важнейших исторических понятий, на «наполненных значением» понятиях, на «основных понятиях». В этих «базовых понятиях» по Козеллеку спрятана во всем своем многообразии как «политическая и социальная история», так и «история опыта». Исследование модификации значения «основных понятий» осуществляется преимущественно в диахронной перспективе, но при этом не

---

<sup>3</sup> В качестве работ общего плана см.: *Reichardt R. Historische Semantik zwischen lexicométrie und New Cultural History*. S. 10 ff; и прежде всего: *Richter M. The History of Political and Social Concepts. A critical introduction*. N.Y.; Oxford, 1995. P. 26–78, в качестве синтеза его многочисленных предварительных идей по истории понятий см.: *The Meaning of Historical Terms and Concepts. New Studies on Begriffsgeschichte* // German Historical Institute Washington D.C., Occasional Paper 15 / Ed. by Lehmann H., Richter M. Washington D.C. 1996; *Begriffsgeschichte, Sozialgeschichte, begriffene Geschichte*. Reinhard Koselleck im Gespräch mit Christof Dipper // *Neue Politische Literatur*. 1996. Bd. 43,2. S. 187–205; см. также: *Dipper Ch. Die «Geschichtlichen Grundbegriffe»*. Von der Begriffsgeschichte zur Theorie der historischen Zeiten // *Historische Zeitschrift*. 2000. № 270. S. 281–308.

упускаются из виду также синхронные «разновременность и одновременность». Исследование истории понятий в таком понимании претендует на реконструкцию, насколько это возможно, комплексного многообразия социальной истории в исследуемых понятиях, то есть имплицитно — на теоретическую функцию ориентира в исторической науке. Историография истории понятий исходит из того, что историческая действительность не может быть изучена исключительно на основе анализа исследуемых текстов. Для Р. Козеллека наряду с лингвистическими контекстами существовали и социальные реалии, которые, хотя и соответствовали языковым реалиям, но не полностью исходили из них. Другими словами: для Р. Козеллека история не растворяется в языковых символах<sup>4</sup>. Теоретические размышления Козеллека об «истории понятий» давно переросли рамки той программной статьи, в которой он в 1972 году сформулировал свою концепцию для энциклопедического словаря «Основные исторические понятия. Исторический словарь политико-социального языка в Германии» (*Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache*). «История понятий» не являлась для него более точным определением направления собственных исследований, а только «однажды созданным, и поэтому уже лишенным способности к развитию, термином». Поскольку понятия принципиально неопределимы, так как они открыты для взаимоисключающих интерпретаций, то, однажды зафиксировав их общепризнанное содержание, мы подвергаем изменениям только слова или их употребление, но не сами понятия<sup>5</sup>. Исследуемые основные понятия всегда спорны, а политико-социальная семантика необъяснима без учета взглядов разговаривающих и интересов говорящего. Поэтому исследования Козеллека направлены в конечном счете на историю рождения смысла

---

<sup>4</sup> Новейший анализ этого тезиса см.: *Koselleck R. Begriffliche Innovation der Aufklärungssprache // Recht und Sprache in der deutschen Aufklärung / Hallesche Beiträge zur Europäischen Aufklärung. Bd. 14 / Hg. von Kronauer U., Garber J. Tübingen, 2001. S. 4–26, здесь S. 25f.*

<sup>5</sup> *Koselleck R. Begriffsgeschichtliche Probleme der Verfassungsgeschichtsschreibung // Gegenstand und Begriffe der Verfassungsgeschichtsschreibung / Der Staat. Beiheft 6. Berlin, 1983. S. 7–46, S. 14, S. 34.*



посредством языка и выходят за пределы анализа отдельных ключевых терминов. При таком подходе «история понятий» превращается в методологическом плане в социоисторический дискурсивный анализ, а ее интенции приближаются к англо-американскому и французскому типу исторической семантики<sup>6</sup>.

В своей модели исторических понятий Рольф Райхардт расширил исследование отдельно взятых терминов до рассмотрения внутри всеобъемлющего, но точно определенного круга источников, целых терминологических полей, сети политических понятий, а также семантически противоположных, равных и дополняющих друг друга структур. Конструктивно усвоенная им критика первых аналитических попыток «истории понятий» позволила ему создать некую стоящую между «лексикометрией» и «историей понятий» «социоисторическую дискурсивную семантику». Дальнейшее развитие метода этой «социоисторической дискурсивной семантики» находит свое выражение в защите Райхардтом тезиса о необходимости включить в семантические исследования анализ визуальных источников, а также исследование коллективных символов и ритуалов<sup>7</sup>. Критическая характеристика «истории понятий» как некой истории языка без самого говорящего направлена прежде всего на стремление этого подхода к расширению анализа единых словесных образований (Worteinheiten) до изучения семантических структур, до истории дискурса и истории доказательств (Argumentationsgeschichte). Эта критика верна отчасти и в отношении модели Райхардта. В своем стремлении расширить поле анализа «история понятий» стремится уже к конструированию реальности на основании изучения процесса образования понятий. Осознанное

---

<sup>6</sup> См. также: *Steinmetz W.* Das Sagbare und das Machtbare. Zum Wandel politischer Handlungsspielräume: England 1780–1767 // *Sprache und Geschichte*. Bd. 21. Stuttgart, 1983.

<sup>7</sup> См. прежде всего: *Reichardt R.* Zur Geschichte politisch-sozialer Begriffe in Frankreich zwischen Absolutismus und Restauration // *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*. 1982. Bd. 47. S. 49–74, как и недавно выпущенную диссертацию: *Wortfelder – Bilder – Semantische Netze. Beispiele interdisziplinärer Quellen und Methoden in der Historischen Semantik* // *Die Interdisziplinarität der Begriffsgeschichte*. S. 111–133.

стремление дистанцироваться от фиксации исследований на ключевых понятиях можно рассматривать как вклад немецких лингвистов в постулируемую ими историю дискурса<sup>8</sup>.

### III

Несмотря на то что уже с момента зарождения интереса к истории ментальностей, то есть с самого раннего периода существования французских «Анналов», один из отцов-основателей журнала Люсьен Февр призывал писать историю как историю значений ключевых понятий, вплоть до 1960-х годов исторические исследования языковых структур оставались во французской исторической науке маргинальными<sup>9</sup>. Единственный во французской историографии пример синтеза лингвистики и истории осуществила в начале 1970-х годов Режин Робен в своем очень внимательном к методологическим вопросам, инновационном исследовании<sup>10</sup>. Теперь ее работы вновь востребованы. Она объединила, с одной стороны, историю дискурса, а с другой — социальную историю политических понятий, для которой лингвистический подход не являлся самоцелью. Не в последнюю очередь благодаря трудам Р. Робен «исторический дискурсивный анализ» (*historische Diskursanalyse*) утвердился во Франции как специфическая область исследований. Необходимо, однако, напомнить, что французские

---

<sup>8</sup> Интересные соображения об истории дискурса с точки зрения немецкой лингвистики см.: *Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik* // Hg. von Busse D., Hermanns F., Teubert W. Opladen, 1994, а также: *Hermanns F. Sprachgeschichte und Mentalitätsgeschichte. Überlegungen zu Sinn und Form und Gegenstand historischer Semantik* // *Sprachgeschichte des Neuhochochdeutschen: Gegenstände, Methoden, Theorien* / Germanische Linguistik. Bd. 156 / Hg. von Gardt A., Mattheier K.J., Reichmann O. Tübingen, 1995. S. 69–101.

<sup>9</sup> Справочная литература по исторической семантике во Франции см.: *Reichardt R. Historische Semantik zwischen lexicométrie und New Cultural History*. S. 18 f; *Schöttler P. Mentalitäten, Ideologien, Diskurse. Zur sozialgeschichtlichen Thematisierung der «dritten Ebene»* // *Alltagsgeschicht. Zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen* / Hg. von Lüdtkе A. Frankfurt am Main; New York, 1988. S. 88–136; *Idem. Historians and Discourse Analysis* // *History Workshop Journal*. 1989. Vol. 27. S. 37–65, а также: *Jütte R. Moderne Linguistik und «Nouvelle Histoire»* // *Geschichte und Gesellschaft*. 1990. Bd. 16. S. 104–120.

<sup>10</sup> См.: *Robin R. Le société française en 1789: Semur-en-Auxois*. Paris, 1970; *Idem. Histoire et linguistique*. Paris, 1973.

историки достаточно рано подверглись влиянию лингвистической теории дискурса.

Исторический дискурсивный анализ во Франции развивался в рамках междисциплинарных контактов между лингвистикой и историей, которые значительно усилились благодаря влиянию теории Мишеля Пешо, который не ограничивал свои исследования рамками традиционной французской лексикометрии, — заключающейся в том, чтобы считать «слова» и затем соотносить их друг с другом при помощи статистики, — а выявлял поля значений и их смысловые связи<sup>11</sup>. Инновационная практика вдохновленного лингвистикой исторического дискурсивного анализа была отзывчива к методологическим потребностям и источниковым проблемам исторической науки. Под лозунгом «читаем архивы» эта аналитическая модель интерпретирует любое высказывание как конкретизацию понятий и доказательств соответственно их исторической связи с темами и условиями социально-политических дискурсов. Поэтому здесь говорится не о простом расширении классических лексикологических подходов, в которых использование слов анализируется в режиме произошедшего, а об изучении когнитивного статуса используемых слов и словарных групп в контексте различных языковых практик.

Такая направленность анализа ставит историчность дискурса в центр исследования<sup>12</sup>. Не в последнюю очередь работы Жака Гийому доказывают, что на базе узко ограниченного и точно определенного круга источников лингвистически отрефлексированный исторический дискурсивный анализ является плодотворным и методологически убедительным подходом и вполне в состоянии вырабатывать языковые смысловые конструкции и познавательные принципы<sup>13</sup>.

<sup>11</sup> См.: *Pêcheux M.* L'inquiétude du discours / Hg. von Malidier D. Paris, 1990.

<sup>12</sup> См. прежде всего: *Guilhaumou J.* A propos de l'analyse des discours: les historiens et le «tournant linguistique» // *Langage et société*. 1993. Vol. 65. P. 5–38; *Malidier D., Robin R.* Discourse et archive. Expérimentations en analyse du discours. Paris, 1994; в качестве предварительного краткого обзора см.: *Guilhaumou J., Malidier D.* Effets de l'archive. L'analyse de discours au cûté de l'histoire // *Langages*. 1986. Vol. 81; короткое резюме этих подходов на немецком языке: *Die Französische Revolution als Bruch des gesellschaftlichen Bewusstseins* // Hg. von Koselleck R., Reichardt R. München, 1988. S. 666–668.

<sup>13</sup> См.: *Guilhaumou J.* La Langue politique et la Révolution Française. De l'évènement à la raison linguistique. Paris, 1988.



## IV

Несколько позже, чем немецкая «история понятий» и французский исторический дискурсивный анализ, работы по изучению истории смысловых конструкций появились и в англо-американском научном мире. Развивавшийся в этих рамках новый подход к истории политической мысли представлен, в первую очередь, сочинениями Джона Покока и Квентина Скиннера<sup>14</sup>. Работы ученых так называемой «Кембриджской школы» — один из вариантов «лингвистического поворота» XX века — подчеркивают необходимость исторической контекстуализации политических теорий. Методологическое обоснование этой контекстуализации является в то же время и критикой определенных способов интерпретации в современной для «Кембриджской школы» философии и социальных науках. Познавательные интересы школы в отношении истории политической мысли фокусируются на изучении вопроса обращения с языком в исторических контекстах, которым изначально придается коммуникативный характер. В таких исследованиях язык не ограничен только письмом и разговором; политический язык понимается и толкуется здесь одновременно и как политическое действие. Таким образом, представители «Кембриджской школы» исходят из посылки о лингвистическом устройстве политического. Хотя ее сторонники и не проводят четких различий между «языком» (*language*) и «дискурсом» (*discourse*), тем не менее они соглашались с интерпретацией языка и/или дискурса как комплексной структуры с собственной лексикой, грамматикой и риторикой, а также как совокупности обычаев и условностей, взятых в их синхронии. На методологические рассуждения К. Скиннера оказала влияние поздняя философия языка Людвига Витгенштейна и англо-американские лингвистические теории Джона Л. Остина и Ричарда Серля. Для К. Скиннера любой политический текст является прежде всего перформативным актом. Но тут возникает сложный вопрос об интерпрета-

---

<sup>14</sup> В качестве контекста см.: *Reichardt R. Historische Semantik zwischen lexicométrie und New Cultural History. S. 13 ff.* И прежде всего: *Hampsher-Monk I. Speech Acts, Languages or Conceptual History? // History of Concepts. Comparative Perspectives / Hg. Von Hampsher-Monk I., Tilmans K., van Vree F. Amsterdam, 1998. P. 37–50, 246–251*, а также и новые исследования: *Hellmuth E., Ehrenstein Ch. von. Intellectual History Made Britain // Gesellschaft. 2001. Bd. 27. S. 149–172.*

ции текстов, их авторов, и самих говорящих. Он интересуется прежде всего анализом текстов исходя из их контекста, что позволяет ему исследовать намерения авторов исходя из написанного ими. При этом социальный контекст однозначно подчинен языковому контексту, который ограничивает первый своими языковыми условностями и доступными ему интеллектуальными ресурсами<sup>15</sup>.

Другой проект Джона Покока, идущий вслед за языковой теорией Ф. де Соссюра и его разграничением между «языком» (*langue*) и «речью» (*parole*), направлен на реконструкцию языковых условностей, которые Покок обозначает как «политические языки». Его главный интерес относится к долгосрочным, менее очевидным языковым формам, в которых люди артикулируют и пытаются понять свои политические ситуации. В англо-американской версии исторической семантики «политические языки» Джона Покока стоят рядом с «языковыми актами» Квентина Скиннера. Даже при том, что оба этих ученых идут различными дорогами и по-разному интерпретировали «лингвистический поворот», они соглашались друг с другом в необходимости контекстуализации исследуемых текстов, поскольку тексты, программы, доказательства существуют и функционируют не сами по себе, а только в связи со смысловыми структурами. Из этого следует принципиальный отказ изучать слова по отдельности: «...когда слово меняет свой смысл, это также меняет его связь со всем словарем»<sup>16</sup>. Потому необходимо исследовать не столько «внутреннюю структуру» отдельных слов, сколько их роль как условия существования всего общественного здания идей<sup>17</sup>. Однако ни Джон Покок, ни Квентин Скиннер не были систематически связаны с проектом «истории понятий»<sup>18</sup>. Наряду с теоретическими подходами Джона

<sup>15</sup> См. обзор: *Farr J. Understanding conceptual change politically // Political Innovation and Conceptual Change / Hg. von Ball T., Farr J., Russell L. Hanson. Cambridge, 1989. P. 24–49.* К критике этой контекстуализации см.: *Bevir M. The Errors of Linguistic Contextualism // History and Theory. 1992. Vol. 31. P. 226–298.*

<sup>16</sup> *Skinner Q. Language and Political Change // Political Innovation and Conceptual Change. P. 6–23, особ. p. 13.*

<sup>17</sup> *Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / Ed. by Tully J. Oxford; Princeton, 1988. P. 257–288, особ. p. 283.*

<sup>18</sup> Работа, косвенно связанная с этой темой: *Pocock J.G.A. Concepts and Discourses. A Difference in Culture? Comments on a Paper by Malvin Richter // The Meaning of Historical Terms and Concepts. S. 47–58.*

Покока и Квентина Скиннера в англо-американском контексте развивалась также «критическая концептуальная история» (critical conceptual history). Теренс Болл является одним из редких англо-американских исследователей, который писал историю политической мысли под маркой «концептуальной истории». Однако и его подход все-таки можно отнести к англо-американскому варианту «лингвистического поворота»<sup>19</sup>. На противоположном краю историко-лингвистического спектра в работах англо-американских историков стоит Гарет Стедман Джоунс. Его исследование «Язык класса» (Language of the Class) и его концепция «материальности» языка нацелены на преодоление дихотомии между классовым сознанием и социально-экономической данностью<sup>20</sup>. Однако он мало обсуждал теоретические тонкости своей концепции языка, тем самым сделав ее легкой добычей для критики. Тем не менее и в британской исторической науке интерес к исследованию политического и социального языков продолжает расти<sup>21</sup>.

## V

Исследования конструкции смысла в исторической культурологии вводят в ее поле зрения также и историю метафор. В прошедших в 1960-е годы дискуссиях о метафорах историческая перспектива их изучения поначалу оставалась маргинальной. В непосредственной связи с двумя большими проектами «Исторический словарь философии» и «Основные исторические понятия. Исторический словарь социополитического языка в Германии» в немецкоязычном научном пространстве появилась философская метафорология Ханса Blumenberga, изначально задуманная как вспомогательный метод для только что распространившейся «истории понятий»<sup>22</sup>. Blumenberg

---

<sup>19</sup> См.: Ball T. Conceptual History and the History of Political Thought // History and Concepts. P. 15–86, 256–257.

<sup>20</sup> Об этом прежде всего: Jones G.S. Klassen, Politik und Sprache. Für eine theorienorientierte Sozialgeschichte / Hg. von Schöttler P. Münster, 1988.

<sup>21</sup> Критический обзор об этом развитии см.: Jones G.S. The Determinist Fix: Some Obstacles to the Further Development of the Linguistic Approach to History in the 1990's // History Workshop Journal. 1996. Vol. 42. P. 19–55.

<sup>22</sup> Blumenberg H. Schiffbruch mit Zuschauer. Paradigma einer Daseinsmetapher. Frankfurt am Main, 1979. S. 77; о только что начавшейся дискуссии о метафорологии Ханса Blumenberga см.: Die Kunst des Überlebens. Nachdenken über Hans Blumenberg / Hg. von Wetz F.J. и Timm H. Frankfurt am Main, 1999.



анализировал метафоры исходя из теоретических посылок расширенной истории понятий. Его подход позволяет выявить одновременно и историзм и практическое измерение в употреблении метафор. Предложенный Блуменбергом концепт метафористической истории как реконструкции истории метафор при постоянстве образов, к которым они отсылают, был поначалу оставлен без внимания. Даже и когда оба больших проекта по истории понятий осторожно и нерешительно открылись навстречу изучению метафор<sup>23</sup>, исследования по истории метафор продолжали оставаться маргинальными.

Предметом метафорической истории является не просто метафора в виде образной фигуры риторики или поэтики, а метафора как интерпретативная категория, обладающая креативной ролью в структурировании и раскрытии мира<sup>24</sup>. Метафора как конституирующий принцип речи и мышления была воспринята как нечто структурно и функционально отличное от понятий; их смысловой калибр иной, чем у понятий. Понятие не может «схватить» метафору по причине ее наполненности визуальными ассоциациями. «Словесный перевод» метафоры никогда не идентичен ей самой по своему понятийному аппарату. Перевод метафор в «собственную речь» всегда означает ограничение их интерпретационных возможностей, которые отводятся им говорящим и слушающим. Однако метафорические высказывания претендуют на значение доказательств в дискурсе. В качестве интерпретационной категории метафоры зависят от контекста более, чем какие-либо другие варианты использования языка<sup>25</sup>. При этом перспектива метафорической истории, во-первых, предопределяет использование метафор контекстом дискурса и, во вторых, объясняет использование метафор этим же самым контекстом<sup>26</sup>.

<sup>23</sup> Historisches Wörterbuch der Philosophie / Hg. von Ritter J., Gründer K. Basel, 1971 ff. // Licht. Bd. 5, Sprung. Bd. 6, Theatrum mundi. Bd. 10 и Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hg. von Brunner O., Conze W., Kosellek R. Bd. 1–8, 2. Stuttgart, 1972–1997: Öffentlichkeit. Bd. 4, Organ, Organismus, Politischer Körper. Bd. 4.

<sup>24</sup> В концептуализации Хансом Блуменбергом истории метафор, метафоры выступают как «абсолютные метафоры». См.: *Blumenberg H. Paradigma zu einer Methaphorologie* (1960). Frankfurt am Main, 1998.

<sup>25</sup> С этим согласны все разнообразные подходы к истории метафор.

<sup>26</sup> *Stierle K. Aspekte der Metapher* // *Idem. Text als Handlung*. München, 1975. S. 174 f.

Это означает также, что метафоры имеют исторический характер. При использовании метафор в дискурсе метафорический потенциал одновременно актуализируется и обрабатывается. В то же время история употребления метафор в языке является ключевым элементом понимания метафор, а их употребление подлежит, в этом отношении, историческим переменам. Предпочтение диахронных реконструкций изолированных метафор в представленной метафорической истории, похоже, обязано историко-понятийной практике. Однако и для метафорической истории синхронная перспектива востребована в качестве дополнения к диахронной точке зрения<sup>27</sup>. Это требование направлено не только на метафорический контекст, в смысле семантического поля, а также и на культурный контекст употребления метафоры. Исторические исследования метафор должны вскрыть те мыслительные модели, основные представления и представление о себе в исследуемую эпоху, «которые редко или даже никогда не доведены до уровня терминологической ясности, а, напротив, предпосланы понятию»<sup>28</sup>. В этом отношении историки метафор констатируют взаимное дополнение истории понятий и метафорической истории.

## VI

Представленные здесь версии исторической семантики<sup>29</sup> с их общими, частично сходными познавательными интересами развивались, по существу, независимо друг от друга: до после-

---

<sup>27</sup> Blumenberg H. Paradigma. S. 49 ff.

<sup>28</sup> Stollberg-Rilinger B. Der Staat als Maschine. Zur politischen Metaphorik des absoluten Fürstenstaats. Berlin, 1986. S. 11.

<sup>29</sup> К сожалению, системно-теоретические подходы исторической семантики до сих пор мало приняты во внимание. Непосредственно системно-теоретические рефлексии взаимного влияния «общественной структуры» и «семантики» могут внести плодотворный теоретический и методологический вклад в дискуссии об исторической семантике. Обзор существенных системно-теоретических исследований по исторической семантике см.: Luhmann N. Gesellschaftsstruktur und Semantik. Studien zur Wissenssoziologie der modernen Gesellschaft. Bd. 4. Frankfurt am Main, 1980–1995; по поводу теоретических дискуссий см.: Stöckel U. Sinnzusammenhänge. Eine dekonstruktive Lektüre von Niklas Luhmanns Systemtheorie. Weilerswist, 2000. S. 184–225, и: Stichweh R. Semantik und Sozialstruktur. Zur Logik einer systemtheoretischen Unterscheidung // Soziale Systeme. 2000. Bd. 6, 2. S. 237–250.

дного времени они практически даже не интересовались друг другом. Мелвин Рихтер первым провел параллели между историей понятий и англо-американской версией дискурсивной истории, а также высказался в поддержку дальнейшего развития теории, в которой специфика обоих подходов будет учтена<sup>30</sup>. Его аргументация завоевала много последователей<sup>31</sup>. В то же самое время необходимо указать на существующее напряжение между общими для указанных теоретических подходов познавательными интересами и различными эпистемологическими посылками, что не позволяет согласовать эти направления без дальнейших дискуссий<sup>32</sup>.

Представленные в этой книге переработанные версии докладов конференции «Геттингенские беседы по истории» (Göttingener Gesprächs zur Geschichtswissenschaft), состоявшейся 1 июля 1999 года, стремились внести свой вклад в активизацию взаимодействия между различными подходами исторической семантики.

*Перевод с немецкого Веры Дубиной*

---

<sup>30</sup> См.: *Richter M.* Zur Rekonstruktion der Geschichte der Politischen Sprachen: Pocock, Skinner und die «Geschichtlichen Grundbegriffe» // *Alteuropa – Ancien Régime – Frühe Neuzeit: Probleme und Methoden der Forschung* // Hg. von Bödeker H.E., Hinrichs E. Stuttgart, 1991. S. 134–1974; *Idem.* The History of Political and Social Concepts. P. 124–142.

<sup>31</sup> См. последнюю работу: *Gelderen M. van.* Between Cambridge and Heidelberg. Concepts, Languages and Images in Intellectual History // *History of Concepts. Comparative Perspective*. S. 227–238, S. 276–279.

<sup>32</sup> См.: *Hampsher-Monk I.* Speech Acts, Languages or Conceptual History? // *History of Concepts. Comparative Perspectives*. P. 37–50, P. 246–251, здесь p. 47 ff. также: *Ball T.* Conceptual History and the History of Political Thought // *Ibid.* P. 75–86, P. 256–257, здесь p. 78 ff.; и еще ранее: *Pocock J.* Concepts and Discourses: A Difference in Culture? Comments on paper by Melvin Richter // *The Meaning of Historical Terms and Concepts*. P. 47–58.



# ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ





Райнхарт Козеллек

## К ВОПРОСУ О ТЕМПОРАЛЬНЫХ СТРУКТУРАХ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ПОНЯТИЙ

**П**режде чем обратиться к теоретически спорному вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий, необходимо одно предварительное замечание. Мои исследования по истории понятий тесно связаны с обширным научным проектом «Основные исторические понятия. Исторический словарь политико-социального языка в Германии» (*Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache*). Публикация этого словаря началась более чем 30 лет назад, и его сформулированные около 40 лет назад теоретические и методологические посылки, по крайней мере в моих глазах, превратились для истории понятий в смиренную рубашку. В то время как ради совместной работы над проектом было совершенно необходимо сохранить исходные теоретические представления в более или менее неизменном виде, мои собственные взгляды непрерывно развивались. Поэтому неудивительно, что теоретические посылки данной работы значительно отличаются от тех, что легли в основу словаря «Основные исторические понятия». Было бы странно и прискорбно, если бы долгие годы размышлений не привели ни к каким значительным переменам в моем подходе к изучению истории понятий.

Позвольте мне вначале короткое замечание по поводу положения истории понятий в рамках лингвистики. Как утверждалось уже многократно, и притом не без оснований, писать историю отдельных, изолированных понятий весьма сложно и даже невозможно. Некоторые критики истории понятий идут дальше, утверждая, что подобным исследованиям должен быть предпослан широкий контекст, точнее, какой-либо пол-

ноценный текст или даже серия текстов. Без этого широкого контекста, как они утверждают, абсолютно невозможно реконструировать смысл и изменения смысла отдельных понятий. Я не склонен соглашаться с направлением этой критики на теоретическом уровне. Как мне кажется, чтобы дать на нее ответ, достаточно и практического уровня исследования. Стоит только начать рассматривать контексты, в которых можно было бы анализировать значение отдельных понятий, как им уже не будет конца. Начинаем с изучения статей, в которых упомянут исследуемый термин. От этих статей распространяем исследование уже на всю книгу. От книги остается уже один шаг до социально-политического анализа всего исследуемого исторического периода, потому как все понятия, так или иначе, связаны с другими современными им понятиями. И в то же время недостаточно ограничивать себя рамками научного языка, потому как условности повседневного языка, очевидно, также имеют большое значение для подобного исследования. Другими словами, в результате увеличения количества контекстов мы приходим к изучению всех аспектов определенного языка в определенный момент исторического процесса. Поскольку совершенно невозможно осуществить все это одновременно, то тот факт, в каком направлении пойдет исследование, в конечном счете зависит от каждого отдельного ученого, от его познавательных интересов и поставленных им вопросов. Исследование — это, в определенном смысле, взгляд через объектив камеры. Ученый может сконцентрировать его на одном понятии, на одном тексте, на одной серии текстов или на языке во всех его проявлениях. Любое из этих решений одинаково легитимно, однако, до известной степени, исключает другую перспективу взгляда. Таким образом, многое зависит от индивидуальных предпочтений и практических соображений ученого.

Второй вопрос, который стоит перед каждым, кто пытается реконструировать историю понятий, — это вопрос о возможностях их развития. Для этого я хотел бы обратиться к так называемой лингвистической триаде. Первое понятие триады — слова. Слова имеют собственный смысл, а этот смысл отсылает к определенным реальностям и объектам. Для заявленной нами сейчас цели абсолютно безразлично, идеологическая

или эмпирическая природа у этих реальностей и объектов. В этой связи для нас важен тот факт, что, как только слово употреблено с определенным значением и привязкой к специфической реальности, это слово становится единственным в своем роде. «Res publica» Цицерона, например, относится к римскому обществу, и смысл этого понятия непосредственно связан с римскими представлениями о человеке. «Kolonía politike» Аристотеля сама по себе может быть понята только в ее отношении к политической организации того времени — в ее отношении к греческому полису. Все, что Аристотель писал в своей «Политике», применимо единственно только к полису и неизменно во времени. Было бы просто невозможно утверждать, что аристотелевское понятие «kolonía politike» может менять свое значение. Различные значения и способы употребления придают аристотелевскому «kolonía politike» читатели «Политики», — то есть само по себе понятие Аристотеля не имеет истории, а вот его восприятие, наоборот, обладает таковой. Этот подход с точки зрения метода может показаться экстремальным редукционизмом, однако, до тех пор пока исследование чувствительно к подобной конъюнктуре, мне кажется, по меньшей мере, возможным писать об историческом развитии понятий. Для этого я хотел бы представить одну очень упрощенную модель.

Мой коллега по исследованию истории понятий Хайнер Шультц предложил как-то четыре возможных варианта соотношения понятий и реальности. Исходный пункт этих размышлений — наличие определенного состояния (*Zustand*), с одной стороны, и возможность распоряжаться понятиями, отражающими это состояние, — с другой. Первый вариант исходит из того, что как состояние, так и понятие на протяжении достаточно долгого периода находятся в стабильном положении. Второй вариант допускает, что они оба одновременно изменяются, то есть понятие и состояние изменяются гармонично. Третий вариант исходит из того, что реальность не меняется вслед за переменой понятий. В этом случае реальность просто иначе концептуализируется, то есть меняет способ концептуализации. Четвертый, и последний, вариант является прямой противоположностью третьему: здесь реальность изменяется при стабильном состоянии понятия.

Достойным внимания примером последнего варианта, без сомнения, может служить марксистская философия истории. Ортодоксальные марксисты пытались интерпретировать поразительные исторические перемены конца XIX — начала XX века при помощи относительно стабильного комплекса понятий, изначально разработанного Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Марксисты были вынуждены постоянно подгонять стремительно изменяющуюся реальность под свою неизменную философию истории. Необходимо иметь огромный талант, чтобы добиться успеха в подобном деле. Как они поначалу утверждали, капитализм — есть последний этап перед началом настоящей истории. За ним последовал, однако, империализм, поэтому империализм, по тогдашнему объяснению марксистов, должен был рассматриваться как высшая и последняя стадия капитализма. К несчастью, за империализмом последовали фашизм и национал-социализм. Эти новые исторические события, как по необходимости должны были утверждать марксисты, отныне представляли собой поистине высшую стадию капитализма, за которой и должно было последовать окончательное его крушение. Мы видим, что этот пример с очевидностью показывает несоответствие между негибким, статичным миром концепции и быстро меняющейся реальностью. Своей стабильностью эта особенная структура исторических понятий, как мы все знаем, обязана отчасти одной только тяжести этаблированной марксистской ортодоксальности, ее интенсивному идеологическому развитию и сплошной цензуре.

Эти четыре модели, которые я здесь коротко обрисовал, есть, без сомнения, сильное упрощение. Однако эти четыре модели кажутся мне достаточно надежной опорой исследовательского процесса, несмотря на то что реальный мир, история и язык устроены намного сложнее.

Я хотел бы обратиться к главной теме моего доклада и проиллюстрировать длительное развитие понятия в одном конкретном случае. В качестве примера я выбрал выражение, переведенное на все европейские языки и имеющее фундаментальное значение для европейской истории. Это понятие, которое я уже упоминал, — «*kolonia politike*» Аристотеля, понятие, переведенное римскими политическими теоретиками и

юристами как «*societas civilis*». Оба эти определения имеют отношение только к полноправным гражданам и полностью оставляют рабов за своими рамками, хотя последние составляли тогда важную группу населения, которой ни в коем случае нельзя пренебрегать. Несмотря на это, теория «*kolonia politike*» и «*societas civilis*» содержит многочисленные элементы, которые могут быть существенны и для современных дискуссий о «хорошей жизни». Рассуждения Аристотеля об относительно равномерном распределении богатства среди граждан как необходимой предпосылке сильного и стабильного политического устройства находят и по сей день своих приверженцев. Другими словами, старая теория продолжает жить. При этом совершенно очевидно, что, как только «*societas civilis*» переводится как «*civil society*» или как «*société civile*», коренным образом меняется изначальное значение понятия. Так в раннее Новое время это понятие применялось и к обществу, имевшему сословную структуру. Таким образом, аргументация Цицерона и Аристотеля была применена к обществам, отмеченным расслоением и иерархической формой политической организации.

После Возрождения и Великой французской революции, благодаря развитию теорий о справедливости и равенстве свобод для всех, значение понятия «гражданское общество» (*bürgerlicher Gesellschaft*) снова изменилось самым коренным образом. То есть и в древней, и в современной истории, так же как и в раннее Новое время, можно проследить множество различных значений, приписываемых одному-единственному выражению. В этой связи возникает ключевой вопрос о временных пластах, содержащихся в понятии. Каждое понятие, по-видимому, обладает множеством временных наслоений. Так, например, употребление понятия «гражданское общество» в настоящее время возможно как в его современном, так и во все еще понятном аристотелевском значении. Другие же многочисленные нюансы значения этого термина, которые были присущи ему в Античности, Средние века или в раннее Новое время, тем не менее исчезли. Другими словами, понятие обладает разными временными наслоениями, смысл которых имеет силу на протяжении различных промежутков времени.

Тогда, когда единичное понятие обнаруживает свою внутреннюю комплексную темпоральную структуру, появляется выход для решения проблемы единичности индивидуального употребления какого-либо определенного понятия. Как мы уже видели, невозможно описать историю отдельного конкретного понятия. При этом нет сомнения, что понятие постепенно теряет или приобретает многообразие смыслов, независимо от первоначального употребления, и что история этих временных наслоений может быть изучена. Так что вполне возможно тем не менее проследить употребление аристотелевского понятия «*kolonia politike*» вплоть до современного гражданского общества. Это также возможно по отношению к понятию «*ges publica*», понятого как благополучие или общее благо (*common good*). В этой области цицеррианское понятие царило на протяжении достаточно долгого времени. С начала XVIII века был, однако, выдвинут новый термин — «республиканизм» (*Republikanismus*). Этот термин отсылает к существованию некоего напряжения между современной политической ситуацией и идеалом, возможным в будущем. Понятие «республиканизм» более не описывает наличной реальности, но содержит важный элемент — ожидание; это понятие отсылает к будущему, превращаясь из понятия в проект будущего.

В действительности можно утверждать, что все современные «-измы» образованы напряжением между опытом (обобщенным в них наличным бытием) и ожиданием (проектом будущего). Эти самые «-измы» являются индикаторами истории понятий. Медленное и постепенное исчезновение сословных структур общества в Европе сопровождалось появлением множества подобных понятий: «патриотизм», «республиканизм», «демократизм», «либерализм», «социализм», «национализм», «коммунизм» и «фашизм». Эти ключевые слова особо подчеркивали значение равенства, правового или социального, и поддерживали альтернативные формы организации общества будущего. Эти понятия появились прежде, чем соответствующие им реалии. Так, например, термин либерализм был создан около 1810 года; социализм в его современном понимании, — само слово было значительно старше, — утвердился в 20–30-е годы XIX века. То же самое можно сказать и о коммунизме. Примечательно, что коммунизм представляет собой понятие некое-



го предвосхищенного будущего, о котором никто не может утверждать, что оно уже существует. Лучшим подтверждением этому служит ранняя эпоха существования Советского Союза. Там на основании идей Маркса утверждалось, что они уже живут в социалистическом обществе, но при этом постоянно находятся на пути к совершенному, коммунистическому будущему. Так функционирует «коммунизм», — исключительно как понятие, опирающееся на ожидание определенного будущего. Эти ожидания безотносительны к психическому состоянию говорящего или слушающего и едва ли имеют связь с реальностью. Из чего становится ясно, что значение понятия может представлять собой смешение прошлого опыта, современной реальности и ожиданий от будущего. Все ключевые слова политического или социального языка имеют многослойную темпоральную внутреннюю структуру и отсылают к современным реальностям либо в прошлое, либо в будущее. Безусловно, увлекательно попытаться написать историю понятий, которая открывает все содержащиеся в них элементы — и прошлое, и настоящее, и будущее.

Следующим пунктом необходимо обсудить соотношение языковой прагматики и семантики. Можно, конечно, утверждать, что все слова, написанные или высказанные в определенной ситуации, являются единственными в своем роде и настолько же контекстуально конкретны, как и «речь» (*parole*) Фердинанда де Соссюра. Семантика, однако, не единична, а повторяема, что необходимо подчеркнуть в этой дискуссии о темпоральных структурах понятий. Как только я пытаюсь объяснить кому-либо нечто, что с очевидностью является единичным, то в этот момент, чтобы понять мою аргументацию, уже необходимо хотя бы минимальное согласие по поводу значения используемых слов. Иначе говоря, для того чтобы передать другим некое единичное сообщение, необходима уже существующая и устойчивая семантика. Язык, точно так же как и экономика, имеет свои «большие длительности» (*longue durée*). Повторение конституирует «большую длительность» языка. Семантика может быть определена как возможность повторения. При этом семантика не является всеобщей категорией, а самым тесным образом связана с каждым конкретным языком в отдельности. В этом и состоит очарование перевода. Это так

же делает сравнительное изучение истории определенных ключевых понятий важным полем исследования. В настоящий момент мы исследуем в Билефельде сравнительную историю понятий «citizens», «citoyens» и «Bürger». Я не хотел бы сейчас углубляться в детали результатов этого проекта, но они недвусмысленно показали, что дебаты XIX века о гражданстве (*citizenship*) были семантически заданы в Великобритании, Франции и Германии совершенно различным образом. Можно сказать, что семантика покровительствует именно определенным способам организации идей и опыта. Любой языковой акт зависит от воспроизводимости семантики. Этот фундаментальный факт конституирует темпоральную внутреннюю структуру в каждом из употребляемых нами понятий.

Особый немецкий термин «образование» (*Bildung*) служит следующим примером для прояснения некоторых из обсуждаемых здесь проблем. На первый взгляд значения слов «образование» и «культура» (*culture*) кажутся тесно взаимосвязанными. При более внимательном рассмотрении оказывается, что это сходство влечет за собой путаницу. Образование имеет массу темпоральных наслоений смысла, происходящих из его специфической немецкой традиции. «Bildung» имеет как средневековые, так и происходящие из раннего Нового времени коннотации, мало-помалу оно превратилось в центральное понятие немецкого самосознания. Одно из доминантных значений понятия «образование» — религиозное. Быть образованным означает быть религиозным. Религиозность, которую мы здесь обсуждаем, имеет, однако, не конфессиональную, а светскую природу. Этот тип светской религиозности был впервые признан в 1770 году. Религиозное значение образования имеет, разумеется, свои семантические корни в немецком Средневековье. Религиозный элемент привносит первое семантическое напряжение между образованием и культурой. Другое различие: между английским и французским понятием «культура», с одной стороны, и немецким понятием «образование» — с другой, построено на том, что культура, с очевидностью, связана с процессом воспитания (*Erziehung*), тогда как образование — с саморазвитием. Наконец, понятие «цивилизация» также не соответствует «образованию», потому что цивилизация, так или иначе, увязывается с понятием «гражданское общество».

«Civis» как заданная семантическая величина определяет историю понятия «цивилизация» в английском и французском языках. В XVIII веке, в эпоху Просвещения, понятие «цивилизация» вновь обретает важное значение. С другой стороны, образование есть понятие, для которого моральная автономия индивидуума имсет господствующее значение и находится по ту сторону цивилизационных связей. Политическим и социальным измерением обоих понятий здесь можно пренебречь. Образование и цивилизация могут наслаиваться друг на друга в определенных измерениях смысла, но никогда не идентичны друг другу.

Сложности перевода имеют под собой, без сомнения, серьезные основания, и в особенности это касается немецких терминов. Во многих европейских языках существует долгая традиция перевода греческих терминов на латынь с последующим постепенным их переводом на итальянский, испанский, французский и английский языки. Этот процесс не имел четкой или постоянной терминологической границы: даже после утверждения разных государственных языков, латынь вплоть до XVIII столетия оставалась языком философов, теологов, гуманистов и других ученых. Вследствие этого не было нужды подчеркивать разницу значений при переводе понятий. Не трудно заметить, что в германских и славянских языках, наоборот, отношения с латынью были куда проблематичнее. В соответствии с этим некоторые социальные и политические понятия изначально создавались совершенно осознанно и не прошли периода постепенной адаптации латинских значений.

До сих пор в докладе обсуждался вопрос о сложной темпоральной внутренней структуре понятия и о возможности различать темпоральные наслоения смыслов при каждом отдельном его употреблении. Таким образом, все это время я обращал внимание прежде всего на семантическую непрерывность. Наряду с этим существует вопрос, к которому я сейчас хотел бы перейти, — вопрос о лингвистических инновациях. Каким образом язык воспринимает новшества? Случается это неожиданно или это медленный процесс? На такие вопросы невозможно ответить отвлеченно. Поэтому приведу один пример из немецкой истории. «Союз» (*Bund*) — особое и очень важное понятие в немецком языке. Это понятие было изобретено в

Средние века и очевидно, что его значение не является переводом латинских терминов «foedus», «confederatio», «unio» или «liga». Однако поначалу «союз» употреблялся только в устной речи и не имел формы существительного. В немецких источниках того времени его можно встретить в выражениях вроде «мы объединяемся» (*wir verbinden uns*). Только после того, как за период существования нескольких поколений «союз» стал понятием, обретя институциональную стабильность, только после этого его стали употреблять как существительное. С тех пор как «союз» родился как существительное, стало возможно сформулировать связную теорию этого феномена. В период реформации Лютер использовал термин «союз» в качестве эквивалента к ветхозаветному «berith» (соглашение)<sup>1</sup>, вследствие чего термин получил устойчивые религиозные коннотации. В результате его сознательно старались избегать в чисто политических дискуссиях — во всяком случае, лютеранские ортодоксы. То, что называется «Шмалкальденским союзом», никогда не имело такого самоназвания. «Союз» в течение долгого времени оставался, благодаря его теологическим импликациям, понятием религиозным и означал единение, сотворенное Богом.

Теологическая интерпретация понятия «союз» была жива вплоть до XIX века. Это значение термина было известно еще Марксу и Энгельсу, когда в 1847 году их попросили написать «символ веры» для «союза коммунистов». Однако, осознавая теологические коннотации этого понятия, они сделали решающий шаг и вместо катехизиса написали для «союза коммунистов» знаменитый «Манифест коммунистической партии». Это было сознательной лингвистической инновацией, и при этом инновацией, которая должна была иметь далеко идущие последствия. Сегодня, как я хотел бы добавить, теологические импликации этого термина совершенно исчезли. Понятие «федеративная республика»\* ни в коем случае не содержит теоло-

---

<sup>1</sup> Пример такого использования слова *Bund* (союз, завет) в лютеровском переводе Библии — это соглашение между Богом и народом Израиля, заключенное в Синае: «...все, что сказал Господь, сделаем и будем послушны. И взял Моисей крови и окропил народ, говоря: вот кровь завета (*Bund*), который Господь заключил с вами о всех словах сих»: *Пятикнижие Моисея. Исход. 24:7,8.* (Ex. 24). — *Прим. пер.*

\* Дословно — «союз республик». — *Прим. пер.*

гического значения. Нетрудно привести и другие примеры лингвистических инноваций, из которых я хотел бы сосредоточиться только на двух.

Термины «история» (*Geschichte*) и «государство» (*Staat*) имели в Германии долгую историю постепенного развития, за которой последовала быстрая и неожиданная перемена их значения. Сегодняшнее свое значение они получили в Германии в короткий временной промежуток между 1770 и 1800 годами. Интересен пример Франции, где, в противоположность Германии, слово «государство» существовало в своем современном понимании уже в XVII веке, тогда как «histoire» никогда не была тождественна по своему значению «истории» (*Geschichte*).

Вслед за примерами лингвистических инноваций я хотел бы в заключение своего доклада обратиться к вопросу об источниках, которые история понятий использует для своих реконструкций. Мы уже видели, как понятиям могут быть предписаны темпоральные внутренние структуры. Нет ни малейшего сомнения, что значение источника зависит от постановки вопроса и методов исследования. Притом что именно взгляд исследователя конструирует значение источника, тем не менее источник имеет и свою собственную постоянную темпоральную структуру. Источники можно классифицировать по шкале от единичности вплоть до полной повторяемости и, исходя из этой шкалы, выделить три идеальных типа используемого материала.

Возьмем источники, характеризующиеся темпоральной неповторимостью. Для этой категории хорошим примером служат газеты, изначально рассчитанные на некий короткий промежуток времени. Их читают, чтобы найти информацию о сегодняшних или вчерашних событиях, то есть о «событийной истории» (*histoire événementielle*). За исключением историков, лингвистов или социологов, никто не захочет читать газету, вышедшую несколько недель или месяцев назад. Газета — это заостренный, написанный специально для определенного случая текст для непосредственного использования, с низкими теоретическими претензиями содержащихся в нем высказываний. То же самое верно и для писем. Автор письма обычно желает сообщить некую конкретную информацию, и, как правило, он пишет без намерений, что письмо будут читать снова

и снова. Конечно, здесь существуют исключения. Например, Райнер Мария Рильке писал свои письма на бумаге очень высокого качества, потому как осознавал, что они будут позже опубликованы. Несмотря на это, я придерживаюсь своего тезиса, что газеты, письма, меморандумы и доклады — составляют определенный тип источников, которому предписано безотлагательное и непосредственное использование. Этот тип источников претендует только на один уровень темпоральности: современность и прагматизм.

Словари и энциклопедии образуют второй тип источников. Поскольку они содержат множество темпоральных слоев, они являются весьма интересным источником для масштабных вопросов. Словарь, энциклопедия или справочник всегда нормативны. Они хотят не только предоставить информацию, они хотят, скорее, предоставить долговечную информацию. Самое увлекательное в такого рода источниках состоит в том, что в большинстве случаев они открывают собой постепенно развивающуюся серию. Каждый новый словарь копирует предыдущие издания и вносит, возможно, небольшие, но важные изменения. Исследователь при этом может наблюдать, как постепенно происходит «нагружение» понятия новыми слоями значений. Так можно, например, проследить семантическое развитие слова «государство» в различных словарях XVII века, как оно раз за разом воспроизводит старое значение, но в то же время приобретает новые легитимные и институциональные значения. Диахронное сравнение словарей позволяет исследователю эмпирически открыть повторяемость семантики и одновременно указать на инновации. Другими словами, словарь — незаменимый источник для любой попытки реконструировать темп изменения истории понятий.

Третья форма источников — так называемые классические тексты. В отличие от словарей этот вид источников никак не подстраивается под изменения. Если они вообще согласовываются с изменившимися условиями, то при этом сохраняется их аутентичность, а смысл не обновляется. Послание, которое несут в себе классические тексты, направлено на утверждение внеисторической истины и потенциально бесконечной повторяемости.



Подводя итог, можно сказать, что по конструкции источника существует три различных типа текстов, которые отсылают к различным темпоральным структурам. Есть неповторимые тексты, для одноразового использования и в дальнейшем предназначенные забвению; есть постепенно развивающиеся тексты, которые подстраиваются быстрее или медленнее к изменяющейся реальности; и последняя группа — тексты с претензией на инновативное, вневременное значение (или истину), которое должно пребывать в оригинальной, неизменной форме. Конечно, об этой теме можно еще многое сказать, однако я надеюсь, что мой короткий очерк предоставил достаточно тезисов для обсуждения сложных и многослойных темпоральных структур, как самих понятий, так и различных типов источников.

*Перевод с немецкого Веры Дубиной*

Ханс Эрих Бёдекер

## РАЗМЫШЛЕНИЯ О МЕТОДЕ ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ

### I

**П**о меткому выражению Райнхарта Козеллека, «история понятий является, строго говоря, историографическим трудом, потому что она связана с историей образования, употребления и изменения понятий»<sup>1</sup>. Ее предмет есть синхронная и, прежде всего, диахронная история значений особо выделенных языковых знаков, анализ которых как «квинтэссенция содержания множества смыслов»<sup>2</sup> связывает «многообразие исторического процесса»<sup>3</sup>. В качестве «ведущих понятий исторического процесса» эти знаки раскрывают структуры опыта и связь событий во «времени больших длительностей» (*longue durée*)<sup>4</sup>. В качестве истории смыслов избранных терминов история понятий вопрошает о социальном радиусе действия понятий в соответствующих исторических контекстах, тематизирует силу взаимосвязи понятий, их отражения в политических и социальных группах, а также анализирует эпохальные, социальные и политические структурные перемены, насколько возможно постичь перемены в области

---

<sup>1</sup> Koselleck R. Begriffsgeschichtliche Probleme der Verfassungsgeschichtsschreibung // Gegenstand und Begriffe der Verfassungsgeschichtsschreibung / Der Staat. Beiheft 6. Berlin, 1983. S. 7–21, здесь s. 15. См.: *Idem*. A response to comments on the «Geschichtliche Grundbegriffe» // The Meaning of Historical Terms and Concepts. New Studies on Begriffsgeschichte / Ed. by Lehmann H., Richter M. Washington D.C. 1996. S. 59–70, здесь s. 62.

<sup>2</sup> *Idem*. Einleitung // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hg. von Brunner O., Conze W., Koselleck R. Bd. 1. Stuttgart, 1972. S. XIII–XXVIII, здесь s. XXII.

<sup>3</sup> *Idem*. Einleitung. S. XXII.

<sup>4</sup> *Ibid*. S. XIII f.

теорий, опыта (наличного бытия) и ожиданий (прогнозов будущего)<sup>5</sup>. Эти избранные, социально или политически релевантные термины интерпретируются исследователями истории понятий и как индикаторы «схваченных» ими внешних (не языковых) реальностей — в виде изменяемых социальных структур исторического процесса, — и как факторы исторического развития — в виде социального руководства к действию. «Только в этом двойном понимании языка как индикатора и как фактора метод истории понятий конструирует свое собственное поле исследований»<sup>6</sup>. Эта концепция зиждется на двух основных посылах: во-первых, на тезисе о возможности интерпретации истории, исходя из того, что она содержится и выражается в понятиях, и, во-вторых, на том, что эти понятия имеют историю, прослеживающуюся во времени. Р. Козеллек суммировал познавательные интересы истории понятий в коротком заключении: «Темой истории понятий служит конвергенция понятий и истории»<sup>7</sup>.

Райнхарт Козеллек разработал три различных масштаба применения историографической истории понятий<sup>41</sup>. Во-первых, она необходима для анализа главных социально-политических понятий, то есть является «специфическим методом критики источников»<sup>8</sup> или некой вспомогательной дисциплиной для «историзированных» социальных наук и языкознания. Именно необходимость проводить различия между языком

<sup>5</sup> См.: *Idem.* Einleitung, passim.

<sup>6</sup> *Schultz H. Begriffsgeschichte und Argumentationsgeschichte // Historische Semantik und Begriffsgeschichte / Hg. von Koselleck R. Stuttgart, 1978. S. 43–74, здесь s. 45.*

<sup>7</sup> *Koselleck R. Richtlinien für das Lexikon politisch-sozialer Begriffe der Neuzeit // Archiv für Begriffsgeschichte. 1972. Bd. 5. S. 81–99, здесь s. 86.*

<sup>8</sup> См.: *Koselleck R. Einleitung; Idem. Richtlinien; Idem. Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte // Soziologie und Sozialgeschichte. Aspekte und Probleme / Hg. von Ludz Ch. Opladen, 1972. S. 116–131; см. также: Berding H. Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte // Historische Zeitschrift. 1976. Bd. 223. S. 98–110. Здесь и далее говорится об «историографической истории понятий» (*Historiographische Begriffsgeschichte*) с целью отличить подход Козеллека от концепции словаря «Исторический словарь философии» (*Historisches Wörterbuch der Philosophie*). Концепция этого словаря, по словам Мелвина Рихтера, «близка к истории философии в понимании немецких ученых XVIII века». *Richter M. Begriffsgeschichte and the History of Ideas // Journal of the History of Ideas. 1987. Jg. 8, H. 2. S. 247–263. Здесь s. 250. — Прим. пер.**

<sup>9</sup> *Koselleck R. Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte. S. 120.*

источника и языком науки приводит историка, как показал Козеллек, к истории понятий. Он всегда утверждал, что «[...] история понятий не может обойтись без определений, отсылающих к настоящему»<sup>10</sup>.

Во-вторых, Козеллек указывает на особо тесную связь между историей понятий и социальной историей, ориентированной на изучение структур. История понятий, в его представлении, есть одновременно и «*conditio sine qua non* социально-исторических вопросов»<sup>11</sup>. История понятий дополняет синхронный анализ структурной социальной истории, изучающий ситуации и их положение во времени, — диахронным анализом, интерпретирующим длительные изменения смыслов понятий. Именно эта диахронная организация отдельного понятия раскрывает долгосрочные структурные изменения. За этим кроется тезис Козеллека, что как история понятий, так и социальная история изучают, в первую очередь, не единичные и неповторимые события, а прежде всего повторяемые, итеративные структуры<sup>12</sup>. Однако опрометчивая идентификация методов истории понятий с социально-историческим анализом, по Козеллеку, методологически невозможна. В конце концов, метод истории понятий развивался как дополнительный, а сама она должна была быть чем-то вроде отрасли социальной истории, занимающейся изучением языковых выражений в эволюции теории и опыта (наличного бытия). Более того, история понятий, по Козеллеку, совершенно очевидно не стремится к «тотальной истории» и старается отмежеваться от философских проектов подобного рода. Историографическая история понятий пытается тем не менее разработать вопрос о смене эпох и тем самым прийти к определению Нового времени, а также достичь четкого осознания историками данной эпохи. Изучение темпоральных отношений события и структуры, так же как и разновременность одновременно сосуществующих понятий и обстоятельств, позволяет истории понятий делать структур-

---

<sup>10</sup> Koselleck R. *Verfassungsgeschichtsschreibung*. S. 13; см. также: Koselleck R. *A response to comments on the «Geschichtliche Grundbegriffe»* // *The Meaning of Historical Terms and Concepts*. S. 65 ff.

<sup>11</sup> Koselleck R. *Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte*. S. 127. *Conditio sine qua non* (лат.) — неперемное условие. — *Прим. пер.*

<sup>12</sup> См.: Koselleck R. *Verfassungsgeschichtsschreibung*, passim.

ные выводы, которые направляют критические запросы и требования социальной истории, всегда имевшей дело со структурой и одновременностью<sup>13</sup>.

Очерченная Козеллеком историографическая история понятий включает историко-критический текстовый анализ, событийную и теоретическую постановку вопроса в историческом исследовании, историческую и социологическую методологию, а также лингвистику, воспринявшую ономастические и семасиологические приемы исследования<sup>14</sup>. Такой подход в изучении истории понятий связан с общим стремлением немецких историков 1960-х годов развивать сотрудничество с представителями других социальных наук. История понятий появилась как противодействие традиционной политической истории, полностью ориентированной на простую фиксацию событий в хронологическом порядке; а также против отрицающих эвристический подход теорий и гипотез позитивно-антикварного историописания; как и против оторванной от социального и политического контекста истории идей, поскольку эти «неизменные идеи» (*immutable ideas*) Артура О. Лавджоя вырваны из своего исторического контекста<sup>15</sup>. Разумеется, было бы неправильно отождествлять структурно ориентированную историографическую историю понятий с критикой историзма в целом<sup>16</sup>.

История понятий в Германии тесно связана с проектом словаря «Основные исторические понятия. Исторический словарь политико-социального языка в Германии» (*Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache*). Рабочей гипотезой, разработанной для проекта словаря, стала концепция так называемого «переломного времени» (*Sattelzeit*)

<sup>13</sup> Koselleck R. Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte. S. 122 f.; S. 124, здесь он пишет: «Поэтому история понятий может осуществлять познание, которое не попадает в поле зрения при анализе вещей. Язык понятий сам по себе является средством для обсуждения вопросов о возможности удерживать опыт и теорию».

<sup>14</sup> Koselleck R. Einleitung. S. XXI.

<sup>15</sup> См. прежде всего: Richter M. The History of Political and Social Concepts. A critical introduction. New York; Oxford, 1995; а также: Dipper Ch. Die «Geschichtlichen Grundbegriffe». Von der Begriffsgeschichte zur Theorie der historischen Zeiten // Historische Zeitschrift. 2000. Bd. 270. S. 281–305.

<sup>16</sup> Koselleck R. Richtlinien. S. 71.

между 1750 и 1850 годами, периода постепенного исчезновения сословного общества. Это время Козеллек рассматривал как границу современного мира, время коренного изменения социально-политических понятий, отсылающих к концепту «Новое время» (*Moderne*). При том что исследования по истории понятий тесно связаны с работой над словарем, однако этим они не ограничиваются. Козеллек и сам подтвердил это, когда писал: «...этот концепт стал скорее слабостью проекта, чем его преимуществом [...]. В любом случае, гипотеза о существовании такого периода не играет никакой роли в методологии истории понятий»<sup>17</sup>. Для истории понятий другие гипотезы представляются куда важнее.

К таковому Козеллек причисляет наблюдение о том, что сначала употребляемые во множественном числе существительные переходят в единственное число, становясь отвлеченными понятиями, они развиваются до «коллективных единственных» (*Kollektivsingularen*) понятий, которые постепенно находят свое место между уже созданными близкими понятиями и в других социальных слоях (демократизация). Базовые понятия дольше, чем какие-либо другие, используются в качестве инструмента политической борьбы (идеологизированность), и в результате такого употребления они наполняются ожиданиями и представлениями о цели, вместо содержащегося в них исторического опыта. Поэтому направленные на будущее «движущие понятия» (*Bewegungsbegriffe*) появляются все чаще и чаще. Данные наблюдения нашли свое выражение в понятиях «политизирование» и «укоренение во времени» (*Verzeitlichung*)<sup>18</sup>.

Этот программный план «исторической семантики» был одобрен и принят, тогда как практические исследования в статьях словаря «Основные понятия», наоборот, жестко раскритикованы как отстающие от плана<sup>19</sup>. Критиковали лексический

---

<sup>17</sup> Koselleck R. Response. S. 69.

<sup>18</sup> См.: Koselleck R. Einleitung. S. VII; S. V.

<sup>19</sup> См.: Berding H. Begriffsgeschichte; Scheehan J. Begriffsgeschichte: Theory and Practice // Journal of Modern History. 1978. Vol. 50. S. 312–319; см. обзор некоторых критических пунктов: Hermanns F. Sprachgeschichte als Mentalitätsgeschichte. Überlegungen zu Sinn und Form und Gegenstand der historischen Semantik // Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen. Gegenstände, Methoden, Theorien / Hg. von Cardt A., Mattheier K.J., Reichmann O. Tübingen, 1995. S. 69–102, здесь s. 85.



способ, на который смотрели и продолжают смотреть как на не подходящий для раскрытия постановки вопроса о социальных и коммуникативных связях<sup>20</sup>. Основанием для критики стал, как и прежде, подбор источников для статей, который неизбежно вел к некоторой «поверхностности», характерной для истории идей, поскольку предпочтение было отдано «традиционным» большим теоретикам от Аристотеля до Карла Маркса, «без того, чтобы представить их общественное значение и проникнуть в повседневный язык»<sup>21</sup>. Для этой критики традиционная история идей все еще не устарела и ее социально-исторические притязания не могли быть сняты через отказ от социально-репрезентативных источников. Возражения против того, что статьи словаря ограничились «репрезентативными» теоретическими текстами, связаны непосредственно с критикой диахронных тенденций в исследованиях по истории понятий<sup>22</sup>.

Самые жаркие дискуссии разгорелись вокруг теоретико-методологических подходов в историографической истории понятий. Лингвисты критиковали отчасти эклектичность методологических оснований, колеблющихся между лингвистическими и историческими теоретическими посылами<sup>23</sup>. Разумеется, что протагонисты истории понятий не могут руководствоваться одной лингвистической теорией исторической семантики. Главный пункт критики лингвистов — это проводимое историей понятий различие между словом и понятием или различие между историей слов и историей понятий. Близко к этому и возражение о том, что социально-историческая значимость истории понятий не может быть теоретически обоснована отсылкой к вечно-исторической природе понятия.

<sup>20</sup> См.: *Polenz P. von. Rezension «Geschichtliche Grundbegriffe» // Zeitschrift für Germanische Linguistik. 1973. Bd. I. S. 227–241, здесь s. 239; см. также: Scheehan J. Begriffsgeschichte: Theory and Practice.*

<sup>21</sup> *Reichardt R. Einleitung // Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680–1820 / Hg. von Reichardt R., Schmitt E. Heft 1/2. München 1985. S. 39–148, здесь s. 25 f.; см. также: Schultz H. Begriffsgeschichte und Argumentationsgeschichte // Koselleck R. Historische Semantik. S. 50.*

<sup>22</sup> Наиболее точное изложение этой критики см.: *Scheehan J. Begriffsgeschichte: Theory and Practice.*

<sup>23</sup> См. прежде всего: *Busse D. Historische Semantik. Analyse eines Programms. Stuttgart, 1987; см. также некоторые статьи Р. Козеллека в: Koselleck R. Historische Semantik.*

Некоторые аспекты этой критики были восприняты новым вариантом развития исследований по истории понятий, получившим теоретическое основание в статьях Р. Козеллека<sup>24</sup>. Этот новый вариант ищет возможность избежать правильно раскритикованной «пробежки по верхам» в обращении с идеями в истории. Поэтому «Справочник по основным социально-политическим понятиям во Франции 1680–1820 гг.» включал в качестве дополнительной источниковой базы также и серийные тексты коллективного характера. Это касается прежде всего словарей, справочников, журналов, статей, листовок, альманахов, протоколов заседаний с их бюрократическим языком, который был систематически обработан. Таким образом, «Справочник по основным социально-политическим понятиям во Франции» пытается доказать, что история понятий отличается коренным образом от традиционной истории идей и может быть как историей коллективного употребления языка, так и коллективного образа мыслей. Теоретической предпосылкой этого доказательства является социальная природа самого языка. В то время как Козеллек еще требует рассматривать социально-исторически релевантные понятия и как индикаторы реального исторического процесса, и как его действующие факторы<sup>25</sup>, социологически подкованная концепция истории понятий Р. Райхардта рассматривает понятия почти как реальные факторы истории<sup>26</sup>.

Для того чтобы очертить границы проблематики истории понятий, необходимо рассмотреть вопрос о развитии «смысла» (*Bedeutung*), обсудить связанную с этим проблематику особой природы «слова» (*Wort*) и «вещи» (*Sache*). История понятий разграничивает понятия и вещи и при этом соотносит их друг с другом. В этой связи Козеллек очень дорожит тем, что история понятий не может быть заменена историей вещей, событий или структур. Также и Р. Райхардт, придающий значение идеологии «саморазвития» (*Eigenendynamik*), согласен с тем, что понятие и действие должны быть принципиально разведены.

---

<sup>24</sup> См.: Reichardt R. Zur Geschichte politisch-sozialer Begriffe in Frankreich zwischen Absolutismus und Restauration // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. 1982. Bd. 47. S. 49–74, см. также: *Idem*. Einleitung.

<sup>25</sup> Koselleck R. Einleitung. S. XIV.

<sup>26</sup> *Idem*. Einleitung. S. 67.

И наконец, необходимо затронуть вопрос о взаимоотношениях истории понятий с историей дискурса. Эти вопросы должны быть, однако, рассмотрены через призму главного объекта этого подхода — «понятия», к тому же критика истории понятий отчасти строится на упреках в недостаточно ясно сформулированной с точки зрения лингвистики теории самого этого термина<sup>27</sup>.

В этих нескольких разделах я собираюсь не только разъяснить методы и основные вопросы истории понятий, но также и пойти немного далее. Своими размышлениями на эту тему я хотел бы сделать чуть более прозрачным весь комплекс дискуссий об истории понятий.

## II

Понятие в историографической истории понятий совпадает с термином, «употребляемым в философии языка для обозначения предиката второй степени, значение которого выявляется через операцию абстрагирования»<sup>28</sup>. Разумеется, при употреблении слова<sup>29</sup> история понятий руководствуется «ориентиром идентичных слов»<sup>30</sup>. Для этого историографическая история понятий занята проблемой лингвистического, знакового и познавательного разграничения слов и понятий<sup>31</sup>. Слово и понятие, бесспорно, употребляются в истории понятий как две различные сущности, которые связаны между собой, но имеют различные качества. Ради подтверждения этого тезиса понятия, как «особые слова», отделяются от «простых слов». Это различие между понятием и словом Р. Козеллек не раз пытался теоретически объяснить и охватить в своих работах<sup>32</sup>.

<sup>27</sup> Busse D. Historische Semantik. S. 80 ff.

<sup>28</sup> Gumbrecht H.-U. Für eine phänomenologische Fundierung sozialhistorischer Begriffsgeschichte // Koselleck R. Historische Semantik. S. 75–101; S. 84.

<sup>29</sup> См.: Koselleck R. Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte. S. 34.

<sup>30</sup> Koselleck R. Einleitung. S. XXI.

<sup>31</sup> Busse D. Historische Semantik. S. 50 ff.

<sup>32</sup> Козеллек употребляет понятие как термин (*Hyponym*), соподчиненный «слову». См.: Koselleck R. Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte. S. 119. Однако он не постоянно следует этой тенденции. См. по этому поводу: Polenz P. von. Rezension. S. 237: «Понятия здесь определяются, с одной стороны, как специальный тип слов, как единицы плана выражения языка, ... а с другой стороны — как единицы плана содержания».

«Смысл слова» с точки зрения языковой парадигмы «всегда отсылает к чему-то имеющему значение, неважно, есть ли это способ мысли или положение вещей и т.д. Смысл живет в слове, но питается также устным или письменным контекстом и соответствует одновременно той ситуации, к которой он отсылает. Слово становится понятием, когда эта смысловая связь, в которой и для которой употреблено слово, полностью укладывается в слово. Понятие живет в слове, но оно в то же время больше, чем слово»<sup>33</sup>.

Таким образом, понятия отличаются от простых слов не вследствие присущей им изначально иной укорененности смысла. Понятия — это такие слова, которые «полны [...] смысловых связей, в рамках которых [...] употребляется слово»<sup>34</sup>. В результате слова полны «смысловых возможностей», понятия, наоборот, уже несут в себе «смысловую полноту» и «в отличие от слов — всегда многозначны»<sup>35</sup>. «Смысловая наполненность не расщепляется на различные смысловые возможности»<sup>36</sup> — если свести к этой формуле цель Козеллека в отношении терминологического усвоения понятия, то он понимает «слова-понятия, в некотором смысле, как представителей исторической и культурной связанности, в которой функционирует их употребление»<sup>37</sup>. Тогда понятия, в отличие от простых слов, есть «квинтэссенция многих смысловых содержаний, которые по-разному “оседают” в словах, описывающих историческую действительность». Козеллек идет даже дальше: «Значения слов могут быть точно определены, тогда как понятия можно только интерпретировать»<sup>38</sup>. Чтобы поднять слово до уровня понятия, необходим полный анализ его значения (его соотношения с системой языка и с реальностью), равно как и его соотношения с тем, что имеется в виду в процессе коммуникации. Козеллек ищет «понятие», чтобы ближе подойти к

---

<sup>33</sup> Koselleck R. Richtlinien. S. 86.

<sup>34</sup> Koselleck R. Einleitung. S. XXII.

<sup>35</sup> Koselleck R. Einleitung. S. XX; S. XXII f.; см.: *Idem*. Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte. S. 123.

<sup>36</sup> Koselleck R. Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte. S. 127.

<sup>37</sup> Knobloch C. Überlegungen zur Theorie der Begriffsgeschichte aus sprach- und kommunikationswissenschaftlicher Sicht // Archiv für Begriffsgeschichte. 1993. Bd. 37. S. 7–24, здесь s. 13.

<sup>38</sup> Koselleck R. Richtlinien. S. 86.

языковым механизмам, образующим общественный опыт (наличное бытие). Это также есть поиск смысловых связей, которые присутствуют в употреблении каждого отдельного языкового знака. «Понятие дается нам тогда, — суммирует Козеллек свои аргументы, — когда некоторые значения отдельных терминов, описывающие некое общее положение вещей, объединены и осознаны в их связи друг с другом, за пределами их голой знаковой функциональности»<sup>39</sup>.

То, что исследователи истории понятий пытаются очертить как «понятие» и что должно служить предметом историко-семантического изучения, определенно имеет научные и смысловые связи, которые вводят в игру сам коммуникативный акт употребления слов-понятий.

Критерием для определения «понятия» по Козеллеку является «многозначность»<sup>40</sup>, которая может отчасти отсылать к свойствам некоторых слов. Тем не менее это различие между словом и понятием держится на очевидности эмпирических примеров, несмотря на то что слова и понятия, по Козеллеку, должны быть отличимы и по определению. Снова и снова доказанная «многозначность» понятий создает возможность довольно скользкого перехода от слова к понятию, является основополагающим условием того, что понятия оказываются действующими историческими факторами. Значение понятия не полностью определяется его употреблением, но «избыток» его смыслов предполагает определенную область значимого опыта и реальных контекстов, через которые истинное значение слова проявляет себя. Посредством этого «избытка» смыслов концептуально организовано то или иное положение вещей, а значит, и условия для опыта (наличного бытия) и его передачи, выступающие факторами историко-политической коммуникации. «Многозначность», заявленная как критерий для выделения понятия, указывает на то, что, при всех громких заявлениях, под «понятием» понимается все-таки не языковая категория. Если многофункциональность слов должна быть

<sup>39</sup> Koselleck R. Einleitung. S. XXIII.

<sup>40</sup> На чем Козеллек энергично настаивает, см. его работу: Richtlinien. S. XXII; S. XXIII; Scholtz G. Begriffsgeschichte als historische Philosophie und philosophische Historie // Die Interdisziplinarität der Begriffsgeschichte / Hg. von Scholtz G. Hamburg, 2000, S. 183–200, на s. 193 идет речь об «оперативных понятиях».

сведена к некоей взаимосвязи, тогда «понятие» может быть понято либо как умственная, либо как аналитическая категория<sup>41</sup>.

В дискуссиях об истории понятий из «обычных понятий» выделяют «базовые понятия». Эту концепцию Козеллек еще раз подчеркнул в своей недавней работе: «В отличие от понятий вообще, базовые понятия словаря “Основные понятия” есть непереносимая и неотделимая часть политического и социального лексикона. [...] Базовые понятия сочетают опыт и ожидание таким образом, что они становятся обязательными для любой формы выражения наиболее важных аспектов данного времени. Базовые понятия исключительно сложно организованы, — они всегда спорны. Это и придает им такое историческое значение и отделяет их от чисто технических и профессиональных терминов. Ни политическая, ни социальная акция невозможна без некоторого минимального запаса базовых понятий, что позволяет им сохраниться на протяжении долгого периода; вызывает их неожиданное появление, исчезновение, появление снова или ведет к их трансформации — молниеносной или постепенной. Такие понятия, однако, необходимо интерпретировать в порядке распределения их многочисленных значений, внутренних противоречий и различного применения в различных социальных сферах»<sup>42</sup>.

В спорах вокруг «базовых понятий» проявляются разногласия в отношении к границам возможностей определения общественных связей. В спорных понятиях общественные группы выражают программу своей идентичности, формулируют свою самооценку, равно как и свои общественные перспективы, выражают свое противодействие или подчинение царящим социально-политическим отношениям<sup>43</sup>. С самого начала было отмечено, что чисто лингвистически «базовые понятия» неотличимы от общего термина «понятие»<sup>44</sup>.

---

<sup>41</sup> См.: Busse D. Historische Semantik. S. 50 ff.

<sup>42</sup> Koselleck R. Response. S. 64 f.

<sup>43</sup> Эта тема недавно обсуждалась исследователями истории понятий, см.: Richter M. Conceptualizing the Contestable: «Begriffsgeschichte» and Political Concepts // Die Interdisziplinarität der Begriffsgeschichte. S. 135–143, и: Palonen K. Die Umstrittenheit der Begriffe bei Max Weber // Ibid. S. 145–158.

<sup>44</sup> См.: Horstmann R.P. Kriterium für Grundbegriffe. Anmerkungen zu einer Diskussion // Koselleck R. Historische Semantik. S. 37–42.

Для историографической истории понятий, которая в противоположность посылкам лингвистической семантики видит в понятии связанность опытов и ожиданий, взглядов и моделей, объяснения исторической действительности, каждое отдельное понятие есть только одно из многих других понятий<sup>45</sup>. Отдельно взятое понятие невозможно постичь вне его соотношения с другими понятиями<sup>46</sup>. Понятие с самого начала связано с концептуальной схемой, теоретической конъюнктурой и положением других понятий. Поэтому история понятий в качестве истории познания посредством языка должна постоянно принимать во внимание наличие связей между различными понятиями. Не одно отдельное понятие является предметом устремлений истории понятий, а весь понятийный аппарат, со всеми его внутренними взаимосвязями. В структурно организованном ансамбле понятий они взаимно определяют и объясняют друг друга. Таким образом, отношение понятий друг к другу является с самого начала предметом исследования истории понятий. Говоря иначе: история понятий изучает понятия как элементы семантической или лингвистической области. История понятий с очевидностью выходит за пределы исследования отдельных понятий или истории слов и раскрывает семантические структуры. Она исследует противоположные, близкие и параллельные выражения тех или иных значений, а также обращает внимание, наряду с синонимами и равнозначными выражениями, на близкие оценочные понятия (*Wertungsbegriffen*). Как, вообще, можно обсуждать соревновательный (*kompetitive*) или стратегический характер определений и изменения понятий?! Эти «компоненты направленности сознания», которые должны быть непременно конкретизированы для каждого отдельного выражения и говорящего, подразумевают, что при различных концептуализациях истории понятий всегда необходима контекстуализация. Для этого дискурсивные стратегии сначала должны быть привязаны к общественным контекстам<sup>47</sup>.

<sup>45</sup> Присоединяюсь к формулировке: Rüttgers K. Philosophische Begriffsgeschichte // Dialektik. 1988. Bd. 16. S. 158–176, здесь s. 161.

<sup>46</sup> См.: Koselleck R. Richtlinien. S. 86; и Idem. Einleitung. S. XXII.

<sup>47</sup> С точки зрения лингвистики прежде всего см.: Busse D. Historische Semantik. S. 64.

В теоретических размышлениях Р. Козеллека «всплывают» мимоходом различные типы понятий, но их различия он нигде, однако, подробно не объясняет. В его «Введении» к словарю «Основные понятия» он упоминает конституирующие понятия (*Verfassungsbegriffe*), ключевые слова (*Schlüsselworte*), самоназвания (*Selbstbenennungen*), ведущие понятия (*Leitbegriffe*), центральные понятия (*Kernbegriffe*) и т.д.<sup>48</sup> Знаменательны, кроме того, такие выражения, как «понятия борьбы» (*Kampfbegriffe*), «понятия действия» (*Aktionsbegriffe*), «понятия будущего» (*Zukunftsbegriffe*), «понятия перспективы» (*Perspektivbegriffe*), «понятия цели» (*Zielbegriffe*), «понятия ожиданий» (*Erwartungsbegriffe*), «компенсационные понятия» (*Kompensationsbegriffe*), «интеграционные понятия» (*Integrationsbegriffe*)<sup>49</sup>. Они обозначают всевозможные функции понятий в политико-социальном контексте и подчеркивают, что понятия служат не исключительно теоретическому познанию. «Понятия борьбы» обозначают прагматическую функцию, которую слово может получить в политическом контексте. Понятие «гражданин» (*Staatsbürger*), как не раз подчеркивал Козеллек<sup>50</sup>, есть «понятие борьбы» прусской реформации 1800-х годов, содержит также «полемическую остроту», нацеленную против «старого сословного общества» и «сословного правового неравенства». «Гражданин» является новым словом, созданным в XVIII веке как «понятие борьбы», которое при каждом его упоминании заявляет о достижении политического равенства в противовес врожденным привилегиям. «Гражданин» одновременно предвосхищает «конституционную модель, которую еще нужно только провести в жизнь»<sup>51</sup>. Подобные формулировки встречаются у Козеллека еще чаще, когда он говорит о том, что «понятия будущего» служат тому, чтобы «пред-формулировать реальность»<sup>52</sup>, когда он утверждает, что демократия как «понятие ожиданий» постепенно

---

<sup>48</sup> Koselleck R. Einleitung, passim.

<sup>49</sup> См.: Koselleck R. Richtlinien. S. 92 ff. В алфавитном регистре книги Козеллека *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*, Frankfurt am Main, 1979, указано около 20 типов понятий. Эти слова означают всевозможные функции понятий в политико-социальном контексте. Эти понятия наглядно показывают, что они не могут быть сведены только к теории.

<sup>50</sup> См.: Koselleck R. Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte. S. 117 ff.

<sup>51</sup> Ibid. S. 113.

<sup>52</sup> Ibid.



вытесняет все другие формы организации «в разряд нелегитимных»<sup>53</sup>, или когда он выдвигает в качестве тезиса истории понятий утверждение, что на протяжении истории «содержащаяся в понятиях претензия на проведение их в жизнь становится все более и более мощной»<sup>54</sup>. «Движущие понятия» (*Bewegungsbegriffe*), по Козеллеку уже изначально не точно определенные, типичны по содержащемуся в них избытку значений. С осознанием того, что одно слово, только называющее определенные состояния или изменения, одновременно может служить и для того, чтобы их артикулировать, — можно распознать в употреблении Козеллеком немецкого герундия, а также в смысловых конструкциях «нелегальное положение» (*Illegalität*) и «претензию» (*Anspruch*), которые включаются им в те или иные понятия. При этом он заявляет, что смысл и функция историко-политических основных понятий как раз и заключаются в том, чтобы высказывать эти смыслы. Козеллек, таким образом, обращает внимание не только на описательную, но также и на прескриптивную область значения понятий или на подразумеваемые значения, то есть на значения, имеющие отношение к социальному функционированию лексем<sup>55</sup>.

В этом проявляется тот масштаб истории понятий, о котором Козеллек никогда не говорил на уровне формулирования теории, но всегда, так или иначе, затрагивал в своих работах. Имеется в виду, что в историко-политической перспективе основные социальные понятия употребляются именно для тех мыслей, которые в процессе употребления постепенно и конденсируются<sup>56</sup>. Каждое повторное употребление оживляет их, именно поэтому мысли имплицитно предпосланы употреблению и должны быть уже так или иначе представлены, чтобы

<sup>53</sup> Ibid. S. 123.

<sup>54</sup> Ibid. S. 118. См. также: *Koselleck R. response*. S. 60 f. Обоснование этой аргументации см. в статье Козеллека: *Koselleck R. «Erfahrungsraum» und «Erwartungshorizont» — zwei historische Kategorien // Soziale Bewegung und politische Verfassung. Beiträge zur Geschichte der modernen Welt / Hg. von Engelhardt U., Sellin V., Stuke H. Stuttgart, 1976. S. 13–33.*

<sup>55</sup> См.: *Hermann F. Deontische Tautologien. Ein linguistische Beitrag zur Interpretation des Godesberger Programms (1959) der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands // Politische Semantik. Bedeutungsanalytische und sprachkritische Beiträge zur politischen Sprachverwendung / Hg. von Klein J. Opladen, 1989. S. 69–149.*

<sup>56</sup> См.: *Koselleck R. Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte.*

высказанное понятие было понято. Использование понятия каждый раз содействует тому, чтобы усилить или вывести из оборота то или иное словоупотребление. Эта конкуренция понятий и их значений попадает в область интереса историков именно потому, что различное словоупотребление связано с различными приемами мышления. «Для каждого понятия устанавливаются определенные горизонты, а также границы возможного исследования или теории»<sup>57</sup>. Если вместе с Козеллеком рассматривать понятие как шифр, как двигатель мысли, тогда становится очевидным, что привычное употребление определенных понятий подразумевает хабитус мысли, то есть привычное ее развитие. При этом понятие для Козеллека так же мало обладает имманентной динамикой, как и слово: «Оно не движется, его двигают»<sup>58</sup>, и движется оно именно благодаря его различному употреблению.

Подход, рассматривающий понятие как функцию, то есть подход, ставящий во главу угла предикативный его характер, связан с более поздней концепцией истории понятий. Исходя из подчеркнутого внимания к социальной природе языка, Р. Райхардт ставит под сомнение ценность анализа понятий для предметной истории<sup>59</sup>. «Для него история понятий не имеет тенденции заменить предметную историю, как это, несмотря на все противоположные заявления, прослеживается в работах Козеллека, но должна ограничиться своей собственной ролью открывать современному знанию общественные и исторические связи словесных высказываний»<sup>60</sup>. В центре анализа семантических полей находятся, по Р. Райхардту, «слова-названия», которые уже сами по себе служат тому, чтобы вскрывать эпистемические пробелы, но при этом им самим не сообщается осознанная конституирующая сила. Его подход к изучению семантических словесных полей<sup>61</sup> избегает «изучения отдель-

---

<sup>57</sup> Koselleck R. Richtlinien. S. 89.

<sup>58</sup> Knobloch C. Überlegungen zur Theorie der Begriffsgeschichte aus sprach- und kommunikationswissenschaftlicher Sicht. S. 7–24, здесь s. 22.

<sup>59</sup> Reichardt R. Politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich. S. 54.

<sup>60</sup> Busse D. Historische Semantik. S. 70.

<sup>61</sup> См.: Reichardt R. Politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich; *Idem*. Wortfelder – Bilder – Semantische Netze. Beispiele interdisziplinärer Quellen und Methoden in der Historischen Semantik // Interdisziplinarität der Begriffsgeschichte. S. 111–133.

ных слов» по принципу истории понятий, а исследует вместе с тем синтагматически и парадигматически организованные структуры семантически сходных слов в их языковых связях. Подобные исследования включают и все системно противоположные понятия (функциональные антонимы) изучаемого понятия.

Намного глубже, чем статьи словаря «Основные понятия», Р. Райхардт принимает во внимание семантический анализ степени социальной репрезентативности словесных полей, а также практическую область коммуникативных высказываний, включая различные текстовые жанры. Он выступает в защиту использования «техники исторической текстовой прагматики»<sup>62</sup>. С большой осторожностью он интерпретирует возможные последствия, связанные с результатом его исследования: рядом с релятивизацией концепции семантической оппозиции он видит на горизонте необходимость «расширенной точки зрения на значение языка»<sup>63</sup>.

### III

До тех пор пока остается непроясненным вопрос о взаимоотношении понятия, его смысла и его употребления, претензия истории понятий быть историей лингвистически конструированного социального знания и исторического опыта находится в постоянной опасности вылиться в чистую историю идей<sup>64</sup>. «Только тогда история понятий может называться исторической семантикой, когда она представляет организацию исторического опыта как процесс конструирования смысла в отдельных языковых актах»<sup>65</sup>. Для таких особенно интересных историю понятий социально-политических понятийных конструкций, как «рабочий», «гражданин» (*Bürger*), «демократия», трудно найти ответ на вопрос об их значении, но это верно также и для других понятий, употребляемых одновременно в качестве описательных и идеологических категорий. Конечно, при их употреблении последние две функции

<sup>62</sup> См.: Reichardt R. Politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich. S. 36.

<sup>63</sup> Busse D. Historische Semantik. S. 70.

<sup>64</sup> Для обозначения теоретического контекста вопроса см.: Busse D. Historische Semantik. S. 39 ff.

<sup>65</sup> См.: Ibid. S. 248.

часто смешивают. Более того, — даже в интересах современников объединить обе эти функции. Историки же в своих исследованиях должны непременно разграничивать их. За этим требованием скрывается следующая, ориентированная на теорию значений, постановка вопроса<sup>66</sup>: могут ли быть конкретные или абстрактные семантические «единства» определены как значение некоего высказывания? Или: можно ли представить смысл некоего языкового знака, понятого в терминах прагматической семантики, как функцию его употребления? В результате теоретических дискуссий этому вопросу было найдено два возможных решения: с одной стороны, «значение» можно считать свойством языковых знаков или предложений, а с другой — его можно интерпретировать как процесс, в котором языковые знаки только тогда обретают свое значение, когда они принимают на себя функцию коммуникативного действия. В таком случае значение некоего выражения является в конечном счете способом его употребления<sup>67</sup>.

При всех многообразных попытках историографической истории понятий создать себе крепкий теоретический фундамент, концепт «значение» по-прежнему остается для нее неразъясненным. С одной стороны, существует четкое разграничение между словом и значением, а с другой — и слово, и значение часто не различаются. Такие перепады очень характерны для раннего периода теоретических дискуссий об истории понятий, инициированных Р. Козеллеком. В ключевом разделе своей программной работы он дает следующее определение «значения»: «Значение слова, с точки зрения парадигмы, всегда отсылает к чему-то имеющему значение, неважно, есть ли это способ мысли или положение вещей. Смысл живет в слове, но питается также устным или письменным контекстом и соответствует одновременно той ситуации, к которой он отсылает»<sup>68</sup>. В дополнение к классической концепции символов, содержащей в себе соотношение символов и предметов, Козел-

<sup>66</sup> См.: Busse D. Historische Semantik. S. 54.

<sup>67</sup> См.: Ibid. S. 53 ff.; см. также: *Idem*. Kommunikatives Handeln als sprachtheoretisches Grundmodell historischer Semantik // Zur historischen Semantik der deutschen Gefühlswortschatzes. Aspekte, Probleme und Beispiele seines lexikographischen Erfassens / Hg. von Jäger L. Aachen, 1988. S. 248–277, здесь s. 252 ff.

<sup>68</sup> Koselleck R. Einleitung. S. XXII, XIII.

лек добавляет еще и соотношение слов со способами мышления, что, по его мнению, объединяет мысли, слова и вещи. На месте способов мышления в теории символов у Козеллека стоит смысл (значение). «Значение не есть соотношение знаков с тем, что они обозначают, оно является более определенным единством, которое может вступать в новые соотношения с обозначаемым»<sup>69</sup>.

В такой интерпретации «значение» превращается в нечто, присущее языковым символам. Эта трактовка «значения» как свойства языковых символов ведет к постулату об их процессуальном характере. Представители истории понятий, как кажется, допускают тезис о том, что «значение» или «смысл» есть нечто объективное, нечто определенно постижимое. Эта эссенциалистская концепция «значения», рассматривающая многосторонние связи между языковыми символами и их значением как более или менее прочное соотношение равных величин, описывает процесс смыслообразования как постоянное и симметричное «схватывание» значения отдельных символов. Употребление понятия интерпретируется в этом случае как нечто акцидентальное и дополнительное по отношению к языковому значению. Взгляд на «понятия» как на «особые, содержащие в себе значения слова» исключает «познавательную функцию понятийно организованного коммуникативного акта»<sup>70</sup>. Абстрагирование «значения» отдельных символов есть «абстрагирование от способов действия»<sup>71</sup>. Возможное многообразие коммуникативных смысловых возможностей, возможное употребление языковых символов в зависимости от ситуации и контекста практически никогда не включено в подобную модель объяснения.

Обязательная для исследования истории понятий связь между семасиологией и ономасиологией, что постоянно подчеркивает Р. Козеллек<sup>72</sup>, показывает, однако, осознание им необходимости каким-либо образом выявить процессуальный характер понимания языка и конструирования смысла. «Это может быть достигнуто, только если через описание коммуни-

<sup>69</sup> Busse D. Historische Semantik. S. 27.

<sup>70</sup> Ibid. S. 105.

<sup>71</sup> Ibid.

<sup>72</sup> См.: Koselleck R. Richtlinien. S. 83 ff.; Koselleck R. Response. S. 64 f.

кативных действий как места реализации смысла будут выявлены предпосылки действующих когнитивных факторов в предпосланных им условиях рождения коммуникативного смысла и с ним вместе общего смысла реальности»<sup>73</sup>.

При всех трудах по созданию фундированной концепции, история понятий все-таки не полностью избежала опасности представлять «понятия» и «смысл» как более или менее статичные «идеи» и «концепты». Это привело к воспроизведению методов традиционной истории идей во многих статьях словаря «Основные понятия», которым часто недостает понимания специфических лингвистических проблем конституирования знания и реальности.

Разграничение между «голыми словами» и «понятиями» в истории понятий основывается на тезисе, что искомая история употребления для некоторых понятий принимает более внушительные размеры, чем для других. Даже если лингвисты не разделяют мнения о наличии указанных различий в способности языковых символов удерживать смысл<sup>74</sup>, это не меняет того, что процесс реализации значений в коммуникативных взаимодействиях задуман историей понятий тем не менее как дополнительный принцип. Ради этих интерпретаций Козеллек особенно настаивает на исследовании употребления понятия в исторических контекстах и, в более широком смысле, проводит вопрос о «*cui bono*» и «социальном радиусе действия» понятий<sup>75</sup>. В дальнейших работах, продолжающих концептуализацию истории понятий, перед Козеллеком открылась возможность определить «понятие» как категорию, которая концепирует результат познания во взаимосвязи с актом понимания<sup>76</sup>. Этот вопрос появляется в его текстах, когда Козеллек

---

<sup>73</sup> Busse D. Historische Semantik. S. 91.

<sup>74</sup> Ibid. S. 80 ff.

<sup>75</sup> См.: Koselleck R. Einleitung. S. XXII; *Idem*. Richtlinien. S. 87. *Cui bono?* (лат.) — в чьих интересах? — Прим. пер.

<sup>76</sup> Эта мысль уже была высказана Козеллеком в: Koselleck R. Begriffsgeschichte als Sozialgeschichte. S. 118: «Очевидно, что точный смысл [понятия] ... вытекает только из контекста, но он может быть выведен и из положения автора и адресатов, а также необходимо принимать во внимание и более широкий масштаб: политическую ситуацию и социальное положение тогдашней Пруссии, понимать положение современников и предыдущих поколений, с которыми авторы и адресаты разделяли единое языковое пространство».

твердо придерживается концепции «Введения», написанного им для словаря «Основные понятия»: «Понятие должно сохранять свою многозначность, чтобы быть в состоянии остаться понятием. [...] Значение слов можно определить точно, тогда как понятия можно только интерпретировать»<sup>77</sup>.

Тем не менее реконструкция историей понятий смысловых соотношений как употребления отдельных языковых символов, которые должны служить фокусом и квинтэссенцией многосторонних структур отсылок, находится в постоянной опасности переоценить функцию отдельных понятий в связанности коммуникативных действий и текстов и тем самым наделить самостоятельным бытием языковые единства, которые образуются только в аналитическом исследовательском «схватывании», превратив их тем самым в несущие факторы сознания. Только в аналитической функции как «кратком обзоре» комбинаций семантических признаков, как структуре потенциальных возможностей употребления понятия получают значимость для анализа сознания.

Р. Райхардт в большей степени, чем другие исследователи истории понятий, акцентирует внимание на то, что, в конце концов, и рабочая гипотеза истории понятий обнажает в истории наличие за языковыми образованиями (которые всегда историчны и вместе с тем относительно) некой «материальной действительности». «История понятий», как он утверждает в противовес Козеллеку, не является «социальной историей» только потому, что понятия более или менее отражают материальную реальность прошлого, или потому, что история понятий исходит прежде всего из «общественного характера языка»<sup>78</sup>. В отличие от традиционной истории понятий, Р. Райхардт ищет определенное историческое соответствие между социальной действительностью, которую всеобъемлюще может реконструировать историческая наука (поскольку она реконструирует повседневные, созданные вместе с историческим процессом и исключительно его отражающие источники), и исторически относительным сознанием современников, кото-

<sup>77</sup> Koselleck R. Einleitung. S. XXII f.

<sup>78</sup> Reichardt R. Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680–1820. S. 52.

рое выражено через сконструированное языком знание. Р. Райхардт хорошо понимал, что формы осознания определенной эпохи по меньшей мере также созданы и «институциональными» источниками, равно как и общественной рефлексией. При этом становится ясно, «что значения понятий [...] осаждают через повседневный опыт языковые запасы “социального знания”, которые вместе с тем определяют и восприятие смысла через выбор тем, конструирование мотивов действий и “процессов образования смысла”»<sup>79</sup>.

При этом для Р. Райхардта процессы образования смысла проявлялись посредством общественной действительности во всем соотношении языковых и общественных действий. К анализируемому общественному применению языка принадлежит как повседневное действие в социальных институтах и практиках, так и рефлексия о реальности. Практика истории понятий должна «схватывать» фундированные языковые нормы и социальные условности через анализ отдельных языковых свидетельств. Одновременно этот подход истории понятий направлен не на «конституирование вещей» посредством речи, а на типизированный вывод, унифицированное и гибкое размежевание определенных потенциалов смысла и значений<sup>80</sup>. Необходимо еще раз подчеркнуть: «Общественная коммуникация конституирует предметы как так или иначе типологически организованные и собранные в определенные множества, но она не образует типологически организованную материю»<sup>81</sup>. Эта версия историографической истории понятий также не слишком далеко заходит в интерпретации «значения» как «употребления» в радикальном смысле Л. Витгенштейна. В этом случае знание об употреблении некоего слова было бы знанием его коммуникативной ценности, точнее, знанием его «значения»<sup>82</sup>.

---

<sup>79</sup> Reichardt R. Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680–1820. S. 53.

<sup>80</sup> См. метод, также отсылающий к Рольфу Райхардту: Gumbrecht H.-U. Für eine phänomenologische Fundierung der sozialpolitischen Begriffsgeschichte // Koselleck R. Historische Semantik und Begriffsgeschichte. S. 75–101.

<sup>81</sup> Knobloch C. Überlegungen zur Theorie der Begriffsgeschichte aus sprach- und kommunikationswissenschaftlicher Sicht. S. 10.

<sup>82</sup> К дискуссии по поводу употребления «значения» в качестве «применения» см.: Busse D. Historische Semantik. Analyse eines Programms. S. 114–122.



## IV

Для исследователей истории понятий понятия являются единствами, стоящими над словами, связывающими между собой слова и элементы реальности. Их необходимо интерпретировать в объемном историческом контексте, понятом в широком смысле этого слова<sup>83</sup>. Именно это отличает историю понятий от обычного лингвистического анализа. История понятий имеет дело с взаимоотношением «слова» и «объекта» (от «слова» к «вещи»), и ее концепция строится на социополитических, а не на лингвистических терминах<sup>84</sup>. История понятий, вследствие этого, не есть просто история отдельных понятий в их собственном смысле, а история взаимосвязей слов с понятиями и с исторической действительностью. В анализе истории понятий предполагается, с одной стороны, связь с «внешней историей», тогда как, с другой — активное взаимодействие с ней. Познавательные интересы истории понятий распознают историческую реальность как опосредованную языком и только таким способом доступную нашему сознанию реальность<sup>85</sup>. При этом отношение «слов» к «вещам» становится ключевой эпистемологической проблемой историографической истории понятий. На этом Козеллек настолько стремился заострить внимание, что обозначил язык источников соответствующей эпохи как «метафору истории»<sup>86</sup>. В другой, не менее заостренной формулировке Козеллека главной темой истории понятий стала «конвергенция понятия и истории». «История настолько является историей, насколько она “схвачена” понятиями. То, что не было познавательно-теоретически охвачено понятиями, не могло бы осуществиться и в историческом смысле». Он вполне сознательно указывает на то, что «за этим тезисом о конвергенции историю понятий поджидает опасность быть неправильно понятой в качестве онтологической позиции»<sup>87</sup>.

<sup>83</sup> См.: *Koselleck R. Richtlinien.* S. 118.

<sup>84</sup> *Koselleck R. Einleitung.* S. XXI.

<sup>85</sup> *Knobloch C. Überlegungen zur Theorie der Begriffsgeschichte aus sprach- und kommunikationswissenschaftlicher Sicht.* S. 13 f.

<sup>86</sup> *Koselleck R. Einleitung.* S. XIII.

<sup>87</sup> См.: *Koselleck R. Begriffsgeschichte als Sozialgeschichte.* S. 125.

Историографическая история понятий находится в поле напряжения между областью вещей, на которую понятия распространяются, и языком, при помощи которого они артикулируются<sup>88</sup>. Историческая действительность и язык имеют в этой плоскости интерпретации свои собственные истории, обладающие их собственной исторической динамикой, которая должна быть выведена или объединена, не в последнюю очередь, при помощи изучения истории понятий. В своем толковании этой проблемы Козеллек применяет различные теоретические позиции. Для него история понятий нацелена на «чередование семасиологических и ономасиологических проблем», на «историю вещей»<sup>89</sup>. Очевидно, что прежде проникновения в «вещь» для Козеллека стоит задача «схватывания» понятийного аппарата прошедших эпох: «Предметом истории понятий является не историческое явление само по себе, а его доступное языку отражение в сознании. История понятий, таким образом, вопрошает не о том, что есть власть “сама по себе”, а что имеет силу власти в глазах тех, на кого она направлена»<sup>90</sup>.

Таким образом, перед историей понятий стоит задача как синхронного, так и диахронного анализа взаимоотношений слов и вещей. В этой связи нет ни малейшего основания ожидать, что изменения содержания понятий придут к некоему завершению, но крайней мере до тех пор, пока «язык» или «вещи» пребывают в истории.

В этом смысле история понятий изучает само- и миропонимание прошедших эпох, как они выражали себя в употреблении понятий. Она изучает не только связь между историей слов и историей вещей, но также развитие и проявление понятий как индикаторов и факторов процесса исторического смыслообразования. Понятая таким образом история понятий не просто исследует отражение и фиксацию социальных явле-

---

<sup>88</sup> См.: *Koselleck R. Begriffsgeschichte als Sozialgeschichte*. S. 118; как и: *Koselleck R. Einleitung*. S. XXII.

<sup>89</sup> *Koselleck R. Begriffsgeschichte als Sozialgeschichte*. S. 127.

<sup>90</sup> См.: *Hilger D. 12 Thesen zur Begriffsgeschichte*, in: *Protokoll der Tagung über Methoden der politisch-historischen Semantik*. Manuskript. Bielefeld, 1975, цит. по: *Schulze H.-K. Mediävistik und Begriffsgeschichte // Historische Semantik*. S. 242–262, здесь s. 243f.

ний в области терминологии, но, по существу, — процесс их умственного преодоления. Этим проект Козеллека ни в коем случае не утверждает полного соответствия между словами, понятиями и историческими реалиями. Козеллек указывает в одной из своих известных работ, что «слова [...] взятые сами по себе, не есть достаточный признак неизменных обстоятельств»<sup>91</sup>. Как раз существующие несоответствия, — сложное посредничество между словами, понятиями и историческими процессами, — составляют значительные познавательные интересы истории понятий: «Метод истории понятий нарушает наивный и порочный круг слов и вещей [...]. Между понятием и историческими обстоятельствами существует напряжение, которое то исчезает, то снова появляется, то кажется неразрешимым. Между социальным положением вещей и на них нацеленном или их охватывающем употреблении языка постоянно существует определенное зияние. Изменение вещей и значения слов, перемена ситуации и принуждение к новым обозначениям соотносятся между собой самыми различными способами»<sup>92</sup>.

В методологической концепции истории понятий, которая в самых существенных аспектах была сформулирована Р. Козеллеком, стоят рядом и не связаны друг с другом два момента: первый — восприятие связи слов и вещей как внешнее соотношение между двумя друг от друга независимыми факторами и второй — интерпретация способов их соотношения. Некоторые модели Р. Козеллека по конструированию истории понятий создают видимость, что понятие это простая ссылка на «вещь». Его размышления оставляют возможность думать, что историко-семантический анализ должен «обнажать скрывающуюся за понятиями вещную историю»<sup>93</sup>. Не в последнюю очередь его интерпретация понятий как «индикаторов» исторического развития приводит к опасности реалистической онтологии, которая рассматривает «исторические реалии» как некие «единые элементы»<sup>94</sup>. Можно ли, однако, интерпретировать эти исторические обстоятельства в том же ключе, как и

<sup>91</sup> Koselleck R. Einleitung. S. XXI.

<sup>92</sup> Koselleck R. Begriffsgeschichte als Sozialgeschichte. S. 125.

<sup>93</sup> Koselleck R. Richtlinien. S. 86.

<sup>94</sup> См.: Koselleck R. Einleitung. S. XXVI f.

вещи повседневной жизни? Существует ли в действительности такой предмет и/или реальность, как «гражданин», «дворянство», «свобода»? «Понятия» как семантические единства соединяют для Козеллека слово и реальность. «Представленные метафорически, понятия как суставы соединяют язык и внеязыковой мир»<sup>95</sup>. Это является, между прочим, также и причиной, по которой понятия можно интерпретировать как индикаторы и факторы политической и социальной жизни.

Многочисленные попытки Козеллека точно определить это соотношение остались в результате, скорее, неопределенными. По его определениям, «слова и обстоятельства указывают друг на друга», «соотносятся друг с другом», «находятся в напряжении по отношению друг к другу, но не проникают друг в друга». Формулировки типа «историко-понятийно подтвержденные обстоятельства»<sup>96</sup> напрямую придерживаются разделения помысленной вне языка действительности и языковых обозначений. «Исследователи истории понятий исходят из того, что исторические реалии, в конце концов, также могут быть независимы от своих языковых обозначений. Так случается, например, у Козеллека потому, что предметно определяющая функция языка слишком привязана к отдельным словам, которые в качестве “понятий” становятся аналитической контрольной точкой»<sup>97</sup>.

Утверждениям лингвистических теорий Р. Козеллек противопоставляет указание на социально-политическую функцию связи слова и вещи как на центральную тему всей историографической истории понятий. Язык обусловлен историей, а история обусловлена языком. Любой человеческий опыт обретается только посредством языка, и только это делает историю возможной. «Язык и история постоянно отсылают друг к другу, потому постоянно возникает двойное напряжение: между развертывающейся историей и делающей ее возможным языковым выражением: равно как и между свершившейся историей и ее языковой проекцией»<sup>98</sup>. При этом Р. Козеллек настаи-

---

<sup>95</sup> Koselleck R. Response. S. 61.

<sup>96</sup> Koselleck R. Einleitung. S. XV или s. XIV «Наш метод не изучает реальность».

<sup>97</sup> Busse D. Historische Semantik. S. 84.

<sup>98</sup> Koselleck R. Neuzeit. Zur Semantik moderner Bewegungsbegriffe // Koselleck R. Vergangene Zukunft. S. 300.

вал на том, что язык и история должны быть аналитически разделены, поскольку они не могут быть полностью соотнесены друг с другом. Начиная с 1980-х годов Козеллек постоянно пытался доказать эту посылку в своих работах: «Существуют внеязыковые, доязыковые и послезязыковые элементы любого действия, которые ведут к истории. Они основаны на элементарных, — географических, биологических и зоологических условиях, которые все вместе влияют через человеческую конституцию на общественные события [...]. Эти доязыковые данности, однако, схвачены людьми при помощи языка и преобразованы в конкретную речь, которой они передают свои действия и заботы»<sup>99</sup>.

В споре с французской структуралистской дискурсивной историей Козеллек достаточно полно высказал свою концепцию взаимоотношений слова и вещи, языка и действительности, речи и действия. На примере Французской революции он разработал три возможных варианта отношений между ними:

«а) Язык, в своей основе, может быть понят инструментально и изучен социологически в его функциях политического группового действия. При таком подходе язык всегда остается только сопутствующим явлением так называемой реальной истории.

б) Язык и реальность могут быть поняты в их взаимосвязи посредством установления различий между ними, без того чтобы полностью сводить одно к другому. Для Лукмана здесь речь идет, например, о мире смыслов, образованном при помощи языка, который в реальном мире как открывает возможности опыта, так и ограничивает их. Я сам использую для истории понятий двойную перспективу: история понятий является как фактором исторического развития, так и его индикатором. Действительность постоянно обнаруживается посредством языка, что не исключает того, что существуют и неязыковые условия организации реальности.

<sup>99</sup> Koselleck R. Sozialgeschichte und Begriffsgeschichte // Sozialgeschichte in Deutschland. Bd. I: Die Sozialgeschichte innerhalb der Geschichtswissenschaft / Hg. von Schieder W., Sellin V. Göttingen, 1986. S. 89–109, здесь s. 95. См. ключевые выводы о взаимоотношении истории и языка: Koselleck R. Historik und Hermeneutik // Koselleck R., Gadamer H.G. Hermeneutik und Historik. Heidelberg, 1987. S. 9–28, как и: Koselleck R. Sprachwandel und Ereignisgeschichte // Merkur. 1989. № 43. S. 657–673.

с) Третья возможность полностью противоположна первой: в ней тексты принимаются за реальность — позиция Фуко, усиленная впоследствии в работах Гийому.

Нейтрализация социального назначения текстов и познавательно-теоретическое приравнивание всех текстуально возможных высказываний — сводят текст только к тексту, не оставляя возможности читать текст как источник. Гийому последовательно придерживается этого методологического подхода, но оставляет, однако, открытым вопрос об исключительно языковой структурированности истории. Из этого должно было бы следовать, что немецкие ученые не могут исследовать французские тексты, и наоборот. Истории грозила бы тогда опасность превратиться исключительно в историю сознания [...]»<sup>100</sup>.

Предостережение Козеллека о возможности растворения истории в дискурсе основано на тезисе, что «ни один из языковых актов не является самим действием», «которое он подготавливает, вызывает и приводит в исполнение»<sup>101</sup>. Однако в других работах Козеллек, кажется, признает как действенный характер языка, так языковую опосредованность поведения исторических акторов. Но это становится возможным только с определенными теоретическими оговорками и с предостережением против лингвистической редукции исторического действия: «Если любой разговор является действием, то не любое действие есть разговор»<sup>102</sup>.

Несмотря на установленный Козеллеком аналитический характер различия между говорить и делать, его аргументация, однако, не свободна от тенденции, опасность которой постоянно сохраняется в его работах, — тенденции рассматривать языковые акты как «чисто» языковые, а действия как «полностью» не имеющие отношения к языку<sup>103</sup>. Даже если языковые акты и действия аналитически различимы, они не взаимоис-

---

<sup>100</sup> Koselleck R. Probleme der Relationsbestimmung der Texte zur revolutionären Wirklichkeit // Die Französische Revolution als Bruch des gesellschaftlichen Bewusstseins / Hg. von Koselleck R., Reichardt R. München, 1988. S. 664–666, здесь s. 664; Cp.: *Guilhaumou J.* Die Reflexivität des sozialen Bewusstseins: von den Archiven zum Begriff // Ibid. S. 666–668.

<sup>101</sup> Koselleck R. Sozialgeschichte und Begriffsgeschichte. S. 94.

<sup>102</sup> Koselleck R. Feindbegriffe // Jahrbuch der Deutschen Akademie für Sprache und Dichtung, 1993. S. 83–90, здесь s. 84.

<sup>103</sup> См.: Koselleck R. Sozialgeschichte und Begriffsgeschichte. S. 95.

ключают друг друга. Козеллек уже с самого начала толкует объясняемое с точки зрения истории понятий положение вещей как внеязыковое. Одновременно с этим он подчеркивает, что исторические события и структуры возникают лишь посредством связности употребления обозначенных слов как осознаваемых реальностей. Противоречие здесь очевидно. Этим логическим ходом Козеллек создал возможность свести историю понятий к поиску подходящих контекстов употребления для заранее известных, предпосланных анализу реальностей. При таком взгляде существует опасность, что история понятий потеряет свою познавательную функцию, а историческая действительность, в ее трактовке, будет достижима только посредством языка, играющего роль медиума. Функция языка по конституированию значений и предметов принимается историей понятий только частично. Это, возможно, связано с попытками некоторых исследователей истории понятий анализировать «структуры», «развитие» и «взаимосвязи», существование которых ученые предполагают за пределами истории их языкового понимания.

Основанная на социологии знания социально-историческая семантика Р. Райхардта критически дистанцируется от программы Козеллека, заявляя, что «понятия и соответствующие им значения» не являются «простыми индикаторами вещной истории, а есть способность общества к восприятию, фактор, заданный коллективным сознанием и действиями, фактор, не обладающий никакой иной действительностью помимо материальных отношений»<sup>104</sup>. При этом социально-политический понятийный аппарат понят изначально не как индикатор внеязыковых обстоятельств, а, что более существенно, как самостоятельный социально-политический фактор, как элемент, формирующий сознание и распоряжающийся действием. Такая, основанная на социологии знания, социально-историческая семантика исходит из общественного характера языка.

## V

В противоположность традиционной истории идей как истории, допускающей существование «неизменных идей», «ис-

<sup>104</sup> Reichardt R. Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680–1820. S. 53.

тория понятий имеет дело [...] с употреблением языка в специфических ситуациях, в которых понятия специфически раскрываются и используются говорящими»<sup>105</sup>. Исследования истории понятий, как правило, начинают с анализа упомянутых слов-понятий, которые с самого начала включены в семантическое поле в качестве фактора категориального контекста. Отдельные языковые символы служат для истории понятий отправным пунктом ее исследований, по существу, они служат названиями, ограничивающими область исследования. Иначе говоря: с точки зрения теории история понятий с самого начала выходит за рамки отдельных слов и отдельных текстов. При этом она занимается не историей отдельных лексем, а отчасти неким «словарем», неким «сектором языка»<sup>106</sup>. Только исследуя эти понятийные связи и /или семантические сети, конструкты, которые позволяют раскрыть употребление слов, история понятий создает возможность глубокого анализа организации знания в различных исторических контекстах. Связи между отдельными понятиями или словами интерпретируются как связи между отдельными высказываниями, комплексом высказываний или между предполагаемыми семантическими предпосылками значения слов, выражений или комплексов выражений<sup>107</sup>. Раскрытие взаимосвязи понятий одновременно означает и вскрытие познавательных факторов, которые не сознавались самими современниками, поскольку они рассматривались как нечто само собой разумеющееся. Языковые символы в исторических контекстах только тогда можно изучить в достаточной степени, когда принимается во внимание их роль в обсуждаемых исторических взаимосвязях, включая институциональные условия, а также их протагонистов со всеми источниковыми связями и ссылками. Следуя этим условиям, история понятий стремится быть историей опыта, стремится докопаться до самых глубоких слоев общественного опыта.

В этом отношении история понятий исходит из того, что понятия всегда «отражают в себе социальное отношение», что

---

<sup>105</sup> Koselleck R. Response. S. 62.

<sup>106</sup> Busse D. Historische Semantik. S. 95 f.

<sup>107</sup> См. аргументацию Хайнера Шультца: *Schultz H. Begriffsgeschichte und Argumentationsgeschichte // Koselleck R. Historische Semantik und Begriffsgeschichte. S. 43–72.*



они встроены в «язык социального взаимодействия»<sup>108</sup>. Эта идея содержится в рассуждениях Козеллека о «политической ситуации» употребления понятий, о «скрытых интенциях» употребления слов и их социального и политического содержания, о «*cuī bono*» и об «адресатах» понятий<sup>109</sup>. Лежащие в основе метода истории понятий теоретические выкладки Козеллека уже давно переросли его же популярную и часто цитируемую статью из словаря «Основные понятия». Еще в начале 1980-х он говорил, что «история понятий» на самом деле неточное обозначение его научных интересов, потому как она содержит «логическую небрежность» и, как «однажды созданный термин, лишена способности к развитию». А потому «меняется не понятие, а только употребление слов»<sup>110</sup>. Многочисленные статьи показывают, что в его исследовании речь идет о социальной и ментальной истории понятийно ориентированных языковых актов.

«История понятий совершенно специфично направлена против абстрактной истории идей, [...] она направлена скорее на конкретное употребление языка в социальной, политической или правовой жизни. При этом измеряются конкретный опыт и ожидания, которые можно обнаружить при языковом «схватывании» соответствующих правовых, социальных и политических сфер. Для этого всегда необходимы основные понятия, которые содержат в себе теоретические претензии более или менее высокой степени абстрактности. История понятий одновременно выявляет связи между текстуальным источником и социально-политической действительностью»<sup>111</sup>.

Эта программа истории понятий предстает гораздо менее отчетливо в статьях словаря «Основные понятия», но куда яснее в контексте созданных Р. Козеллеком исследований конкретных казусов, в рамках которых история понятий постепенно превращалась в социально-исторический дискурсивный анализ<sup>112</sup>.

<sup>108</sup> Rüttgers K. Philosophische Begriffsgeschichte. S. 161.

<sup>109</sup> См.: Koselleck R. Richtlinien. S. 88.

<sup>110</sup> Koselleck R. Verfassungsgeschichtsschreibung. S. 14; S. 34.

<sup>111</sup> Ibid. S. 45; См. также: *Idem*. Response. S. 61 f.

<sup>112</sup> См.: Steinmetz W. Das Sagbare und das Machbare. Zum Wandel politischer Handlungsspielräume: England 1780–1867, Stuttgart, 1993.

На уровне теории история понятий не абстрагируется от коммуникативных интересов и ситуативных ограничений или возможностей исторических акторов. Предполагаемый при этом интерес к вариациям интерессубъективных коммуникативных интенций говорящих и слушающих, субъективным и ситуационным предпосылкам речи или используемых при этом историко-политических моделей доказательств выводит критическую историю понятий далеко за пределы истории идей. История понятий с ее претензией на соединение истории мысли и языка с историей институтов, фактов и событий в понятийных структурах дает возможность понимать ее как дискурсивную сеть, в которой языковые символы разграничиваются и одновременно интерпретируются в их взаимосвязях. Отвечая в недавнем времени некоторым своим критикам, Р. Козеллек констатировал взаимосвязанность истории понятий и истории дискурсов — с ясной ссылкой на прагматическую дискурсивную динамику, которая может выявить отдельные понятия в процессе общественной коммуникации: «Итак основные понятия всегда действуют внутри дискурса, стержня, вокруг которого они вращаются и который приводит в движение все аргументы. По этой причине я не думаю, что историю понятий и историю дискурса можно рассматривать как несовместимые или противоположные способы анализа. Каждый из них неминуемо зависит от другого. Дискурсу необходимы основные понятия, для того чтобы выразить, о чем идет речь. А анализ понятий требует обладания как лингвистическим, так и нелингвистическим контекстом, включая тот, что поставляется дискурсом. Только при таком знании контекста можно установить, что в каждом конкретном случае стоит за многозначностью понятий, за их содержанием и значением, как перераспределяется пространство, которое они друг у друга отвоевывают»<sup>113</sup>.

Уже были предприняты осторожные попытки систематического анализа возможностей и пределов взаимодействия между историей понятий и англо-американской историей дискурса<sup>114</sup>. Однако глубокие исследования этого вопроса пока от-

---

<sup>113</sup> Koselleck R. Response. S. 63.

<sup>114</sup> См. об этом: Richter M. The History of Political and Social Concepts. P. 124–142; так же как дистанцированное отношение Джона Покока: Pocock J.G.A. Con-

сутствуют. При всех совпадениях познавательных интересов, стоящих за этими подходами, подобные работы показали бы разницу в их теоретических посылах, к числу которых можно отнести несхожие концепции языка и исторической реальности, а также специфику интерпретации языковых актов<sup>115</sup>.

*Перевод с немецкого Веры Дубиной*

---

cepts and Discourses: A Difference in Culture? Comments on a Paper by Malvin Richter // *Meaning* / Eds. by Lehmann H., Richter M. S. 47–58.

<sup>115</sup> Первое издание этих аргументов вышло под названием «Concept – Meaning – Discourse. Begriffsgeschichte Reconsidered» // *History of Concept. Comparative Perspectives* / Hg. von Hampsher-Monk I., Tilmans K., van Vree F. Amsterdam, 1998. S. 51–64; S. 251–254.

Ульрих Риккен

## О СООТНОШЕНИИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ И СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ\*

**К**ак показывает название этой статьи, я хотел бы с позиции лингвиста сделать некоторые замечания относительно истории понятий, которой в последние десятилетия интенсивно занимаются историки, исследуя на материале языка важные социально-исторические понятия.

Удивительно, что до сих пор в этой работе не принимают участия лингвисты, особенно если вспомнить, что лексикологический метод истории понятий практикуется с конца XIX века, — этим занимается такая отрасль языкознания, как ономазиология. Правда, она занимается преимущественно конкретным миром вещей, который не является предметом внимания историка, занятого социально-историческими понятиями<sup>1</sup>. Но, наверное, историки и лингвисты будут едины во мнении, что возникновение, передача и развитие понятий происходят как взаимодействие коммуникативных потребностей с возможностями лексической системы того или иного языка. Поскольку коммуникация совершается посредством понятий, выражающих знания и мнения о формах бытования общества, то история понятий, интересующаяся обществом, стоит перед теоретической и методологической проблемой соотношения исторической социальной действительности,

---

\*Переводчик благодарит д.ф.н. В.А. Татарина за бесценные консультации при переводе данной статьи.

<sup>1</sup> О первых десятилетиях существования ономазиологии — науки об обозначениях — см. обзорную работу: *Quadri B. Aufgaben und Methoden der onomasologischen Forschung. Eine entwicklungsgeschichtliche Darstellung.* Bern, 1952.

мнений о ней, откладывающихся в форме понятий, и лексической системы соответствующего языка; иными словами, это проблема соотношения понятийных и языковых структур.

На эту проблематику историки стали в последнее время обращать все больше внимания, о чем свидетельствуют статьи Р. Козеллека и Ж. Гийому, содержащиеся в этом сборнике. Как указывает инициатор и руководитель работы по подготовке восьмитомного издания «Основные исторические понятия»<sup>2</sup> Р. Козеллек, в ходе работы над этим проектом пришлось сохранить изначально заложенную в его основу концепцию, сформированную много лет назад, несмотря на то что научная методология уже ушла далеко вперед. Статья Гийому посвящена работе историков (и не только французских) на языковом материале. В Германии специфику лексических структур все более активно включает в сферу своих исследований по истории понятий Р. Райхардт<sup>3</sup>, издающий «Справочник по основным социально-политическим понятиям во Франции 1680–1820 гг.»<sup>4</sup>.

О проблематике истории языка как одного из способов изучения истории общества размышляли еще в конце XIX столетия представители так называемой социологической школы во французской лингвистике — например, Жозеф Вандрие<sup>5</sup>. Начиная с 1905 года выходила монументальная «История французского языка» Фердинанда Брюно — образец того, как в то время переплеталась история языка с историей общества. Однако, — хотя сосюрювское понятие языковой системы возобладало в лингвистике не тогда, а позже, — Брюно под конец задался робким вопросом, не получилось ли так, что он лишь иллюстрировал историю общества примерами из языка вместо того, чтобы рассматривать специфику языка в его отношении к истории общества<sup>6</sup>.

<sup>2</sup> *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. 8 Bde. / Hg. von Brunner O., Conze W., Koselleck R. Stuttgart, 1972–1997.

<sup>3</sup> *Reichardt R. Revolutionäre Mentalitäten und Netze politischer Grundbegriffe // Die Französische Revolution als Bruch des gesellschaftlichen Bewußtseins* / Hg. von Koselleck R., Reichardt R. München, 1988. S. 185–215.

<sup>4</sup> *Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680–1820* / Hg. von Lüsebrink H.-J., Reichardt R., Schmidt E. München, 1985 ff.

<sup>5</sup> *Vandryes J. Le langage, introduction linguistique à l'histoire*. P., 1921.

<sup>6</sup> *Brunot F. Histoire de la langue française*. Paris, 1905 sqq.

Под воздействием убедительной теории о языковой системе постепенно утвердилось представление, что даже лексика — то есть тот уровень языка, который теснее всего связан с развитием общества, — отнюдь не обнаруживает полного соответствия между понятиями и предметами, которые они обозначают. У лексики — своя собственная (в разных языках различная) структура, элементы которой благодаря способности к гибкому комбинированию удовлетворяют потребности общественной коммуникации, в том числе и не в последнюю очередь — формирование и передачу понятий.

Как известно, познание специфических структур лексики и особенно — конституирующей значения функции семантических связей между ее элементами — привело к возникновению теории языкового поля. Несмотря на некоторый терминологический разнобой — «словесный ряд», «лексическое поле», «семантическое поле», «понятийное поле», — речь все время идет об элементах лексики, семантические отношения между которыми участвуют в образовании и передаче понятий.

Чтобы это проиллюстрировать, я хотел бы дать сравнительный очерк лексикологии понятия «Просвещение» в немецком и французском языках. Подобное сравнение представляется возможным и полезным, так как оно демонстрирует специфику лексических словесных структур в формировании понятия и его функциональных значений. Пример с «Просвещением» взят, помимо всего прочего, потому, что на эту тему уже имеются исследования<sup>7</sup>. И, наконец, это понятие историки относят к «основным историческим понятиям». О том, что недостаточно просто противопоставить друг другу немецкое *Aufklärung* (Про-

---

<sup>7</sup> В качестве примеров назовем: *Schalk F. Zur Semantik von Aufklärung in Frankreich // Festschrift für Walther von Wartburg. Tübingen, 1968. S. 251–266; Roger J. La Lumière et les Lumières // Cahiers de l'Association internationale des études françaises. 1968. Vol. 20. P. 167–177; Mortier R. Lumière et Lumières, histoire d'une image et d'une idée // Idem. Clartés et ombres du siècle des Lumières. Etudes sur le XVIIIe Siècle. Genève, 1969. P. 13–59; Delon M. Les-Lumières, travail d'une métaphore // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century. 1976. Vol. 152. P. 527–541; Stuke H. Aufklärung // Brunner O., Conze W., Koselleck R. Geschichtliche Grundbegriffe... Bd. I. S. 243–342; Wiener P.P. Enlightenment // Dictionary of the History of Ideas / Ed. by Wiener P.P. N.Y., 1972 ff. Vol. 2. P. 89–100; Idem. Counter-Enlightenment // Ibidem. P. 100–113; Ricken U. Begriffe und Konzepte für Aufklärung. Zur Problematik einer Begriffsgeschichte als vergleichende Lexikologie der Aufklärung // Europäische Aufklärung(en). Einheit und nationale Vielfalt / Hg. von Jüttner S., Schlobach J. Hamburg, 1992. S. 95–105.*

свещение) и французское *lumières* («светильники», переносное значение — «познания»), с тем чтобы констатировать их частичное несовпадение, сказано было уже давно, равно как и о том, что во Франции к важнейшим составляющим понятия «Просвещение» относятся понятия *philosophe* (философ) и *philosophie* (философия) — в отличие от их немецких эквивалентов. Но лексические различия между двумя языками в данном случае заходят значительно дальше, хотя немецкий язык, по всей вероятности, получил важнейший импульс в возникновении этого понятия именно от французского. Ведь известно, что Лейбниц неоднократно использовал в своих французских текстах глагол *éclairer* (освещать, просвещать, разъяснять) для обозначения процесса приобретения и передачи познаний. Вполне возможно, что он этим в значительной мере способствовал позднему распространению немецкого глагола *aufklären* (просвещать, прояснять). Для того, кто занимается историей понятий, будет небезынтересно узнать, что этот немецкий глагол в первое время особенно часто употреблялся в составе синтагмы *Begriffe aufklären* (прояснять понятия). Ведь слово *Begriff* (понятие) как обозначение базовой единицы логического мышления представляло собой наиболее часто используемый специальный термин философии Христиана Вольфа<sup>8</sup>, царившей в Германии, по большей части, на протяжении XVIII века. «Четкие понятия» как высшая форма познания — в противоположность нечетким понятиям — стали часто использоваться в Германии в качестве атрибута Просвещения<sup>9</sup>. Мендельсон усматривал в ходе истории постоянное противодействие прояснению понятий и увеличению их амбивалентности<sup>10</sup>. А Лихтенберг говорил: «Про-

<sup>8</sup> *Ricken U.* Begriff oder Idee? Ein Konzept der Aufklärung im deutsch-französischen Austausch // *Médiations/Vermittlungen. Aspekte der deutsch-französischen Beziehungen vom 17. Jahrhundert bis zur Gegenwart* / Hg. von M. Grunewald, J. Schlobach. Bern, 1992. S. 125–144.

<sup>9</sup> *Bahrdt K.-F.* Über Aufklärung und Beförderungsmittel derselben. Leipzig, 1789. S. 23; еще примеры см. в: *Schneiders W.* Die Wahre Aufklärung. Zum Selbstverständnis der deutschen Aufklärung. Freiburg usw., 1974. S. 103 ff.; *Hinske N.* Die tragenden Grundideen der deutschen Aufklärung. Versuch einer Typologie // *Die Philosophie der deutschen Aufklärung. Texte und Darstellung* / Hg. von R. Cifardone. Stuttgart, 1983. S. 406–458, здесь s. 414.

<sup>10</sup> *Ricken U.* Mendelssohn und die Sprachtheorien der Aufklärung // *Moses Mendelssohn im Spannungsfeld der Aufklärung* / Hg. von M. Albrecht, E. J. Vogel. Stuttgart, Bad-Cannstatt, 2000. S. 195–241.

свещение всех сословий заключается, собственно, в правильных понятиях о наших важнейших потребностях»<sup>11</sup>.

Таким образом, полной лексикализации понятия *Aufklärung* (Просвещение) предшествовали синтагмы *die Begriffe aufklären* (прояснять понятия) и *Aufklärung der Begriffe* (прояснение понятий). А потом в ходе вполне естественного процесса развития языка и формирования понятий произошло сокращение синтагмы до одного существительного — *Aufklärung*. Если к этому же понятийному полю и относятся синонимы, такие, как «образование», «культура», «самостоятельное мышление» и «философия», то все же именно глагол *aufklären*, превращенный в страдательное причастие *aufgeklärt* (проясненный; просвещенный), отглагольное существительное *Aufklärung* (прояснение; Просвещение) и *Aufklärer* (просветитель) явно образуют его центр, который впоследствии мог обрастать различными элементами.

Во французском же языке наблюдается совершенно иная лексическая констелляция. Когда в 1970 году во французском переводе вышел такой важный текст новейшей историографии Просвещения, как книга Эрнста Кассирера «Философия Просвещения», то назывался он «*La philosophie des Lumières*»<sup>12</sup>, однако существительное *lumières* в тексте от случая к случаю требовало уточнений — например, *la pensée du siècle des Lumières* (мысль века познаний, то есть эпохи Просвещения) — в тех местах, где в немецком тексте стоит просто *Aufklärung*. Неоднократно даже наблюдаются вместо него контекстуально обусловленные обозначения, в которых вовсе не используется слово *lumières*, — например, *le dix-huitième siècle* (восемнадцатый век). Если тем не менее в целом чаще всего немецкое *Aufklärung* передается французским *lumières*, то встает вопрос: не связано ли это с тем, что в современном международном научном диалоге центральное положение, занимаемое немецким термином, оказало влияние на французский язык? Ведь в XVIII веке слово *lumières* еще не было главным французским общим знаме-

<sup>11</sup> Lichtenberg G. Chr. Schriften und Briefe. Bd. 1: Sudelbücher / Hg. von W. Promies. München, 1968. S. 688.

<sup>12</sup> Cassirer E. La philosophie des Lumières. Traduit de l'allemand et présentée par P. Quillet. P., 1970 (нем. оригинал: Cassirer E. Die Philosophie der Aufklärung. Tübingen, 1932).



нате́лем для понятия «Просвещение» — оно было, скорее, лишь одним из нескольких важных его обозначений. Когда лет двадцать назад во французском переводе вышел известный текст Мендельсона под названием «Was heißt aufklären» («Что значит просвещать», 1784 год), уже само французское название свидетельствовало о том, как трудно передать немецкий оригинал. Переводчик подчеркнул, что у него нет в распоряжении никакого подходящего эквивалента для слова *aufklären*, и перевел заглавие так: «Sur la question: que signifie “aufklären”?» («К вопросу о том, что значит “aufklären”?»)<sup>13</sup>. В самом деле, в этой — лишенной поначалу контекста — краткой формулировке невозможно использовать глагол *éclairer*, потому что для придания этому слову единственного значения, соответствующего немецкому, необходимы были бы дополнительные слова — например, *siècle éclairé* (просвещенный век); только тогда оно станет столь же однозначным, как *siècle philosophique* (философский век) или *siècle des lumières* (век познаний).

Итак, начиная приблизительно с 70-х годов XVIII века центральную область немецкого лексического и понятийного поля образуют названия, имеющие один и тот же корень: *aufklären*, *aufgeklärt*, *Aufklärung*, *Aufklärer*, в то время как во французском используются слова разных корней: *lumières*, *la philosophie*, *les philosophes*, *le parti philosophique*, *éclairé*.

Немецкие слова *Philosophie* (философия) и *Philosoph* (философ) можно тоже причислить к лексическому полю понятия «Просвещение», однако они там отнюдь не занимают такого же места, как слова *la philosophie*, *les philosophes* во французском. Такая важная языковая форма дискуссии по поводу главных понятий эпохи, как называние их «истинными» либо «ложными», во французском языке получила вид противопоставления *la vraie philosophie* (истинная философия) — *la fausse philosophie* (ложная философия), а немецкой параллелью этой оппозиции является противопоставление *wahre Aufklärung* (истинное Просвещение) — *falsche Aufklärung* (ложное Просвещение)<sup>14</sup>. То есть семья однокоренных слов (*aufklären*, *Aufklärung* и так далее) в

<sup>13</sup> Bourel D. Moses Mendelssohn et l'«Aufklärung» // Dix-Huitième Siècle. 1978. Vol. 10. P. 13–21, за статьей следует выполненный Бурелем перевод текста Мендельсона (Ibid. P. 22–26).

<sup>14</sup> Schneiders W. Die Wahre Aufklärung...

лексико-морфологическом отношении придает немецкому понятийному полю моноцентрическую структуру, в то время как во французском языке оно благодаря разнокоренным терминам (*lumières*, *philosophie*, *éclairé* и так далее) имеет структуру полицентрическую. При этом инвариантное ядро значения этих названий обеспечивает однозначную эквивалентность обозначений эпохи — *siècle de lumières*, *siècle éclairé*, *siècle philosophe* или *siècle philosophique*.

Однако в немецком языке семья слов *Aufklären* / *Aufklärung* обладает не только общим семантическим ядром, но сверх него еще и морфосемантической общностью, которая придает ей дополнительный вес в качестве фактора лингво-понятийной концентрации. Дело в том, что взаимосвязь лексических единиц при одновременной семантической и морфологической общности, естественно, плотнее, чем при одном только семантическом совпадении. Таким образом, слову *Aufklärung* как отглагольному существительному динамика глагола *aufklären* передается гораздо интенсивнее, чем это возможно в отношении между глаголом *éclairer* и существительными *lumières* или *philosophie*.

Специфика различных лексических структур понятия «Просвещение» в немецком и во французском языках также становится заметной, если попытаться перевести на французский слова Иммануила Канта: «Если задать вопрос, живем ли мы теперь в просвещенный век, то ответ будет: нет, но мы живем в век просвещения»<sup>15</sup>. То есть речь идет о важном различии между «просвещенным веком» как результатом и «веком просвещения» как процессом<sup>16</sup>. Итак, во французских переводах данного текста «просвещенный век» (*aufgeklärtes Zeitalter*) без проблем передается словами *époque éclairée* или *siècle éclairé*. А для того, чтобы перевести «век просвещения» (*Zeitalter der Aufklä-*

---

<sup>15</sup> Мне удалось до сих пор обнаружить и просмотреть три французских перевода этого текста Канта. Все они называются «Qu'est-ce que les lumières?», см.: *Kant I. Ecrits politiques*. P., 1964. P. 187–196; *Idem. La philosophie de l'histoire / Introduction et traduction par J. Piobetta*. P., 1947. S. 83–92; *Idem. Œuvres philosophiques*. P., 1984. T. 2. P. 209–217. Рус. пер.: *Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение // Кант И. Сочинения: В 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 25–36, здесь с. 32.*

<sup>16</sup> Cp.: *Aufklärung als Prozeß / Hg. von R. Vierhaus. Hamburg, 1988.*

runge), французский переводчик не только использует слово *lumières*, имеющее совсем другой корень, но и вынужден добавлять к нему дополнительные слова, потому что в одиночку оно не передает того характера процессуальности, который имеет в виду Кант: «век просвещения» превращается во французском в *époque de propagation des lumières* (эпоха распространения познаний) или *siècle en marche vers les lumières* (век, идущий к познаниям); эти описательные конструкции выражают то, что по-немецки благодаря лексической структуре поля было сказано всего одним словом.

Откуда же взялась эта важная характеристика данного семантического поля в немецком — его моноцентрическая структура? Прежде чем мы станем искать объяснения в качественной разнице между немецким и французским Просвещением, необходимо сравнить соответствующую лексику этих двух языков на предмет того, способствует ли она моноцентрической организации поля или нет. Очевидно, условия в обоих языках были разные, и я полагаю, — принимая во внимание национальный характер Просвещения в той и в другой стране, — что разница эта была просто случайной. Из образующих центры французского лексического поля терминов *lumières*, *philosophie*, *éclairé* ни один не имел такого корня, который позволил бы образовать такой спектр производных обозначений, как это имело место в немецком (*aufklären* — просвещать, *aufgeklärt* — просвещенный, *Aufklärung* — Просвещение, *Aufklärer* — просветитель, просвещенец, *Aufgeklärtheit* — просвещенность как результат просвещения, и даже пейоративное *Aufklärerei* — просветительство). Всю публику можно было поделить на *Aufklärer* (просвещенец как сторонник Просвещения) и *Nichtaufklärer* (противник Просвещения)<sup>17</sup>. К тому же в немецком существуют весьма продуктивные возможности образования составных слов с этим корнем: *Aufklärungswesen* и *Volksaufklärung* (дело просвещения, народное просвещение); на французском эти значения нужно было бы передавать описательными конструкциями, равно как и *Nationalaufklärung*, *Staatsaufklärung*, *Völkeraufklärung* (национальное просвещение, государственное просвещение,

<sup>17</sup> Knobloch C. von. Taschenbuch für Aufklärer und Nichtaufklärer. Berlin, 1791.

просвещение народов)<sup>18</sup>. Этот ряд продолжается пейоративными обозначениями, употреблявшимися противной стороной: *Aufklärungs Narr*, *Aufklärungs Narrheit*, *Aufklärungssucht*, *aufklärungs-süchtig*, *Aufklärerbande*, *Aufklärerclique* (приблизительные значения: дурак-просвещенец, просвещенческая дурость, мания просвещения, маниакально стремящийся просвещать, банда просвещенцев, клика просвещенцев)<sup>19</sup>. С другой стороны, по образцу слова *Jakobinerjagd* (охота на якобинцев) возникает слово *Aufklärerjagd* (охота на просвещенцев)<sup>20</sup>.

Этот спектр дериватов (производных слов) сочетается с большим объемом значения корня слова, а отсюда — зачастую больший, чем у французских терминов, радиус синтаксических комбинационных возможностей. Так, например, существительное *Aufklärung* сочетается с большим количеством прилагательных, чем слова *lumières* и *philosophie*: в немецком возможны не только «истинное» и «ложное Просвещение», как во французском, но также и «политическое», «медицинское», «литературное», «религиозное», «интенсивное» и «экстенсивное Просвещение».

Одной из причин такой многосторонности явилось, возможно, то, что слова *aufklären* и *Aufklärung* были неологизмами и только во второй половине XVIII века получили распространение в качестве общепринятых обозначений. Поэтому в сравнении с французскими *lumières*, *philosophie*, *éclairer* им меньше мешали другие значения, не имевшие отношения к понятию Просвещения. Однозначность была возможна без дополнительных определений. Кроме того, в отличие от слов *aufklären* и *Aufklärung* в немецком, слова *lumières* и *éclairer* в своих конкретных значениях «свет», «освещать» входили в базовый лексический фонд французского языка и в этом качестве употреблялись очень часто и в разнообразных контекстах. Поэтому и

<sup>18</sup> См.: Voss J. Zur deutschen Aufklärungsdiskussion im späten 18. Jahrhundert // Innsbrucker Historische Studien. 7/8 (1985). S. 269.

<sup>19</sup> Весьма широкий спектр таких пейоративных названий содержится в антипросвещенческом тексте: Zimmermann J. G. Über die berlinische Aufklärungssynagoge und ihre Jesuitenriechei // Idem. Fragmente über Friedrich den Großen zur Geschichte seines Lebens. 3 Bde. Leipzig, 1790. Bd. 3. S. 252–327.

<sup>20</sup> Knigge A. von. Manifest einer nicht geheimen, sondern sehr öffentlichen Verbindung echter Freunde der Wahrheit // Idem. Der Traum des Herrn Brick. Berlin, 1799. S. 590.

в XVIII веке, и сегодня для придания им однозначной семантической функции — обозначения понятий, связанных с Просвещением, — требуются дополнительные контекстуальные средства.

Когда в 1983 году Международное общество изучения XVIII века (*Société Internationale d'Etude du Dix-Huitième Siècle*) заседало в аудиториях Брюссельского университета, участники заметили на дверях забавное объявление, которое демонстрировало различную лексическую ситуацию в связи со словами *Aufklärung* и *Lumières*: призывая экономить электричество, надпись гласила «Eteignez les lumières en quittant la salle!» («Гасите лампы, уходя из аудитории!»).

Будучи неологизмами, менее полисемантическими, чем французские эквиваленты, и к тому же являясь морфосемантически единой лексической группой, немецкие термины оказались в большей степени способны сделаться фактором кристаллизации понятий, связанных с «Просвещением», особенно начиная с 80-х годов XVIII века. Дошло даже до того, что было выдвинуто предложение «упразднить модное слово «Просвещение»»<sup>21</sup>.

Интересная для моей проблематики тема: осознавали ли люди уже в XVIII веке существование универсального, охватывающего разные нации и эпохи, а также лексически выраженного понятия «Просвещение»? Да, осознавали, причем дело было не в том, что французское Просвещение, претендовавшее на универсальность, бросало ответ на другие европейские страны, как это слышится еще в заглавии книги Л. Рео «Французская Европа в век Просвещения», вышедшей в Париже в 1938 году<sup>22</sup>.

Вполне осознавая национальную специфику, люди в XVIII веке при этом знали, что понятие «Просвещение» имеет общие черты в разных странах. С точки зрения французов, у немцев имелись тоже свои *lumières*. А когда в Германии говорили об *Aufklärung* во Франции, то это французское Просвещение удовлетворяло также и тому критерию, который получил рас-

<sup>21</sup> Bertuch F. J. Vorschlag, das Modewort Aufklärung abzuschaffen // *Journal des Luxus und der Moden*. Oktober 1792. S. 493–497; *Ibidem*. März. 1793. S. 175–188 (репринтное издание с послесловием З. Зайфепра — Weimar, 1997).

<sup>22</sup> Réau L. *L'Europe française au siècle des Lumières*. P., 1938.

пространение именно в Германии: оно служило обретению и распространению «четких понятий». Этот критерий эксплицитно охватывает различные, и даже взаимно противоположные, точки зрения, включая и такую форму критики религии, которая немцами была отвергнута. Французские авторы соответствующих произведений получают название *Aufklärer* (просветители), потому что они занимаются выработкой и распространением «четких понятий». Этого не отменяют и различия между Вольтером и Альбрехтом фон Галлером, из которых один является скорее «просветителем для человечества», а другой — скорее «просветителем для науки»<sup>23</sup>.

Универсальную концепцию Просвещения представляет, в частности, сочинение, вышедшее в свет после начала программной дискуссии по вопросу «Что такое просвещение?» и после публикации берлинским ученым Риваролой работы об универсальности французского языка. Сочинение это называется так: «К вопросу о том, выигрывает ли народ в отношении своего просвещения, если его язык становится всемирным языком?»<sup>24</sup>

«Просвещение» видится здесь как исторический процесс международного масштаба. Каждый народ «просвещен» в той мере, в какой в нем распространена интеллектуальная и практическая истина, однако нужно различать «интенсивное» и «экстенсивное просвещение». «Интенсивное просвещение» — это расширение знания выдающимися учеными, такими, как Бэкон и Ньютон; а «экстенсивное просвещение» — это распространение знания среди различных социальных групп, прежде всего среди высших сословий, но по возможности и среди низших слоев населения. При этом «интенсивное» и «экстенсивное просвещение» должны переплетаться и взаимно развивать друг друга. Если в некоем народе «интенсивное просвещение» переживает застой, то и «экстенсивное просвещение» также идет на убыль. Без определенного уровня развития «экстенсивного просвещения» не будет необходимой основы для

---

<sup>23</sup> Joerdens K. H. Lexikon deutscher Dichter und Prosaisten. Leipzig, 1806 ff. Bd. 2. S. 328; в этом месте Йорденс пересказывает жизнеописание барона фон Галлера, написанное Г.Д. Штефером.

<sup>24</sup> Büsch J. G. Über die Frage: Gewinnt ein Volk in Absicht auf seine Aufklärung dabei, wenn seine Sprache zur Universalsprache wird? Berlin, 1787.

работы тех личностей, которые добывают новые знания. Однако избыточный вес «экстенсивного просвещения» в народе вызывает стагнацию «интенсивного просвещения». Так, например, школа Вольфа выродилась в простое «экстенсивное просвещение», поскольку ее приверженцы лишь составляли бесчисленные комментарии к философии мэтра, вместо того чтобы производить исследования самостоятельно. Но вместе с тем никакой народ не развивает свое знание в одиночку: народы образуют сообщество, в котором недостаток просвещения в рамках одной нации может быть компенсирован международным обменом. Поэтому для развития просвещения народа решающее значение имеет его открытость по отношению к знаниям других народов. И вот именно вследствие всеобщего употребления своего собственного языка французы рискуют изолироваться от «интенсивного просвещения» других народов и в конце концов начать заниматься только «экстенсивным просвещением». Напротив, библиотечные собрания в немецких землях и многочисленные переводы иностранных авторов на немецкий язык демонстрируют неограниченную готовность немцев перенимать новые знания у других наций. Эти достижения немецкой науки рекомендуются другим народам в качестве интенсивного и экстенсивного просвещения, но вместе с тем это — еще одно выражение сознания того, что понятие «Просвещение» одновременно и универсально, и дифференцировано, и вообще все народы понимаются как носители и адресаты просвещения<sup>25</sup>.

Осознание универсальности понятия «Просвещение» явилось также предпосылкой для того, чтобы уже в XVIII веке произошло ретроспективное образование понятия: эпоха Возрождения или Реформация рассматривались в качестве подготовки или даже начала эпохи *lumières* и *Aufklärung* у европейских народов. Аделунг пишет, что «просвещенная культура» началась уже в Древней Греции, а в XVI веке наблюдается «полное просвещение» (*völlige Aufklärung*)<sup>26</sup>.

<sup>25</sup> Вышеизложенное является пересказом работы Бюша — *Büsch J. G. Über die Frage...*

<sup>26</sup> *Adelung J. Chr. Versuch einer Geschichte der Cultur des menschlichen Geschlechts. Leipzig, 1782, см. оглавление.*

Осознание исторической преемственности, идущей от Реформации к общеевропейскому Просвещению XVIII столетия, нашло наконец даже официальное выражение во Франции: в 1802 году Национальный институт объявил конкурс, предложив участникам ответить на вопрос: «Каково было влияние лютеровской Реформации на политическое положение разных европейских государств и на прогресс Просвещения?»<sup>27</sup> (*Quelle a été l'influence de la Réformation de Luther sur la situation politique des différents états de l'Europe et sur le progrès des lumières?*). Гердер в последние годы жизни намеревался написать ответ на этот вопрос и набросал план, в котором введение предварялось словами: «[...] состояние просвещения перед Реформацией требовало реформации»<sup>28</sup>. То есть и у Гердера так же, как и во французском оригинале, универсальное понятие Просвещения проецируется обратно на эпоху Реформации, и термин *Aufklärung* представляется здесь естественным переводом для слова *lumières*, использованного в исходной формулировке вопроса. Обширная область значений слова *Aufklärung*, по всей видимости, делала его употребление в качестве эквивалента французского *lumières* гораздо менее проблематичным по сравнению с переводом с немецкого на французский.

Еще одним аспектом сравнительной лексикологии понятия «Просвещение» является его динамика на протяжении XVIII столетия. Так, например, в ходе развития лексического и понятийного поля термины *Aufklärung* и другие термины, с ним связанные, стали означать не столько «личное знание», сколько главным образом «общественное знание»; сходный процесс объективации в то время претерпевало и понятие «наука»<sup>29</sup>: поначалу у немецкого слова *Wissenschaft* и французского *science* доминировало значение «личное знание», но на

<sup>27</sup> Villers K. Versuch über den Geist und den Einfluss der Reformation Luthers [...] / Übers. von K. F. Kramer. Hamburg, 1805. В третьем издании французского оригинала под названием — *Essai sur l'esprit et l'influence de la réformation de Luther* [...]. P., 1808, содержится в качестве приложения французский перевод цитируемого ниже текста Гердера.

<sup>28</sup> Herder J. G. Sämtliche Werke / Hg. von B. Suphan. Berlin, 1899. Bd. 32. S. 529. См. также предыдущее примечание.

<sup>29</sup> Об этой эволюции понятия «наука» см.: Ricken U. Gelehrter und Wissenschaft im Französischen. Berlin, 1961.



протяжении XVIII века оно уступило место значению «общественное знание», которое отражает возникшее осознание науки как объективации надличностной суммы знаний.

Примерно то же самое происходит и с понятием «Просвещение» в немецком и во французском языках. Важнейшим немецким словом периода раннего Просвещения было *Selbstdenken* (самостоятельное мышление), подчеркивавшее личное познание. Еще в 1760 году, когда вышел немецкий перевод работы Гельвеция «De l'Esprit» с предисловием Готтшеда, встречающееся в тексте французское понятие *lumières* передано немецким *Einsichten* (множественное число от: понимание, осознание), что соответствовало превалировавшему тогда значению этого слова: *les lumières des grandes* = *die Einsichten der Grossen* и даже *une nation sans lumières* = *eine Nation ohne Einsichten*<sup>30</sup>.

Таким образом, и в немецком, и во французском варианте еще выражен оттенок доминировавшего тогда значения — «личное знание»: и в немецком, и во французском языках слово *Aufklärung* / *lumière* было тогда синонимом слов *понимание, осознание*. Лексическими свидетельствами превращения просвещенческого знания в знание общественное были такие словосочетания, как *siècle des lumières, siècle éclairé, aufgeklärtes Zeitalter*. В конце концов, как констатировал И. Энгель, «просвещение той или иной эпохи — это сумма того, что [...] вообще все мыслящие мужи сказали более умного, основательного, понятного, по сравнению со своими предшественниками»<sup>31</sup>.

То есть и *Aufklärung*, и *lumières* определяются как производство и передача общественного знания в интересах общего блага, причем не только в рамках одной нации, но во всемирных масштабах. На начальном этапе немецкого Просвещения, когда у него еще не было «общего знаменателя», Вольф говорил, что свою миссию он видит в достижении счастья человеческого рода через достижение и передачу определенности познания. Поэтому он не без удовлетворения отмечал, что

<sup>30</sup> Helvétius C. A. De l'Esprit. P., 1758 (нем. пер.: *Idem. Discurs über den Geist des Menschen* / Mit einer Vorrede von Johann Christoph Gottsched. Leipzig, 1760; рус. пер.: Гельвеций К. А. Об уме // Он же. О человеке, его умственных способностях и его воспитании. М., 1938.

<sup>31</sup> Engel J. J. Der Philosoph für die Welt, цит. в: Joerdens K. H. Lexikon deutscher Dichter und Prosaisten... Bd. 1. S. 457.

один француз присвоил ему звание «professor generis humani»<sup>32</sup>.

До сих пор я говорил почти исключительно о центре понятийного поля, не упоминая о тех понятиях, которые образуют его периферию и в прояснении которых заключалась цель Просвещения. Ведь Просвещение происходило в первую очередь, конечно же, в виде дискуссии не о том, что есть «Просвещение» (*Aufklärung, lumières*), а о таких понятиях, как «народ», «право», «закон», «свобода», «правительство/правление», «авторитет/власть», «демократия», «аристократия», «диктатура», «собственность». Их прояснением занимался Руссо в своих трудах по теории общества, а два столетия спустя они вошли в состав «основных исторических понятий», которым был посвящен упомянутый выше одноименный труд. Французские их эквиваленты рассматриваются в уже упоминавшемся «Справочнике по основным социально-политическим понятиям во Франции 1680–1820 гг.». Именно на эти понятия, — а наряду с ними и многие другие, такие, как «разум», «природа», «естественное право», «человечность», «патриот», «терпимость», «предрассудок», «злоупотребление» и так далее, — была направлена та жажда познания, которая была впоследствии приведена к общему знаменателю понятия «Просвещение». Но это познание охватывало обширное понятийное поле и соответствующее ему по сложности поле лексическое, со множеством ответвлений, в своей совокупности участвовавших в концептуализации того, что и получило название «Просвещение».

Сложность этого понятийного поля и его лексических структур предусматривает наряду с универсальностью также и различия между языками и между различными авторами. Много обсуждавшийся начиная с 1784 года вопрос «Что такое Просвещение?» может служить исходной точкой для межкультурного сравнения, однако вызван он был различиями в точках зрения немецких авторов на этот предмет, то есть, помимо всего прочего, различными структурами лексического поля в немецком языке. Поэтому сравнительная лексикология истории понятий может работать не только с разными языками, но

---

<sup>32</sup> Wolff Chr. Ausführliche Nachricht von seinen eigenen Schriften, die er in deutscher Sprache von den verschiedenen Theilen der Weltweisheit herausgegeben [...]. Frankfurt a. M., 1733.

и с одним языком. Так, например, у Мендельсона «наука» — центральная составляющая «Просвещения». А у Иоганна Августа Эберхарда важнейшей составляющей понятия «Просвещение» является «вкус»<sup>33</sup>. Тут можно было говорить о разной лексической и понятийной парадигме поля. Для аналитической парадигмы Руссо характерно противопоставление *nature* — *société* (природа — общество), а также то негативное, то позитивное употребление слов *lumières*, *philosophie*, *science*, — с одной стороны, в порядке критики «философов», с другой стороны, как выражение собственных просветительских устремлений. А у Гельвеция просвещенческая критика общества представлена иной точкой зрения, для которой характерно противопоставление *éclairé* (просвещенного) и *philosophe* (философа) — *gens du monde* (людям света).

Таким образом, понятийные и лексические варианты поля «Просвещение» в пределах одного языка различаются совершенно иначе, чем между разными языками: не базовой лексической структурой центра поля, а теми особенностями, которые проявляются в различных конфигурациях используемой лексики. И в этом тоже отражаются сложность и динамика понятия «Просвещение», на которые сравнительная лексикология может обратить внимание истории понятий.

Перевод с немецкого Кирилла Левинсона

<sup>33</sup> Eberhardt J. A. Über die Zeichen der Aufklärung einer Nation. Halle, 1783.



# **ИСТОРИЯ ДИСКУРСА**



Жак Гийому

## ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЙ, ПРОВЕРЕННАЯ НА ОПЫТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

Значение истории концептов, связанной с «лингвистическим поворотом», в германском и англоязычном мире постоянно возрастало на протяжении последних 20 лет. До недавнего времени французские исследователи оставались скорее в стороне от этого «языкового» переопределения интеллектуальной истории. Это связано с тем, что во Франции существуют совершенно четкие ориентации изучения социально-политических понятий, особенно в области современной истории<sup>1</sup>, и, кроме того, нет согласия по вопросу о роли языка в формировании концептов. В свою очередь, концептуальная история политики, которой занимаются научные наследники Франсуа Фюре, особенно те, кто группируются вокруг Пьера Розаваллона<sup>2</sup> и журнала «Дебат» (*Le Débat*), изучает формирование и эволюцию политических рациональностей на базе описания систем представлений, которые эти рациональности структурируют. В данном случае история языковых представлений является всего лишь аспектом истории представлений общества о самом себе и, стало быть, не имеет особого методологического значения. Напротив, история дискурса и социальная история политики, начало которым положили соответственно Режи́н Робен<sup>3</sup> и Морис Турнье<sup>4</sup>, — (благодаря презентации их

---

<sup>1</sup> См.: Noiriol G. Qu'est-ce que l'histoire contemporaine? Paris, 1998.

<sup>2</sup> См.: Rosanvallon P. Le sacre du citoyen. Paris, 1992; *Idem*. Le peuple introuvable. Paris, 1998.

<sup>3</sup> См.: Robin R. Histoire et linguistique. Paris, 1971.

<sup>4</sup> См.: Tournier M. Des mots en politique. Paris, 1997.

достижений в журнале «Слова» (*Mots*) эти направления получили широкое признание), — позволили нам связать анализ дискурса на историческом материале с «лингвистическим поворотом»<sup>5</sup>, при этом не создав большого количества конкурентов. В самом деле, в силу того значения, которое придается лингвистическим и лексико-метрическим методологиям, мы, занимаясь анализом исторической лексикологии и дискурса, иногда испытываем трудности, стремясь придать языковым практикам социальный статус, даже если при этом не выходим за пределы соображений о дискурсивных стратегиях и не сосредотачиваемся на фактах социальной этимологии. Наконец, существует социальная история понятийного языка<sup>6</sup>, еще мало распространенная, но ее представители в сотрудничестве с журналом «Генезис» (*Genèses*) пытаются показать, что анализы дискурса и истории представлений могут быть объединены в перспективе изучения социальной истории.

Таким образом, тенденции к сближению, еще мало ощутимые для многих французских исследователей, в течение нескольких последних лет обрисовываются все четче, и происходит это благодаря эволюции в направлении «лингвистического поворота», понемногу затронувшей множество европейских историков, стремящихся найти консенсус в изучении истории социально-политических понятий. Недавние конференции в Лондоне (июнь 1998 года), затем в Париже (октябрь 1999-го), в которых участвовал ряд членов общества «История понятий» (*History of concepts*), располагающего своим информационным бюллетенем, издаваемым в Амстердаме, и журналом «Финский ежегодник политической мысли» (*The Finnish Yearbook of Political Thought*), — самое очевидное тому подтверждение.

Итак, следует проанализировать то, что стоит за такого рода встречами, при этом обращая внимание на специфику совсем недавней ориентации французских лингвистов на изучение лингвистических событий. На этом основании мы должны сначала уточнить, как мы определяем и понимаем историю понятий в сравнении с уже предложенными интерпрета-

---

<sup>5</sup> См.: *Guillemot J.* A propos de l'analyse de discours: les historiens et le «tournant linguistique» // *Langage et Société*. 1993. № 65. P. 5–38.

<sup>6</sup> См.: *Noiriel G.* Socio-histoire d'un concept. Les usages du mot «nationalité» au XIX siècle // *Genèses*. 1995. № 20. P. 4–23.



циями и в сравнении с имеющимися в нашем распоряжении все еще малочисленными переводами.

С нашей точки зрения, речь идет об области исследований, представители которой интересуются историческим контекстом создания смысла основных понятий социально-политического словаря, при этом не сводя его к простым лексикологическим выкладкам, рассматривая эти концепты сквозь призму их многочисленных семантических отношений и — шире — в недрах социальных языковых взаимодействий. История понятий, таким образом, учитывает применение специфического языка в специфической ситуации, внутри которой формируются понятия.

В настоящее время в этой области господствуют два течения:

I. Первое течение существует в Германии, оно связано с именем Райнхарта Козеллека и направлением истории понятий. Несколько трудов этого исключительно важного автора были переведены на французский язык<sup>7</sup>. Этот всемирно признанный исследователь, являясь интеллектуальным главой успешно завершеного обширного проекта «Основные исторические понятия. Исторический словарь социополитического языка в Германии» (*Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialer Sprache in Deutschland*), в сотрудничестве с Отто Бруннером и Вернером Конце, разработал специфическую методологию, историческую семантику понятий, впоследствии сделавшуюся чрезвычайно разнообразной<sup>8</sup>.

Принимая в расчет интеллектуальные ресурсы «великих авторов», их мыслительный кругозор и те сферы, в которых работали вдохновляемые их исторические субъекты, Р. Козеллек обращает особое внимание на изменения политического и социального языка в период 1750–1850 годов, в так называемое «Переломное время» (*Sattelzeit*). Создание неологизмов, новых выражений, политизация концептов, темпорализация истории, закрепление в ходе истории права концептов на суще-

---

<sup>7</sup> См.: Koselleck R. *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt, 1979.

<sup>8</sup> См.: Bodeker H.E. *Concept — Meaning — Discourse, Begriffsgeschichte Reconsidered // History of Concepts: Comparative Perspectives / Ed. by I. Hampsher-Monk, K. Tilmans, F. van Vree. Amsterdam, 1998. P. 51–64, 251–254.*

ствование, реализация ожиданий в отдельных экспериментах пад концептами и так далее — все эти процессы пересекаются друг с другом в течение этого периода фундаментальных изменений и придают ему характер длительного перелома, на который и обращено внимание в данном *словарном проекте*.

Однако отсутствие апализа печатных серий (журналов, памфлетов, автобиографий и так далее) и ограничение лингвистического анализа сферой «семантической истории» должны были побудить близких Козеллеку исследователей предложить новую, постоянно разрабатываемую, словарную анкету — «Справочник основных социально-политических понятий во Франции 1680—1821 гг.» (*Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich, 1680—1820*), пополняемый под руководством Ганса-Юргена Люзебрюнка, Рольфа Райхардта и Эберхарда Шмита. В настоящее время особое внимание они обращают на прагматическую и культурную историю понятий, ведя постоянный диалог<sup>9</sup> с французскими направлениями исследований, такими, как история ментальностей (Мишель Вовель), история знания и представлений (Роже Шартье), анализ дискурса на материале истории (Жак Гийому, Режи́н Робен) и политическая лексикометрия (Морис Турнье). Мы также участвуем в этом обширном мероприятии<sup>10</sup>, методологические цели которого разделяем.

Наконец, *Справочник* ставит вопрос об уместности выбора «лексического формата»: в какой мере с помощью алфавитного списка можно создать конфигурацию словарного запаса социально-политического языка в определенный момент? На самом деле, выбор более короткого периода, XIX века во Франции, периода, для которого в высшей степени характерен дискурсивный разрыв с прошлым, позволяет лучше нацелиться на определенный исторический момент и семантический фонд его памяти. Тем самым этот труд оказывается дополнением к монографической работе, как об этом свидетельствует образ-

---

<sup>9</sup> См.: Reichardt R. Historische Semantik zwischen lexicométrie und New Cultural History // *Aufklärung und Historische Semantik* / Hg. von R. Reichardt. Berlin, 1998. P. 7—28.

<sup>10</sup> См.: Guilaumou J. Substances (pain, bled(s), grains) // *Handbuch politischer-sozialer Grundbegriffe in Frankreich (1680—1820)* / Hg. von R. Reichardt, H.J. Lüsebrink. 1999. Vol. 19/20. P. 149—200.

цовое исследование Ганса-Юргена Люзебринка и Рольфа Райхардта о взятии Бастилии<sup>11</sup>. Каждый выпуск *Справочника* посвящен анализу нескольких лексических единиц, между ними нет алфавитного порядка, но отдельные единицы расположены на видимой границе, за которой понятия включаются в общую концептуальную схему, очерченную феноменом революции.

II. Двигаясь от «Словаря» Козеллека к монографии Люзебринка и Райхардта, мы незаметно выходим на просторы второго главного течения истории концептов, «Кембриджской школы», представленной именами Джона Г.А. Покока и Квентина Скиннера. Таким образом, мы сталкиваемся с историей дискурсивных практик, и ее почти исключительный интерес к текстам великих авторов не запятнает методологическую новизну этого подхода. В самом деле, речь идет о том, чтобы в каждом исследовании показать, как рассматриваемые авторы не ограничиваются тем, что в специфической ситуации создают определенные понятия, но в процессе письма они контекстуализируют сам процесс аргументации при помощи речевых актов: таким образом, они действуют, то есть говорят нечто в перформативном смысле. Так, Скиннер<sup>12</sup> представляет труд Гоббса не через статическое изложение совокупности абстрактных концептов, но описывает гоббсовские категории как цепь аргументов, которые приводятся в движение благодаря контексту. Итак, развивая рефлексию Остина и Витгенштейна, Скиннер, исходя из тщательного описания риторического, культурного и политического контекста, анализирует значение этих категорий как речевых актов. Таким образом, он усиливает значение ряда аргументов, использованных самим Гоббсом для того, чтобы, изучая английские дебаты XVII века, вновь привести в движение тот или иной элемент контекста, в частности стилистический. Однако контекстуализм Скиннера недопустимо смешивать с лингвистическим конвенционализмом Покока, который имеет склонность представлять сферу политического действия в виде языковой метафоры<sup>13</sup>. Так, «макиавеллиевский

<sup>11</sup> См.: Lüsebrink H.J., Reichardt R. Die Bastille. Zur Symbolgeschichte von Herrschaft und Freiheit. Frankfurt am Main, 1990.

<sup>12</sup> См.: Skinner Q. Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes. Cambridge, 1996.

<sup>13</sup> См.: Pocock J.G.A. Politics, Language and Time. New York, 1971.

фактор»<sup>14</sup> идентифицируется им на основе некоторых концептуальных словарей, оставленных нам современниками Ренессанса. В итоге речь идет о том, чтобы, изучая историю флорентийского республиканизма, посмотреть, как модель гражданского идеала личности переводится на язык гражданского гуманизма — парадигмы, действующей в течение почти двух веков.

Другие национальные проекты также вписываются в область концептуальной истории, в частности голландские<sup>15</sup> и финские исследования<sup>16</sup>. В случае с голландским проектом акцент делается на концептуальном движении, связанном с пропагандой национального языка в Нидерландах во второй половине XVI века. Эту эпоху можно назвать, так сказать, предпереломным временем, если принять во внимание его хронологию по отношению к столь любимому немецкими исследователями периоду 1750—1850-х. Если говорить на языке хронологии, то концептуальный анализ как нельзя ближе подходит к моменту возникновения флорентийского гражданского гуманизма, значение которого было подчеркнуто Пококом. При этом в этих исследованиях, в целом следующих работам Козеллека, подчеркивается, — особенно в работах Мартина Ван Гелдерна<sup>17</sup>, — семантический радикализм в использовании новых понятий, особенно характерный для эпохи подъема социальных движений в Нидерландах.

\* \* \*

Мы уже сказали, что Франция, где не существует таких четко оформленных течений, занимающихся историей понятий, как в Англии и Германии, не может претендовать на сходное место на карте европейских исследований в данной области. Однако начиная с 1970-х годов, благодаря богатому опыту ла-

---

<sup>14</sup> См.: *Idem*. The Machiavellian Moment. Princeton, 1975.

<sup>15</sup> History of Concepts: Comparative Perspectives / Ed. by I. Hampsher-Monk, K. Tilmans, F. van Vree. Amsterdam, 1988.

<sup>16</sup> См.: *Pulkkinen T.* One language, one mind. The Nationalist Tradition in Finnish Political Culture // Europe's Northern Frontier. Perspective on Finland's Western Identity // Ed. by T.M.S. Lehtonen. Porvoo, 1999. P. 118—137.

<sup>17</sup> См.: *Geldern M. van*. The Political Thought of the Dutch Revolt (1555—1590). Cambridge, 1992.

боратории политической лексикологии Высшей Нормальной Школы Сен-Клу, приобщившись к исследованиям по анализу исторического дискурса<sup>18</sup>, во Франции возникает направление «*лингвистической истории концептуальных словоупотреблений*». Основные черты этого поиска мы бы хотели здесь обрисовать. Прежде всего уточним, что само выражение «лингвистическая история», мало используемое французами, вошло в нашу речь в результате плодотворного диалога с Райнхартом Козеллеком<sup>19</sup> и оказалось действительно необходимым для проведения различия между языковыми и социальными реалиями<sup>20</sup>.

К области истории понятий принадлежат два французских проекта, один из которых вытекает из другого.

1) Самый амбициозный из этих двух проектов соответствует «тематическому прототипу» «Исторического словаря социально-политического языка»; но в область рассмотрения попадает в данном случае весь современный период. Основные установки для этого проекта создал коллективный труд «Неравенство/а» под редакцией Пьера Фала<sup>21</sup>. Данное исследование является результатом работы целого ряда отделений уже упомянутой лаборатории политической лексикологии. Это исследования, охватывающие период XVIII–XX веков и использующие банк данных Национального института французского языка и хранилища текстов самой лаборатории. В данном случае речь идет о работе над корпусом текстов, об описании различных способов выражения значений в разнообразных типах дискурсов и отчасти об использовании количественного подхода, соответствующего лексико-метрическим методам лексического и дискурсивного анализа.

Диахронное исследование целого корпуса текстов учитывает очень широкий диапазон и разнообразную природу социально-политического дискурса, имеющего отношение к языковым

---

<sup>18</sup> См.: *Guillemou J., Mالدидье D., Robin R.* Discours et archive. Liège, 1994.

<sup>19</sup> См.: *Koselleck R.* Probleme der Relationsbestimmung der Texte zur revolutionären Wirklichkeit // Die Französische Revolution als Bruch des gesellschaftlichen Bewusstseins / Hg. von R. Koselleck, R. Reichardt. München, 1988. S. 664–666 и *Guillemou J.* Die Reflexibilität des sozialen Bewusstseins: von den Archiven zum Bergiff // Ibidem. S. 666–668.

<sup>20</sup> См.: *Koselleck R.* L'expérience de l'histoire. Paris, 1997. P. 101–120.

<sup>21</sup> См.: *Inégalité/s. Usages lexicaux et variations discursives (18-ième – 20-ième siècles)* / Éd. par P. Fiala. Paris, 1999.

практикам, запечатленным как в архивах и в периодической печати, так и в текстах известных авторов, не говоря уже о современных продуктах медиакommunikации. С другой стороны, французские исследователи, изучая концептуальную историю политики, указывают, исходя из общих соображений о языке, на недостаточное внимание к анализу лингвистических характеристик лексики, морфологических и семантических вариаций слов. Таким образом, мы можем говорить об опыте диахронного описания какого-то отдельного термина (и его морфологической группы), употребляемого в современном политическом дискурсе, — в данном случае об исследовании термина «неравенство».

Как бы то ни было, десяток исследований авторских вариантов, видоизменений и разновидностей использования этого термина остаются попытками изолированного описания и более того — не учитывают более широкий контекст. Таким образом, перед нами отдельный, ограниченный проект, но это проект, разработанный, по крайней мере, по тематическому прототипу. Интерес такого проекта для нас заключается главным образом в том, что он представляет достаточно сложный спектр методов лингвистического и дискурсивного анализа политических текстов. Задача создания «Контекстуального словаря», который бы связал дискурсивный анализ понятий (анализ разнообразия форм их выражения и языковых практик, описание их свойств и их исторических вариаций) с лексической систематизацией словарного подхода, остается в данном случае пока нереализованной.

2) Второй проект, связанный с 200-летним юбилеем Французской революции, касается более узкого хронологического периода, зато он был реализован в целой серии публикаций. Речь идет о «Словаре социально-политических словоупотреблений французского языка (1770–1815 гг.)», созданном по инициативе исследовательской группы «XVIII век и французская революция». Этим проектом мы сейчас руководим вместе с Раймундом Моннье и Мари-Франс Пиге; наши исследования публикуются в серии «Сен-Клу», возглавляемой Анни Жоффруа. Шесть выпусков уже опубликованы, а два еще находятся в печати. Первый том появился в 1985 году, в тот момент, когда увидел свет и первый том «Справочника основных социаль-

но-политических понятий во Франции 1680–1821 гг.», тем не менее мы не ставили себе цели соперничать с этим обширным немецким мероприятием.

Будучи плодом сотрудничества между историками, лексикологами и лингвистами, наш «Словарь» уделяет преимущественное внимание сравнению и интерпретации различных способов выражения в определенных контекстах. Обращаясь, в частности, к историкам революционного периода, мы не ограничиваемся «лексическим форматом», то есть отказываемся от всякой априорной номенклатуры в пользу возможно более разнообразного подхода к изучению языковых практик. Тем самым мы оказываемся в области языковой истории понятий, или, иначе, — в области истории понятий, пережившей «лингвистический поворот».

Вот почему перспектива исследования, обрисованная в этом проекте, открывается рефлексией вокруг того, что мы называем *лингвистической историей концептуальных словоупотреблений*.

Прежде всего, соглашаясь с немецкими исследователями, устремления которых направлены к изучению исторической семантики, исторической прагматики текста и исторической социолингвистики (Козеллек, Райхардт, Люзебринк, Шлибен-Ланге), мы, опираясь на герменевтическую точку зрения, считаем анализ языковых условий появления тех или иных дискурсивных форм предпочтительным путем к постижению их исторического содержания. В категориях анализа дискурса мы можем говорить о том, что определенное концептуальное высказывание, однажды включенное в определенную дискурсивную конфигурацию и таким образом зафиксированное в архиве, описывается через конкретизацию различных способов употребления в том пространстве, рамки которого очерчивают контекст, источники и темы социально-политического дискурса. Лингвистическая история концептуальных словоупотреблений, таким образом, оказывается прагматической историей, прагматической в той мере, в какой она, как в случае со Скиннером, придает большое значение речевым актам, придающим перформативное измерение социально-политическим понятиям.

Однако, переходя от одного выпуска «Словаря социально-политических словоупотреблений» к следующему, мы, читая

архивы и обращаясь к данным банка и более разработанной языковой проблематике, эволюционируем от почти исключительного внимания к определяющим и/или основополагающим терминам революционного дискурса, возникающим в конкретных исторических контекстах, к обнаружению более разнообразных дискурсивных конфигураций и, в конце концов, ставим собственно языковые вопросы, относящиеся к истории понятий, в частности вопросы о злоупотреблении и манипулятивной власти слов.

Фактически эти восемь выпусков — последние два сейчас в стадии подготовки — могут быть сгруппированы в три группы.

Два тома (I том 1985 года и I том 1989 года), вполне в духе классической традиции, посвящены ряду социально-политических понятий («санкюлоты», «аристократы», «анархисты»), совершенно обычных для революционного дискурса, но подверженных резким изменениям и реинтерпретациям, — при этом они помещены в совершенно определенный дискурсивный контекст. В данном случае мы остаемся в пределах истористской традиции Фердинанда Брюно и его знаменитой «Истории французского языка» (1967). Таким образом, социально-политические обозначения затрагивают в высшей степени неоднородные в семантическом плане лексические средства, но сами по себе действенность и выразительность этих обозначений позволяют достаточно точно определить контекст и условия их возникновения. Здесь мы находимся в самой надежной области политической лексикологии.

Два следующих тома (III том, 1998-й, и V том, 1991-й) посвящены лингвистическому инструментарию, главным образом анализу различных словарей и в целом лингвистическому сознанию эпохи. Представленные здесь разыскания, чрезвычайно разнообразные по своей методологии, вписываются в более обширную область истории идей и лингвистических теорий<sup>22</sup>. Эти работы — эхо разнообразных монографических исследований, в частности в области изучения языкового взаимодействия<sup>23</sup>. Так, авторы пятого выпуска, озаглавленного «Язык,

---

<sup>22</sup> См.: *Histoire des idées linguistiques*. 2 vol. / Ed. par S. Auroux. Liège, 1989–1992.

<sup>23</sup> См.: *Balibar R. L'institution du français. Essai sur le colinguisme des Carolingiens à la République*. Paris, 1981.



провансальский язык, способы выражения», под руководством Филиппа Гарди исследуют примеры использования провансальского языка в ситуациях сосуществования двух языков. Здесь понятие способа выражения сталкивается с проблемой лингвистической нормативности эпохи, в которой политическая идентичность порождает идентичность языковую. Таким образом, мы эволюционируем во времени и пространстве национального языка, формирующегося в лоне разнообразных лингвистических событий, которые мы при первом подходе определяем как часть лингвистической рефлексии эпохи революционных событий.

Четыре последних тома, два из которых уже появились (II, 1987, и VI, 1999), охватывают долгий путь нашей эволюции от классического изучения понятий-концептов до изучения прагматического аспекта употребления понятий. В этот период (1992–1998) публикации нашего словарного проекта были приостановлены — то было время синтеза и рефлексии по поводу публикации выступлений на коллоквиуме, посвященном языку революции<sup>24</sup>, и первого «Опыта синтеза языков французской революции» применительно к периоду 1789–1791 годов<sup>25</sup>.

Что касается понятий-концептов, то речь шла о том, чтобы по случаю 200-летнего юбилея французской революции, обратившись к архивным источникам и их дискурсивному контексту, восстановить возникающие в самой гуще революционных событий концептуальные значения постоянно цитируемых, но очень плохо известных в своей языковой реальности понятий, — то есть реконструировать их дискурсивную эволюцию. Выбор лексической серии «террор», «республика», «свобода», «тирания» и так далее не удивителен, тем не менее эти конститутивные понятия «нового порядка вещей» постигаются в настоящее время скорее с точки зрения их дискурсивного происхождения, чем с точки зрения произведенного ими теоретического резонанса.

---

<sup>24</sup> См.: *Geffroy A., Arnold N., Dougnac F., Guilaumou J. Langages de la Revolution (1770–1815). Paris, 1995.*

<sup>25</sup> *Guilaumou J. L'avènement des portes-parole de la Republique (1789–1791). Essai de synthese sur les langages de la Revolution française. Lille, 1998.*

Поскольку в силу разнообразия лингвистических форм (производные существительные, названия-категории, субстантивированные определения и так далее) мы не можем ориентироваться на собственно синтаксический метод, то подобный дискурсивный подход к понятиям революционного дискурса, изучаемым в динамике развития контекста, должен был в конце концов подвести нас к изучению истории концептов.

Так, два тома, посвященные прагматике понятий, — первый из них уже опубликован (VI, 1999), — позволяют охарактеризовать дискурсивную область понятий, которая функционирует в тесной взаимосвязи с определенными предметами и реалиями. Мы вновь обнаруживаем понятия («человечество», «закон», «гармония»), унаследованные от традиции Просвещения, но разнообразные нюансы этих понятий, проявляющиеся в конкретном языковом событии, придают им практическое измерение, которое можно определить лишь на основе сохранившихся текстов и их источников. Таким образом, мы вступаем в область рациональности действия, «надлежащего действия» в социологическом смысле<sup>26</sup>. Будучи не только способом выражения фактов, не только эффектом признания определенных правил, практические понятия помещают нас в центр сложных экспериментальных схем, в контекст постепенной эволюции от конкретного к абстрактному, но также и в поле напряжения между горизонтом всеобщности и частными эмпирическими причинами. Эти понятия развиваются из дискурсивных конфигураций, описываемых главным образом через их архетипическую связь со значением понятия, подразумеваемым в данном контексте, то есть со смыслом, извлеченным из объектов и обстоятельств, включенных в развитие действия. Так, одна лишь эволюция слова не раскрывает концептуального содержания семантического поля понятия — при таком анализе необходимо учесть разнообразие словоупотреблений, рассматриваемых в одних и тех же обстоятельствах, близких одному и тому же объекту и, стало быть, присутствующих в действиях, описываемых с помощью данного понятия. Здесь нет ярко выраженного внимания к самому «надлежащему действию», — в данном

---

<sup>26</sup> См.: *Thévenot L. L'action qui convient. Les formes de l'action. Semantique et sociologiem // Raisons pratiques. 1990. Vol. I. P. 39–69.*

случае мы приближаемся главным образом к исторической семантике. Во втором томе, посвященном практическим понятиям, мы отважились на исследование, — разумеется, основанное на архивных источниках, — различных контекстов концептуальных словоупотреблений посредством изучения опыта, процессов и перспектив, свидетельствующих о сложности языкового пути, по которому развиваются понятия. Используя близкий этнометодологии подход<sup>27</sup>, но расширив его за счет анализа не только повседневного дискурса, но дискурса социально-политического, мы отныне располагаем возможностью описывать, каким образом понятия создают взаимные конфигурации, наделяющие их смыслом и структурирующие, помимо прочего, опыт и ожидания действующих лиц, к которым использование этих практических понятий имеет непосредственное отношение.

Теперь о теоретических понятиях, которые будут представлены в следующем, седьмом выпуске. В данном случае речь идет о новых, формирующихся в XVIII веке словоупотреблениях в области гуманитарных наук и о том, как с введением нового понятия возникает новый и стабильный референт, делающий более понятной новую реальность. Однако выявить мобилизуемый новой наукой словарь, например связанный со словом «класс» и с появившейся вместе с ним «экономической наукой» физиократов<sup>28</sup>, идентифицировать ее дискурсивную историю, в частности лингвистические события, которые придают ей специфический характер, и осветить таким образом лингвистические причины возникновения этой науки — все это оказывается не столь простым делом.

Если, также с точки зрения этнометодологии, допустить, что именно их собственные ресурсы позволяют ученым обозначить то или иное теоретическое событие, то критерии, позволяющие оценить это событие как открытие, относятся к языковому порядку<sup>29</sup>. Тогда оригинальность научного открытия

---

<sup>27</sup> См.: *Widmer J. Langage et action politique. Aspects philosophiques et sémiotiques du langage dans la perspective de l'ethnométhodologie. Fribourg (Suisse), 1986.*

<sup>28</sup> См.: *Piquet M.-F. Classe. Histoire du mot et genèse du concept des Physiocrates aux Historiens de la Restauration. Lyon, 1996.*

<sup>29</sup> См.: *Brannigan A. The social basis of scientific discoveries. Cambridge, 1981.*

оказывается эффектом цепочки понятийных речевых актов, признанным как сообществом ученых, так и за его пределами. Методы освещения события зависят в данном случае от социальных критериев его восприятия и понимания, а это, в свою очередь, определяется суждением людей, отраженным в их легитимирующем признании этого события как открытия. Эти критерии, созданные обществом, которое определяет данное событие как открытие, являются не чем иным, как семиотическими процессами социального признания. В такой перспективе исследование словарных форм, отражающих изобретение наук о человеке, принимает совсем другое измерение: это исследование, как оказывается, становится важным для того, чтобы сделать понятным само изобретение социальных наук<sup>30</sup>.

В конечном счете финалом развития понятийного оказывается момент, когда истинность понятия-концепта подтверждается в конкретной ситуации обмена ресурсов, позволяющих сделать его понятным. Участие наблюдателей, зрителей и действующих лиц в процессе создания того или иного понятия и подтверждения его относительной ценности приводит к тому, что общество начинает разделять ответственность за то или иное словоупотребление, — и, стало быть, нам необходимо осветить социальные аспекты этого процесса. Вопрос о семиотическом контроле «злоупотребления словами» становится, таким образом, настоящей ставкой данной методологии.

\* \* \*

«Злоупотребление словами» как методологический критерий в области выражения понятий сразу же отсылает нас к проблеме соотношения реальности и дискурса. Впрочем, это один из редких случаев, когда во время colloquium в Билефельде (1985) на тему «Французская революция как прорыв в общественном сознании»<sup>31</sup> между Райнхартом Козеллеком и нами возникла дискуссия, которую Козеллек должен был углу-

---

<sup>30</sup> См.: *Piguet M.-F. Quesnay, Le langage et «le langage de la science économiques» // Histoire/Epistémologie/Langage. 1999. Vol. 31. Fasc. 2. P. 123–148.*

<sup>31</sup> *Die Französische Revolution als Bruch des gesellschaftlichen Bewußtseins // Hg. von Reinhart Koselleck, Rolf Reichardt. München, 1988.*

бить впоследствии в своем исследовании «Социальная история и история понятий»<sup>32</sup>.

В это время, когда историки стремились минимизировать значение современных историографических интерпретаций Французской революции, мы ратовали, — по правде говоря, под влиянием Гадамера<sup>33</sup>, — за «сильную» герменевтическую позицию под видом общего анализа дискурсов. В области интерпретации текстов эта позиция в то время рассматривалась как крайняя, особенно когда мы утверждали, что контекст является одним из ресурсов текста. Тогда Козеллек предостерегал нас от опасностей пантекстуализма: с одной стороны, существует опасность зайти в тупик относительно когнитивного статуса понятий, способствующего их научному познанию; с другой — еще более серьезная опасность отрицания эмпирической связи между реальностью и дискурсом, опасность односторонней констатации общей перформативности дискурсов. С того времени, проявляя большую чувствительность к референтному измерению языкового события, мы естественно признаем существование реальности вне дискурса, при этом сохраняя, в качестве творческих наследников Мишеля Фуко, приверженность к герменевтической позиции относительно высказываний (*énoncés*)<sup>34</sup>. Более того, Козеллек сам уточняет, что утверждение о различии между реальностью и языком исходит из констатации разрыва между совершающейся теперь историей и условиями, в которых могут раскрыться языковые возможности: «История не совершается без слов, но она никогда не совпадает со словами и не сводится к ним»<sup>35</sup>. Иными словами, это также означает, что знание условий раскрытия языковых возможностей необходимо для того, чтобы получить доступ к историческому знанию, но при этом одно знание не сводится к другому. Таким образом, необходимо описывать языковые условия формирования реальности, для того чтобы восстановить ее интеллигибельность. Точно так же Скиннер, будучи убежденным контекстуалистом, подчеркивает реальность контекста, тщательным образом описывает эту реальность, но показывает в рамках той же аргументации, что этот контекст

<sup>32</sup> См.: *Koselleck R. L'expérience de l'histoire. Paris, 1997.*

<sup>33</sup> См.: *Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Tübingen, 1960.*

<sup>34</sup> См.: *Foucault M. L'archéologie du savoir. Paris, 1969.*

<sup>35</sup> См.: *Koselleck R. L'expérience de l'histoire. Paris, 1997.*

на самом деле может быть понят лишь в процессе своего воплощения в текстуальных аргументах. Большую часть своего уже упомянутого исследования о Гоббсе<sup>36</sup> Скиннер посвящает характеристике контекста возникновения «гражданской науки» в творчестве этого автора, а точнее, переработке риторической культуры гражданского гуманизма Ренессанса английской мыслью XVII века. Затем он интересуется процессом риторического переописывания, исходя из подобной контекстуальной базы, — этот процесс фиксируется им в изменении стиля и аргументативной стратегии Гоббса. Итак, Скиннер выявляет риторические эффекты, способные сделать более убедительными новые аргументы «гражданской науки», то есть способствовать в какой-то мере борьбе против «злоупотребления словами». Таким образом, приняв во внимание риторический контекст, можно не только повысить значение рациональных истин благодаря введению правил словоупотребления внутри гражданской общности, но также ориентировать читателя на активную позицию наблюдателя, направить его, используя риторическую силу аргументов, на путь общественных добродетелей, — то есть против моральной порчи языка.

Наконец, история понятий допускает существование тенденций к сопротивлению по отношению ко всякой чисто текстуальной, даже функциональной, интерпретации действительности. Но речь идет о тенденциях, которые всегда могут обсуждаться авторами, действующими лицами, ораторами и зрителями, располагающими языковыми возможностями, разнообразными интерпретативными ресурсами, достаточными для того, чтобы понимать реальность. Таким образом, выявляется общее стремление различных течений истории понятий, включая лингвистическую историю концептуальных способов выражения, сохранить эмпирическую связь между конкретным действием и дискурсом. Тогда становится понятным, как включить историю понятий в область эмпирического языка, в ту область, где разрабатываются идеальные в социологическом смысле<sup>37</sup> или когнитивные с точки зрения семиотики

---

<sup>36</sup> Skinner Q. Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes. Cambridge, 1996.

<sup>37</sup> См.: Cefaи D. Type, typicalité, typification. La perspective phénoménologique. L'enquête sur les catégories // Raisons pratiques. 1994. Vol. 5. P. 105–128; Schnaуper D. La compréhension sociologique. Paris, 1999.

типы<sup>38</sup>, и, таким образом, не сводить эту область к простому соединению истории идей и изучения понятийных значений. Именно в этой сфере может возникнуть важное, с нашей точки зрения, понятие лингвистического события, краткий, но более точный, чем при первой формулировке, очерк которого мы здесь даем<sup>39</sup>.

Однажды установив, что реальность структурируется благодаря языку, и структурируется в качестве реальности пространства/времени человеческой коммуникации, мы можем рассмотреть основную модальность событийности, ее лингвистическую действительность. Зная о неизбежном существовании эмпирического языка, мы будем иметь в виду, что речь с эмпирической точки зрения сначала существует в виде специфических событий, но что она обретает свою стабильность в процессе отождествления этих событий внутри системы, задающей язык, общий для тех, кто им пользуется. *Что-то* существует, *кто-то* говорит внутри события, которое первоначально «лишено смысла», но этот *кто-то* судит о принадлежности другого к какой-то языковой общности. В данном случае событийность — это то, что делает возможным креативность языкового акта, при условии что то, что первоначально говорится, обладает своей логикой событийности, своеобразие которой заключается в постоянном обновлении и не исчерпывается прагматической стороной действия.

Таким образом, мы обращаем внимание на когнитивные элементы внутри какого-то континуума, в котором события фиксируются в их особо значимых моментах. Эти подлинные смыслопорождающие элементы образуют столько же промежуточных схем между данными эмпирического языка и категориями абстрактного языка. Будучи схемами в кантианском смысле, они обеспечивают когнитивный статус события и обуславливают его роль в процессе приращения знаний в той мере, в какой они создают правила, принципы и образцы применения абстрактных категорий к конкретике чувственной интуиции. Они определяют пространственно-временные отноше-

---

<sup>38</sup> См.: Eco U. Kant e l'ornitorinco. Milano, 1997.

<sup>39</sup> См.: Guilaumou J. Vers une histoire des événements linguistiques. Un nouveau protocole d'accord entre l'historien et linguiste // Histoire/Epistémologie/Langage. 1996. Vol. 18. Fasc. 2. P. 103–126.

ния, позволяющие концептуализировать опытно переживаемую действительность в качестве фрагмента континуума. Они могут быть также отождествлены в деятельности когнитивных субъектов и в наличии когнитивных объектов внутри лингвистических событий.

Итак, наш подход с точки зрения событийности в языке зависит, если выйти за пределы принципа имманентной радикальности эмпирического языка, от *онтологии референтности* — в том смысле, в каком акты референции, создающие языковое событие, являются в той же мере актами идентификации и признания высказываний (*énoncés*), которые сообщают им дискурсивное содержание.

Таким образом, лингвистическое событие располагается в пространстве/времени, создающем акты языка, а последние направляют развитие дискурсивного события, в котором оно материализуется тремя различными, но связанными друг с другом способами:

1. через посредство субъектов, располагающих собственно лингвистическими возможностями, — это те, кого мы называем когнитивными субъектами;
2. через посредство лингвистических объектов, в частности в контексте создания новой и новейшей грамматики, — с помощью лингвистических инструментов, таких, как Словари и Граматики;
3. благодаря разнообразию суждений, раскрывающихся в определенных способах выражения и адекватных переводу с эмпирического языка на абстрактный; суждений, обобщающих языковые факты, которые можно сгруппировать под общим названием «языковое сознание».

Подобная трехчастная классификация, конечно, удобна, но не содержит ничего определенного. Она лишь уточняет, какой конкретный языковой материал присутствует в лингвистическом событии. Она может зафиксировать в состоянии сверхязыка<sup>40</sup> динамику, присущую лингвистическому событию, динамику того *что-то* или *кто-то*, порождающих смысл, благодаря которому мир являет себя в разнообразных событиях.

---

<sup>40</sup> См.: Auroux S. La raison, le langage et les norms. Paris, 1998.



В целом соответствующее содержанию языка, лингвистическое событие возникает в особых точках непрерывного потока, оно временно конкретизируется в состоянии сверхъязыка, не утрачивая тем не менее свою собственную динамику. Регулируя возможности дискурсивного универсума, лингвистическое событие, создавая основные идеи из материала эмпирического языка, сопротивляется всякой «структуралистской» попытке описать язык как объект самостоятельного познания, то есть вне его исторического формирования, происходящего в процессе движения от конкретного к абстрактному, от частного к общему, от особенностей чувственного к общности категоризации.

Теперь важно описать подобную динамику событий, происходящих с референтом, создающим языковые данные, в эмпирическом и историческом планах. XVIII век во Франции с этой точки зрения представляет большой интерес — этот пример может выполнять роль методологической модели в области семиотического контроля «злоупотребления словами», если обратиться к характеристике специфических лингвистических событий<sup>41</sup>.

Привлекая пример Франции, мы в полной мере вступаем в сферу языка (французского) как «общего литературного языка», а затем «языка национального» в процессе его развития от эмпирического языка к «языку абстрактному». Конечно, французский язык достаточно рано был признан языком государственным, во всяком случае с момента основания Ришелье в 1653 году Французской академии. Но сам процесс введения общего литературного языка как некоего референтного корпуса «Французского Языка», а затем процесс перевода его в разряд «языка политического» происходит на протяжении всего XVIII века, от одного лингвистического события к другому. Путь, который предстояло пройти, был очень длинным. Он охватывает период от первого издания «Словаря Академии» (1694), сначала озаглавленного «Словарь французского языка», его изучили Андре Колино и Франсин Мазьер (1997) — вплоть

---

<sup>41</sup> См.: *Guillemot J. L'histoire des événements linguistiques de «La Langue Française» au XVIII-ème siècle // La Norme lexicale / Éd par Siuoffi G., Steuckard A. Montpellier, 2001. P. 157–176.*

до попытки создать «Истинно философский Словарь нашего языка» во время Французской революции<sup>42</sup>, причем в этот процесс были попеременно вовлечены разные фигуры<sup>43</sup>. Чрезвычайно фрагментарно описывая течение этих событий, мы желаем показать, что речь идет не только о том, чтобы зафиксировать моменты отчетливого волеизъявления людей эпохи Просвещения, желающих сделать словоупотребление рациональным и в этих целях стремящихся найти адекватное, основанное на точной аналогии, соответствие между словами и вещами, — для нас прежде всего важно уточнить, каковы эти *что-то* (Французский Язык) и *кто-то* (субъекты языка), которые могут позволить достичь такого соответствия путем введения в поток человеческой коммуникации устойчивых языковых норм.

\* \* \*

Как и Рольф Райхардт в своем представлении «Справочника» (выпуск I, 1985 год), мы полагаем, что дебаты о «злоупотреблении словами» во французском языке XVIII века — это та оптимальная точка зрения, с которой возможно начать проблемное изучение использования понятий и связанных с ними противоречий. Однако к этому сюжету следует прибавить характеристику лингвистических событий, создающих такое поле наблюдения над общим литературным языком в социальном контексте культуры эпохи Просвещения.

В самом начале, несмотря на то что идеал ясности французского языка возникает достаточно рано, проблема идентификации французского языка с «общим литературным языком» исходит из формулировки монолингвистического «Словаря», первого издания «Словаря Академии» (1694 год). Этот «Словарь» положил начало процессу созидания «французского языка». В данном случае, лингвистическое событие исходит из

<sup>42</sup> См.: *Dougnac F., Busse W.* François-Urbain Domergue. Le grammairien patriote (1745–1810). Tübingen, 1995; *Guillemou J.* L'avènement des portes-parole de la République (1789–1791).

<sup>43</sup> См.: *Auroux S.* Le sujet de la langue: la conception politique de la langue dans l'Ancien Régime et la Révolution // *Les Idéologues. Sémiotique, théories et politiques linguistiques pendant la Révolution française* / Éd. par W. Busse, J. Trabant. Amsterdam, 1986. P. 259–278.

предназначения «Французского Языка» — корпуса знаний и предписаний относительно языка, соответствующих, как считается, дискурсивному выражению тела короля. Таким образом, королевское слово, появляющееся в подношении «Словаря» королю («Вы говорите о нем, и он говорит о Вас»), становится неким топосом адекватности французского языка языку общему, за пределами всякой идеи о лингвистической диктатуре. В самом деле, принцип общего языка для королевства заставляет себя признать благодаря процедуре отождествления языка короля с «правильной речью», даже если сама фигура короля и является самым мощным гарантом ее правильности.

Таким образом, намечается движение от «языка ограниченного», языка двора, к «языку расширенному», языку буржуазии, постепенно получившему распространение среди публики. Употребление его не просто регулируется «оборотами речи самой здоровой части двора» (Вожела). «Тиран языков», он в своей власти превосходит правителей на правах «общего литературного языка», который отныне наполняется конкретным содержанием в ходе дискурсивных событий, нормированных «языком разума», изменяющимся параллельно процессу обогащения различными знаниями и практиками. Религиозная власть, представленная в данном случае «Словарем Треву», также должна учитывать неоднородность «общего литературного языка». Таким образом, присутствие семантики, отсылающей к римской католической догматике, в том или ином термине может проявлять себя лишь в постоянном диалоге с мнениями тех, кто не согласен с божественным словом, которое больше не навязывается исходя из универсальных понятий, а значит, больше не отсылает к единому божественному порядку<sup>44</sup>.

Однако внимание к секуляризованному способу выражения не приводит к автоматическому введению «языка разума», отвечающего общественному признанию разума в публичной буржуазной сфере, — этот язык в большей степени оказывается

---

<sup>44</sup> См.: Wionet Ch. Du colinguisme dans le Dictionnaire Universel dite de Tre-voux // *Langage et Société*. 1998. № 83–84. P. 97–112.

лишь идеальным типом<sup>45</sup>. Академия, главный судья языка, не может помешать быстрому росту, начиная с 1730-х годов, «новых непрозрачных дискурсов», в которых слова и вещи никак не связаны между собой, а, значит, утрачивают свой смысл. Таким образом, именно «злоупотребление словами» определяет преобладание того или иного способа выражения. В обществе растет число насмешливых маленьких мэтров: они с большим успехом применяют неологизмы, удаляясь, таким образом, от высшего идеала прозрачной ясности французского языка. «Речь, изобилующая двусмысленностями», доведенная до бурлескного жанра, тогда очень модного, утверждается благодаря «дерзкому соединению слов»<sup>46</sup>.

Перед лицом такой ситуации элита эпохи Просвещения осознает необходимость точно описать как политический субъект языка<sup>47</sup>, так и семиотическую природу человеческого опыта, контроль над которым она призвана осуществлять. Эти попытки регуляризации способов выражения во французском языке осуществляются в два дополняющих друг друга приема.

В первую очередь, философам-грамматикам надлежало установить необходимую связь между используемыми понятиями и аналогиями. Энциклопедисты исходят из идеи о произвольности знака, чтобы показать, что какое-то слово может стать знаком идеи в результате простого употребления в речи<sup>48</sup>. Это внимание к произвольности в языке, к симптомам их несовершенства влечет за собой гипотезу о языке как о простом переводе — язык ничего не прибавляет к мысли, а значит, правильное обращение с аналогией позволяет убедиться в верности мысли. В соответствии с аналитическим методом, систематизированным Кондильяком, «хорошо выстроенный язык» может существовать лишь при условии соблюдения соответствия между способом выражения, значимым в силу преобладания опыта, и аналогией.

---

<sup>45</sup> См.: *Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Einleitung.* Frankfurt am Main, 1990.

<sup>46</sup> См.: *Bourguinat E. Le siècle du persiflage (1734–1789).* Paris, 1998.

<sup>47</sup> См.: *Auroux S. Le sujet de la langue: la conception politique de la langue dans l'Ancien Régime et la Révolution // Les Idéologues. Sémiotique, théories et politiques linguistiques pendant la Révolution française / Éd. par W. Busse, J. Trabant.* Amsterdam, 1986.

<sup>48</sup> См.: *Auroux S. La sémiotique des Encyclopédistes.* Paris, 1979.

Наконец, уточним, что подобное стремление к семиотическому контролю со стороны человеческого опыта<sup>49</sup> опирается на идею эмпирической связи между дискурсом и реальностью. Единственным средством против злоупотребления слов оказывается, исходя из провозглашенной эмпириками (от Локка до Юма) идеи креативности языка, способность помыслить адекватность слов и идей исходя из рефлексивной и креативной работы над общим литературным языком, то есть размышлений о его ценности как обыденного языка и его связях с intersubъективным измерением здравого смысла.

Во-вторых, менее известным, но широко вовлеченным в это критическое движение авторам, например Ферро с его «Критическим словарем»<sup>50</sup>, надлежало проявлять интерес к «умению хорошо говорить» в публичной сфере. В данном случае речь идет о том, чтобы по-прежнему, исходя из эмпирической рефлексии, предложить способы семиотического контроля над гражданским обществом. Таким образом, мы вступаем в сферу социальной коммуникации, в сферу практического порядка, в область коммуникативного консенсуса. В данном случае размышления о злоупотреблении и власти слов необязательно сводятся к поиску соответствия слов реалиям, возникающего благодаря игре аналогий. Референтные и выразительные функции языка не смешиваются; однако при этом выявляются функциональные возможности высказывания. Новый наблюдатель за языком обнаруживается в самых недрах языковых практик в силу критической позиции по отношению к существующей манере высказывания, и он желает судить о ложном и истинном при помощи практических средств, расширение сферы которых приводит к непосредственному участию в социальном движении, например во время Французской революции. Таким образом, возникают дискуссии о возможности обратиться сначала к разумной риторике, в полном соответствии со «свойством вещей», затем к практической элоквенции, избегая невыгодных ситуаций, создаваемых действующим вхолостую

---

<sup>49</sup> См.: *Formigari L. Signs, Science and Politics. Philosophies of Language in Europe 1700–1830. Amsterdam, 1993.*

<sup>50</sup> См.: *Branca S. La construction de la norme lexicographique à la fin du XVIII<sup>e</sup> siècle: Féruad le médiateur // La genèse de la norme / Archives et documents de la SHESL, Paris VII. 1995. № 11. P. 157–176.*

талантом, наконец, к моделям аргументации, в которых используются конкретные обстоятельства.

Из лингвистических событий Французской революции<sup>51</sup>, увеличивающихся в числе благодаря формированию демократического публичного пространства<sup>52</sup>, вспомним первое из них, несомненно наиболее зрелищное, — изобретение термина «Национальное собрание» в 1789 году аббатом Сийесом — главным персонажем того времени, «патриотическим писателем» и к тому же создателем «нового политического языка»<sup>53</sup>.

6 мая 1789 года депутаты третьего сословия на заседании Генеральных Штатов отказываются от принципа раздельного собрания сословий, продиктованного королем. Они на английский лад называют себя «депутатами коммун». В течение последующих недель циркулируют различные другие обозначения, в частности «Генеральная Ассамблея», «Ассамблея Генеральных Штатов», «Национальная Ассамблея». 15 июня депутат Сийес предлагает название «Ассамблеи известных и проверенных депутатов французской Нации». 16 июня проект его резолюции в пользу упрощенного выражения — «Национальная Ассамблея», — которое было предложено уже другим депутатом, был принят. Это выражение приобретает в этот момент принципиально перформативное измерение в качестве субъекта декларации могущества французской нации. Таким образом, благодаря трансформации, в которой участвуют два языка — с одной стороны, французские слова, уже закрепившиеся в застывшей конструкции «Национальное собрание», и английские и латинские слова «House of Commons», «Communis» — с другой<sup>54</sup>, — Сийес создает имя собственное для главного французского представительного учреждения. Рассказ о событиях, происшедших на ассамблее 15, 16 и 17 июня, в центре которых было исключительное явление взаимодействия языков, позво-

---

<sup>51</sup> *Guillaume J. Sprache und Politik in der Französischen Revolution. Vom Ereignis zur Sprache des Volks (1789 bis 1794).* Frankfurt am Main, 1989.

<sup>52</sup> См.: *Monnier R. L'espace public démocratique. Essai sur l'opinion à Paris de la Révolution au Directoire.* Paris, 1994.

<sup>53</sup> *Guillaume J. Sieyès et l'invention de la langue politique moderne.* Paris, в печати.

<sup>54</sup> См.: *Balibar R. L'institution du français. Essai sur le colinguisme des Carolingiens à la République.* Paris, 1985.

ляет, таким образом, понять, как корпус представителей французской нации впервые в истории Франции начал деятельность по созданию учреждений.

Обозначение центрального элемента представительной политической системы и «нового политического языка» выражением «Национальная Ассамблея» является результатом опосредованного поиска точного когнитивного субъекта, его собственной референтной динамики, эффективности его суждений, способных формулировать новые аргументы политической науки. Оно связывает воедино целую серию событий, произошедших на Ассамблее. Но что касается эмпирического содержания, то это обозначение зависит от обширной конфигурации высказываний, характерных для рождения «целого нации» (Сийес), как это происходило в движении от одного языкового события ассамблеи к другому. Таким образом, онтологическое предшествование лингвистического события событию дискурсивному, его способность изменять спектр возможного в языке не предопределяет конкретные варианты дискурсивного события. Эмпирическое знание о значении создания «Национальной Ассамблеи» как лингвистического события, первого в создании «национального языка», обуславливает, таким образом, необходимость самого обширного описания дискурсивных событий, которые вводят нас в новую дискурсивную динамику работы ассамблеи. Но здесь речь идет уже о другой области исследования, которую мы часто рассматривали в наших работах, в том числе в самых последних<sup>55</sup>.

Закончим наблюдением о том, что лингвистическое событие эволюционирует главным образом в сфере *наименования*. Таким образом, его характеристика противоречит мнению, согласно которому невозможно обнаружить особый, отсылающий к событию термин в высказываниях, где в качестве подлежащего выступает имя собственное<sup>56</sup>. В самом деле, лингвистическое событие имеет отношение как к появлению имени собственного когнитивного субъекта (Сийес, «патриотический писатель»), так и к изобретению абстрактного названия «Сло-

<sup>55</sup> См.: *Guillemot J.* L'avènement des portes-parole de la République (1789–1791). Essai de synthèse sur les langages de la Révolution française. Lille, 1998.

<sup>56</sup> См.: *Davidson D.* Essays on Actions and Events. Oxford, 1980.

варя» («Словарь французского языка»), являющегося главным образом лингвистическим инструментом, или к созданию понятия, ставшего общим термином политического языка («Национальная Ассамблея»). Оно, таким образом, часто актуализируется в синтагмах, пущенных в ход как наименования, — например, в XVIII веке в процессе эволюции от «французского языка» к «национальному языку» или во время Французской революции, когда лингвистическое событие воплощается в создании эффективной на протяжении 1789 года связи между учреждением «Национальной Ассамблеи» и «взятием Бастилии».

В более широком смысле, лингвистическое событие подразумевает приоритет изобретения общего литературного языка: от фиксации с конца XVIII века, его номенклатуры, в первых монолингвистических словарях «французского языка», до публичного и общепринятого обучения ему под вывеской «национального языка» во время Французской революции. Будучи динамичным фактором времени/пространства взаимного понимания и коммуникации между индивидами, лингвистическое событие играет существенную роль в процессе создания общепринятых лингвистических норм, которые дают возможность признавать дискурсивные смыслы, определяющие формирование французской нации. Здесь также идет речь об огромных усилиях, направленных на перевод слов с различных языков в интерлингвистической перспективе создания публичного пространства, в рамках которого проявляется свобода демократического способа общения. Понятие коллингвизма (взаимодействия языков)<sup>57</sup> позволяет, таким образом, рассматривать франко-латино-английскую коммуникацию как источник соответствия между лингвистической, национальной и политической идентичностями.

Наконец, мы задаемся вопросом о том, в какой мере эта «французская модель» семиотического обращения с феноменом злоупотребления словами, — Французская революция, — несмотря на всю свою сложность, взятая в качестве примера<sup>58</sup>,

<sup>57</sup> См.: *Balibar R. Le colinguisme. Paris, 1993.*

<sup>58</sup> См.: *Schlieben-Lange B. Idéologie, révolution et uniformité de la langue. Liège, 1996.*



предпочтительна как образец лингвистической рефлексии о противоречиях слов и их неправильного употребления в истории понятий. В самом деле, эта модель раскрывается в лингвистическом пространстве, постоянно контролируемом, но всегда диалогичном, причем раскрывается двумя способами, на основе которых договариваются о манере описания эмпирического и исторического характера понятий:

— первый способ касается усвоения знания социально-политических понятий в словарных рамках лексического формата, при этом опорой служит присущая этим понятиям неоднородность их употребления;

— второй способ ближе к описанию понятий по рубрикам в соответствии с различными аргументационными и риторическими планами и ориентирован скорее на монографические лексикографические расследования о публичном использовании слов-понятий, по образцу недавних диссертаций Марка Дельпласа<sup>59</sup> о понятии «анархия» и Софии Ваниш<sup>60</sup> о понятии «чужак».

*Перевод с французского Светланы Луцицкой*

---

<sup>59</sup> См.: *Deleplace M.* L'Anarchie de Mably et Proudhon (1750–1780). Histoire d'une appropriation polémique. Lyon, 2001.

<sup>60</sup> См.: *Wahnich S.* L'étranger, paradoxe de l'universel. Analyse du discours politique révolutionnaire sur l'étranger de la Fédération à Thermidor. Thèse pour le doctorat d'Etat. Université de Paris I. Dir. M. Vovelle (1994) (*Wahnich S.* L'impossible citoyen. L'étranger dans le discours de la Révolution française. Paris, 1997).

Марк Бивир

## РОЛЬ КОНТЕКСТОВ В ПОНИМАНИИ И ОБЪЯСНЕНИИ

«**Н**а протяжении последнего десятилетия, — писал Джон А. Покок в 1972 году, — ученые, исследующие системы политической мысли, пережили в своей дисциплине такие радикальные изменения, которые грозят ей полным перерождением»<sup>1</sup>. Спустя примерно двадцать лет Николас Филлипсон и Квентин Скиннер опубликовали сборник статей в честь Покока<sup>2</sup>. В предисловии к этому изданию они отметили, что «ныне совершенно очевиден революционный характер процессов 1960-х гг., когда наши подходы к истории политической теории претерпели такие значительные изменения», и «еще более очевиден тот факт, что Джон Покок сам был одним из наиболее активных и выдающихся из этих революционеров»<sup>3</sup>. Только скромность не позволила им добавить, что и сам Скиннер был как минимум столь же выдающимся революционером.

Покок и Скиннер начали революцию в Кембриджском университете, где Покок был сотрудником (College Fellow), а Скиннер ныне является профессором истории (Regis Professor of History), до этого проработав много лет профессором политологии (Professor of Political Science). Сегодня Кембриджская школа, возможно, наиболее значительная школа изучения ис-

---

<sup>1</sup> Pocock J.G.A. Languages and their Implications: The Transformation of the Study of Political Thought // Pocock J.G.A. Politics, Language and Time. London, 1972. P. 3.

<sup>2</sup> Основные положения, излагаемые далее, были представлены ранее в: Bevir M. The Logic of the History of Ideas. Cambridge, 1999.

<sup>3</sup> Phillipson N., Skinner Q. Preface // Political Discourse in Early Modern Britain / Ed. by N. Phillipson, Q. Skinner, Cambridge, 1993. P. xii.

тории идей в англо-американском мире. Связанная с нею революция привела к смещению акцента исследования в сторону лингвистического контекста высказываний или текстов. Покок и Скиннер дали теоретическое обоснование перемещения этого акцента, выдвигая доказательства в пользу подхода, согласно которому ученые не в состоянии верно ухватить суть высказывания, иначе как делая это изнутри контекста соответствующего дискурса или полемики. Многие ученые применили этот лингвистический контекстуализм, в частности, при изучении политической теории раннего Нового времени, а также истории идей в более широком смысле. Ричард Так, один из первых аспирантов Скиннера и специалист по политической мысли раннего Нового времени, недавно покинул Кембридж, чтобы занять должность профессора в Гарвардском университете<sup>4</sup>. Гарет Стедмэн Джоунс, ныне профессор политологии в Кембридже, основываясь на подходе Покока, трансформировал изучение современной социальной и рабочей истории Британии<sup>5</sup>. Стефан Коллини, чья диссертация была неслучайной попыткой использования метода Скиннера, ныне сотрудник факультета английского языка в Кембридже<sup>6</sup>. И этот список можно было бы продолжить, упомянув также более молодых талантливых ученых, сейчас утверждающихся в Кембридже, включая Аннабел Бретт и Дэйвида Рансимэна<sup>7</sup>.

В то время как Кембридж остается центром деятельности лингвистических контекстуалистов, их влияние простирается гораздо шире. В известной мере, кембриджские ученые распространили свое революционное влияние, сменив место работы, включая Така, переехавшего в Гарвард, Энтони Пэгдена — отправившегося в университет Джона Хопкинса, и более молодых ученых, таких, как Дэйвид Эрмитэйдж, — занявшего место в Колумбийском университете<sup>8</sup>. Кембриджские ученые так-

---

<sup>4</sup> См.: *Tuck R. Natural Rights Theories. Their Origin and Development.* Cambridge, 1979.

<sup>5</sup> См.: *Jones G.S. Languages of Class: Studies in English Working Class History, 1832–1982.* Cambridge, 1983.

<sup>6</sup> См.: *Collini S. Liberalism and Sociology: L. T. Hobhouse and Political Argument in England, 1880–1914.* Cambridge, 1979.

<sup>7</sup> См.: *Brett A. Liberty, Right and Nature.* Cambridge, 1997.

<sup>8</sup> См.: *Pagden A. Lords of All the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France.* New Haven, 1995; *Milton and Republicanism* / Ed. by D. Armitage, A. Himy, Q. Skinner. Cambridge, 1995.

же руководили работой аспирантов в других учреждениях. Во время пребывания в Европейском университете во Флоренции Скиннер курировал диссертации Мартина Ван Гельдерена, ныне профессора университета Суссекса, и Маурицио Вироли, который позже провел некоторое время в Кембридже, прежде чем принять место в Принстонском университете<sup>9</sup>.

Однако важнее то, как лингвистический контекстуализм привлек к себе внимание и утвердился среди коллег, не имевших личных связей с Кембриджем. В 1988 году Скиннер, совместно с Раймондом Гессом, инициировал издание «Кембриджских текстов по истории политической мысли» (Cambridge Texts in the History of Political Thought), серии, включающей в себя публикации классических текстов. Эта серия раздвинула традиционные рамки подобных изданий, опубликовав многие менее известные тексты, некоторые из которых впервые были переведены на современный английский язык. По прошествии десяти лет серия насчитывает более сотни томов, разошедшихся по всему миру тиражом более 500 000 экземпляров. При этом только небольшая часть текстов этого издания была приготовлена под редакцией ученых из Кембриджа. Кроме того, Скиннер принял участие и в основании серии научных монографий, публикуемой издательством Кембриджского университета (Cambridge University Press) под общим названием «Идеи в контексте» (Ideas in Context). Эта серия на сегодняшний день включает в себя более сорока исследований, и вновь — лишь меньшая часть из них написана учеными из Кембриджа.

Идеи в контексте — это и есть суть подхода, отстаиваемого Кембриджской школой. Чтобы понять высказывание, нам необходимо поместить его в соответствующий языковой или идейный контекст. Кто-то может подумать, что этот принцип самоочевиден, но, бесспорно, именно он привнес революционные изменения в изучение истории идей в англо-американском мире. Также можно подумать, что этот принцип однозначен, однако он способен наполняться различным содержанием. В целом я с симпатией отношусь к революции, произведенной

---

<sup>9</sup> См.: Gelderen M. van. The Political Thought of the Dutch Revolt, 1555 — 1590. Cambridge, 1992; Viroli M. Jean-Jacques Rousseau and the Well-ordered Society. Cambridge, 1988.

Кембриджской школой. Она пробудила неподдельный интерес к историчности текстов, тогда как прежде англо-американские подходы к политической мысли, как правило, были чрезмерно аналитическими и недостаточно историчными<sup>10</sup>. «Обращайте внимание на языковой или идейный контекст высказываний» — полезная эвристическая максима, которая помогла стимулировать появление на свет ряда прекрасных исторических исследований, обеспечив возможность развития новых, ценных в научном отношении взглядов. Тем не менее Покок и Скиннер наполняют принцип контекстуализма содержанием, которое я считаю ошибочным. Таким образом, я надеюсь внести вклад в переориентацию контекстуализма; переориентацию, которая позволит нам понять ценность выводов Кембриджской школы. При этом мы пока оставим придиричность в вопросе о том, каким образом следует получать знание о прошлом.

## Контекстуализм и конвенционализм

Прежде чем говорить о достоинствах лингвистического контекстуализма, нам необходимо ясно понять, что утверждают Покок и Скиннер. Здесь я хочу подчеркнуть, что контекстуализм — не монолитная доктрина. Существуют явные различия между контекстуалистами, вдохновленными Пококом и утверждающими, что смысл текста вытекает из парадигмы или языка (*langue*), которому он принадлежит; а также конвенционалистами, вдохновленными Скиннером, настаивающими на том, что для понимания текста мы должны поместить его в контекст современных ему условностей и споров. При этом контекстуалисты отрицают значимость личности автора на основании того, что смысл определяют языковые парадигмы; а конвенционалисты полагают, что смыслы содержат в себе авторские интенции, хотя авторы и должны выражать свои

---

<sup>10</sup> Самое знаменитое методологическое эссе Скиннера, хотя и преднамеренно им полемически заостренное, высвечивает внеисторическую сущность подходов тех, для научной борьбы с кем он и создавал свой контекстуализм. См.: *Skinner Q. Meaning and Understanding in the History of Ideas // Meaning and Context. Quentin Skinner and his Critics / Ed. by J. Tully. Cambridge, 1988. P. 29–67.*

намерения конвенционально (то есть опосредовано той или иной парадигмой). Следовательно, в то время как контекстуалисты стремятся поместить тексты в языковые парадигмы, понимаемые как дискурсы, составленные из других высказываний и вмещающие в себя схожие посылки, конвенционалисты сосредотачивают внимание на полемике, состоящей из других высказываний на схожие темы.

Хотя рецензенты часто игнорируют различия между контекстуалистами и конвенционалистами, сами главные теоретики отчетливо сознают существующую между ними разницу. Например, Покок, критикуя конвенционалистов, следующим образом возражает против перемещения акцента с исследования дискурса на анализ намерений автора текста: «Возражение, о котором мы ведем речь, ... касается не только того, могут ли намерения существовать прежде, чем они проявятся в тексте, но и того, можно ли говорить об их наличии вне языка, на котором создается текст. Автор существует в исторически обусловленном мире, который постижим лишь на путях, предоставляемых рядом исторически данных языков; способы выражения, доступные ему [автору], обуславливают интенции, которые он может иметь, предоставляя ему возможные средства для их воплощения»<sup>11</sup>.

Аналогично Скиннер нападает на контекстуалистов за их подчеркнутое внимание к дискурсам, в ущерб индивидуальным авторским интенциям: «Если считать, что тот упор, который Гринлиф делает на традиции или Покок — на языки, и есть методология, то возникает по крайней мере два затруднения. Существует опасность того, что, если мы просто сосредоточимся на отношениях между словарным запасом, используемым данным автором, и традициями, которые могли проявиться в используемом им словарном запасе, мы можем оказаться невосприимчивы к фрагментам, содержащим иронию, иносказание и тому подобное, и нам может показаться, что автор говорит в них что-то другое, нежели то, что он имел в виду. Однако главная опасность заключается в том, что, концентрируя внимание лишь на языке данного автора, мы можем оказаться

---

<sup>11</sup> Pocock J.G.A. *State of the Art* // Pocock J.G.A. *Virtue and History*. Cambridge, 1985. P. 4–5.

перед угрозой включения его в совершенно иную интеллектуальную традицию и, таким образом, перед угрозой ложного понимания всего смысла его политических трудов»<sup>12</sup>.

Таким образом, имеет смысл посмотреть более пристально на разницу в подходах, отстаиваемых Пококом и Скиннером.

Покок отвергает интенционалистские взгляды на историческое смысловое содержание текстов на основании того, что смысл высказывания проистекает из его принадлежности к парадигмам или языкам (*languages*)<sup>13</sup>. Он убежден, что смыслы, доступные авторам, зависят от образов мышления, письма или речи, которые существуют в их сообществах. Авторы не могут выходить за пределы социально заданных структур, и потому то, что они могут сказать, зависит от теоретических структур, к которым им предоставляют доступ их сообщества. Иногда Покок позволяет авторам прокрадываться на историческую сцену, но лишь для того, чтобы затем свести их роль к роли рупора парадигм, задающих концептуальные рамки писания текстов. Покок настаивает на том, что, даже если авторы остаются действующими лицами истории, единицами исторического анализа должны признаваться теоретические и лингвистические структуры, поскольку эти структуры определяют то, что авторы могут сказать. Языки функционируют «парадигматично, предписывая, что он [автор] мог бы сказать и как бы он мог это сказать»: они «обуславливают интенции, которые может иметь автор, предоставляя ему возможные средства для их воплощения»<sup>14</sup>. Из этого со всей очевидностью вытекает, что языки определяют как содержание, так и форму. Они определяют идеи или смыслы, которые мы выражаем посредством слов, подобно значениям самих слов, которые мы используем. Справедливости ради следует заметить, что иногда Покок, как кажется, встает на другую позицию: он настаивает

---

<sup>12</sup> Skinner Q. Problems in the Analysis of Political Thought // Meaning and Context. P. 106.

<sup>13</sup> См.: Pocock J.G.A. The History of Political Thought: A Methodological Enquiry // Philosophy, Politics and Society, second series / Ed. by P. Laslett, W. Runciman. Oxford, 1962. P. 183–202; Pocock J.G.A. Languages and their Implications; Pocock J.G.A. State of the Art.

<sup>14</sup> Pocock J.G.A. Languages and their Implications. P. 25; Pocock J.G.A. State of the Art. P. 5.

на том, что тексты имеют множественные значения, и потому предполагает, что язык не может полностью предопределять авторские намерения. Тем не менее он все же явно приписывает открытую, множественную природу смысла текста не способности авторов творчески использовать язык для выражения своих собственных идей, а тому факту, что любой лингвистический контекст обычно включает в себя несколько языков, каждый из которых придает тексту особый смысл. Как он объясняет, «чем сложнее, даже противоречивее лингвистический контекст, в который помещен автор, тем богаче и неоднозначнее становятся речевые акты, которые он оказывается способен совершать»<sup>15</sup>.

Скиннер утверждает, что смыслы текстов исходят от авторов, выражающих свои намерения в соответствии с устоявшимися условностями (*conventions*) в подходах к вопросам, о которых в них идет речь. Точнее, Скиннер утверждает, что для того, чтобы понять высказывание, мы должны ухватить и явный, и скрытый смысл; явный смысл вкладывается в него разумом и отношением автора, а скрытый смысл исходит от устоявшихся условностей, которые определяют то, как автор создавал текст. Здесь Скиннер ставит знак равенства между скрытым смыслом, каким он виделся автору, и реальным скрытым смыслом. Он отождествляет то, что автор намеревался выразить своим высказыванием, с тем, что он выразил на самом деле под давлением доминирующего набора устоявшихся условностей. Иногда, как кажется, у Скиннера нет никаких оснований так поступать. Например, в наиболее известной декларации своей позиции он просто говорит: поскольку «сущностной задачей при любой попытке понять сами высказывания должно быть вскрытие сложного намерения автора», постольку «соответствующая методология изучения истории идей должна быть в состоянии, прежде всего, разграничивать целый круг сообщений, которые могли бы быть переданы в соответствии с условностями в виде определенных высказываний, а затем проследивать связи между данным высказыванием и этим более широким лингвистическим контекстом, что явилось бы способом раскрытия истинных намерений данно-

---

<sup>15</sup> Pocock J.G.A. Languages and their Implications. P. 25; Pocock J.G.A. State of the Art. P. 5.



го писателя»<sup>16</sup>. В других случаях Скиннер приравнивает скрытый смысл к реальному скрытому смыслу на том основании, что авторы следуют условностям, так как хотят быть понятыми. Он говорит: поскольку «любой писатель должен быть вовлечен в преднамеренный акт коммуникации общепринятым путем», постольку, «какие бы намерения ни имел данный автор, они должны быть намерениями строго в рамках устоявшихся условностей, с тем, чтобы быть распознаваемыми как намерения занять ту или иную позицию в споре, определенным образом внести вклад в рассмотрение той или иной темы и т.д.»<sup>17</sup>.

Несмотря на явные различия между Пококом и Скиннером, Кембриджская школа, как представляется, действительно имеет некоторую общую направленность. Это общепризнанное сходство между конвенционалистами и контекстуалистами заключается в том, что они считают изучение лингвистического контекста необходимым для понимания текста. Предписание рассматривать лингвистические контексты понимается не как полезный совет, но как жесткое требование. Изучение языковых контекстов видится предпосылкой любого плодотворного исследования в области истории идей. Утверждается, что, если историки будут упорно отказываться рассматривать лингвистические контексты, они будут создавать плохие исторические труды, так как смыслы зависят от языковых контекстов, и, следовательно, те историки, которые лингвистическими контекстами пренебрегают, неизбежно пренебрегают и смыслами самих изучаемых текстов. Скиннер пишет: «чтобы понять, что подразумевал тот или иной автор, избрав ту или иную конкретную концепцию или аргумент, нам следует прежде всего понять природу и круг явлений, которые могли быть охвачены путем обращения к той конкретной концепции, при рассмотрении той конкретной темы, в то конкретное время»<sup>18</sup>. Сходное мнение высказывает и Покок: для исторического понимания «представляется необходимым изначальное определение языка или языков, на которых некий фрагмент

---

<sup>16</sup> Skinner Q. Meaning and Understanding. P. 63–64.

<sup>17</sup> Skinner Q. Motives, Intentions, and the Interpretation of Texts // Meaning and Context. P. 77.

<sup>18</sup> Ibid. P. 77.

политического дискурса был создан»<sup>19</sup>. Иногда даже ученые полагают, что предпочитаемые ими методы могли бы оказаться достаточной гарантией исторического понимания, как в случае, когда Скиннер пишет: «если мы преуспеем в выявлении этого [лингвистического] контекста с достаточной степенью точности, мы сможем в итоге надеяться объяснить, чего оратор или писатель, которым мы интересуемся, хотел достичь, говоря то, что он сказал»<sup>20</sup>.

Несмотря на многочисленные утверждения Покока и Скиннера о необходимости применения представленных ими методов, некоторые ученые все же настаивают на том, что они рассматривают вопросы эпистемологии, а не методологии<sup>21</sup>. Чего не понимают эти ученые, так это того, что, поскольку Покок и Скиннер предлагают нам свой метод как логику научного открытия, они соединяют эпистемологию с методологией — их методы образуют формы эпистемологического обоснования\*. Согласно Скиннеру, например, смысл высказывания проистекает не только из значений слов, используемых в нем, но и из их преднамеренного скрытого смысла. Значение слов в трактате Дефо «Кратчайший путь расправы с диссидентами» ясно: Дефо сказал, что нам следует рассматривать религиозное отступничество как тяжкое преступление, и это значит, что нам следует рассматривать религиозное отступничество как тяжкое преступление. Однако, продолжает Скиннер, чтобы понять произведение, нам приходится ухватывать не только значение слов в нем, но и его преднамеренный скрытый смысл. Чтобы понять «Кратчайший путь расправы с диссидентами», мы должны учитывать, что это пародия. Дефо иронизировал: он вы-

---

<sup>19</sup> Pocock J.G.A. State of the Art. P. 7.

<sup>20</sup> Skinner Q. A Reply to My Critics // Meaning and Context. P. 275.

<sup>21</sup> См., например: Gunnell J. Political Theory: Tradition and Interpretation. Cambridge, MA, 1979, особ. p. 98–103, и: Gunnell J. Interpretation and the History of Political Theory: Apology and Epistemology // American Political Science Review. 1982. Vol. 76. P. 317–327. Скиннер, отвечая на критическую оценку его работы Ганнеллом, лишний раз настаивал на том, что он представляет нам свой метод как логику научного открытия. Он пишет, что им двигало стремление подтвердить тезис о том, что, если наша цель — обрести понимание такого рода [исторического значения текста], у нас нет другого выбора, кроме как принять исторический и межтекстуальный подход. Skinner Q. A Reply to My Critics. P. 232.

\* То есть исторически априорного обоснования. — Прим. пер.

смеивал религиозных фанатиков, высмеивая доказательства, к которым они прибегали. Выдвигая рекомендацию не вешать сектантов, он насмеялся над современными ему дискуссиями против веротерпимости. Главное утверждение Скиннера — выражение и восприятие преднамеренного скрытого смысла требует основы в виде общепринятых устоявшихся условностей. Если историкам необходимо понять то или иное высказывание, им следует сосредоточиться на превалирующих устоявшихся условностях, управляющих дискуссией по вопросам, по которым она ведется. Следовательно, объясняет он, раскрытие преднамеренного скрытого смысла высказывания требует «особой формы исследования, и открыть этот смысл будет существенно важно, если цель критика — понять “значение” соответствующих произведений писателя»<sup>22</sup>.

Идея о том, что изучение лингвистических контекстов обрубает логику научного открытия, форму эпистемного обоснования, лежит в основе большинства других методологических постулатов, связанных с Кембриджской школой. Покок и Скиннер настаивают на автономности истории идей, потому что любая попытка свести текст к его экономическому, политическому или биографическому контексту имплицитно отрицает необходимость изучения его лингвистического контекста. Подобным же образом они отрицают и существование исконных проблем в истории идей, поскольку такие проблемы возникают как трансисторические и, следовательно, не зависящие от своеобразного языкового контекста конкретного текста. Они осуждают «миф согласованности», потому что верят, что мы понимаем текст не путем приписывания его автору невыраженных убеждений, а идентифицируя его лингвистический контекст. И они противостоят истории понятий на основании того, что понятия не могут удерживать соответствующую идентичность сквозь контексты.

## Контекстуализм и понимание

Кембриджская школа принципиально настаивает на необходимости изучения языкового контекста для возникновения

---

<sup>22</sup> Skinner Q. Motives, Intentions, and the Interpretation of Texts. P. 75.

понимания. Однако, по моему убеждению, Покок и Скиннер ошибаются, представляя свои формы контекстуализма в качестве логики научного открытия. Я думаю, что самый общий аргумент заключается в том, что вообще не может быть никакой логики научного открытия в изучении истории идей. Не может существовать никакого метода как предпосылки успешного изучения истории, будь то контекстуализм, конвенционализм или нечто совершенно отличное от них. Любая предполагаемая логика научного открытия в области истории идей должна основываться, эксплицитно или имплицитно, на допущении, что для того, чтобы понять высказывание, читатель должен иметь правильную априорную теорию. Можно настаивать на особом методе, только если предполагается, что историки окажутся не в состоянии реконструировать смыслы как исторические объекты, если они будут подходить к реликтам прошлого без должных знаний или подготовки. Сторонники существования логики научного открытия должны утверждать, что для того, чтобы ухватить смысл высказывания, нам следует начать рассматривать его, уже имея определенные знания. В зависимости от их конкретных пристрастий, они могли бы настаивать на наличии у нас знания лингвистических контекстов или устоявшихся условностей, психологического склада оратора или соответствующего социально-экономического фона.

В данном случае мы должны различать априорные теории, с которыми люди подходят к высказыванию, и непосредственные теории, с помощью которых они его понимают. Рассмотрим случай миссис Малапроп, персонажа пьесы Ричарда Шеридана, которая постоянно путает слова<sup>23</sup>. В одной из сцен капитан Абсолют читает вслух письмо, в котором содержится жалоба на скучность речи миссис Малапроп, полной слов, которых она не понимает. Миссис Малапроп отвечает, громогласно заявляя о своей гордости от того, как она владеет языком,

---

<sup>23</sup> *Sheridan R. The Rivals* / Ed. by E. Duthie. London, 1979. P. 64. Пример и особенности аргументации взяты из: *Davidson D. A Nice Derangement of Epitaphs // Truth and Interpretation: Perspectives on the Philosophy of Donald Davidson* / Ed. by E. LePore. Oxford, 1987. P. 433–446. Malapropos — некстати, не вовремя, совершенный некстати поступок или сказанное некстати слово. — Прим. пер.

и, в особенности, своей способностью создавать «прекрасное расстройство (derangement) эпитафий». Надежда — на то, что публика будет смеяться, услышав этот дополнительный пример ее оговорки, понимая, что она хотела сказать «прекрасный ряд (arrangement) эпитафий». Хотя бо́льшая часть публики, вероятно, будет иметь априорную теорию, согласно которой «прекрасное расстройство (derangement) эпитафий» означает «прекрасный ряд (arrangement) эпитафий (epitaphs)», несомненно, некоторая ее часть разовьет непосредственную теорию о том, что она имеет в виду «прекрасный ряд (arrangement) эпитетов (epithets)».

Априорные теории отличаются от непосредственных, потому что, приходя к выводам, мы, как правило, выходим за рамки находящихся перед нами свидетельств: если бы мы не делали этого, вывод был бы всего лишь повторением свидетельств, а вовсе не выводом. Например, ни слова миссис Малапроп, ни контекст ее слов не дают оснований безоговорочно утверждать, что она имеет в виду «прекрасный ряд (arrangement) эпитетов (epithets)». Публика неизбежно выходит за рамки условностей, когда решает, что она имеет в виду именно это. Именно потому, что контекст сказанного не подтверждает безоговорочно то, что она имеет в виду «прекрасный ряд (arrangement) эпитетов (epithets)», мы можем вообразить, что часть публики думает, что она имеет в виду «прекрасное расстройство (derangement) эпитафий (epitaphs)» или, возможно более правдоподобно, просто запуталась в значениях ее слов. В каждом случае, когда мы подходим к пониманию смысла высказывания, мы неизбежно выходим за пределы сказанного таким образом, который указывает на различия между априорными и непосредственными теориями.

Критики могли бы предположить, что различие между априорными и непосредственными теориями гораздо менее значимо, нежели воздействие конкретного контекста. Возможно, например, что публика приходит к непосредственной теории о том, что миссис Малапроп имеет в виду «прекрасный ряд (arrangement) эпитетов (epithets)» потому, что у нее есть априорная теория, согласно которой это и есть то, что люди имеют в виду, когда, оказавшись в ее положении, говорят «прекрасное расстройство (derangement) эпитафий (epitaphs)». Но

рассмотрим грушу людей, которые придерживаются априорной теории о том, что кто-то, кто находится в положении миссис Малапроп и говорит «прекрасное расстройство (derangement) эпитафий (epitaphs)», имеет в виду «прекрасный ряд (arrangement) эпитетов (epithets)». Мы должны допустить, что один из них мог бы пойти на спектакль по пьесе Шеридана и затем понять миссис Малапроп так, что она якобы имела в виду «прекрасное расстройство (derangement) эпитафий (epitaphs)». Если бы мы не сделали этого допущения, мы были бы вынуждены утверждать существование необходимой связи между чьими-то априорными ожиданиями и чьим-то актуальным пониманием, при которой, поскольку мы не знаем, что вызывает актуальные понимания, любой подобный постулат окажется недопустимым вопросом веры. Разные люди по-разному реагируют на одно и то же высказывание, и мы не можем объяснить, почему. Поскольку мы не знаем, почему люди понимают высказывание тем или иным образом, мы не можем гарантировать, что определенная априорная теория приведет к определенному пониманию. Итак, мы должны быть в состоянии различать априорные теории и непосредственные теории, независимо от того, сколь жестко мы очерчиваем ситуации, которым они соответствуют.

Различие между априорными и непосредственными теориями само по себе показывает, что верное априорное знание не является ни необходимой, ни достаточной гарантией создания верной непосредственной теории. Верная априорная теория не обязательна для понимания, потому мы всегда можем исходить из ложной априорной теории и прийти, однако, к адекватной непосредственной теории. Например, какая-то часть публики могла бы дойти до непосредственной теории о том, что миссис Малапроп хотела сказать «прекрасный ряд (arrangement) эпитетов (epithets)», даже если бы ее априорная теория предполагала, что она имела в виду «прекрасное расстройство (derangement) эпитафий (epitaphs)». Точно так же правильная априорная теория не достаточна для понимания, так как мы всегда можем исходить из адекватной априорной теории, но прийти, однако, к неверной непосредственной теории. Например, какая-то часть публики могла бы прийти к непосредственной теории о том, что миссис Малапроп имеет

в виду «прекрасное расстройство (derangement) эпитафий (epitaphs)», даже если бы их априорная теория предполагала, что она имела в виду «прекрасный ряд (arrangement) эпитетов (epithets)». Наконец, поскольку правильная непосредственная теория не является ни обязательной, ни необходимой для обеспечения понимания, никакой метод не может являться гарантией или предпосылкой успешного изучения истории. Никакой метод не может гарантировать успешное изучение истории, потому что любой, кто исходит из верной априорной теории, может прийти к ложной непосредственной теории. И ни один метод не может быть предпосылкой успешного изучения истории, потому что любой, кто исходит из ошибочной априорной теории, может прийти к адекватной непосредственной теории. В области истории идей не может быть логики научного открытия.

Поскольку не существует механической процедуры восстановления ушедших смыслов, то историки не могут оправдать свои теории ссылкой на метод, который они используют. Следовательно, Покок и Скиннер ошибаются, утверждая, что их разновидности контекстуализма составляют логику научного открытия. Особый процесс, посредством которого историк идей достигает понимания текста, не имеет эпистемологического значения. Историки могут пытаться систематизировать былой опыт в методологических формах или же могут попробовать что-то новое; они могут полагаться на инстинкт и догадки или же могут ждать вдохновения. *То*, что имеет значение, — есть результат их труда. Точно так же, как мы судим о математических доказательствах и научных теориях, не спрашивая, как те, кто их создал, к ним пришли, мы должны оценивать и интерпретации текстов, — не вникая в методы, использованные историками.

Опровергать возможность существования логики научного открытия в сфере истории идей, однако, не обязательно означает отрицать важность изучения лингвистических контекстов вообще. Идеи Покока и Скиннера стали «глотком свежего воздуха», в особенности в области истории политической мысли, где их методы привели к появлению множества работ, включая их собственные, полных ценных исторических наблюдений. Их влияние привело к плодотворным результатам не потому,

что они правы, утверждая контекстуализм как логику научного открытия, а потому, что контекстуализм, во-первых, предоставляет полезную эвристическую максиму и, во-вторых, определенным образом накладывается на одно важное обстоятельство, связанное с природой объяснения в области истории идей.

Рассмотрим роль контекстуализма как эвристической максимы. Мы обнаружили, что правильным предназначением метода не может быть управление историками, как и определение успешности или неуспешности изучения истории. Несомненно, метод скорее должен привлекать внимание историков к источникам сведений и плодотворным путям осмысления прошлого<sup>24</sup>. Методологи должны совершенствовать свою дисциплину вместо того, чтобы выдавать свои теории за логики научного открытия<sup>25</sup>. Подобно тому как плотники могут делать стулья как им заблагорассудится, при условии, что результат окажется приемлемым, точно так же и историки могут создавать какие угодно теории, лишь бы результат оказался приемлемым. Подобно тому как плотники оттачивают мастерство на основе профессиональных знаний, которые часто оказываются полезным руководством, когда они приступают к работе с куском дерева, так и историки оттачивают свое мастерство на основе профессиональных знаний, состоящих из эвристических техник, владение которыми облегчает познание прошлого. Историки овладевают своим ремеслом по мере того, как они улавливают намеки на то, как подходить к источникам, как обращаться с источниками различных видов, и даже на то, какие виды источников предоставляют сведения по тем или иным вопросам с наибольшей вероятностью. Историки совершенствуют свое мастерство по мере того, как они становятся все более и более восприимчивыми к истории, противоречиям, нормам и установлениям своей дисциплины. Тем не менее, поскольку искусное ремесло всегда требует дополнения вооб-

---

<sup>24</sup> Опровергать возможность существования логики научного открытия, безусловно, не означает непризнания за теорией какой-либо роли. Противоположное мнение см.: *Knapp S., Michaels W. Against Theory (Literary Criticism) // Critical Inquiry. 1982. Vol. 8. P. 723–742.*

<sup>25</sup> Различение логики и эвристики позволяет поддерживать методологический плюрализм, поскольку оно предполагает существование многообразия методов, способных приводить к обоснованному пониманию текста.



ражением и удачей, просто владение ремеслом никогда не может быть гарантией или предпосылкой успеха.

Методологи предлагают эвристические техники, а не конкретные правила. Осознав правильное предназначение метода, мы увидим, что, отрицая существование логики научного открытия, историки не теряют возможности найти в лингвистических контекстах полезные сведения о смысле того или иного высказывания. Хотя историки в состоянии выявлять смысл текста, не обращая никакого внимания на его лингвистический контекст, они могут и не поступать таким образом. Лингвистический контекст может даже предоставить решающие свидетельства, ведущие историка к улавливанию смысла текста. Более того, так как лингвистический контекст может предоставить решающие свидетельства, благоразумные историки всегда будут его исследовать.

«Изучение лингвистического контекста» имеет реальную ценность как эвристическая максима, то есть как способ познания, а не как логика научного открытия. Благоразумные историки будут погружаться в идеи, обычаи и социально-экономические структуры изучаемых ими периодов, чтобы стимулировать и проверять свою интуицию. Поэтому мы можем распространить на лингвистические контексты высказывание Скиннера, в котором он выступает против повышенного внимания к социальным контекстам: «Несмотря на возможность того, ... что изучение социального контекста, как я допускаю, может помочь в понимании текста, фундаментальное предположение контекстуальной методологии — что идеи данного текста следует понимать в категориях его социального контекста, может быть представлено как ошибочное и после этого служить не путем к пониманию, но источником дальнейших недоразумений, очень частых в историографии истории идей»<sup>26</sup>.

## Контекстуализм и объяснение

Итак, в отношении понимания текста изучение лингвистических контекстов составляет только способ познания, а не

---

<sup>26</sup> Skinner Q. Meaning and Understanding. P. 59.

логику научного открытия, как утверждают Покок и Скиннер. При всем ажиотаже, вызванном идеями Кембриджской школы, однако, осталась незамеченной объяснительная роль языковых контекстов в изучении истории идей. Эта роль становится особенно важной, если принять во внимание семантический холизм, что я и делаю в данной работе. Семантические холисты убеждены в том, что истинность и ценность любого предположения зависят от других предположений, которые мы принимаем за истинные. Хотя эта статья — не место для детального обоснования такого холизма, следует все же отметить, что широко понимаемый холистический подход лежит в основе многих важнейших направлений в современной англо-американской философии. К ним относится отрицание чистого наблюдения такими историками науки, как Томас Кун, а также анализ смысла и интерпретации такими философами, как Дональд Дэвидсон и У.В.О. Куин, и даже возрождение континентальной герменевтической традиции Хьюбертом Дрейфузом<sup>27</sup>. Контекстуализм, как я покажу далее, должен быть переработан в учение о формах объяснения, а не о предпосылках понимания.

Объяснение в области истории идей, безусловно, начинается с попытки выразить определенную идею, концепцию или убеждение в категориях, которые давали людям основания их придерживаться. Сказать так не значит заявить об особо грандиозных притязаниях. Это означает, во-первых, отрицание релевантности физикализма, который объяснил бы подобные факты отсылкой к психологическим состояниям, и, во-вторых, убеждением в зависимости объяснения от выяснения мотивов людей. Мы объясняем взгляды, а также и поступки, показывая, какой они имели смысл — насколько они были осмысленны, с учетом их взаимоотношений с другими релевантными убеждениями и поступками. Конечно, можно спорить о том, что в данном случае придает осмысленность и какие убеждения и поступки можно считать релевантными, а также и об онтоло-

---

<sup>27</sup> Kuhn T. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago, 1970; Quine W.V.O. *Two Dogmas of Empiricism* // Quine W.V.O. *From a Logical Point of View*. Cambridge, MA, 1961; Davidson D. *Inquiries into Truth and Interpretation*. Oxford, 1984; Dreyfus H. *Holism and Hermeneutics* // *Review of Metaphysics*. 1980. Vol. 34. P. 3—23.

гическом и метафизическом статусе убеждений, идей и концепций. И все же, хотя ниже я и коснусь некоторых из этих споров, в данный момент мы можем абстрагироваться от них. Нам только следует подчеркнуть, что мы можем начинать объяснение представлений, идей и концепций с показа того, как они сочетаются с другими в мировоззрении индивида или коллективной эпистеме.

Итак, историки, которые хотят объяснить сети представлений, должны реконструировать как их релевантный контекст, так и их до известной степени осмысленную или внутренне согласованную сеть. Рассмотрим два крайних взгляда на то, к чему подобная реконструкция может привести. С одной стороны, логические эмпирики в целом утверждают, что чистые наблюдения в состоянии внушить нам основанные на фактах представления, при этом наши теоретические представления есть попытки обнаружить значимые образцы среди таких фактов<sup>28</sup>. Поэтому они [логические эмпирики] могли бы предположить, что историки могут раскрывать внутреннюю логику сети представлений путем соотнесения ее основных составляющих со специфическим опытом и путем изображения второстепенных представлений как попыток объяснения образцов из числа конституирующих представлений. С другой стороны, иррационалисты и идеалисты иногда утверждают, что базовые категории конструируют природу и содержание опыта, из которого вырастают наши представления<sup>29</sup>. Поэтому они могли бы предположить, что историки могут раскрывать внутреннюю логику сети представлений путем соотнесения образующих ее элементов с фундаментальными категориями, которые, в известном смысле, даны как априорные истины.

Семантический холизм предписывает историку идей решение задачи, отличной от обеих этих крайностей. Он предполагает, что объективность представлений зависит от его соотношения с другими разнообразными представлениями и не может быть никаких самодостаточных представлений. Никакое представление не может быть осмыслено априори или на

---

<sup>28</sup> См., например: Ayer A. *Language, Truth, and Logic*. London, 1936.

<sup>29</sup> Несомненно, именно эта роль приписывается эпистемам Мишелем Фуко: Foucault M. *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. London, 1970.

основе опыта. Хотя некоторые представления, безусловно, имеют отношение к реальности, они никогда не бывают связанными только с нею, но всегда содержат теоретические допущения. Таким образом, логические эмпирики неизбежно оказываются неправы: историки не могут раскрывать внутреннюю согласованность сети представлений, изображая ее в виде пирамиды, построенной на чистом наблюдении. Точно так же наши теоретические предположения, направляющие наше понимание опыта, никогда не даны априори, но, напротив, всегда вытекают из нашего прежнего взаимодействия с миром. Таким образом, иррационалисты и идеалисты неизбежно оказываются неправы: историки не могут раскрывать внутреннюю согласованность сети представлений, изображая ее в виде перевернутой пирамиды, покоящейся на данных априори истинах. В более общем смысле нам следует признать, что иерархическая метафора пирамиды представлений абсолютно неприемлема. Представления образуют сети, которые соприкасаются с реальностью в различных точках — там, где эти точки определены взаимосвязью соответствующих представлений<sup>30</sup>. Сети представлений — это совокупности взаимосвязанных ячеек, где и сами ячейки, и связи между ними отчасти определены представлениями в отношении внешней реальности. Иногда историки пытаются объяснить представление, которое далеко от точек сети, соприкасающихся с внешней реальностью, в категориях представлений, которые близки к таким точкам. В других случаях они пытаются объяснить представления, которые расположены вблизи точек соприкосновения сети с внешней реальностью, в категориях представлений, отдаленных от таких точек. Однако ни в том ни в другом случае тот факт, что историк предпочитает начинать с определенной точки, не подразумевает, что она является эпистемным основанием сети представлений.

Историки, стремящиеся реконструировать сеть представлений, идей или концепций, напоминают игроков в мозаику, которые хотят собрать сферическую картинку. Каждый кусочек картинки, каждое представление оказывается там, где оно должно быть, благодаря соседним кусочкам. Игрок составляет

---

<sup>30</sup> Ср.: Quine W.V.O., Ullian J. The Web of Belief. New York, 1970.

мозаику, соединяя воедино все кусочки, чтобы собрать цельную картинку, которая затем придает смысл каждому отдельному кусочку. Тем не менее мозаика не имеет явного начала, поскольку каждый кусочек находится в принципиально схожем отношении с другими вокруг него. Игрок не имеет углов или краев, с которых можно было бы начать сборку, продвигаясь к центру картинки.

Историк идей может объяснить, почему люди придерживались определенных представлений, помещая их в контекст целой сети представлений. Представим, что таким образом историк объясняет, что люди придерживались представления А, потому что они были убеждены в X, Y и Z. Затем историк, очевидно, пожелает узнать, почему они придерживались именно такой сети представлений. Здесь мы вновь можем обнаружить два крайних взгляда на задачу историка. С одной стороны, логические эмпирики в целом утверждают, что люди приходят к формированию сети представлений в результате чистого опыта. Следовательно, они могли бы предположить, что историк может объяснить, почему люди придерживались именно тех сетей представлений, которых они придерживались, основываясь только на их опыте. Исторiku нужно рассмотреть только обстоятельства, в которых находятся люди, а не способ создания или интерпретации ими этих обстоятельств в связи с унаследованными ими традициями. С другой стороны, иррационалисты и идеалисты часто утверждают, что люди приходят к системе представлений в результате наследования некоего способа придания миру смысла. Следовательно, они могли бы предположить, что историк может объяснить, почему люди придерживались именно таких сетей представлений, исключительно основываясь на традициях и теориях, которые определяли или даже конструировали их восприятие. Исторiku нужно рассмотреть только общие концепции, наследуемые людьми, а не то, как они отвечают на вызов обстоятельств.

Семантический холизм показывает, что оба этих крайних взгляда ошибочны. Он требует отказа и от атомистического индивидуализма, и от крайнего структурализма. Рассмотрим сначала атомистический индивидуализм, связанный с логическим эмпиризмом. Несомненно, люди начинают верить в то, во

что они верят, только в связи с личным жизненным опытом. Однако нас интересует, почему данная сеть представлений должна стать частью жизненного опыта данного человека. Поскольку мы не можем приобретать чистый опыт, мы неизбежно конструируем наш личный опыт в категориях предшествующей ему совокупности теорий. Мы не можем прийти к представлениям через опыт, если мы уже не имеем предшествующую им сеть представлений. Таким образом, логические эмпирики неправы: мы не можем объяснять сети представлений на основе чистого опыта соответствующих индивидов. Наш опыт может привести нас к представлениям только потому, что мы уже имеем доступ к сетям представлений в виде традиций нашего сообщества<sup>31</sup>.

Против такого внимания к наследованию традиции можно было бы возразить, что должен быть момент зарождения — естественное, природное состояние. Аргументация подобной критики может сводиться к следующему. Ясно, что традиции существуют только как складывающиеся единства, зависящие от сетей представлений индивидов. Таким образом, если бы индивиды действительно могли приходить к сетям представлений лишь на основе унаследованных традиций, ни индивиды, придерживающиеся убеждений, ни традиции вообще никогда не смогли бы появиться. Тем не менее убеждения и традиции на самом деле существуют, следовательно, должен существовать и момент их зарождения. Более того, поскольку существование традиции, бесспорно, не может предшествовать индивиду, который имеет убеждения, этот момент зарождения должен был быть связан с появлением индивида, явившегося, чтобы придерживаться определенных представлений в отсутствие всякой традиции. Люди должны быть в состоянии усваивать сети представлений в изоляции друг от друга, только на базе собственного индивидуального опыта.

Чтобы отвести эту критику, я хотел бы исследовать понятия-сориты. Парадоксы соритов возникают потому, что мы

---

<sup>31</sup> В феноменологических и герменевтических исследованиях часто подчеркивается неустранимость большой роли традиции в человеческом понимании. См.: *Collingwood R. The Idea of History* / Ed. by T. Кнох. Oxford, 1946, и *Gadamer H.-G. Truth and Method* / Trans. by W. Glen-Doepel. London, 1979, особ. р. 245–274.

можем начать с истинных предположений, выдвинуть затем серию явно правильных аргументов — аргументов, подтверждающих исходное предположение, — и все же прийти к ложному выводу. К примеру, люди с одним-единственным волосом на голове, по-видимому, могут считаться лысыми; следовательно, если  $X$  — лысый, то  $Y$ , у которого на голове всего на один волос больше, — тоже лысый, также как лысый и  $Z$ , у которого на голове на один волос больше, чем у  $Y$ , и так мы могли бы продолжать, пока такой способ рассуждений не привел бы нас в конце концов к признанию лысым любого человека, независимо от того, сколько у него волос. Хотя семантическое значение понятий-соритов остается спорным вопросом, их парадоксальная природа, бесспорно, обусловлена тем, что они являются неопределенными предикатами. Мы не можем точно определить обстоятельства, при которых мы могли бы обоснованно описать что-либо, используя понятие-сорит. Мы не можем сказать наверняка, что такое быть лысым. Более того, неопределенность соответствующих предикатов, безусловно, отражает факт существования промежуточных случаев, в отношении которых мы не уверены, описываемы ли они посредством данного соритного понятия. В отношении некоторых людей мы заколебались бы, называть ли их лысыми, даже если бы знали точное количество волос на их головах. Существование этих промежуточных случаев означает, что мы не можем принять без некоторых оговорок такие утверждения, как: «люди, имеющие на головах на один волос больше, чем лысый человек, сами лысые». Принципиальный момент здесь состоит в том, что оговорки означают невозможность говорить о моментах зарождения в отношении понятий-соритов. Представим, например, что Питер облысел в течение последних пяти лет. Сегодня, в момент времени  $T$ , он абсолютно лыс. Мы можем предположить, что в момент времени  $T^*$ , когда у него было на один волос больше, чем сейчас, он также был лыс, и в момент времени  $T^{**}$ , когда у него было на один волос больше, чем в момент времени  $T^*$ , он также был лыс и так далее. Но если мы примем это предположение без оговорок, мы будем вынуждены прийти к заключению, что Питер уже был лыс пять лет назад, что неверно *ex hypothesi*. Поскольку «лысый» — понятие-сорит, мы не можем обозначить точный момент, когда Питер

облысел. Мы только можем сказать, что в течение последних пяти лет Питер прошел через ряд промежуточных состояний, и в итоге раньше он не был лысым, но теперь лыс. То, что Питер лыс, не имеет момента зарождения.

Теперь обратимся к вопросу о применимости нашего анализа понятий-соритов к дискуссии о том, как историкам следует объяснять, почему люди придерживались именно тех сетей убеждений, которых они придерживались. «Имеющий убеждения индивид» и «унаследованная традиция» близки к соритным понятиям в том отношении, что они лишают смысла поиск момента зарождения как основания для объяснения сети убеждений. Теория эволюции предполагает, что даже «индивид» есть неопределенный предикат, потому что люди появились в результате эволюции чуть менее человекоподобных существ. Более важно то, что мы, безусловно, не можем сказать точно, в чем именно заключается следование сети представлений. Следование определенной сети представлений не становится реальностью в какой-либо определенной точке спектра случаев, тянущегося, допустим, от осмысленного неязыкового поведения через использование отдельных слов и использование целых предложений, привязанных к определенным существительным или к элементарным формам абстрактного теоретизирования. Многочисленные промежуточные случаи отделяют случаи, в которых убеждений явно не придерживаются, от случаев, когда их явно придерживаются. Подобным же образом унаследованные традиции не становятся реальностью в какой-либо определенной точке спектра случаев, тянущегося, скажем, от птиц, мигрирующих проторенными маршрутами, через шимпанзе, которые оперативно объединяются для привлечения внимания обезьян, и семью охотников-собирателей, кочующую вслед за дождями, — до племени, которое собирает урожай в определенное время года. Многочисленные промежуточные случаи отделяют случаи, в которых унаследованные традиции явно отсутствуют, от случаев, в которых они явно присутствуют.

Поскольку и «имеющий убеждения индивид», и «унаследованная традиция» — неопределенные предикаты, мы не можем говорить о моменте зарождения, ни человеческих убеждений,



ни традиции. Вместо этого мы должны вести речь об индивидах, с неизбежностью приходящих к своим сетям убеждений на основе унаследованных традиций, и об унаследованных традициях, с неизбежностью вырастающих из представлений индивидов. Грамматика наших концепций показывает, что индивиды с их представлениями и унаследованные традиции появились одновременно, а не последовательно. Концепция придерживающихся убеждений индивидов зависит от концепции унаследованной традиции, а концепция унаследованной традиции зависит от концепции придерживающихся убеждений индивидов. В силу этого мы можем заключить, что историки изучают людей, пришедших к своим сетям представлений на основе традиций, тогда как сами эти традиции должны были создаваться людьми, имеющими сети представлений, на основе более ранних традиций, и так далее.

Теперь рассмотрим крайний структурализм, связанный с идеализмом и иррационализмом. Несомненно, люди усваивают свои сети представлений на основе традиций, которые уже существуют как общее наследие. Однако нас интересует — как сети представлений отдельных индивидов соотносятся с наследуемыми ими традициями. Разумеется, традиции не могут быть самодостаточными, потому что они основываются на сетях представлений индивидов, которые, таким образом, должны быть способны усваивать представления, расширяющие или трансформирующие традиции. Следовательно, идеалисты и иррационалисты неправы: мы не можем объяснять сети представлений как порождения самодостаточных традиций. Традиции возникают, развиваются и иссякают только потому, что индивиды приходят именно к тем убеждениям, к которым приходят, в силу собственных причин.

После того как я уже признал, что индивиды всегда приходят к тем или иным сетям представлений на основе унаследованных традиций, меня могли бы упрекнуть за отказ от признания самодостаточности традиций. Критики могли бы утверждать, что если люди всегда приходят к своим убеждениям через традиции, то мы должны быть в состоянии объяснять сети представлений исключительно отсылками к соответствующим традициям. На самом деле, мое объяснение историче-

ских объектов изучения при помощи унаследованных традиций не делает меня неизбежно приверженцем того взгляда, что унаследованных традиций достаточно для объяснения этих объектов изучения. Напротив, мой подход к традиции позволяет учитывать человеческий фактор, понимаемый как способность расширять и видоизменять унаследованные традиции. Тот факт, что индивиды исходят из унаследованных традиций, не предполагает, что они не могут продолжать ее регулировать и видоизменять. В самом деле, традиции меняются со временем, и мы не можем объяснить эти изменения иначе, как признав, что индивиды способны трансформировать наследуемые ими традиции. Простейший способ доказательства этого — от противного: традиции вырастают из убеждений множества индивидов, так что, если бы они детерминировали убеждения индивидов, перед нами оказался бы замкнутый круг, исключаящий изменения. Представим, что совокупность убеждений, разделяемых индивидом в обществе, такова, какова она есть, так что и традиции в нем таковы, каковы они есть. Поскольку традиции — формирующиеся субстанции, они не могут изменяться, если не изменяется совокупность убеждений, которых придерживаются индивиды. Но если бы традиции действительно предопределяли убеждения, то совокупность убеждений, которых придерживаются индивиды, не могла бы изменяться, если бы то же самое не происходило с традициями. Поэтому, чтобы объяснить изменение, нам следует рассмотреть как совокупность тех индивидов, которые могут расширять или видоизменять традиции, служащие исходными пунктами, отталкиваясь от которых люди и приходят к своим сетям убеждений.

Другие критики могли бы утверждать, что сами традиции определяют, какой выбор возможен, а какой — нет. Они могли бы также сказать, что традиция определяет набор возможностей, доступных тем, кто ей следует. Например, Мишель Фуко допускает в своих эпистемах существование конкурирующих мировоззрений, при этом он отводит эпистемам роль ограничительных рамок. Он писал об «исторических правилах, связанных с определенным временем и местом, которые на тот или иной период, и в определенном социально-экономическом, географическом или языковом регионе, задают функциональные

конституирующие рамки»<sup>32</sup>. Следовательно, никто не вправе утверждать, что традиции налагают ограничения на своих носителей, покуда мы в принципе не сможем увидеть этот предел, если он существует. Очевидно, что, если у нас не может быть знания о чем-то, даже если оно существует, у нас не может быть и каких-либо реальных оснований утверждать, что это что-то существует на самом деле. Более того, мы не сможем увидеть этот предел даже в принципе, пока мы не сможем отличить предел, наложенный традицией на ее носителя, и условный предел, за который носители могут выйти, хотя им еще и не довелось этого сделать. Таким образом, мы можем доказать, что традиции не налагают жестких ограничений на своих носителей, показав, что в принципе мы не в состоянии идентифицировать любой подобный предел, так как мы не можем иметь критериев его отличия от предела чисто условного.

Представим, что мы могли бы определить пределы, налагаемые традицией на варианты выбора, доступные для тех, кто ей следует. Поскольку эти пределы были бы навязаны самой традицией, они не могли бы быть естественными пределами, пренебрегающими все традиции, подобно тому как, например, существует естественный предел скорости бега. Более того, так как мы могли бы определить пределы, мы могли бы приписать их приверженцам рассматриваемой традиции; таким образом, если допустить, что они смогли бы понять нас, они тоже пришли бы к их осознанию. Наконец, поскольку они тоже могли бы прийти к осознанию пределов и поскольку эти пределы не могли бы быть естественными, они могли бы преступить их, так что эти пределы не оказались бы пределами вообще. Итак, любой предел, который мы могли бы выявить, не смог бы быть реальным, а значит, традиции не в силах налагать пределы на те убеждения, которые могут усваивать индивиды.

Историк не может объяснить, почему люди придерживаются именно тех сетей представлений, которых они придерживаются, исключительно в категориях унаследованных традиций или чистого опыта и чистого разума. Люди приходят к тем сетям представлений, к которым приходят, на основе tradi-

---

<sup>32</sup> Foucault M. *The Archaeology of Knowledge* / Trans. A. Sheridan-Smith. London, 1972. P. 153–154.

ций, но они — их носители, которые могут расширять, модифицировать и даже трансформировать традиции, легшие в основу их изначальных сетей представлений. Историк в состоянии объяснить, почему люди придерживались именно тех сетей представлений, которых они придерживались, обратившись к тому, как они рассуждали, опираясь на унаследованные традиции.

Мы можем объяснить, почему люди придерживались убеждения, поместив его в контекст их сети убеждений в целом. Кроме того, мы можем начать объяснение того, почему они придерживались тех сетей убеждений, помещая их в контекст традиций, из которых они возникли. Критики могли бы возразить, что эта форма объяснения слишком близка к пококскому контекстуализму, который мы ранее отвергли<sup>33</sup>. Однако предложенный нами подход к сетям представлений и интеллектуальным традициям все же существенно отличается от того, как трактуют такие явления, как парадигмы и языки, контекстуалисты. В то время как контекстуалисты утверждают, что парадигмы или языки (*languages*) дают историкам возможность понять смысл высказываний, мы утверждали, что сети представлений и традиции позволяют им создать предпосылки для объяснения убеждений. Более того, поскольку мы утверждали, что сети представлений и традиции являются составными частями объяснений, а не лежащих в основе смыслов, мы можем признать, что историки могли бы постигать смысл высказываний без изучения соответствующей сети представлений или традиции. Представим, к примеру, что историки разбирают фразу У.С. Дживонса «стоимости определяют цены». Контекстуалисты утверждали бы, что высказывание Дживонса лишено смысла вне определенной парадигмы или эпистемы. Они скажут, что смысл высказывания Дживонса зависит от социальной парадигмы или языка, так что историки не в состоянии понять

---

<sup>33</sup> Прямое обращение к традиции как к контексту, в котором историк понимает текст, а не объясняет убеждения, см.: *Lockyer A. «Traditions» as Context in the History of Political Theory // Political Studies. 1979. Vol. 27. P. 201–217.* Джон Дж. А. Покок разбирает традицию как теоретическое понятие в: *Pocock J.G.A. History of Political Thought; Pocock J.G.A. Time, Institutions and Action: An Essay on Traditions and their Understanding // Politics, Language, and Time. P. 233–272.*

его, пока не поместят его в этот контекст. Мы же, напротив, предоставим историкам возможность заключить, что Дживонс верил, что стоимости определяют цены, оставив открытым вопрос, что в точности он думал о природе экономических стоимостей. Сети представлений и традиции помогают историкам объяснять убеждения. Они не есть часть смысла изучаемых произведений.

Далее критики могли бы возразить, что разница между пониманием высказываний и объяснением убеждений не столь уж и велика. Они могли бы рассуждать следующим образом: люди неизбежно выражают свои убеждения, используя язык, так что если парадигмы или сети представлений объясняют отдельные убеждения, то наверняка эти парадигмы также должны объяснять смысл высказываний, а если эти парадигмы объясняют смысл высказываний, то наверняка мы вправе сказать, что знание соответствующих парадигм обогащает наше понимание конкретных высказываний. Этот аргумент содержит в себе зерно истины: поскольку убеждения существуют в виде взаимосвязанных сетей, поместить отдельное представление в разветвленную сеть представлений означает наполнить ее содержанием и, таким образом, продвинуться в ее понимании. Тем не менее, когда критики приравнивают нашу концепцию сети убеждений к парадигмам и языкам контекстуалистов, они игнорируют аргументацию, стоящую за различием нами понимания высказываний и объяснения убеждений. Тогда как наша форма объяснения увязывает убеждение с сетью представлений индивида, контекстуалисты увязывают высказывание с социальной структурой. Вот почему пококский контекстуализм часто оставляет индивида в стороне со всеми его разнообразными сосуществующими и накладывающимися друг на друга парадигмами, стремящимися подавить идентичность личности. Когда Покок рассказывает историю своих так называемых «социальных языков», он стремится ввести одни высказывания индивида в рассказ об одном языке, а другие высказывания того же индивида — в рассказ о другом языке, но ни в одном месте своего повествования он не чувствует настоящей необходимости свести эти разные высказывания воедино, чтобы показать, как индивид придерживался внутренне согласованной сети убеждений. Он утверждает, к примеру, что ис-

следование Французской революции Бёрка относится и к языку обычного права, и к языку политической экономии, но вместо того, чтобы попытаться показать, как Бёрк примирял эти два языка, он говорит, что «представляется более важным установить, что Бёрк может быть прочитан в обоих этих контекстах, нежели задаться вопросом, может ли он быть прочтен на них обоих одновременно»<sup>34</sup>.

Наш взгляд, сфокусированный на индивидуальных точках зрения, ведет к подходу, отличному от порожденного контекстуализмом. Поскольку мы будем помещать убеждение в сеть убеждений индивида, мы не будем уподоблять индивидов таким феноменам, как социальные парадигмы или языки. Представим, например, что историки хотят обогатить свое понимание высказывания Дживонса «стоимости определяют цены» путем постановки его в релевантный контекст. Контекстуалисты определяют релевантный контекст как социальную парадигму, так что, вероятно, они бросятся изучать труды предшественников Дживонса, — таких, как Дж. С. Милл, или людей, повлиявших на него, — таких, как Иеремия Бентам. Они будут рассказывать нам, что это высказывание относится к контексту классической экономической школы или утилитаризма. Однако, к несчастью для них, Дживонс не понимал экономические стоимости в духе классиков экономики или же утилитаристов. Мы же, напротив, определили релевантный контекст как сеть представлений индивида, поэтому мы будем рассматривать высказывание Дживонса для того, чтобы увидеть, что он думал об экономических стоимостях. Мы обнаружим, что Дживонс придерживался в отношении стоимости теории предельной полезности, в соответствии с которой постулат «стоимости определяют цены» подразумевал, что «обменный коэффициент между любыми двумя товарами будет эквивалентен окончательной степени полезности количеств товара, доступных для потребления после того, как обмен завершен»<sup>35</sup>. Изначальный

---

<sup>34</sup> Pocock J.G.A. The Political Economy of Burke's Analysis of the French Revolution // Pocock J.G.A. *Virtue, Commerce and History*. P. 194. Его более раннее исследование Бёрка в связи с обычным правом см.: Pocock J.G.A. *Burke and the Ancient Constitution: A Problem in the History of Ideas* // Pocock J.G.A. *Politics, Language, and Time*. P. 193–212.

<sup>35</sup> *Jevons W. The Theory of Political Economy* / Ed. by R.C. Black. Middlesex, 1970. P. 139.

контекст, представляющий интерес для историков идей, — это сеть представлений индивида, которую они изучают, а не социальная парадигма или язык (*langue*).

Наконец, эти критики могли бы возразить, что если мы объясняем убеждения, исходя из сетей представлений, а сети представлений — исходя из традиций, то тогда релевантными контекстами для убеждений в конечном счете должны быть традиции, понимаемые как социальные парадигмы. Это возражение игнорирует те ограничения, к установлению которых в отношении объяснительной силы традиций нас привело отставание роли личностного фактора. Мы обнаружили, что ученики могут расширять и модифицировать традиции своих учителей в неограниченном количестве направлений. Традиции влияют на убеждения людей, но они не формируют их непосредственно. Таким образом, традиции могут предоставить не более, чем отправную точку для объяснения сети представлений, а, конечно, не полное объяснение убеждений, которых данный индивид придерживается в данный момент. Люди развивают свои убеждения на основе унаследованных традиций, так что мы можем начать рассмотрение их интеллектуального развития с описания релевантной традиции. Но люди продолжают приспособливать свои убеждения к новым обстоятельствам, поэтому нам следует продолжить анализ их интеллектуального развития обсуждением того, почему они адаптировали свои убеждения именно таким образом. Более того, поскольку люди расширяют и модифицируют традиции, мы не можем понять содержание их убеждений путем отсылки к традициям, из которых они выросли. Мы не можем так поступить потому, что они могут больше и не придерживаться тех убеждений, которые мы бы им таким образом приписали. Представим, например, что историки хотят объяснить, почему Дживонс придерживался именно той сети представлений, которой он придерживался, после того, как он разработал свою теорию стоимости — теорию предельной полезности. Хотя они, вероятно, начали бы с рассмотрения его убеждений на фоне традиции классической экономической школы, эта традиция не в состоянии объяснить, почему он продолжил модифицировать ее в том направлении, в каком он это сделал. Чтобы объяснить направление, в котором развивались убеждения Дживонса,

историки должны иметь выход на дальнейшие формы объяснения. Более того, поскольку Дживонс исходил из классической экономической школы, историки неправильно поняли бы его высказывание «стоимости определяют цены», если бы попытались проникнуть в его суть через обращение к концепции стоимости, обнаруживаемой в традиции классической экономической школы. Традиции предоставляют только отправную точку для объяснения того, почему люди придерживались именно тех убеждений, которых они придерживались. Они не предоставляют контекста, который добавлял бы что-либо к нашему пониманию убеждений этих людей.

Как может историк объяснить, почему люди развивают и пересматривают традиции в том или ином направлении? Рассмотрим еще раз два крайних взгляда на то, что могла бы повлечь за собой такая постановка задачи. С одной стороны, логические эмпирики могли бы утверждать, что люди проверяют свои теоретические убеждения посредством чистого наблюдения, изменяя любые убеждения, вступающие в конфликт с результатами этих наблюдений. Они могли бы заключить, что историки в состоянии объяснять модификацию убеждения, показывая, как определенные наблюдения продемонстрировали непригодность старых убеждений и при этом обеспечили поддержку новых<sup>36</sup>. С другой стороны, идеалисты могли бы утверждать, что люди пытаются сделать свои убеждения всесторонними и логически взаимосвязанными, модифицируя убеждения, которые противоречат друг другу, они могли бы прийти к выводу, что историки в состоянии объяснять изменение убеждения путем показа того, как старая сеть представлений содержала в себе два противоречащих друг другу постулата, которые новая сеть приводит в соответствие<sup>37</sup>. Иррационалисты, разумеется, обычно отрицают осмысленность изменения убеждений: они утверждают, что рациональность связана с парадигмой или сетью представлений, и потому никакая сме-

---

<sup>36</sup> Взгляд, предложенный Карлом Поппером: *Popper K. Objective Knowledge: An Evolutionary Approach*. Oxford, 1972.

<sup>37</sup> Классическим примером подобного идеализма является, конечно, «Философия истории» Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (*Hegel G.W.F. The Philosophy of History* / Trans. J. Sibree, intro. C. Friedrich, New York, 1956).



на парадигмы не может быть объяснена как осмысленное действие<sup>38</sup>.

Семантический холизм предполагает, что подходящая форма объяснения модификации убеждений отличается от предписываемых и логическими эмпириками, и идеалистами. Поскольку не существует ни чистого наблюдения, ни самодостаточных убеждений, никакое отдельно взятое наблюдение или убеждение не может послужить основой для удовлетворительного объяснения любого изменения убеждения. Напротив: сети представлений — это совокупности взаимосвязанных концепций, соприкасающихся с реальностью в различных точках, так что историки могут объяснять изменения убеждения, только исследуя многообразные способы взаимодействия нового понимания со старой сетью представлений. Иногда им придется показывать, как новый опыт способствовал приданию нового облика старым теориям. В других же случаях они будут вынуждены показывать, как новая теория способствовала появлению новой интерпретации старого опыта. Убеждения вырабатываются в ходе изменчивого процесса, в котором всевозможные убеждения толкают и тянут друг друга во всевозможных направлениях. В силу этого семантический холизм предполагает, что люди модифицируют свои убеждения в ответ на дилеммы, хотя никогда не существует какой-либо одной-единственной требуемой модификации. В данном случае дилемма должна пониматься как любое новое понимание, базирующееся либо на интерпретированном опыте, либо на рефлексии по поводу существующих убеждений, которое стоит особняком от существующих убеждений, а потому принуждает к их пересмотру<sup>39</sup>.

---

<sup>38</sup> См.: *Foucault M. The Order of Things*. Любая вера в парадигмы или абсолютные предположения, разумеется, приводит к иррациональному релятивизму, схожему с иррациональным релятивизмом Фуко. См.: *Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions; Collingwood R. An Essay on Metaphysics*. Oxford, 1940. Разбор проблемы на примере Коллингвуда см.: *Toulmin S. Human Understanding: the Collective Use and Evolution of Concepts*. Princeton, 1972. P. 65–80.

<sup>39</sup> Дилеммы отличаются от «аномалий» Куна главным образом тем, что они не обязаны быть убеждениями, основанными на фактах, провоцирующими радикальные изменения убеждений. Ср.: *Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions*. Они отличаются от «проблем» Поппера прежде всего потому, что они всецело субъективны или интерсубъективны и никоим образом не существуют в независимом от разума мире. Ср.: *Popper K. Objective Knowledge*.

То, как люди отвечают на любую данную дилемму, отражает и характер дилеммы, и содержание существующей на данный момент сети представлений. Рассмотрим сначала влияние характера дилеммы на изменения, производимые людьми в ответ на нее. Столкнувшись с новым пониманием, люди должны или отвергнуть его, или же развить свои существующие убеждения, чтобы его воспринять. Если они его отвергают, их убеждения остаются неизменными. Если же они развивают имеющиеся убеждения, чтобы его воспринять, они должны делать это так, чтобы восприятие оставалось возможным, так что совершаемые ими модификации убеждений должны отражать характер нового понимания. Оказаться перед необходимостью разрешить дилемму значит задать самому себе вопрос: что общепризнанное понимание говорит о том, как устроен мир. Задать самому себе вопрос, конечно же, всегда означает занятие позиции, с которой ведется поиск ответа. Поэтому каждая дилемма указывает нам пути, на которых мы могли бы ее разрешить. Например, из тех христиан Викторианской эпохи, что были озабочены конфликтом между верой и теорией эволюции, несколько человек ответили модификацией своих религиозных убеждений таким образом, который отражал характер дилеммы, с которой они столкнулись. Они утверждали, что Бог имманентно присутствовал в процессе эволюции. Бог творил в мире посредством природных процессов, а не вторгался в него чудесным образом извне. Характер дилеммы, с которой они столкнулись, указал на придуманное ими решение так, что проблематика дилеммы превратилась в неотъемлемую составляющую усвоенной ими модифицированной сети убеждений. Они примирили теорию эволюции с верой в Бога, представив сам процесс эволюции как проявление деятельности Бога.

Теперь рассмотрим влияние существующих сетей представлений людей на сущность изменений, которые они производят в ответ на дилемму. Чтобы воспринять новое понимание, они должны увязать его с аспектами своих существующих на данный момент убеждений. Содержание их ныне существующих убеждений, более того, предоставит им для этого определенные возможности. Чтобы найти место для нового убеждения среди старых, они должны сделать понятными связи между

ними. Связи, которые они могут установить, что очевидно, будут зависеть от сущности их прежних убеждений. Люди могут интегрировать новое убеждение в свои уже существующие убеждения, только соотнеся его проблематику с проблематикой, уже отраженной в последних.

Таким образом, существующая сеть представлений предоставляет длинный перечень возможностей, с помощью которого люди предлагают серию ответов, когда сталкиваются с дилеммой. Их существующая сеть представлений дает им ресурсы, на которые они опираются, при осуществлении попытки воспринять новое понимание. Реагируя на дилемму, они обращаются к проблематике, уже присутствующей в их убеждениях, а это означает, что данная проблематика неизбежно влияет на направление, в котором их убеждения изменяются. Например, пантеистические убеждения, ассоциируемые с романтиками, предоставили некоторым людям викторианской эпохи «крюк», чтобы «повесить» на него теорию эволюции. Они пришли из пантеистической веры в природу как в форму бытия Божьего и через теорию эволюции пришли к имманентистской вере, согласно которой Бог воплотил Свою волю в творении посредством природных процессов в мире. Их уже существующие сети представлений предоставили им ресурс, используя который они ответили на дилемму, поставленную теорией эволюции. Они примирили теорию эволюции с верой в Бога, «повесив» эту теорию на «крюк» пантеистической проблематики в своих уже существующих убеждениях.

После того как люди находят в своих уже существующих сетях представлений «крюки», чтобы «повесить» новое понимание, образующее дилемму, они вынуждены идти дальше и модифицировать еще несколько своих уже существующих убеждений. Чтобы увидеть, почему так происходит, нам нужно помнить, что семантический холизм предполагает, что наши убеждения соприкасаются с реальностью только как внутренне согласованные сети. Таким образом, изменение в любом одном-единственном убеждении требует некоторых уравнивающих и сообразных изменений во всех других связанных с ним убеждениях. Новое понимание воздействует на сеть представлений примерно так же, как камень, брошенный в водоем. Сильный удар возникает в месте, в котором камень входит в

воду, а от него расходится рябь, постепенно исчезающая по мере удаления от центра удара. Если люди изменяют одно убеждение, они почти неизбежно оказываются вынуждены модифицировать и убеждения, связанные с ним, а затем — убеждения, связанные с последними, и так далее. Созданные дополнительные изменения, производимые таким образом людьми в своих уже существующих убеждениях, отражают и характер дилеммы, и содержание самих убеждений. По мере того как люди модифицируют свои убеждения, все более отдаленные от центра удара, они укрепляют «крюки», присоединяющие новое понимание к их убеждениям. Они приспособливают все больше и больше своих уже существующих убеждений, чтобы как можно лучше инкорпорировать в них нововведение. Каждое приспособление, которое они совершают, увязывает новое понимание со все новыми убеждениями на путях, проложенных предыдущими приспособлениями. Каждое приспособление, которое они совершают, обогащает проблематику, привносящую новое понимание во внутренне согласованные взаимоотношения с их уже существующими убеждениями.

Люди изменяют свои убеждения, «вешая» новое понимание на уже присутствующую в них проблематику. Мы не можем описать этот процесс более детально именно потому, что этот процесс — творческий, связанный со способностью действовать. Старые сети представлений людей предоставляют им ресурсы, с помощью которых они могут усвоить новое убеждение, а новое убеждение подсказывает им, как они могли бы поместить его в свою старую сеть представлений. Однако эти ресурсы и подсказки не предопределяют и даже не ставят очевидных пределов новым сетям представлений, к которым люди в итоге приходят. Итак, историки могут объяснять, как люди отвечают на данную дилемму, обращаясь и к дилемме, и к сетям представлений, на которые она оказала воздействие. Они могут использовать преимущества ретроспективного взгляда, чтобы создать рациональные реконструкции процессов, благодаря которым люди привели новое понимание в соответствие со своими уже существующими убеждениями.

Историки могут объяснять, почему люди изменили свои убеждения именно в тех направлениях, в которых они это сделали, представляя новые сети представлений как ответы на

дилеммы, с которыми столкнулись старые сети. Критики могли бы возразить, что эта диахронная форма объяснения очень напоминает контекстуалистскую логику научного открытия, ранее отвергнутую нами. Критики могли бы сказать, что если историки могут объяснять новую сеть убеждений путем представления ее как ответа на дилемму, перед лицом которой оказалась старая, то они наверняка могут раскрыть новые убеждения, изучив соответствующую дилемму, или, по меньшей мере, они наверняка не могут раскрыть новые убеждения без изучения соответствующей дилеммы. Принципиально важно, однако, что в то время как логика научного открытия вызывает непоколебимую приверженность методу, наша диахронная форма объяснения — не делает этого. В то время как логика научного открытия требовала бы от историков движения по определенному пути к объяснению модификации убеждений, наши аргументы позволяют историкам искать объяснение любым удобным им путем, при единственном условии, что они представляют свое объяснение в определенной форме. Допустим, например, что Дживонс принял теорию предельной полезности стоимости в ответ на дилемму, вставшую перед классической экономической школой. Перед нами — план объяснения новых убеждений Дживонса, сформулированный в категориях нашей формы объяснения, но мы все еще не сказали ничего, что свидетельствовало бы о потребности в особом методе. Историки могли бы раскрыть дилемму, — старую сеть представлений Дживонса и новую сеть представлений Дживонса любым подвернувшимся под руку методом. Они могли бы сделать это на основе прочтения его трудов, исследования социального контекста, изучения лингвистического контекста или просто догадки. Единственное, на чем мы будем настаивать, — это то, что раз уж они обрели релевантные исторические объекты изучения, используя какие бы то ни было методы, то тогда они должны объяснить изменение убеждений Дживонса, используя нашу форму объяснения. Они должны объяснить его новую сеть представлений путем показа того, как она представляет собой ответ на дилемму, с которой столкнулись его прежние убеждения.

Критики могли бы возразить, что в различии между методом и формой объяснения отсутствует содержание, необходи-

мое для того, чтобы уберечь наш подход от сползания к логике научного открытия. Они могли бы утверждать, что, хотя наше требование придерживаться определенной формы объяснения и не предписывает, что тот или иной метод необходим для успешного решения задачи, оно все же предписывает, что тот или иной метод достаточен для этого. В конце концов, они могли бы сказать, что поскольку воздействие дилемм на сети представлений объясняет изменения убеждений, то историки, конечно же, могут быть уверены в реконструкции изменения убеждений, если они реконструируют старую сеть представлений и саму дилемму. Мы можем ответить на это возражение как в общих категориях, так и применительно к истории идей. Если вести речь в общих категориях, то формы объяснения создают пустые схемы, тогда как логики научного открытия претендуют на то, чтобы поведать людям, как следует приступать к наполнению этих схем в любом конкретном случае. Таким образом, поскольку объяснительная схема не обязана сообщать людям, как наполнять ее в определенных случаях, форма объяснения не обязана выливаться в логику научного открытия. Форма объяснения, подходящая для естественных наук, например, могла бы включать, как абсолютный минимум, идею изначального положения вещей, вызывающего формирование более позднего положения вещей таким-то и таким-то образом. Ясно, однако, что эта схема не обеспечивает ученых логикой научного открытия. Она не сообщает им, как приступать к ее наполнению в любом конкретном случае. Она не делает этого потому, что природа связи между двумя положениями вещей, а следовательно, и того, как одно порождает другое, сама есть неотъемлемая часть открытия, которое ученые пытаются совершить. Конечно, если ученые знают, как причинно-следственная связь соединяет два положения вещей, они могут использовать знание одного элемента соответствующей причинно-следственной связи для открытия другого элемента. Но когда ученые в итоге говорят людям, что более позднее положение вещей будет вытекать из изначального положения вещей из-за тех-то и тех-то причинно-следственных связей, они оглашают результаты научного исследования, не предпринимая его. Таким образом, хотя особая форма объяснения и су-

ществует в естественных науках, она не обеспечивает ученых логикой научного открытия.

В случае истории идей соответствующая объяснительная схема выглядит следующим образом: старая сеть представлений превращается в новую сеть представлений из-за дилеммы. Критики могли бы обратить наше внимание на то, что в истории идей концепция рациональности устанавливает связь между двумя элементами этой объяснительной схемы. Они могли бы утверждать, что, поскольку историки не должны раскрывать природу этой связи, наша объяснительная схема порождает логику научного открытия. Конечно, они могли бы сказать, что если историки знают природу изначального положения вещей, то, поскольку они знают природу связи между двумя элементами, они должны быть в состоянии выявить позднейшее положение вещей. На самом деле, однако, мы не можем таким путем вывести логику научного открытия из нашей объяснительной схемы. Критики должны признать, что связь между двумя положениями вещей — рациональная, а не причинно-следственная, иначе же их аргументация рассыпается, так как природа связи теперь оказывается неустановленной. Но если связь между двумя положениями вещей — рациональная, а не причинно-следственная, то у историков не оказывается возможности выводить более позднее положение вещей из более раннего. Действительно, в силу того, что связь между двумя положениями вещей — рациональная, историки могут реконструировать движение от одного положения к другому только во временной ретроспективе. Никто не смог бы предсказать это движение, каким бы предшествующим знанием он ни обладал. Историки не могут выводить одно состояние представлений из другого, а это значит, что они не могут быть уверены в открытии новой сети представлений на основе предшествующего знания соответствующей старой сети представлений и дилеммы, с которой она столкнулась. Таким образом, наша диахронная форма объяснения не выливается в логику научного открытия.

Объяснительные схемы порождают логики научного открытия только тогда, когда оказываются выполненными следующие два условия. Во-первых, ученые обладают предшествующим знанием механизма, посредством которого более раннее

положение вещей вызывает к жизни более позднее. Во-вторых, природа этого механизма такова, что ученые могут предсказывать более позднее положение вещей, если известно, что они обладают знанием о более раннем положении вещей. Первое условие при изучении истории идей выполнимо, но второе — нет. Историки идей могут предполагать, что связь между двумя состояниями убеждений рациональна, но природа рациональной связи не допускает возможности предсказывать вид более поздних сетей убеждений на основе знания более ранних. Таким образом, поскольку наша объяснительная схема не позволяет делать предсказания, она не ведет к логике научного открытия.

Рассмотрим еще раз пример Дживонса. Изначальные убеждения Дживонса были убеждениями утилитариста, приверженного классической экономической школе. Главная дилемма, перед лицом которой он оказался, заключалась в том, что классическая теория распределения, как казалось, опровергалась современной ему статистикой. Классическая теория распределения состояла из доктрины фонда заработной платы и мальтузианского закона народонаселения. Статистика утверждала, что в 1850—1860-е годы возникли профсоюзы, быстро росло народонаселение и росла реальная заработная плата. Дживонс, как и многие его современники, был поставлен в тупик разрывом между экономической теорией и свидетельствами статистики. Если профсоюзы смогли поднять зарплату, то тогда как экономисты могли принимать доктрину фонда заработной платы, согласно которой в краткосрочной перспективе существовало четко ограниченное количество сбережений для выплаты зарплат? И если жизненный уровень и народонаселение могли расти одновременно, как экономисты могли принимать мальтузианство, согласно которому рост народонаселения вызывал падение заработной платы до уровня прожиточного минимума? Однако, даже если мы знаем все об изначальной сети убеждений Дживонса и о дилемме, с которой он столкнулся, мы все равно не в состоянии вывести из этого принятие им марджиналистского подхода к экономике. Мы не можем сделать это потому, что принятие им марджинализма было творческой реакцией, а не предзаданным ответом на дилеммы, пе-



ред лицом которых он оказался. Вот почему, даже если бы современники Дживонса имели точное знание о его убеждениях и дилеммах, перед которыми он стоял, они все равно не смогли бы предсказать, что он разовьет марджиналистскую теорию. Поэтому же и другие экономисты со схожими убеждениями, столкнувшись с теми же дилеммами, не стали приравнять стоимость к предельной полезности. Раз мы знаем, что Дживонс обратился к марджинализму, мы можем дать ретроспективное, рациональное объяснение этим его убеждениям, рассмотрев их на фоне и его более ранних убеждений, и дилемм, перед которыми он оказался. Но это не означает, что мы можем следовать некой мнимой логике научного открытия, чтобы вывести его более поздние убеждения из якобы предшествующего знания его более ранних убеждений и дилемм, которые он решал.

## Заключение

Кембриджская школа оказала радикальное влияние на изучение истории идей, которое в значительной мере, я уверен, было благотворным. Тем не менее и теория, и практика этой школы содержит в себе ряд проблем. Моей целью было заново рассмотреть эту теорию с целью сделать ее менее проблематичной и, возможно, даже существенно изменить ее направленность. Несмотря на различия, Покок и Скиннер сходным образом представляют изучение лингвистических контекстов как необходимую и, может быть, даже достаточную гарантию правильного понимания текста. Я, напротив, утверждаю, что в изучении истории идей не может существовать никакой логики научного открытия, так что контекстуализм может предложить лишь эвристическую максиму. В то же время истинная значимость контекстуалистского подхода обнаруживается в связи с объяснением, а вовсе не пониманием. Мы можем объяснить сети представлений, выраженные в тексте, поместив их в контекст более обширной сети представлений изучаемой личности, и мы можем объяснить эту более обширную сеть представлений, поместив ее в контекст релевантных традиций и дилемм.

Хотя моей главной целью, таким образом, было пересмотреть теорию Кембриджской школы, я обозначил и некоторые направления, в которых этот пересмотр мог бы оказать воздействие на практику. Я лишил смысла тезис об автономности истории идей, предположив, что другие контексты могут предоставить возможности для столь же ценного проникновения в нее, как и лингвистический. В частности, дилеммы нередко возникают из опыта, где реальность, как мы ее себе представляем, дает полезное указание на природу этого опыта, даже с учетом того, что он конструировался изнутри определенной сети убеждений. Реальность инфляции, например, безусловно, предоставляет полезный контекст для объяснения по меньшей мере одной из дилемм, породивших недавние тенденции в развитии социал-демократической традиции. Мы также могли бы отметить, что эвристическая сосредоточенность на лингвистических контекстах оставляет открытой возможность перевода споров, отраженных в тексте, в категории каких-либо иных дебатов, контекста или уровня абстракции, тем самым давая возможность вести речь об исконных проблемах<sup>40</sup>. Несомненно, мы также можем определить некоторые концепции на том уровне абстракции, который предоставляет возможность для раскрытия истории этих концепций. Наконец, у нас есть все основания принять, по крайней мере в некоторых случаях, эвристическую максиму «старайся заставлять авторов проявлять себя настолько рациональными, насколько это возможно» — максиму, которая потребовала бы от нас сосредоточения на внутренней согласованности текстов<sup>41</sup>. По меньшей мере в этих отношениях моя переоценка выводов Кембриджской школы могла бы помочь в устранении некоторых из тех барьеров, которые часто оставляют ее последователей в изоляции от других исследователей интеллектуальной истории.

*Перевод с английского Дмитрия Бондаренко*

---

<sup>40</sup> Cp.: *Bevir M. Are There Perennial Problems in Political Theory // Political Studies*. 1994. Vol. 42. P. 662–675.

<sup>41</sup> Cp.: *Bevir M. Mind and Method in the History of Ideas // History and Theory*. 1997. Vol. 36. P. 167–189.

# **ИСТОРИЯ МЕНТАЛЬНОСТЕЙ**



Рюдигер Цилл

## «СУБСТРУКТУРЫ МЫШЛЕНИЯ» ГРАНИЦЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИИ МЕТАФОР ПО ХАНСУ БЛЮМЕНБЕРГУ

«“Опыт” и “ожидание” являются [...] лишь формальными категориями, поскольку то, что было испытано, и то, что каждый раз ожидается, нельзя заключить из самих этих категорий. [...]. Речь идет о категориях познания, которые позволяют обосновать возможность истории. [...] Правда, эту формальность, как присущее им свойство, наши категории разделяют и со многими другими проявлениями исторической науки. Вспомним, хотя бы, о таких, как: “господин и слуга”, “друг и враг”, “война и мир”, “производительные силы и производственные отношения” [...]»<sup>1</sup>

### 1. Отцы и дети.

#### В защиту метафорологии как института

В наследии Ханса Блюменберга есть фрагмент под названием «Первооснование разума» (*Die Urstiftung der Vernunft*), в котором указывается на один эвристический метод, использовавшийся уже как Джамбаттистой Вико, так и Зигмундом Фрейдом<sup>2</sup>. Оба симулируют первобытный договор, не тот *contract*

---

<sup>1</sup> Koselleck R. «Erfahrungsraum» und «Erfahrungshorizont» — zwei historische Kategorien // *Idem.* *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten.* Frankfurt am Main, 1979. S. 351.

<sup>2</sup> См.: *Blumenberg H.* *Die Urstiftung der Vernunft* // *Idem.* *Lebensthemen.* Stuttgart, 1998. S. 80–83.

*social*, знакомый нам от Гоббса, Локка или Руссо, а тот, что исходит из конфликта отцов и сыновей. Но если у Вико это еще был контракт отцов против сыновей, то у Фрейда это уже контракт сыновей между собой. Сыновья обязывались воздержаться от убийства своих отцов — из инстинкта самосохранения:

«Сыновья впервые поняли значение времени: требуя от них стать отцами, оно не позволяет им оставаться сыновьями. Отсюда следует, что воля, направленная против отцов, обобщенно говоря, потенциально всегда направлена и против сыновей. Ведь если бы все сыновья убивали своих отцов, то тогда и все сыновья, став отцами, были бы убиты»<sup>3</sup>.

Блюменберг чувствует это как «первооснование разума», послужившее названием этому фрагменту, так как рациональность является, в сущности, «раскрытием противоречия в правиле, на которое ориентируется поведение, если оно представлено как господствующее не только над совокупностью всех индивидов, но и над жизнью во всей ее продолжительности»<sup>4</sup>. Фрагмент, начатый как размышление о первичном достижении разума, показывает, однако, его провал на примере именно того автора, который описал — пусть даже как фикцию — этот успех. По убеждению «праотца» Фрейда, уже к тому времени, когда возникла работа «Тотем и табу», его сыновья-ученики едва могли дожидаться, чтобы не свергнуть основателя психоанализа.

То, что выглядит как антропологическая трагедия, представляется Блюменбергу, однако, как личная дилемма:

«Проблема Фрейда состояла в том, что ему, как и любому основателю школы, нужны были сыновья. Но в то же время его теория привела к тому, что сыновьям ничего другого не хотелось так сильно, как поскорее убить отца»<sup>5</sup>.

Напрашивается вопрос, не думал ли Блюменберг здесь уже и о своей собственной судьбе? Является ли метафорология методом, породившим новую школу, и как бы такая школа

---

<sup>3</sup> Op. cit. S. 80.

<sup>4</sup> Op. cit. S. 80 f.

<sup>5</sup> Op.cit. S. 82.

могла в этом случае выглядеть? Создал ли Блюменберг нечто такое, чему его последователи могли бы систематически следовать? Фердинанд Феллманн, который сам себя называет «учеником» Блюменберга, попытался однажды сделать этот вопрос предметом общественной дискуссии<sup>6</sup>. Из философа Блюменберга, — жаловался Феллманн, — делают, используя его наследие, что-то вроде нашептывающего поэта. Защита мыслителя от его почитателей приобретает, однако, довольно быстро черты отцеубийства. Первоначально, пишет Феллманн, в произведениях Блюменберга — и это относится прежде всего к 1960-м годам — прослеживался четкий профиль. В них отразилось его критическое рассмотрение теории науки того времени:

«Эдмунд Гуссерль, Эрнст Кассирер, Карл Поппер и Томас Кун стояли в центре его стремлений найти феноменологический дискурс обоснования, который бы не уступал свои позиции конкурентам. В этот период Блюменбергу удалось первые попытки, открывшие впоследствии широкие горизонты. Он рано понял, что главной проблемой будущего является не истина, а понятие действительности. Наметились конструктивистские перспективы, нашедшие у него систематическое обоснование в концепции критики языка в рамках его теории метафоры».

Совсем иначе выглядят его поздние труды: в них его стиль «местами кажется манерным, а идеи нередко устарелыми». Его взгляды все более приобретали не терпящую возражений форму: он выдавал периферийные темы за значительные или неизвестных авторов за тех, кого, само собой разумеется, следует знать. Его лекции все сильнее напоминали ритуал освящения. В целом Феллманн констатировал у Блюменберга тенденцию к монологу, форме которого хорошо соответствует его поздний стиль: «В беллетристической манере его идеи принимают законченную форму, которая, возможно, и полезна для его репутации, но которая лишает его идеи какой-либо способности включаться в общий разговор».

---

<sup>6</sup> См.: *Fellmann F. Ein Denker und kein Dichter. Die Isolierung eines Philosophen: Hans Blumenberg gegen seine Verehrer verteidigt* // *Frankfurter Rundschau*. № 3. März 1998.

Способность «включаться в общий разговор» указывает на общую проблему: Есть ли вообще в философии нечто вроде рецепции, рецепции не в смысле свободного движения отдельных мыслей, а в смысле дальнейшего продуктивного развития теоретического фонда, философии как института? Сам Блюменберг отмечал в своей работе «Время жизни и время мира» (*Lebenszeit und Weltzeit*), что исторически *наука* как институт возникла поздно. Коперник и Декарт верили еще, что их собственной жизни будет достаточно, чтобы разработать надежный метод и зафиксировать с его помощью важнейшие выводы<sup>7</sup>. В последующих столетиях эта вера исчезает и уступает место двум возможным решениям проблемы: нужно либо изменить само требование, либо форму его достижения. Наука идет первым путем; она институционализируется, становится коллективным проектом. Поначалу философы пытались, хотя и с большим трудом, держаться за старое требование одиночного «броска». Явно, что Декарт и Гоббс еще с легкой руки времени разработали свои философские системы; в энциклопедии Гегеля уже заметно значительное усилие, необходимое, чтобы «развязать» с таким трудом зашнурованное разнообразие действительности. С тех пор, так по крайней мере кажется, философский атлас развалился под тяжестью своих систем. Может, мыслителям и остается лишь одно спасение в том, чтобы возродиться как поэтам, ведь только так еще можно охватить целостность в одиночку.

Но в таких условиях тот, кто захотел продолжить там, где закончил другой, окажется не участником научного общества, а лишь эпигоном. Потребность в подлинном гении сидит глубоко. Не требуем ли мы все в тайне, чтобы какой-нибудь настоящий философ если уж не объяснил весь мир, то хотя бы нашел ту точку, опершись на которую его можно перевернуть? Для последователей это только усложняет ситуацию — опасность провала возрастает.

В другой опубликованной заметке из наследия Блюменберга он разделяет философов на тех, которых можно пародировать, и тех, кто не поддается пародии:

---

<sup>7</sup> Blumenberg H. *Lebenszeit und Weltzeit*. Frankfurt am Main, 1986. S. 117.



«Адорно никто не понял, но уже после немногих прочитанных страниц все сообразили, как это делается. Манерность ведет к успеху в смысле побуждения к пародии — и это выглядит потом как удачная рецепция»<sup>8</sup>.

Таких мыслителей, как Кант или Гуссерль, напротив, невозможно пародировать, причем не в последнюю очередь из-за их специфического языка.

Устойчив ли язык самого Блюменберга к пародии, покажет время, не хочу однозначно решать и вопрос о том, стал ли стиль его поздних трудов действительно более манерным или, может, просто более изысканным, — это дело вкуса. Явно лишь то, что его работы стали более «литературными», отразились скорее в коротких замечаниях и фрагментах, чем в четких понятийных конструкциях. Прежде всего книги, которые до сегодняшнего дня были изданы из его наследия, являются как формально, так и по содержанию в первую очередь «работой над конкретным случаем (анекдотом)»<sup>9</sup>.

Стала ли, напротив, его склонность к монологу с годами сильнее, решить опять-таки сложно, во всяком случае, если судить по написанным работам. То, что он почти не вмешивается в актуальные споры своей дисциплины, еще не доказательство, особенно если учесть, что и в своих ранних трудах он на удивление мало дебатировал с другими теоретиками современности. Нужно заглянуть в очень далекое прошлое, чтобы найти очевидно задокументированный интерес к другим философам своего столетия: в своей неопубликованной докторской

---

<sup>8</sup> *Blumenberg H.* Die Suggestion des beinahe Selbstgekonnten // *Idem.* Ein mögliches Selbstverständnis. Stuttgart, 1997. S. 89.

<sup>9</sup> См. помимо обоих уже упомянутых томов «Lebensthemen» и «Ein mögliches Selbstverständnis» прежде всего: *Blumenberg H.* Die Vollzähligkeit der Sterne. Frankfurt am Main, 1997; *Idem.* Begriffe in Geschichten. Frankfurt am Main, 1998; *Ibid.* Die Verführbarkeit des Philosophen. Frankfurt am Main, 2000. Конечно, неизвестно, как бы в конечном итоге выглядела версия этих работ, выпустил их в свет сам Ханс Блюменберг; то, что было найдено в его наследии, это прежде всего папки, в которых под соответствующими заголовками были собраны наброски и различные фрагменты. Но насколько мне известно, нет никаких ссылок на то, что Блюменберг планировал более проработанный общий текст. (Правда, обычному читателю и по этому поводу нельзя сказать ничего определенного, так как издательские пометки или ссылки на источники тех или иных фрагментов в этих работах, как правило, отсутствуют, либо дают разве что скудную информацию.)

диссертации «Онтологическая дистанция» (*Die ontologische Distanz*) он вступает в духовный разговор с Гуссерлем и Хайдеггером, ссылается и на других коллег по цеху<sup>10</sup>. От подобной практики мало что осталось уже в его первых опубликованных статьях, и даже предшествующее поколение философов редко в них упоминается. Конечно, Гуссерль у него постоянно присутствует, Кассирер тоже относится к редким исключениям, из непосредственных современников Блюменберга встречаются иногда имена Томаса Куна, Жан-Поль Сартра или Ханса Йонаса, но все они присутствуют лишь в виде фрагментарных инкрустаций.

Любопытно, что в его поздних произведениях два автора приобретают большее значение: Людвиг Витгенштейн и Зигмунд Фрейд, — но к этому я вернусь позже. Помимо этого его занимают прежде всего писатели: Гете, Хёббель, Фонтане, Томас Манн. В этом можно видеть своего рода возврат к его первоначальным публицистическим интересам: из 1950-х годов до нас дошли несколько рецензий Ханса Блюменберга прежде всего на английскую литературу<sup>11</sup>. Наверное, нужно даже сказать, что преимуществом Блюменберга с самого начала было умение игнорировать границу между литературой и литературоведением, с одной стороны, и философией — с другой, причем как в смысле стиля и метода, так и выбора предмета исследования.

Соблазнительно, но утомительно было бы спекулировать о причинах такого нежелания «общаться» с современной философией, о том, каким образом это отразилось на его учениках и можно ли в этом видеть защитный механизм, спасающий как от отцеубийц, так и от подражателей. Утомительны были бы такие спекуляции еще и потому, что они не приблизили бы нас к главной проблеме, к более общему феномену, по отношению к которому Блюменберг составляет лишь отдельный пример: для европейской философии, как и вообще для гуманитарных

---

<sup>10</sup> Blumenberg H. Die ontologische Distanz. Eine Untersuchung über die Krisis der Phänomenologie Husserls. Unveröffentlichte Habilitationsschrift. Kiel, 1950.

<sup>11</sup> В журнал «Hochland» были опубликованы помимо прочих критические эссе об Ивiline Во, Эрнесте Хемингуэе, Т.С. Элиоте и Уильяме Фолкнере. Точные данные см. в: Die Kunst des Überlebens. Nachdenken über Hans Blumenberg / Hg. von Franz J. Wetz, H. Timm. Frankfurt am Main, 1999. S. 434 ff.

наук, споры о понятиях, как правило, нетипичны. В особенности это относится к нашей узкой тематике. Ральф Конерсманн жаловался не так давно, что в своем намерении указать на «перспективы исторической семантики» он не мог опереться на общее предварительно определенное понимание и что даже само название дисциплины среди специалистов не является общепринятым. «До сегодняшнего дня в научной номенклатуре нет четкого различия между историей значений, понятий, смыслов, мотивов, рецептов или идей, и прежде всего потому, что эти слова очень редко употребляются в качестве терминов»<sup>12</sup>. Он называет целый ряд «теоретических позиций в истории значений», среди них — помимо метафорологии Блюменберга — историю понятий, связанную с именами Эрнста Кассирера, Эриха Ротхакера и Йоахима Риттера, историографическую историю понятий Отто Бруннера, Вернера Конце и Райнхарта Козеллека, а также Кембриджскую школу Дж.А. Покока и Квентина Скиннера. Но для них для всех характерно прежде всего отсутствие взаимного диалога.

Итак, вместо того чтобы имитировать метод или даже стиль Блюменберга — и тем самым его пародировать, — я намерен в дальнейшем реконструировать понятийный аппарат его метафорологии и соотнести полученный результат с подобными стремлениями, например, в истории понятий или теории метафор. Таким образом, свои последующие размышления я рассматриваю как вклад если не в «философию как институт», то по крайней мере в «метафорологию как институт».

Систематические отправные точки для такого предприятия были даны самим Блюменбергом прежде всего в трех его сочинениях. Сначала в основополагающих, в том числе и до сих пор, «Парадигмах метафорологии» (*Paradigmen zu einer Metaphorologie*), которые вышли в 1960 году в «Архиве истории понятий» (*Archiv für Begriffsgeschichte*), издаваемом Эрихом Ротхакером<sup>13</sup>. Сюда же относится и небольшая, предшествующая

---

<sup>12</sup> Konersmann R. Der Schleier des Timanthes. Perspektiven der historischen Semantik. Frankfurt am Main, 1994. S. 42.

<sup>13</sup> Blumenberg H. Paradigmen zu einer Metaphorologie // Archiv für Begriffsgeschichte. 1960. № 6. S. 7–142; в настоящее время эта работа издана также как отдельная брошюра в издательстве «Suhrkamp», Frankfurt am Main, 1998 (в дальнейшем я цитирую из обоих изданий, указывая страницы по следующему образцу: Archiv für Begriffsgeschichte/Suhrkamp).

первой, работа «Свет как метафора истины» (*Licht als Metapher der Wahrheit*)<sup>14</sup>. Одиннадцать лет спустя также в «Архиве истории понятий» вышла статья «Наблюдения за метафорами» (*Beobachtungen an Metaphern*)<sup>15</sup>, которая вызвала гораздо меньший интерес. С этой статьей сам Блюменберг обошелся несколько жестоко, используя ее в качестве чистого эмпирического ресурса, из которого он кое-что взял дословно и утилизировал в своих более поздних публикациях. Наконец, он дополнил свою работу «Кораблекрушение со зрителем» (*Schiffbruch mit Zuschauer*), вышедшую в 1979 году, «Обзором теории непонятности» (*Ausblick auf eine Theorie der Unbegrifflichkeit*)<sup>16</sup>. Кроме того, в 1971 году вышла статья под названием «Антропологический подход к актуальности риторики» (*Anthropologische Annäherung an die Aktualität der Rhetorik*), где он рассматривает метафору в наиболее широком контексте<sup>17</sup>.

Кроме того, метафорология Блюменберга представлена, наконец, большими историческими исследованиями, среди которых «Читаемость мира» (*Die Lesbarkeit der Welt*) и «Выходы из пещеры» (*Höhlenausgänge*). При этом следует иметь в виду, что разносторонние исторические работы редко исчерпываются лишь и без того скудными теоретическими установками Блюменберга. Скорее нужно различать между той продуктивностью метафорологии, которую приписывает ей сам автор, и теми возможностями, которые в действительности она представляет.

## 2. Господин или слуга? Понятия в метафорах

Уже в своих ранних работах Блюменберг дает четкое определение того, как в узком смысле можно понимать отношение

<sup>14</sup> Blumenberg H. Licht als Metapher der Wahrheit // Studium Generale. 1957. № 10. S. 432–447.

<sup>15</sup> Blumenberg H. Beobachtungen an Metaphern // Archiv für Begriffsgeschichte. 1971. № 15. S. 161–214.

<sup>16</sup> Blumenberg H. Schiffbruch mit Zuschauer. Paradigma einer Daseinsmetapher. Frankfurt am Main, 1979. S. 75–93.

<sup>17</sup> Blumenberg H. Anthropologische Annäherung an die Aktualität der Rhetorik // Idem. Wirklichkeiten in denen wir leben. Stuttgart, 1981. S. 104–136. (Это первая публикация статьи на немецком языке. Первоначальный текст 1971 года был издан только на итальянском языке.)

истории метафор к истории понятий. Вступление к его «Парадигмам метафорологии» заканчивается словами:

«Абсолютные метафоры тоже имеют [...] *историю*. Как понятия они имеют историю в радикальном ее смысле, так как историческое изменение метафоры раскрывает метакинетику самих исторических горизонтов смысла и перспектив, в которых понятия претерпевают изменения. Ввиду такой импликации отношение метафорологии к истории понятий определяется (в узком терминологическом смысле) как отношение подчиненности: метафорология пытается приблизиться к субструктурам мышления, к субстрату, к питательному раствору систематических кристаллизаций, но она хочет также постичь следующее: “смелость”, с которой дух в своих проявлениях опережает самого себя, “мужество к гипотезе”, которое порождает историю духа»<sup>18</sup>.

При внимательном рассмотрении эта цитата сбивает с толку из-за странной амбивалентности, которой характеризуются отношения понятия и метафоры. С одной стороны — это сами метафоры, которые указывают понятиям на их место, с другой стороны, отношение метафорологии к истории понятий должно заключаться в подчиненности. Так кто же здесь господин, а кто слуга? Чтобы избежать такой амбивалентности, необходимы некоторые разъяснения, которые далеко не так тривиальны, как это может показаться на первый взгляд.

Сначала следует рассмотреть, что здесь понимается под метафорой, так как лишь в этом случае можно ясно определить, что в этом контексте имеется в виду под *историей* метафор, точнее говоря, почему она является чем-то более радикальным, чем история понятий. В конце концов, нужно обратить внимание на то, как сам метафоролог выбирает свои метафоры, чтобы обрисовать отношение понятийного и не понятийного.

Ханс Блюменберг вводит понятие метафоры не эксплицитно, и это значит, не давая определения. Лишь различая традиционную и важную для него разновидность абсолютной метафоры, Блюменберг проводит терминологическую границу. Но уже в общем понятии метафоры выявляются две нечеткие сферы: первая касается ее отличия от других тропов, вторая — от

<sup>18</sup> Blumenberg H. Paradigmen. S. 11–13.

других форм аналогий. Первая нечеткость встречается уже в самой ранней из известных дефиниций метафоры, данной Аристотелем в «Поэтике»<sup>19</sup>. Его классическое определение характеризует метафору как перенос (соответственно ее исторически сложившемуся словообразованию из *metá* и *phérein*) и выделяет четыре его типа. Впоследствии, правда, только четвертый тип, перенос слова «по принципу аналогии», будет кодифицирован риторикой как собственно *метафора*, в то время как первые три типа — перенос с рода на вид, с вида на род или с одного вида на другой — сохранят свой статус как самостоятельные тропы: синекдоха и метонимия. Тем не менее некоторые авторы до сих пор, вплоть до нашего столетия, пытаются стереть границы между этими разновидностями тропов<sup>20</sup>. У Блюменберга понятие метафоры сперва тоже скорее негативное, это определение, применяемое для любой непонятной речи. При этом границы понятия нечетки не столько по отношению к другим тропам, сколько в сфере самой аналогии. *Сравнение, подобие, аллегория* рассматриваются иногда отдельно друг от друга, но часто употребляются как синонимы *метафоры*. Похоже, однако, что эта нечеткость у Блюменберга с самого начала была признаком его сознательной теоретической открытости.

Около двадцати лет спустя эта открытость станет явной программой. Послесловие своей работе «Кораблекрушение со зрителем» Блюменберг назовет «Обзором теории непонятности». В этой теории непонятности метафора предстает лишь одним специальным случаем среди других<sup>21</sup>. Другими случаями, которые он в этой и последующих трудах пытался разработать на многих отдельных примерах, являются, например, миф<sup>22</sup> или анекдот<sup>23</sup>.

<sup>19</sup> Aristoteles. Poetik 1457 b.

<sup>20</sup> В последнее время это особенно явно проявилось в работе: Goodman N. Sprachen der Kunst. Entwurf einer Symboltheorie. Frankfurt am Main, 1995. S. 73 ff. См. также критику общей тенденции сглаживания понятийных различий в теории метафоры: Genette G. Die restringierte Rhetorik // Theorie der Metapher / Hg. von A. Haverkamp. Darmstadt, 1983. S. 229–252.

<sup>21</sup> Blumenberg H. Schiffbruch. S. 77 ff.

<sup>22</sup> См.: Blumenberg H. Wirklichkeitsbegriff und Wirklichkeitspotential des Mythos // Terror und Spiel (Poetik und Hermeneutik IV) / Hg. von Manfred Fuhr-

Тем не менее метафора остается одной из его основных тем, и ей он посвятил часть своих крупных исследований. Но о чем, собственно, Блюменберг пишет свои истории, если он пишет историю метафоры истины (*Wahrheitsmetapher*), или метафоры пещеры (*Höhlenmetapher*), или метафоры читаемости мира (*Lesbarkeit der Welt*)? Ведь согласно давно признанной трактовке, одной из главных характерных черт этой риторической фигуры является то, что она не поддается парафразированию. Часть того, что она означает, всегда остается неопределенной, ее точное значение — открытым, а основанием для нее служат различные ассоциативные пространства, по-разному организованные у говорящих, слушающих или читающих. Хотя «Исторический философский словарь» и говорит, что метафоры не по принципиальным причинам не вошли в состав его вокабул, а лишь потому, что состояние науки этого не позволяет<sup>24</sup>, другие авторы, напротив, оценивают ситуацию более радикально. Поль Рикёр, например, считает словарь метафор вообще немислимым, так как их смысл всегда раскрывается лишь в определенных контекстах<sup>25</sup>. При этом он ссылается на исследования некоторых более ранних авторов, таких, как Айвор Армстронг Ричардс, Монро Бердсли и прежде всего Макс Блэк. Блэк убедительно показал ошибочность рассуждений о метафоре как о *слове*, следуя, например, за Аристотелем. Строго говоря, метафора всегда состоит из целого *предложения*<sup>26</sup>. В этом предложении можно различать между оптическим фокусом метафоры — конкретным словом, которое мы в повседневной речи и называем «метафорой», — и ее рамкой. В рамке предложения есть основной субъект, на который переносятся определенные аспекты значения, — фокус метафоры. Если, например, говорится, что мир — это часы, то определенные се-

---

mann. München, 1971. S. 11–66, и прежде всего большую работу: *Blumenberg H. Arbeit am Mythos*. Frankfurt am Main, 1979.

<sup>23</sup> См., к примеру: *Blumenberg H. Das Lachen der Thrakerin. Eine Urgeschichte der Theorie*. Frankfurt am Main, 1987, см. также уже сказанное о посмертно опубликованных произведениях.

<sup>24</sup> *Historisches Wörterbuch der Philosophie* / Hg. von J. Ritter, K. Gründer. Darmstadt; Basel, 1971 ff. Bd. 1. S. VIII f.

<sup>25</sup> *Ricoeur P.: Die Metapher und das Hauptproblem der Hermeneutik // Theorie der Metapher*. S. 356–375, здесь s. 361.

<sup>26</sup> См.: *Black M. Die Metapher // Theorie der Metapher*. S. 55–79.

мантические элементы метафоры «часы» проецируются на мир, но только те, которые в связи с миром имеют определенный смысл, который, в свою очередь, возможно, зависит от контекстуального понимания мира. Таким образом, *мир – это часы* означало в раннем Новом времени не тот факт, что мир измеряет время, а то, что мир объясним из сплетения действующих каузальностей (*causa efficiens*), посредством давления и толчка, – без привлечения конечных причин, то есть именно как механизм. А часы в то время воспринимались как парадигматическая машина. Если же, напротив, говорится о часах жизни, то в этом случае действительно подразумевается их временная функция. Таким образом, конкретные понятия, помещаясь в рамку другого предложения, встраиваясь в отношения к другому субъекту предложения, становятся фокусом совершенно другой метафоры. Отношение рамки или ее основного субъекта к такому фокальному выражению называется темой метафоры. В этой связи Макс Блэк – в отличие от традиционной теории метафоры – придавал значение тому обстоятельству, что сходство между основным субъектом предложения и понятием в фокусе не предполагается, а конституируется посредством их взаимодействия в процессе образования метафоры. Сходство, таким образом, не предполагается, а производится.

Но и сама тема метафоры еще не содержит константного значения, так как, подчеркивает Блэк, фокальное выражение должно пониматься не как строго определенное или определимое понятие, а как обусловленная культурой система ассоциативных импликаций. Когда мы говорим: *человек это волк*, – для нас важно не биологическое определение волка, а его культурная кодировка, некие ассоциации, знакомые нам по нашей культуре, – например, из таких сказок, как «Красная Шапочка», или «Волк и семеро козлят», или из мифа об основании Рима. В других культурах волк как биологическое существо остается всегда одним и тем же, у него нет другой шерсти или других инстинктов, но как культурная система импликаций он может быть очень разным. В связи с этим меняется, конечно, и его метафорический потенциал. Некоторые авторы, например Рикёр, радикализировали эту мысль и критиковали Блэка за то, что он слишком тесно связывает систему импликаций с устой-



чивыми культурными кодификациями. Рикёр, напротив, считает, что ассоциативные системы при известных условиях могут в большей степени содержать региональные отпечатки или индивидуальные кодировки. Наконец, подлинно новые значения возникают лишь после преобразования самой системы импликаций, то есть прежде всего в процессе литературных и поэтических заимствований. Нет необходимости рассматривать здесь этот спор далее. Ясно то, что пути к истории определенных метафор могут быть очень сложными; при этом речь может идти об истории определенных основных субъектов, истории определенных фокальных выражений или даже истории определенных тем метафоры.

Так, например, в «Выходах из пещеры» Блюменберга встречается история *фокуса* метафоры пещеры, встроенного в различные рамки. А в другой своей работе, в «Парадигмах», он прослеживает историю понятия «истина»; здесь речь идет о том, в какие переменные метафорические отношения может вступать основной *субъект* метафоры. В итоге он показывает, что процесс познания мог описываться и пониматься через метафору света или метафору отпечатка. Сам Блюменберг, выразившийся несколько туманно, видел в этой вариативности возможность, в рамках которой «одна метафора может быть заменена, представлена другой или исправлена более точной метафорой»<sup>27</sup>. Наконец, он эксплицитно исследовал также историю *тем* метафоры — например, в «Читаемости мира» он описал историю метафоры «природы как книги».

В отличие от «простой» истории понятий — так, по крайней мере, можно утверждать на данный момент, — реконструкция историй метафоры производится более тщательно, так как в своем толковании она должна учитывать изменения культурно обусловленных значений на различных уровнях — на уровне инкорпорированных понятий или на уровне темы метафоры. Но прежде всего из этого следует, что метафорологические исследования, по всей вероятности, вообще невозможны без предшествующих им исследований истории понятий.

Правда, это соотношение условий можно рассматривать и в прямо противоположном направлении. Понятия приобрета-

---

<sup>27</sup> Blumenberg H. Paradigmen. S. 11–12 f.

ют свое значение не в ходе изолированного определительного акта, получая свой смысл лишь для самих себя или через референцию к внешней действительности. Они наполняются смыслом только в совокупности с другими понятиями, которые в какой-то степени взаимно друг друга определяют. Каким образом можно теперь понимать общую структуру этой модели? Джордж Лакофф и Марк Джонсон, например, отмечают, что наша «повседневная система понятий, согласно которой мы думаем и действуем, [...] в принципе и всегда является метафорической»<sup>28</sup>. Именно из этой мысли исходит и Ханс Блюменберг. Даже если организующие метафоры не проявлены эксплицитно, они могут обуславливать саму конструкцию понятийных систем. «Метафорика может быть замешана и там, где используются исключительно терминологические высказывания, которые, однако, нельзя понять во всем их смысловом единстве без учета основного представления, из которого они индуцированы или “считаны”»<sup>29</sup>. Блюменберг ввел в этой связи термины «импликативная модель» или «метафорика заднего плана» (*Hintergrundmetaphorik*). Итак, кто господин, а кто слуга в отношении понятия и метафоры, не так уж и просто решить. История понятий и метафорология находятся скорее в симбиотическом отношении взаимной подчиненности.

### 3. Созерцания для понятий. Взгляд на целое

Если Блюменберг и остается довольно неточным, что касается эксплицитного определения метафоры в целом, — причем

---

<sup>28</sup> Lakoff G., Johnson M. *Leben in Bildern. Konstruktion und Gebrauch von Sprachbildern*. Heidelberg, 1998. S. 11. (Оригинал этой очень влиятельной в США книги вышел в 1980 году.) Рус. перевод см.: Лакофф Д., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. М., 2004

<sup>29</sup> Blumenberg H. *Paradigmen*. S. 69–91; см. также пример концепции истины Фомы Аквинского в: *De veritate* I.1, чье «чисто терминологическое высказывание [...], если присмотреться внимательнее, явно ориентируется на метафорический задний план, который мы предлагаем называть “импликативная модель”». Это значит, что метафоры в представленной здесь функции далеко не обязательно должны выступать в языковой сфере высказываний. Но связанные между собой высказывания соединяются вдруг в одно смысловое единство, если основное метафорическое представление, с которого эти высказывания могут быть “считаны”, можно раскрыть гипотетически». — Op.cit. S. 16 f., 20.

настолько, что нам до сих пор пришлось прибегать к помощи других теоретиков метафоры, — то другую границу он проводит, напротив, достаточно отчетливо. В «Парадигмах» он различает два основных варианта метафоры: одна обозначает так называемые «остатки» в нашем языке, другая — «основной состав». Для этого различия важен также другой аспект отношения понятия и метафоры, а именно аспект наглядности. Остатки являются «рудиментами на пути “от мифа к логосу”»; как таковые они указывают на соответствующую историческую ситуацию философии, которая должна равняться на регулятивную идеальность чистого логоса»<sup>30</sup>. Это метафоры, которые вырывают там, где еще пока нет понятий. Ударение лежит на слове *пока*, так как в принципе подразумеваемое ими значение может быть выражено и с помощью терминов, или, по крайней мере, это должно быть возможно. В «Наблюдениях за метафорами» Блюменберг выделил среди этих «остатков» дополнительно сферу «неудавшегося» и «еще не консолидированного образования понятий»<sup>31</sup>.

Но еще больший интерес для Блюменберга представляет так называемый «основной состав», получивший у него название «абсолютных метафор». Это «"переносы", не поддающиеся возврату в буквальное, логическое»<sup>32</sup>. Кавычки, в которые поставлен «перенос», указывают уже на то, что здесь речь должна идти о переносах лишь в переносном смысле.

«Понятием» Блюменберг называет, следуя традиции Канта, то, чему не только может быть дано точное определение, но и чему должно соответствовать определенное созерцание<sup>33</sup>. Абсолютные метафоры указывают на феномены, которые, вероятно, и можно абстрактно определить, но которые являются слишком большими, слишком близкими, слишком неконкретными, чтобы им когда-либо могло соответствовать созерцание, например: *миф, жизнь, истина*, даже собственное *Я*. И хотя все они никогда не выльются в строгие понятия, мы постоянно испытываем потребность говорить, думать, дискутировать о

<sup>30</sup> Op.cit. S. 9–10.

<sup>31</sup> Blumenberg H. Beobachtungen an Metapheren. S. 171.

<sup>32</sup> Op. cit.; Blumenberg H. Paradigmen. S. 9–10.

<sup>33</sup> См.: Blumenberg H. Licht als Metapher. S. 432; а также: Blumenberg H. Ein mögliches Selbstverständnis. S. 48 ff.

них. Чтобы понять не поддающееся определению, мы ищем себе вспомогательное средство: абсолютную метафору. Именно эта абсолютная метафора, — а не традиционные метафоры, возникающие, чтобы изжить самих себя<sup>34</sup>, — является тем основным предметом, к которому до самого конца были обращены размышления Ханса Блюменберга.

При таком обоюдном разграничении *понятия* и *метафоры* он ссылается во введении к «Парадигмам» на двух авторов, один из которых Рене Декарт, другой Джамбаттиста Вико. Декарт представляет программу чистой понятийности, Вико выступает в защиту метафоры. Согласно Декарту, все наши знания о мире должны быть выражены «ясно и четко», то есть чисто понятийно.

«Этому идеалу полного опредмечивания соответствует совершенство терминологии, в которой наличие и точность определенной данности схвачены в определенных понятиях. В этом конечном состоянии философский язык был бы чисто “понятийным”, или строго говоря: если все *может* быть определено, значит, все и *должно* быть определено, нет больше ничего логически “предварительного”, так же как и не существует больше *morale provisoire*»<sup>35</sup>.

Этой программе Блюменберг противопоставляет Вико, одного из первых авторов, закрепивших за метафорой собственное право на познание. Одной чистой логикой, считает он, невозможно понять мир и, в особенности, мир исторический, здесь ей должна помочь «логика фантазии». Высказав это требование, Вико становится праотцем метафорологии, правда с одним ограничением. Блюменберг по праву критикует Вико за то, что тот впадает в картезианский идеализм, закрепляя за логикой фантазии лишь раннюю эпоху истории. Метафоры, по Вико, были важным вспомогательным средством при возникновении языка на раннем этапе, однако «ставшее взрослым» человечество в них уже не нуждается. Здесь Блюменберг идет

---

<sup>34</sup> Подробнее о традиционной метафоре и ее отличии от абсолютной метафоры: Zill R. Wie die Vernunft es macht. Die Arbeit der Metapher im Prozeß der Zivilisation // Die Kunst des Überlebens. S. 164–183, особ. s. 172 ff.; см. также: Zill R. Meßkünstler und Rossebändiger. Zur Funktion von Metaphern und Modellen in philosophischen Affekttheorien. Diss. Phil. Berlin, 1994. S. 79–87.

<sup>35</sup> Blumenberg H. Paradigmen. S. 7.

дальше, чем Вико. Иначе говоря: Декарт отказывал метафоре в любом праве на познание, Вико признавал за ней статус рудиментарных «остатков», Блюменберг же допускает существование абсолютных метафор, которые побуждают его «заново продумать отношение фантазии и логоса»<sup>36</sup>.

Здесь Блюменберг вводит третьего автора: Иммануила Канта. У него он находит понятие, послужившее ему моделью для концепции абсолютной метафоры: понятие символа, обоснованное в § 59 «Критики способности суждения». К этой ссылке нужно отнестись очень серьезно. Уже у Канта каждое понятие нуждается в созерцании. Для эмпирических понятий это не представляет трудностей, их можно представить примерами. Иначе дело обстоит с неэмпирическими понятиями, то есть с понятиями, которые постигаются рассудком или разумом: они не обойдутся без гипотипозы — чувственного восприятия того, что, собственно, не является чувственным. Поэтому рассудочные понятия сопровождаются схемами, а понятия разума — символами.

Классическим примером понятия разума у Канта является «бог». Дать ему абстрактное определение как, например, всемогущий, всемилостивый и так далее было бы неудовлетворительно. Если же попытаться его представить грубо, с помощью антропоморфизации, то это просто неадекватно. Выход здесь представляют символические гипотипозы: «выражения для понятий не посредством прямого созерцания, а лишь по аналогии с ним, то есть посредством переноса рефлексии о предмете созерцания на совершенно другое понятие, которому, вероятно, созерцание никогда не сможет прямо соответствовать»<sup>37</sup>.

Или как это в другом месте объясняет Кант:

«Когда я говорю: мы вынуждены смотреть на мир так, как если бы он был творением некоего высшего разума и высшей воли, я действительно говорю только следующее: так же как часы относятся к мастеру, корабль — к строителю, правление — к властителю, так чувственно воспринимаемый мир (или все то, что составляет Основу этой совокупности явлений) относится к неизвестному, которое я хотя и не познаю таким, каково оно

<sup>36</sup> Op. cit. S. 10 f.

<sup>37</sup> Kant I. Kritik der Urteilkraft. § 59. В 257.

есть само по себе, но познаю таким, каково оно для меня, а именно по отношению к миру, часть которого я составляю»<sup>38</sup>.

Блюменберг копирует, цитируя Канта, эти определения для своего понятия абсолютной метафоры, в ней он видит «перенос рефлексии о предмете созерцания на совершенно иное понятие, которому, вероятно, созерцание никогда не сможет прямо соответствовать»<sup>39</sup>. Абсолютная метафора, продолжает он, может быть «ясно охарактеризована как модель в прагматической функции». Сам Кант отмечал в своей «Критике способности суждения» нехватку исследования, посвященного разработке символических гипотипоз. Это замечание, признается Блюменберг, дало первый толчок для его собственных метафорологических исследований. Нельзя упускать из виду, что это мимолетное замечание содержит больше, чем просто поклон авторитетному предшественнику. Сам фрагмент, в котором оказываются почести Канту, сигнализирует, как тесно собственная программа Блюменберга связана с кантианством.

Остановимся на ключевом выражении «прагматическая функция»<sup>40</sup>. Она означает поиск «принципа не теоретического определения предмета [...], чем он является сам по себе, а практического — того, чем его идея должна стать для нас и для ее целесообразного употребления»<sup>41</sup>. Теоретическая сфера чистого познания вещей, того, *что* они есть, противопоставлена прагматической. Особенность программы Блюменберга заметна наиболее отчетливо, если сравнить его «прагматически» ориентированную программу с «прагматической» программой его англосаксонских коллег.

Уже у первых прагматистов было достаточно авангардное понимание метафоры. Уильям Джеймс, например, считал, что единственный материал, которым мы располагаем для конструирования нашего мировоззрения, состоит из определенных, эмпирически познаваемых частей мира, которые мы путем аналогии переносим на действительность в целом: «Мы не

---

<sup>38</sup> Kant I. Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik die als Wissenschaft wird auftreten können. § 57. A 175.

<sup>39</sup> Blumenberg H. Paradigmen. S. 10, 12.

<sup>40</sup> См.: Op. cit. S. 20–23, 25–29.

<sup>41</sup> Kant I. Kritik der Urteilskraft; Blumenberg H. Paradigmen. S. 10f., 12.

можем изобрести новые формы понятий, которые были бы применимы только для целого мира и которые не были бы нам первоначально внушены его частями. Все философы, следовательно, понимали целостность мира по аналогии с какой-нибудь отдельной чертой, особенно привлекавшей их внимание»<sup>42</sup>. Так, большие части «Плюралистического универсума» Джеймса, например, уже содержат метафорологические исследования, в которых он исследует генезис конкурирующих философских подходов<sup>43</sup>. У Джеймса присутствуют уже обе стороны метафорологии: позитивная, которая принимает переносы по принципу аналогии как неизбежную основу образования понятий, и критическая, анализирующая тропологические излишества, то есть элементы переносов, выходящие за рамки того, что охватывает сам феномен.

Неопрагматизм Ричарда Рорти еще радикальнее преобразует мысль Джеймса, поскольку в его теории прагматический подход основан на общей теории языка. С его точки зрения, любое представление о мире осуществляется в рамках определенных словарей, то есть метафорически обоснованных систем понятий, которые соперничают друг с другом, но для которых не существует нейтрального третьего, способного их оценить со стороны<sup>44</sup>. Прагматисты характеризуют свою собственную теорию с помощью инструментальной метафоры: философия и наука, вообще все представления о мире, не отражают «действительность там, на улице», ее понятийные системы являются скорее конструктами для воздействия на нее<sup>45</sup>. Это означает и определенную незаконченность их теории. В то

---

<sup>42</sup> James W. Das pluralistische Universum. Vorlesungen über die gegenwärtige Lage der Philosophie / Hg. von K. Schubert, U. Wilkesmann. Darmstadt, 1994 (печатный перевод 1914 года, англ. оригинал 1909 года). S. 5.

<sup>43</sup> Так, к примеру, он называет грамматическое предложение «большой метафорой трансцендентальной философии». — Op. cit. S. 119.

<sup>44</sup> См.: Rorty R. Kontingenz, Ironie und Solidarität. Frankfurt am Main, 1989, особ. глава I. См. рус. перевод: Рорти Р. Случайность. Ирония. Солидарность. М., 1996. — Прим. ред.

<sup>45</sup> О понимании метафоры Ричардом Рорти и в особенности о его инструментальной метафоре см. также: Zill R. Nicht Sätze, sondern Bilder. Versuch einen Neopragmatisten beim Wort zu nehmen // Hinter den Spiegeln. Beiträge zur Philosophie Richard Rortys / Hg. von T. Schäfer, U. Tietz, R. Zill. Frankfurt am Main, 2001. S. 114–140.

время как изображения можно создать так, что они однозначно соответствуют определенному взгляду на мир, в случае теорий всегда можно предположить, что когда-либо у них появятся куда лучшие инструменты познания. Но главное, что прагматисты с их инструментальным пониманием познания не делают различия между наукой и жизненным миром.

#### 4. Наука и жизненный мир. Философствование до поры до времени

Придерживаясь кантианского разделения «теоретического» и «прагматического», Блюменберг на свой манер приходит к тому, в чем он упрекал Вико, — к утверждению картезианской программы. Для отношения метафоры и понятия это означает, что существует четко ограниченная сфера науки, где метафорам нет места, где господствует принцип ясной, строго определимой терминологии. Метафоры выполняют в этой области в лучшем случае вспомогательную функцию. Они отмечают собой уже упомянутые «остатки» на пути к логосу. «Метафорология выступает здесь как критическая рефлексия, которая должна вскрыть иносказательность переносного высказывания и дать толчок к его развитию»<sup>46</sup>. Наряду с этим существует область абсолютной метафоры, которая управляет смысловыми конструкциями в жизненном мире. Именно к ней и устремлен интерес Блюменберга.

Эта двойственность в науке и жизненном мире, примерно представленная во введении к «Парадигмам», проходит через все творчество Блюменберга. Более того, вопрос об отноше-

---

<sup>46</sup> *Blumenberg H. Paradigmen. S. 9 f.* См. также следующий абзац: «Задача выявить метафорику, даже в самом научном языке, нацелена не на его возможную эстетическую переоценку, не на получение или пробуждение многозначности, а скорее на сохраненный в метафорике фактор связности, так как метафора гомогенизирует контекст, исходя из определенной ориентации... Она проясняет, каким образом вначале кажущееся различным оказалось связано друг с другом. Функция метафорологии может, таким образом, состоять в том, чтобы обеспечить однозначность герменевтического понятия или поддержать попытки коррекции там, где его однозначность еще не гарантирована. Метафорологии не присущ эстетический аспект не потому, что она не мирится с многозначностью, а потому, что она акцентирует тенденцию научного языка к однозначности» — *Blumenberg H. Beobachtungen. S. 191.*



нии философии к науке является центральной темой философии XX столетия в целом. Он выступает и как исходный пункт в ранних трудах Блюменберга. В своей докторской диссертации он исследует этот вопрос, исходя из позиций Гуссерля и Хайдеггера. Но уже здесь он ссылается на Декарта в те моменты, когда речь идет об определении «науки»; уже здесь «идеал полного опредмечивания» является центральным критерием определения науки. Мир науки, сформировавшийся в начале раннего Нового времени, связан с «пониманием бытия как возможной чистой предметности, как того, что, исходя из дистанции и преодолевая ее, “ясно и отчетливо” доступно пониманию»<sup>47</sup>.

«Мир науки — это не тот мир, в котором мы “живем”, правда и не “другой” или фиктивный мир, но все же в определенном смысле мир отображенный, открытый для обзора, лишенный его изначальности, — вообще не “мир” в природном смысле, а универсум предметности, которому соответствует возможная универсальная система наук»<sup>48</sup>.

Начиная с 1970-х годов в работах Блюменберга появляется другой автор в качестве антипода метафорологической программе Декарта: теперь в его работах возникают идеи раннего Витгенштейна. В разделении на сферу выражаемого и невыражаемого, которое делает Витгенштейн в *Логико-философском трактате*, — с одной стороны, мир, могущий быть наглядно представленным, мир науки и логики, с другой — мир мистики, куда относятся, например, и все вопросы этики, — Блюменберг узнает свое собственное разделение на науку и жизненный мир. Молодой Витгенштейн, превосходящий даже Декарта своим логизмом, признает тем не менее, что эта программа не действует в определенных вопросах. «Мы чувствуем», пишет Витгенштейн в конце своего *Трактата*, «что, если бы даже были получены ответы на все возможные научные вопросы, наши жизненные проблемы совсем не были бы затронуты этим»<sup>49</sup>.

<sup>47</sup> Blumenberg H. Die ontologische Distanz. S. 19.

<sup>48</sup> Op. cit.

<sup>49</sup> Wittgenstein L. Tractatus logico-philosophicus // Idem. Werkausgabe. Bd. 1. Frankfurt am Main, 1984. § 6.52. Цит по: Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Он же. Философские работы / Пер. с нем. М. Козловой и Ю. Асеева. М., 1994. С. 72. — Прим. ред.

Блюменберг, отмечая благосклонно этот момент, не разделяет, однако, того вывода, который следует из него по Витгенштейну, так как в «Трактате» далее говорится: «Тогда, конечно, уже не осталось бы вопросов, но и это было бы определенным ответом». Для Блюменберга это совсем еще не ответ. Тут видно и различие между философом, сторонником логизма, который стремится установить определенные языковые запреты, и герменевтиком, который всегда принимает ответы на вопросы и не желает отвергать их как простую нелепость. Даже если определенные предложения как таковые и не могут быть буквально *истинными*, они все же имеют определенную смысловую функцию — именно это и есть та прагматическая сторона, которая совершенно не пришла в голову молодому Витгенштейну. Зрелый Витгенштейн также считал, что некоторые вопросы следует трактовать как болезнь, и мне кажется, что и Блюменбергу не чуждо понимание философии как терапии. Тем не менее он не верит в окончательный успех лечения, так как эти проблемы постоянно возникали на протяжении всей истории философии:

«Предельные границы между тем, что может быть выражено словами и что нет, стоят еще дальше друг от друга, чем границы между рациональным и воображаемым. На повестке стоит... свойственное истории нашего сознания усилие излагать не выражаемое словами словесно»<sup>50</sup>.

В этом месте, пожалуй, становится понятным восторг, который вызвал у Блюменберга другой великий герменевтик начала столетия. Это Зигмунд Фрейд, который играет важную роль в его поздних книгах. При этом Блюменберг подчеркивает временный, промежуточный характер психоанализа:

«Психоанализ как теория носит временный характер. Но не в том смысле, в каком каждая гипотетическая совокупность высказываний имеет силу до их изъятия из обращения из-за не пройденного испытания, а скорее в том смысле, в каком философия Декарта допускает *morale provisoire*, пока не будет достигнута *morale définitive*, или Галеново искусство исцеления, пока не будет достигнуто основанное на абсолютном познании природы медицинское продление жизни. И то и другое достаточны

---

<sup>50</sup> *Blumenberg H. Schiffbruch. S. 84.*

для человеческого счастья, после окончательного достижения которого философия, являясь средством обретения счастья, — сделала бы саму себя излишней. *Финальное* излишество, однако, и есть то, что делает ее поначалу необходимой. Так что мы философствуем, можно сказать, *до поры до времени*<sup>51</sup>.

Кто, однако, подразумевается под «мы» в последнем предложении, действительно ли «мы» включает самого автора? Есть нечто захватывающее дух в том, как Блюменберг в этом коротком абзаце сначала соединяет Фрейда с Декартом, затем приходит к общей программе науки, которая хочет лишить философию смысла, а потом именно из этого допущения получает свою лицензию на философствование. Тем не менее в его словах можно расслышать радостную беззаботность по поводу будущего собственной дисциплины. Похоже, метафоролог Блюменберг достаточно уверен в том, что философия — как и психоанализ — является «вечной теорией»<sup>52</sup>, так как райский непротиворечивый жизненный мир, который бы постоянно не требовал от нас новых усилий к интерпретации и производству смысла, есть просто утопическое представление, о возможности хотя бы теоретического обоснования которого пока вообще ничего не известно. И пока это так, будут существовать абсолютные метафоры — а с ними, как минимум, потребность в метафорологии.

## 5. Антропология и история. О субструктурах мышления

Метафора имеет при этом ту же структуру, как и то, против чего она направлена: Блюменберг обозначает ее гуссерлевским понятием «несоответствия» (*Widerstimmigkeit*) и указывает на общепризнанный в теории метафоры факт, что метафора, если понимать ее буквально, *не истинна*, — и в этом ее отличие от сравнения<sup>53</sup>. Хотя и можно говорить о государстве *как* о ко-

---

<sup>51</sup> Blumenberg H. Verführbarkeit des Philosophen. S. 165, см. также: Там же. S. 170 f.

<sup>52</sup> Blumenberg H. Ein mögliches Selbstverständnis. S. 211 f.

<sup>53</sup> Ср., например, у Дональда Дэвидсона: «Если метафорически употребленное предложение в обычном смысле истинно или ложно, то ясно, что оно, как

рабле, потому что имеются определенные сходства между ними, но не в буквальном смысле, словно государство *есть* корабль. Поэтому Нельсон Гудмэн назвал метафору также «калькулированной категориальной ошибкой»<sup>54</sup>. Однако то, что большинством рассматривается как семантическая тонкость, установленная как исходный пункт для соответствующего включения метафоры в общий контекст языковой теории, принимает у Блюменберга драматически жизненно важные черты. Так как:

«Несоответствие [...] было бы смертельным для предающегося своим заботам об идентичности сознания; оно должно быть постоянно успешным самовосстанавливающимся органом. Несоответствие следует также и по отношению к метафоре, сформулированному Гуссерлем правило: “аномалия как слом первоначально согласованного единства встраивается в нормализованность более высокого уровня”. Деструктивный поначалу элемент *становится* метафорой лишь под давлением необходимости восстановления поставленной под угрозу связности. Он интегрируется в интенциональность с помощью приема переосмысления. Объявить экзотическое инородное тело “простой метафорой” есть акт самоутверждения: нарушение квалифицируется как помощь. В опыте этой процедуры соответствует необходимость присваивать даже самое неожиданное явление, явление на грани мнимого “чуда”, как принадлежащее к общей каузальной системе»<sup>55</sup>.

Таким образом, механизм метафоры как бы приручает *чужое*. Это говорит о его исключительной приспособленности к посреднической деятельности: в той мере, в какой он способен делать чужое близким, он способен делать близкое чужим.

---

правило, ложно. Самое очевидное семантическое различие между сравнением и метафорой заключается в том, что все сравнения являются истинными, а большинство метафор ложными. Земля действительно как грунт, ассириец действительно бросился на свои жертвы как волк на стадо. Однако превратить эти предложения в метафоры значит сделать их ложными. Земля, хотя и как грунт, не является все же грунтом; взрослый Толстой, хотя и был как ребенок, тем не менее не был ребенком». — Davidson D. Was Metaphern bedeuten // *Idem. Wahrheit und Interpretation*. Frankfurt am Main, 1986. S. 360. См. также: Goodman N. *Sprachen der Kunst*. S. 73 ff.

<sup>54</sup> Op. cit. S. 77. Харальд Вайнрих называет метафору «противоречивой предикацией», см.: Weinrich H. *Semantik der kühnen Metapher* // *Theorie der Metapher*. S. 330.

<sup>55</sup> Blumenberg H. *Schiffsbruch*. S. 78.

Метафора находится между нами и тем, что мы не можем осмыслить, потому что оно нам слишком близко. Тем самым она выбирает обходной маршрут: «Метафорический обход, ведущий от одного тематического предмета к другому, принимает данное как чужое, чужое как нечто близкое и удобное, уже имеющееся в распоряжении»<sup>56</sup>. Этот «акт самоутверждения» создает, таким образом, в жизненном мире то, что в науке уже всегда имело место: он дистанцируется от вещей.

«*Animal symbolicum* владеет окружающей его смертельно опасной действительностью в том смысле, что способен ее заменить; он отводит взгляд от того, что ему чуждо, и обращается к тому, что ему близко. Очевиднее всего это становится там, где суждение вообще не может прийти к цели, из-за своего притязания на идентичность или потому, что его предмет предъявляет чрезмерные требования к методу ("мир", "жизнь", "история", "сознание"), или потому, что методу не хватает свободы действия, как в ситуациях вынужденного действия, в которых требуются быстрая ориентация и особо осязаемая убедительность»<sup>57</sup>.

Значит, не каждое нарушение жизненного мира требует метафоры. Достоинство предмета или грубая наглядность ситуации являются скорее двумя случаями, в которых выручает абсолютная метафора. Выручает она также и там, где речь идет «о целом»: мир, жизнь, история. Стратегии овладения целым имеют у Блюменберга антропологическую основу. Метафора — это «характерный элемент риторики, благодаря которому может быть представлена ее антропологическая функция»<sup>58</sup>. Антропология, которую предпочитает сам Блюменберг, это антропология нехватки. Человек действует не на основе инстинктов, поэтому и его взаимодействие с другими людьми не определено генетически. Самым важным средством, устанавливающим понимание и кооперацию, становится язык. Здесь риторика получает принадлежащее ей по праву. Но она не только координирует, но и заменяет насилие, ставя, например, на его место — убеждение<sup>59</sup>.

<sup>56</sup> Blumenberg H. Anthropologische Annäherung. S. 116.

<sup>57</sup> Op. cit.

<sup>58</sup> Op. cit.

<sup>59</sup> Op. cit. S. 111.

Риторика это способ защиты от абсолютизма действительности<sup>60</sup>, поэтому метафорология Блюменберга всегда имеет дело с чем-то как минимум жизненно важным. Так, его конкретные истории всегда имеют нечто героическое, но в то же время нечто фрагментарное. Имеется ли в виду метафора о читаемости мира, или о кораблекрушении, или о пещере, в которой можно укрыться или из которой хочется выбраться — она всегда предстает как коллекция интеллектуальных эпизодов. Он характеризует свой собственный подход, говоря, задает «ряд точек, через которые можно было бы провести кривую»<sup>61</sup>. Как при кривой, которая в системе координат проходит через определенные точки, так и при данном подходе необходимо экстраполировать движение между точками. О проблематичности своего метода знает и сам Блюменберг и требует поэтому, чтобы такое диахронное рассмотрение всегда дополнялось и синхронным описанием<sup>62</sup>. При таких синхронных исследованиях речь идет уже не об одних метафорах, а об их интеграции в специфический контекст, «они должны рассматривать понятие и метафору, определение и изображение как единство сферы выражения мыслителя или его времени»<sup>63</sup>.

Даже при этих условиях, его большим метафорологическим исследованиям присущ анекдотический стиль коротких очерков. Что при этом теряется, становится явным, если бросить лишь беглый взгляд на классическую историю понятий. «"Общество" и его "понятия" находятся в натянутых отношениях, которые также характерны и для описывающих их научных исторических дисциплин»<sup>64</sup>, — пишет Райнхарт Козеллек. Поэтому он хотел бы видеть историю понятий в тесной связи с социальной историей. То, что имеет смысл для истории понятий в целом, тем более актуально для метафорологии. Так как метафора это то место, где социальные отношения и культур-

---

<sup>60</sup> О центральном значении абсолютизма действительности для Ханса Блюменберга см.: *Wetz F.J. Hans Blumenberg zur Einführung*. Hamburg, 1993, а также статьи: Одо Маркварда, Барбары Меркель и Рюдигера Цилла в: *Die Kunst des Überlebens*.

<sup>61</sup> *Blumenberg H. Paradigmen*. S. 38–49.

<sup>62</sup> *Op. cit.* S. 38 ff., 49 ff.

<sup>63</sup> *Op. cit.*

<sup>64</sup> *Koselleck R. Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte // Idem. Vergangene Zukunft*. S. 108.

ные практики приобретают значимость в еще большей степени, чем в понятиях, четко определяемых в отдельных теоретических контекстах.

Позволю себе еще раз напомнить об англосаксонской теории метафоры. Понимание фокуса метафоры у Макса Блэка как системы кодированных культурой ассоциаций кажется мне здесь исключительно актуальным. Оно указывает на то, что метафорология как дополнение к диахронным линиям развития нуждается не только в синхронных реконструкциях теоретических контекстов, но и в привлечении общих культурных контекстов, — чем всегда и живет метафорика. Метафорический потенциал «волка» — таков был один из выразительных примеров Блэка — скорее обусловлен образом из «Красной Шапочки», чем реальным биологическим определением. Такие примеры из области сказок и мифов могут, однако, склонить к тому, чтобы в целом понимать понятие «культурного» в очень широком смысле. Это заметно в англосаксонской теории метафоры, где она пробует себя в своего рода глубинной герменевтике. Это делают, например, Джордж Лакофф и Марк Джонсон, исходящие из того, что наше повседневное мышление и поведение пронизаны метафорической структурой, которая нами, как правило, никоим образом не осознается<sup>65</sup>.

У Блюменберга вполне можно найти параллели такого рода подхода, так как его занятие понятиями и метафорами, его «приближение к риторике» руководствуется не только антропологической постановкой вопроса<sup>66</sup>, но и глубинно-герменевтической. И то, что Блюменберг исследует в своих работах, как он и сам замечал, никоим образом не является очевидным. Если, например, захотеть узнать что-либо об истории представлений об истине, то можно, конечно, рассмотреть эксплицитные определения истины вроде: она является совпадением вещи с мышлением или приравниванием мышления к вещи. Но Блюменберг исходит из того, что здесь можно «поймать» лишь

---

<sup>65</sup> См.: *Lakoff G., Johnson M. Leben in Bildern.*

<sup>66</sup> Критически об антропологической основе философии Ханса Блюменберга см. также: *Siepl L. «Unbegriffliches» in der praktischen Philosophie? // Zeitschrift für philosophische Forschung. 1990. № 44. S. 635–646, и Früchtl J. Die Idee des schöpferischen Menschen. Eine Nachgeschichte zu ihrer Vorgeschichte // Die Kunst des Überlebens. S. 226–243.*

«скудную добычу»<sup>67</sup>. Богаче она будет в том случае, если исследовать сопровождающие понятие истины метафоры: света, хитрости, вымогания, пытки (*hochnotpeinliches Verhür*). Это позволяет поставить вопрос об участии человека в процессе обнаружения или порождения истины, о его жизненных ситуациях и о возможных последствиях.

«Все это вопросы, теоретически ответить на которые систематическими методами не взялась еще ни одна философская школа. Но несмотря на это, мы утверждаем, что повсюду в языке философии встречаются следы того, что в скрытом слос мышления всегда уже был дан ответ на эти вопросы, ответ, который хотя и не был систематически сформулирован, но все же, настраивая, окрашивая, структурируя мышление, все время имплицитно присутствовал и действовал в нем»<sup>68</sup>.

Значит, в эксплицитном можно обнаружить нечто имплицитное, — нечто в «скрытой прослойке мышления», выступающее на его поверхность как улика: занятие для детектива или, возможно, даже для любителя истории философии. Психика, которую должен был бы исследовать такой аналитик, это психика антропологического субъекта. Это ясно демонстрирует уже метафорика нашей начальной цитаты из введения к «Парадигмам», где говорится: «Метафорология пытается приблизиться к субструктурам мышления, к субстрату, к питательному раствору систематических кристаллизаций, но она хочет также постичь следующее: “смелость”, с которой дух в своих проявлениях опережает самого себя, “мужество к гипотезе”, которое порождает историю духа».

«Питательный раствор систематических кристаллизаций» — это состоящая из двух самостоятельных метафор фигура, которая описывает отношение образности и понятийности: «питательный раствор» относится при этом к «метафоре», «кристаллизация» к «терминологии». Первая часть фигуры указывает посредством опять-таки своего составного образа в два направления: питательное в ней указывает на положительный эффект питания, но одновременно это раствор, то есть жидкость, а значит, нечто, не четко ограниченное, текучее,

<sup>67</sup> Blumenberg H. Paradigmen. S. 12, 14 f.

<sup>68</sup> Op. cit. S. 13, 15.



меняющееся. То, что поначалу дает повод думать о материнском молоке, превращается в химическую метафору, как только из этого питательного раствора образуются кристаллы. Эффекты кристаллизации являются твердыми и прозрачными, ограниченными и стабильными — это классические признаки понятия, знакомые нам уже от Декарта<sup>69</sup>.

Еще интереснее характеристика метафорологии становится там, где говорится о ее намерениях: она хочет что-то «достичь» — очевидно, нечто, что иначе скрывается, — а именно «смелость, с которой дух в своих проявлениях опережает самого себя». Здесь, не без экзистенциального пафоса, речь идет о духе, заставляющем нас вспомнить о гегельянстве.

## 6. Ожидания и разочарования. В защиту новой культурно-исторической формулировки метафорологии

Соглашусь, что Гегель не тот автор, которому Блюменберг придавал огромное значение или который пользовался у него большой любовью, и не стоит, пожалуй, переоценивать такие пафосные выражения, которые порой могут проскользнуть в порыве работы над текстом. Важнее, однако, конкретный анализ метафоры. И тут, как мне кажется, речь идет не просто о

---

<sup>69</sup> Еще Витгенштейн говорит, например, — хотя уже и самокритично по отношению к своим ранним произведениям — об «ореоле мышления», чья сущность, логика должны быть как «чистейший кристалл», которому не должны быть присущи «смутность и неопределенность опыта». Порядок такой логики должен состоять из «...кристалла, явленного не в абстракции, а как нечто весьма конкретное, даже самое конкретное, как бы наиболее незбылемое из всего существующего» («Философские исследования», цит. по: *Витгенштейн Л. Философские работы* / Пер. с нем. М. Козловой и Ю. Асеева. М., 1994. С. 124. — *Прим. ред.*). В этой цитате соединяются оба главных метафорических потенциала — оптическая чистота и материальная твердость. У современников Витгенштейна, таких, как Эрнст Кассирер, которые уже не верили в непосредственно чистое познание, в этом месте последовательно выступает метафора «преломляющихся символических посредников». См.: *Zill R. Gebrochene Strahlen, zersplitterte Spiegel. Zur Partikularisierung der Weltbetrachtung* // *Philosophie und Weltanschauung (Dresdener Hefte zur Philosophie I)* / Hg. von J. Rohbeck. Dresden, 1999. S. 179–196.

неудержимом победном шествии духа, а о действительно реальном опыте.

Этот повседневный опыт, который служит опорой метафоре, нередко растягивается между ожиданиями и разочарованиями. Поэтому Блюменберг предлагает в целях метафорологической работы изменить формулировку вопроса. «На что мы можем надеяться?», тот самый основной вопрос кантовского канона должен звучать: «Что это было, на что мы могли надеяться?»<sup>70</sup>. Для этих крайних вех нашего смыслового поля Райнхарт Козеллек ввел в научный оборот две знаменитые формулировки: «область опыта» и «горизонт ожиданий». Примечательно, что статья, в которой они вводятся, называется «"Область опыта" и "горизонт ожидания" — две исторические категории». То, что историк понятий здесь называет категориями, «область опыта» и «горизонт ожиданий», строго говоря, является метафорами<sup>71</sup>.

Но что это значит, если два центральных инструмента исторической науки уже сами метафоричны? Их нельзя отнести ни к абсолютным метафорам жизненного мира, ни к временным метафорам, встречающимся как преходящие стадии в развитии наук. Вообще, понятие науки у Блюменберга ориентируется скорее на модель *sciences*, модель естественных наук. Совершенно не обязательно, однако, создавать себе эти проблемы классификации. Если ориентацию на прагматическое, по Блюменбергу, заменить чисто прагматической ориентацией, можно избежать как минимум двух проблем. Во-первых, большинством историков науки сегодня также признан тот факт, что конкретное исследование всегда основывается на определенных парадигмах, которые сами в значительной мере метафорически ориентированы<sup>72</sup>. Во-вторых, не придется в

---

<sup>70</sup> Blumenberg H. Lesbarkeit der Welt. Frankfurt am Main, 1981. S. 9.

<sup>71</sup> Хотя метафорологические размышления Ханса Блюменберга ему были знакомы — он цитирует, например, «Парадигмы» Блюменберга уже в своих статьях 1960-х (*Koselleck R. Vergangene Zukunft*), — Козеллек не упоминает об этом ни слова.

<sup>72</sup> См., к примеру: Hesse M.B. The Explanatory Function of Metaphor // Logic, Methodology and Philosophy of Science. Proceedings of the 1964 International Congress / Hg. von Y. Bar Hillel. Amsterdam, 1965. S. 249–259; Hesse M.B. Models and Analogies in Science. Notre Dame, 1966.

обязательном порядке связывать себя с глубинно-герменевтической программой.

Я считаю, что имеет смысл исследовать этот опыт и эти переживания, эти ожидания и разочарования непременно в их конкретном историческом контексте. «Культурные системы ассоциаций» могут иметь довольно специфические социальные, культурные и медиаисторические коннотации.

То, что я имею в виду, я хочу показать хотя бы в общем виде на одном примере. В своих «Парадигмах к метафорологии» Блюменберг делает наброски истории понятия «истины» от метафоры света к метафоре печати, а затем к пониманию познания как труда. Для Аристотеля познание следует еще из самой вещи. Познающий человек совершенно пассивен, это сама истина приобретает влияние на человека. Это влияние со стороны истины становится у стоиков еще более настоятельным, задача истины — своей очевидностью принудить познающего человека к признанию познания. Истина — это «захватывающее представление» (*kataleptikè phantasia*), причем не всегда ясно, кто кого захватывает, представление предмет, как, вероятно, еще у Зенона, или предмет представление, как у поздних стоиков. Изменение этой концепции проявляется, согласно Блюменбергу, в смене метафорики:

«Классическая *метафора света*, которая вступает в игру через стоическую этимологию: *phantasna* от *phos*, индифферентна к «направлению действия» каталептического принуждения и вообще скорее относится к покоящейся, наслаждающейся, упоительно в наблюдении исчерпывающей *theoria* классического времени: *Так как свет показывает сам себя и в то же время пребывающие в свете вещи, так и представление показывает само себя и то, что оно представляет*. Такой «показ» не удовлетворяет более требованию могущественной очевидности, характерной для стоиков; на место метафоры света приходит *метафорика чеканящей печати*, и тут интерпретация «каталептического представления» возможна лишь как моделирование познающего органа, как *typosis en psyche*, как отпечаток штампа»<sup>73</sup>.

У последующих авторов этот принудительный характер познания еще более усиливается. Блюменберг прослеживает

<sup>73</sup> Blumenberg H. Paradigmen. S. 15, 18.

нюансы этого представления в поздней Античности, патристике и схоластике вплоть до раннего Нового времени. Вариант метафорики «могущественной» истины встречается в судебной метафорике, например у Тертуллиана. Лишь в раннем Новом времени метафорика о силе истины делает разворот. Теперь человек — это тот, кто должен применять насилие, чтобы заставить истину говорить. Познание больше не подарок, оно приобретает характер труда.

Линия, которую Блюменберг проводит здесь через точки своей системы координат, имеет чистое и точное начертание. Она показывает ясное развитие понятия без надломов и несоответствий. Дискуссии, нашедшие свое выражение в том числе и в метафорике представлений об истине, он игнорирует. Лишь изредка и, скорее, мимоходом встречается указание на социальные изменения, проникающие внутрь философских сфер, когда Блюменберг, например, замечает, что «первоначально космос-полис для стоицизма был отрадным убежищем от разрухи эллинской государственности»<sup>74</sup>. Поворот от пассивной к явно активной роли субъекта познания соответствует, кроме того, общему изменению производственного процесса. Если аграрное общество было вынуждено обходиться тем, что «подарит» ему природа — ведь оно лишь в ограниченной степени могло влиять на процессы роста растений и животных, — то в эпоху Возрождения большое значение приобретает инженерный и ремесленный опыт, который аналитически разбирает вещи и снова их собирает. Конечно, невозможно провести простую грубую аналогию между способами производства и теоретико-познавательными концептами античных и средневековых представлений об истине. Тем не менее именно в метафорике можно предполагать моменты, в которых соприкасаются определенные социальные практики и формы философской рефлексии. Здесь Блюменберг делает еще один намек. О судебной метафорике Тертуллиана он пишет, что «средневеково-схоластический диспут [...] живет закулисным представлением об истине, обязательно побеждающей в ходе развертывания своего процессуального порядка»<sup>75</sup>.

---

<sup>74</sup> Op. cit. S. 22–27.

<sup>75</sup> Op. cit. S. 24–30.

Еще один пример из истории другой метафоры. Интерпретация мира по принципу чтения, пишет Блюменберг в «Читаемости мира», предполагает прежде всего грамотность, затем «возникновение желания черпать смысл посредством письменности и книги» и, наконец, «культурную идею самой книги»<sup>76</sup>. Не призывает ли эта история метафоры к сопровождающей ее истории книги как медиума, к тому, чтобы учесть историю меняющейся манеры чтения, меняющейся социальной структуры читателей? До этого нам, правда, еще далеко. Но примеры позволяют хотя бы приблизительно понять, в каком направлении метафорология может развиваться в дальнейшем. В некоторых местах метафорология Блюменберга кажется мне излишне перегруженной предпосылками. Прежде всего нет совершенно никакой необходимости создавать, как это делает он, такую большую дистанцию между наукой и жизненным миром. Наука тоже не совсем обходится без метафорических «субструктур». Кроме того, не обязательно пытаться понять эти субструктуры антропологическим путем, даже если это лишь антропология нехватки.

Если, наконец, в метафорологии речь идет о субструктурах, то они не более скрыты, чем связи между нашими понятиями. Они не скрыты от нас не потому, что здесь потрудился некий скрытый антропологический субъект, а потому, что это *наши* метафорические вокабулярии. Мы «состоим» из них. Поэтому метафора «субструктур» вводит нас скорее в заблуждение, так как внушает наличие «вверху» и «внизу», «внутри» и «снаружи», внушает необходимость археологических раскопок. Тем не менее эти метафоры являются скорее мирами понятий, которые *формируют* нас в нашей конкретной исторической, социальной, культурной ситуации, например, как европейцев конца XX столетия, как членов западногерманского среднего класса, помимо этого, может быть, как интеллектуалов — или в рамках любой другой идентичности, в какой мы желаем видеть себя. Здесь метафорология может содействовать авторефлексии и возможности дистанцироваться от самих себя, особенно принимая во внимание анализ других метафорик. То, что у Блюменберга называлось «метафора как обходной путь»,

---

<sup>76</sup> Blumenberg H. Lesbarkeit der Welt. S. 10.

скорее стоит назвать «метафорология как обходной путь». Для этого работы Блюменберга подготовили, я уверен, богатый материал и скрытые интерпретации, иногда даже указания на то, как его исследовательская практика выходит за рамки сопровождающих ее теоретических текстов. Так, по-новому, можно было бы еще раз прочитать тексты Блюменберга. Я предлагаю это попробовать.

*Перевод с немецкого Натальи Дониг*

Лютц Даннеберг

## СМЫСЛ И БЕССМЫСЛЕННОСТЬ ИСТОРИИ МЕТАФОР

Однако богословы обычно утверждали, что все несогласия с божественной природой, какие они смогли усмотреть при помощи своего естественного света, должно истолковывать метафорически, а все, что не поддается их пониманию, должно принимать буквально.

*Спиноза* \*

Метафорическое выражение, по сравнению с простым изложением или с понятием, всегда несколько непрозрачно.

Притчи вы мне запретить не можете;  
Иначе я не сумел бы объясниться.

*Гете* \*\*

**П**режде всего я хотел бы оговорить, чего не следует ожидать от этой статьи: я не буду вдаваться в особенности метафор, встречающихся в текстах, которые обыкновенно называют литературными. Различие между философскими, научными или литературными метафорами провести можно, однако оно будет, видимо, основываться не на имманентных свойствах<sup>1</sup>. Точно так же я не буду рассматривать вопи-

---

\* *Спиноза* Б. Богословско-политический трактат / Пер. М. Лопаткина; ред. А. Ранович. М., 1935. С. 385.

\*\* *Goethe* J.W. Goethes Werke. Weimarer Ausgabe. 1887–1912. Teil I. Bd. 40. Braunschweig bei Vieweg: Vorlesungen über Malerei... S. 257; *Idem*. Zahme Xenien.

<sup>1</sup> Попытку такого различения см. в кн.: *Boyd R.* Metaphor and Theory Change. What is «Metaphor»? a Metaphor for? // *Metaphor and Thought* / Ed. by A. Ortony. Cambridge, 1979. P. 356–408; *Gentner D.* Are Scientific Analogies Metaphors? // *Metaphor: Problems and Perspectives* / Ed. by D. S. Miall. Brighton, 1982. P. 106–131; *Steen G.* Understanding Metaphor in Literature: An Empirical Approach. L., 1994.

рос о том, желательна ли — вообще или в ограниченных масштабах — метафорическая речь. В обычных обстоятельствах это вопрос нормы, и исторические исследования по употреблению метафор едва ли могут здесь что-либо дать. Кроме того, каждому данному метафорическому выражению могут быть приписаны различные свойства, которые будут определять его ценность или неценность относительно заданных целей. Далес, не следует ожидать от этой статьи и никакого нового варианта прояснения понятий, никаких напоминаний об определениях, предложенных в Античности. Я также воздержусь от часто и многозначительно высказываемого указания на то, что само выражение «метафора» с этимологической точки зрения является метафорическим<sup>2</sup>. В своем — поначалу совершенно неспецифичном — употреблении слова «метафора» я исхожу из того, что это языковой феномен, который отличается обычно туманностью и двусмысленностью<sup>3</sup>; правда, я буду игнорировать<sup>4</sup> различия относительно тропов, использования одних слов

---

<sup>2</sup> У Умберто Эко читаем: «Если в основе языка лежит метафора, то о метафорах можно говорить только метафорически. В таком случае всякое определение метафоры может быть лишь циркулярным, идущим по кругу». — *Eco U. Semiotica e filosofia del linguaggio*. Roma, 1984. Эко имеет в виду, вероятно, что определяющее в адекватной дефиниции метафоры никогда не может обойтись без языка как элемента определения. Это предполагает, что язык невозможно дефинировать независимо от его метафорического характера. Такое утверждение, безусловно, неверно. Даже в том случае, если всякое выражение является метафорическим, это не обязательно должно быть определяющим признаком самого языка. В конечном счете проблема, которую усматривает Эко, пожалуй, не более серьезна, чем проблема того, что всякое определение языка является языковым, что всякое определение предложения представляет собой предложение, а всякое определение буквы пишется буквами: ни в какой теории дефиниций не сказано, что определяющее и определяемое не должны иметь никаких общих свойств.

<sup>3</sup> Дополнительное ограничение — слово «обычно» — объясняется тем, что я не хочу с порога исключать такое понимание метафорического использования языка, которое мы встречаем, в частности, у Нельсона Гудмена, понимающего его как форму семантической многозначности.

<sup>4</sup> Ср.: *Culler J. The Problem of Metaphor // Language, Meaning und Style / Ed. by T. E. Hope et al., Leeds, 1981. P. 5–20, здесь p. 6: «Короче говоря, мой тезис заключается в том, что на сегодняшний день метафора уже не является одной фигурой из многих: она — фигура фигур, фигура фигуральности; и я говорю это не фигурально, а совершенно буквально». Такие утверждения, равно как и мнения многих авторов от Кеннета Бёрка до Хейдена Уайта ограничивать рассмотрение метафорой и метонимией или четырьмя классическими тропами (мета-*



вместо других, и в своем изложении не буду присоединяться ни к одной из расхожих концепций метафоры<sup>5</sup>. И наконец, используя выражение «метафора», я не имею специальной необходимости отличать его, например, от «аналогий» или «моделей», которые в исследованиях научных инноваций зачастую используются вперемешку<sup>6</sup>. Вместо всего этого я задамсь вопросом о возможностях и условиях изучения истории метафор на фоне современной философской и лингвистической дискуссий о метафорах, а также попытаюсь на основе примеров разведать границы этих возможностей и выяснить, в какой мере можно говорить об истории метафор как о своего рода альтернативе. Сразу скажу: история метафор не альтернатива и не дополнение к обычной истории, даже при том, что различие буквального и метафорического способов выражения является осмысленным. С той точки зрения, что представлена здесь, история метафор представляется, скорее, органичной составной частью истории философии и науки. Если еще в 1950-е годы были основания утверждать, что философы «заде-ты» темой метафор<sup>7</sup>, то начиная с 1970-х годов эта тема стала

---

форой, метонимией, синекдохой и иронией), — уже показывают, что решение проблемы метафор ищут не в первую очередь в риторике. Критические замечания по этому поводу см.: *Vickers B. The Atrophy of Modern Rhetoric, Vico to De Man* // *Rhetorica*. 1988. Vol. 6. P. 21–56.

<sup>5</sup> *Soskice J. M. Metaphor and Religious Language*. Oxford, 1985. P. 15: «[...] всякий, кому приходилось биться с проблемой метафоры, оценит прагматизм тех авторов, которые переходят к обсуждению ее, не дав вовсе никакого определения. Один исследователь утверждает, что нашел 125 разных определений метафоры — это, несомненно, лишь небольшая доля из тех, что были выдвинуты в разное время».

<sup>6</sup> Грубер, например, объединяет их понятием «процессы сравнения» — см. его работы о развитии теории Дарвина, которая в этом отношении представляет собой одно из наиболее продуктивных полей для исследования: *Gruber H. E. A Psychological Study of Scientific Creativity* // *Darwin on Man* / Ed. by H.E. Gruber, P. H. Barrett. N.Y., 1974. P. 1–257; *Idem. Darwin's «tree of nature» and Other Images of Wide Scope* // *On Aesthetics in Science* / Ed. by J. Wechsler. Cambridge, 1978. P. 121–140; *Idem. The Evolving System Approach to Creative Scientific Work* // *Scientific Discovery: Case Studies* / Ed. by Th. Nickles. Boston, 1980. P. 113–130; *Idem. Ensembles of Metaphors in Creative Thinking* // *Cahiers de la Fondation archives Jean Piaget*. 1987. Vol. 8. P. 235–264. Сравни концепцию междисциплинарных теорий в работе: *Darden L., Maull N. Interfield Theories* // *Philosophy of Science*. 1977. Vol. 44. P. 43–64.

<sup>7</sup> *Percy W. Metaphor as Mistake* // *Sewanee Review*. 1958. Vol. 66. P. 79–99, здесь p. 61.

«горячей» для лингвистов, а для философов — любимым коньком, устремляющим их к метафоромании. Правда, историографическую практику это пока еще мало затронуло — отчего ей же и было хуже. Причин тому много; не в последнюю очередь это результат ориентации на ту проблематику, которой вдохновлялось большинство исследований по метафорическому способу выражения.

К тем немногим, кто занимался — пускай попутно — рассматриваемым здесь вопросом, относится Ганс Блюменберг. Он поэтому и будет в дальнейшем служить здесь в качестве одного из двух примеров исследователей истории философии, у которых я время от времени буду заимствовать ключевые слова для своего исследования. В одной из своих ранних книг на данную тему Блюменберг работает в основном с двоякой схемой использования метафор: она включает эвристическое и «абсолютное» их использование. При эвристическом применении метафора рассматривается как предыстория образования понятия, как «остаток» (*Restbestände*); ей предначертано судьбою сделаться ненужной после того, как она будет полностью переведена в фиксированное понятие. «Абсолютное» же употребление метафоры восходит к самому раннему этапу ее существования и представляет собой проявление надысторической «непонятности» (*Unbegrifflichkeit*), принадлежа к «основному фонду» (*Grundbestände*) языка<sup>8</sup>. В обоих случаях история метафор предстает скорее довеском к истории идей или истории понятий<sup>9</sup>. Двадцать лет спустя Блюменберг проводит различия — теперь его прежние «абсолютные метафоры» уже не способны в одиночку исчерпать сферу «непонятности»: метафоры дают «подлинный вид познания взаимосвязей»<sup>10</sup>, которые без изначальной временной отнесенности в качестве предмета «теории непонятности» образуют альтернативу понятий-

---

<sup>8</sup> Ср.: Blumenberg H. *Paradigmen zu einer Metaphorologie* [1960]. Frankfurt a. M., 1998. S. 7–13, 23 ff. В работе: *Idem*. *Beobachtungen an Metaphern // Archiv für Begriffsgeschichte*. 15 (1971). S. 161–214, здесь s. 171, он добавляет еще пространство невозможных и несработавших метафор.

<sup>9</sup> В работе: Blumenberg H. *Ausblick auf eine Theorie der Unbegrifflichkeit // Idem*. *Schiffbruch mit Zuschauer. Paradigma einer Daseinsmetapher*. Frankfurt a. M., 1979. S. 75–93, здесь на s. 77 Блюменберг ретроспективно говорит о вспомогательной методике для нарождающейся истории понятий.

<sup>10</sup> *Op. cit.*

ному познанию. Но ничего, кроме этого, Блюменберг эксплицитно не проговаривает: он мало говорит о возможностях соединения с другими элементами когнитивных процессов, практически ничего — о проблеме возникновения исторических изменений; они, скорее, случаются по ходу изложения им историй метафор. Вот одно из немногих эксплицитных указаний, встречающихся у Блюменберга:

«Это означает, что метафоры в описанной здесь функции совершенно не обязательно должны проявляться в языковой выразительной сфере; однако комплекс высказываний внезапно складывается в смысловую единицу, если оказывается возможным гипотетически раскрыть метафорическую ведущую идею, с которой можно „считывать” эти высказывания»<sup>11</sup>.

Раздражает в подобной формулировке не столько ее метафорический характер (возможно, именно в нем и заключается ее изысканность), сколько то, что она метафорически снимает фундаментальную проблему: каковы отношения между «метафорической ведущей идеей» и «считываемыми» с нее высказываниями? При всем почтении к умению Блюменберга придумывать формулировки, в его изложении, по всей видимости, сокрыт целый комплекс отношений, связывающих «метафорическую ведущую идею» с высказываниями, содержащимися в некоем данном тексте. Однако в таком случае метафора считывания оказывается довольно маловдохновенной картиной. Но именно это и означает, что мы поняли, что хочет сказать Блюменберг. Я вижу герменевтический потенциал его тезиса, но вижу также, что эту картинку можно было бы без всяких проблем использовать применительно к идеям, проблемам, понятиям, а может быть, также и к парадигмам и темам. Правда, ни один из этих концептов сам по себе не создает нового смысла, но общим для всех них является то, что они по-

<sup>11</sup> *Blumenberg H. Paradigmen...* S. 20. До этого (S. 16) он высказывается менее определенно: «[...] если мы будем классифицировать философские „установки” как оптимистические или пессимистические, то мы, по сути, застряем на утробности или веселости некоей физиогномии, не обращаясь к ориентациям, определяющим такие, казалось бы, преимущественно эмоциональные положительные и отрицательные оценки, причем так, что они „считываются” с самых элементарных моделей, которые в образе метафор доходят до самой сферы выражения».

звolyют тексту обрести интертекстуальное единство и интертекстуальную привязку. Тогда метафорическое описание Блюменберга характеризует некий класс когнитивных концептов в отношении по крайней мере двух функций; и только особенности при их исполнении предлагают историку специфический инструмент описания и анализа. Чтобы оценить потенциальную пользу метафоры как инструмента для историка, я рассмотрю здесь четыре проблемные области: идентификацию метафор, дифференциальное определение их специфической роли в рамках когнитивных процессов, концепт метафорического значения с проблемами его выявления, а также исполнение обеих названных функций.

Названные аспекты проблемы метафоры, которые я далее буду ставить на первый план, немного отличаются от вопросов, которыми занимается большинство исследователей этой темы. Поскольку речь, в частности, идет о перепроверке концепций метафоры в качестве инструмента, которым может пользоваться историк науки или историк философии, у меня несколько смещены акценты по сравнению с традиционной дискуссией, а также добавлены некоторые другие аспекты. Традиционные вопросы таковы: «Как работает метафора?», «Являются ли все метафоры верными или ложными?», «Как распознать метафору?»<sup>12</sup>. Первый вопрос зачастую рассматривается в рамках теории метафор, а в моей статье о нем не будет сказано практически ничего. Второй вопрос я рассматриваю в связи с проблемами присвоения значения метафорическому выражению. С третьего вопроса я начну.

## I

Вопрос об идентификации метафор следует отделять от вопросов о том, в чем состоит значение метафор, как значение им присваивается и какое значение они имеют в конкретном случае, то есть когда они встречаются в тексте. Основная идея

---

<sup>12</sup>Ср., например: *Loewenberg I. Truth and Consequence of Metaphors // Philosophy and Rhetoric. 1973. Vol. 6. P. 30–46*, здесь s. 32, а также: *Johnson M. A Philosophical Perspective on the Problems of Metaphor // Cognition and Figurative Language / Ed. by R. P. Honeck, R. Hoffmann. Hillsdale, 1980. P. 47–67*, или: *Idem. Introduction: Metaphor in the Philosophical Tradition // Idem. Philosophical Perspectives on Metaphor. Minneapolis, 1981. P. 3–47*.

при их идентификации — идея отклонения. Этой идее следуют все попытки ответа на данный вопрос — и не только в современной дискуссии о метафорах<sup>13</sup>. Чтобы распознать отклонение, необходимо сравнение, а для сравнения надо определить базу, на которой оно будет осуществляться. С точки зрения этой базы сравнения и различаются разные предлагаемые способы, и в этом различии отражаются ведущие теоретические предпосылки и преследуемые цели. В течение длительного времени, особенно в работах лингвистов на данную тему, господствовал такой взгляд на базу сравнения, который идентифицировал ее с синтаксическими и семантическими правилами реконструируемого определенным образом языка, каковые толкуются как «ограничения отбора»<sup>14</sup>. Если не считать специфически лингвистических проблем, то обнаружилось, что подобное определение базы сравнения слишком ограничивает пространство потенциальных метафор<sup>15</sup>. Очерченный различными формулировками<sup>16</sup>, создающий отклонение «контрдетер-

<sup>13</sup> Наряду с моделью «отклонения» в истории герменевтики встречается, хотя и гораздо реже, модель «плодотворности»; но в известном смысле и это — тоже модель отклонения, поскольку она привязана к представлениям, например, о «совершенстве»; о различиях см.: *Danneberg L. Der sensus metaphoricus in der Geschichte der Hermeneutik und die neuere sprachanalytische Metaphern-Diskussion // Metapher und Innovation. Die Rolle der Metapher im Wandel von Sprache und Wissenschaft / Hg. von L. Danneberg et al. Bern; Stuttgart; Wien, 1995. S. 66–104.*

<sup>14</sup> «Неконгруэнтность» — обозначение, введенное Жоржем Люди, — *Lüdi G. Die Metapher als Funktion der Aktualisierung. Bern, 1973*, — с тем же в основном смыслом, что и введенное Дж. Кацом понятие «ограничения отбора».

<sup>15</sup> Наряду с лингвистами философы тоже выдвигали этот тезис; вот, например, последняя фраза в статье: *Cohen L.J., Margalit A. The Rule of Inductive Reasoning in the Interpretation of Metaphor // Synthese. 1970. Vol. 21. P. 463–487*, здесь р. 485: «Существование метафоры, как и предложения, есть свойство *langue*, а не *parole*»; см. также: *Cohen L.J. The Semantics of Metaphor // Ortony A. et al. Metaphor... P. 64–77.*

<sup>16</sup> Например, «противоречие» (*Widerspruch*) у: *Abraham W. Zur Linguistik der Metapher. Trier, 1973*; «напряжение» (*Spannung*) или «дерзкая предикация» у Рикёра в: *Ricœur P. La métaphore vive. P., 1975* (рус. изд.: *Рикер П. Живая метафора // Теория метафоры. М., 1990*); «категориальные ошибки» (*category mistakes*, термин восходит к Гилберту Райлю) или «скрещивание сортов» (*sort-crossing*) у: *Turbayne C.M. The Myth of Metaphor. New Haven, 1962*; «скрещивание типов» (*type-crossing*) у: *Drange Th. Type Crossings. The Hague, 1966*. Порой это делается весьма метафоризирующим и малопродуктивным образом — как, например, в случае с применением понятия «противоречия» (*contradiction*) у: *Caraher B.G.*

минирующий контекст»<sup>17</sup> оказывается — зачастую не демонстрируя объем контекста, к которому относится отклонение, — без учета «знания о мире» слишком узким в плане как окружения метафоры, так и принимаемой в расчет информации: ни отдельное выражение, ни пассаж, ни целый текст не обязательно демонстрируют метафоричность. Кроме того, его зачастую формулировали недостаточно специфично, потому что не обязательно одно лишь выражение, интерпретируемое как метафорическое, должно образовывать референтную точку для определения отклонения. Если привлекается знание о мире, то в качестве критерия идентификации принимается то, что высказывание<sup>18</sup>, которому присваивается метафорическое значение, на фоне этого знания о мире в буквальном, то есть неметафорическом, значении считается ложным. Если отрицание делает из ложного высказывания истинное, тогда, согласно этому взгляду, метафорическое выражение должно было бы быть асимметричным свойством отрицания. Но этому противоречит уже хотя бы языковая интуиция. «Ричард — лев» — это метафорическое утверждение, которое, при соотнесении его с релевантным знанием о мире, в буквальном понимании является ложным. Тогда утверждение «Ричард — не лев» является в буквальном понимании истинным. Но легко вообразить себе ситуации, в которых оно тоже будет употреблено метафорически<sup>19</sup>. Необходимо лишь упомянуть, что сила отрицательного

---

Metaphor as Contradiction: A Grammar and Epistemology of Poetic Metaphor // *Philosophy and Rhetoric*. 1981. Vol. 14. P. 69–88; а Монро Бердсли говорит о «логической оппозиции между его центральным значением и значением других терминов» — см.: *Beardsley M. C. The Metaphorical Twist // Philosophy and Phenomenological Research*. 1962. Vol. 22. P. 293–307, здесь p. 299.

<sup>17</sup> Это выражение использует: *Weinrich H. Semantik der Metapher // Folia Linguistica*. 1967. Vol. 1. S. 3–17, здесь s. 6.

<sup>18</sup> Соответственно отдельное высказывание не может быть метафорическим без контекста фразы: метафору создают вместе слово и контекст. Это, однако, не значит, что высказывание метафорически относится к контексту (будь то фраза, текст или корпус текстов), как полагает, похоже, Вайнрих. — См.: *Weinrich H. et al. Die Metapher // Poetica*. 1968. Vol. 2. S. 110–130, здесь s. 117. Это случай логически неверного вывода: если только по Z (контексту) можно видеть, что X (высказывание) является Y (метафорическим выражением), то Y не нужно приписывать X; и можно приписать Y к X даже тогда, когда Z заключает в себе X.

<sup>19</sup> Об этом см., в частности: *Brinkley T. On the Truth and Probity of Metaphor // Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1974. Vol. 33. P. 171–180; *Beardsley M. Metaphor and Falsity // Ibidem*. P. 218–222; *Cohen T. Notes on Metapher //*

высказывания, точно так же как и при буквальном выражении, недостаточна для того, чтобы породить метафорическое выражение<sup>20</sup>, и что различные истолкования отрицательного высказывания создают различные значения. Пример: «Камни не говорят» (Жак Деррида) и «Камни молчат». Вполне можно представить себе контексты, в которых одновременно первое высказывание является буквальным, второе — метафорическим выражением. Условием этого является то или иное истолкование отрицания: в первом случае отрицание способности, во втором — реализация способности<sup>21</sup>. Вплоть до XIX века это различие обозначали аристотелевским термином «privatio» (отсутствие в субъекте того, что по природе свойственно ему), в современной логике оно толкуется как различие между внутренним и внешним отрицанием, которое привело к нетрадиционной теории предикации<sup>22</sup>.

Метафорическое выражение или значение, таким образом, не обязательно должно быть при отрицании асимметричным. Уже отсюда следует: даже если некое утверждение не конфликтует с правилами некоего языка и в соответствии с принятым

---

Ibidem. P. 249–259, а также: *Brinkley T. Warranting Metaphor // Text, Literature, and Aesthetics / Ed. by L. Aagaard-Morgensen et al. Amsterdam, 1986. P. 89–96.*

<sup>20</sup> В этом смысле я понимаю сказанное в работе: *Kubczak H. Begriffliche Inkomparabilität als konsumtives Prinzip der Metapher und Präzisierungen des Konzeptes «Metapherninterpretation» // Sprachwissenschaft. 1994. Vol. 19. S. 22–39, особенно s. 33f.*

<sup>21</sup> См. в: *Leisi H. Der Wortinhalt. Seine Struktur im Deutschen und Englischen. Heidelberg, 1953*, равно как и в: *Meier H. Die Metapher. Versuch einer zusammenfassenden Betrachtung der linguistischen Merkmale. Winterthur, 1963*, это истолковывается как различие между «прямой» и «косвенной» метафорой; ср. также: *Strub C. Kalkulierte Absurditäten. Versuch einer historisch reflektierten sprachanalytischen Metaphorologie. Freiburg; München, 1991, частности, s. 237f.* В этом примере определенный артикль при слове «камни» (die Steine) играет некоторую роль, однако это не важно. Сходным образом обстоит дело с фразой «Камни будут петь», в которой подразумевается, что камни способны петь, к тому же без определенного артикля эта фраза может быть метафорической. Использование определенного артикля может служить показателем метафорического употребления имен собственных — см.: *Tschauder G. Wenn Personennamen nicht auf Personen referieren: Metapher und Vergleich als Übersetzungsproblem // Neue Fragen der Linguistik / Hg. von E. Feldbusch et al. Tübingen, 1981. S. 63–76*: «аудер считает, что метафорическое употребление имени собственного — это использование его в объектном языке, когда обычно оно используется в метаязыке.

<sup>22</sup> Ср.: *Wessel H. Logik. Berlin, 1998. 8. Kap. S. 153–163.*

знанием о мире считается истинным, перед нами может быть метафорическое выражение. Релевантное знание о мире, привлекаемое для всякой идентификации метафорического выражения, — понимаемое как принятое на данный момент времени знание, или, по крайней мере, как знание, которое может быть приписано интерпретируемому тексту и его автору<sup>23</sup>, — необходимо дополнить речевой ситуацией, то есть предположениями относительно конвенций и намерений, которые в ней действуют и ее структурируют. Так истинность некоего утверждения в определенной речевой ситуации может показаться столь тривиальной, что ее произнесение вступит в конфликт с определенными конвенциями, действующими для данного контекста. С помощью практического силлогизма в таком случае можно было бы сделать вывод об отклонении, за которым следует новое, — возможно, метафорическое — присвоение значения этому утверждению. Предложенные Полом Грайсом правила беседы, ориентированные на его принцип кооперации, именно таким образом вошли в дискуссию о метафорах<sup>24</sup>. Они — кандидаты на нормирование речевых ситуаций,

<sup>23</sup> Здесь имеются в виду убеждения, а не знание, если считать, что таковое состоит из истинных убеждений (в соответствии с дефиницией, данной *Chisholm R. Theory of Knowledge*. Englewood Cliffs, 1977. P. 102–118). Тогда оно включает в себя «commonplaces», о которых говорит Макс Блэк, или Энциклопедию Умберто Эко — ср.: *Eco U. Lector in fabula*. Roma, 1973, sowie *Idem. Semiotica...*, особенно p. 133–192. Другие говорят о прототипическом знании, которое лежит в основе слова в качестве схемы его применения, или о подлежащих каталогизации или форматированию «скриптах», «сценах», «фреймах» или «сценариях» (*scripts, scenes, frames, scenarios*) — главное в том, что речь всякий раз идет о таком знании, которое может быть приписано тексту и его автору.

<sup>24</sup> Ср.: *Grice H. P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics*. Vol. III / Ed. by P. Cole, J. L. Morgan. N.Y.; San Francisco; L., 1975. P. 41–58; сам автор, правда, говорит о метафорах лишь кратко. Опираясь на принципы Грайса, В. Берг в работе: *Berg W. Uneigentliches Sprechen. Zur Pragmatik und Semantik von Metapher, Metonymie, Ironie, Litotes und rhetorischer Frage*. Tübingen, 1978, пытается провести различие между «взаимосвязью выводов» для корректной интерпретации утверждений фигуральной речи, с одной стороны, и различными (перечисленными в подзаголовке) типами фигуральной речи, с другой. На выкладки Грайса опираются тем или иным образом многие другие работы — например: *Künne W. «Im übertragenen Sinn»*. Zur Theorie der Metapher // *Conceptus*. 1983. Vol. 17. S. 181–200; *Scholz O. R. Some Issues in the Theory of Metaphor // Text and Discourse Constitution: Empirical Aspects, Theoretical Approaches* / Ed. by J. S. Pötfi. Berlin, 1988. S. 269–288.



которые обладают большой убедительностью и достоверностью не в последнюю очередь именно благодаря своей расплывчатости<sup>25</sup>. Выражение «отклонение» относится не к имманентному различию между буквальным и метафорическим выражением, а к процедуре установления его наличия. Его идентификация осуществляется в два шага: сначала первое присвоение значения приводит к несовместимости высказывания с контекстуальным знанием о мире, дополненным речевой ситуацией. Следующий, второй шаг состоит в сглаживании этой несовместимости либо за счет того, что применительно к некоему высказыванию (или набору высказываний) предполагается, что для него существует некое значение, которое, однако, не является буквальным, так что речь уже не может идти о ложном буквальном (присвоенном) значении, или, помимо этого, в переходе к небуквальному значению, то есть с помощью второго присвоения значения. Эта модель идентификации метафорического выражения обнаруживает черты сходства как с ситуациями проверки гипотез вообще, так и с возникающими при этом неопределенностями в отношении разрешимости: здесь всегда наличествуют несколько опций, если они не закрываются специально. Теоретически первое присвоение значения с помощью соответствующих поправок исторического знания всегда можно сохранять — буквальная интерпретация даже требуется, когда некий текст читается как сказка<sup>26</sup>. Только в контексте можно, глядя на высказывание или

---

<sup>25</sup> В истории герменевтики такие принципы в форме принципов «*aequitas*» имеют долгую традицию — не менее долгую, чем практика интерпретации. Так, например, Абельар в своей «*Theologia christiana*» замечает по поводу концепции мировой души, что это выражение, когда его употребляют философы, является метафорическим (*per involucrum*), ибо в противном случае нам бы пришлось считать величайшего из всех философов — Платона — величайшим глупцом. Ср.: *Petrus Abaelardus. Theologia christiana // Idem. Opera omnia. Parisiis, 1885 (=PL 178). Col. 1113–1330, здесь col. 1155: «[...] понятно, что то, что говорят философы о душе мира, следует понимать метафорически. Иначе величайшего философа — Платона — нам пришлось бы считать величайшим глупцом. Ибо что может быть смехотворнее, чем считать, будто весь мир есть одно разумное живое существо [...]?»*

<sup>26</sup> Раньше это относили к концепции «ограниченной вероятности» — например: *Gottsched J. C. Versuch einer Critischen Dichtkunst. 4., vermehrte Aufl., Leipzig 1751 (Nachdruck Darmstadt 1962). S. 200: «[...] ибо можно предположить только одно-единственное условие — например, что в каком-то другом мире деревья*

последовательность высказываний, сказать, имеют ли они буквальный или небуквальный характер (о том, насколько это верно также и применительно к оценке метафорического выражения или метафор как «хороших» или «подходящих», я сейчас говорить не буду)<sup>27</sup>. Тогда размываются и границы между такими утверждениями, которые несут метафорическое значение, и такими, которые составлены из элементов некоего данного языка, не обладающих значением, или бессмысленных, особенно когда в качестве мерила выступает присвоение значения. Так, стандартный пример грамматически безупречного, но бессмысленного предложения — «Бесцветные зеленые идеи яростно спят» — никоим образом не застрахован от присвоения метафорических значений<sup>28</sup>.

---

обладают разумом и даром речи: тогда все остальное вполне возможно». *Levin S.R.* The Semantics of Metaphor. Baltimore; L., 1977. Chapt. VI–VII; *Idem.* Standard Approaches to Metaphor and a Proposal for Literary Metaphor // *Ortony A. et al.* Metaphor... P. 124–135, — считает, что метафоры в поэзии и художественной прозе всегда следует интерпретировать буквально: они буквально описывают «возможный мир». Левин толкует это как «феноменалистское толкование» (p. 137), при котором «воображается некий мир, где “отклоняющееся” утверждение как таковое выражает условия истины (*truth-conditions*) того мира. Когда эти условия, с которыми связаны отклоняющиеся объекты и события того мира, пропускаются сквозь наше сознание объектов и событий реального мира, мы истолковываем их как феноменалистские метафоры». Соответственно, в поэзии и художественной прозе перед нами не метафорическое выражение, а буквальное описание «метафорического мира», следовательно, метафорическое выражение в литературе исключается вовсе; критику этого взгляда см., в частности, у: *Cureton R. D.* Metaphor Without Analogy // *Poetics Today*. 1983. Vol. 4. P. 323–341.

<sup>27</sup> Попытки определить уместность тех или иных метафор редки. См., например: *Tourangeau R., Steinberg R.J.* Aptness in Metaphor // *Cognitive Psychology*. 1981. Vol. 13. P. 27–51; *Idem.* Understanding and Appreciating Metaphors // *Cognition*. 1982. Vol. 11. P. 203–244, — попытка определения сравнительного понятия уместности (*aptness*) применительно к употреблению метафор. См. далее: *Gentner D., Clement C.* Evidence for Relational Selectivity in Interpreting Analogy and Metaphor // *The Psychology of Learning and Motivation* / Ed. by G.H. Bower. N.Y., 1988. P. 307–358; *Tourangeau R., Rips L.J.* Interpreting and Evaluating Metaphors // *Journal of Memory and Language*. 1991. Vol. 30. P. 452–447. Ср. также: *Villwock J.* Metapher und Bewegung. Frankfurt a. M.; Bern, 1983. S. 87 ff.

<sup>28</sup> Ср.: *Pollio H.G., Burns B.* The Anomaly of Anomaly // *Journal of Psycholinguistic Research*. 1977. Vol. 6. P. 247–260; *Pollio H.G., Burns B., Smith M.* Sense and Nonsense in Thinking about Anomaly and Metaphor // *Bulletin of the Psychonomic Society*. 1979. Vol. 13. P. 323–326. Уже Ганс Херман сформулировал для этой фразы Хомского, постоянно использовавшейся в качестве пробного камня для грам-

При идентификации метафорического выражения устанавливается, какое значение должно быть ему присвоено. Но не всякое отклонение указывает на такое метафорическое выражение: ведь любому ложному буквальному высказыванию можно, истолковав его как метафорическое, отказать в ложности (о том, что это не чисто теоретическая возможность, постоянно свидетельствует практика библейской экзегезы). Следствием из этого было бы существование в принципе либо только истинного буквального выражения, либо небуквального. А если последнее может еще и считаться метафорически истинным, то отсюда следует допущение, что в истории науки и философии никогда не бывало никаких ложных высказываний. Если принять во внимание, что современность сама превратится в такую историю, то это допущение сильно противоречит интуиции. Для тех, у кого проблемы с понятием истины, вывод можно сформулировать и по-другому: не может быть никаких внутренне противоречивых текстов или корпусов текстов, никаких провокационных или парадоксальных формулировок: все можно превратить в гармоничное целое<sup>29</sup>. Реконструкция метафорического значения соответственно должна по меньшей мере подчиняться условию адекватности, которое допускает возможность того, что при установлении отклонения мы сделаем вывод не о метафорическом выражении, а о ложном высказывании в буквальном словоупотреблении. Отсюда единственный вывод: для перехода к метафорическому выражению, то есть ко второму присвоению значения, исходной точкой не может быть максимизация истины, пусть даже предположение истинности может играть некоторую роль<sup>30</sup>. Можно сформули-

---

матических теорий, такой контекст, в котором она обретала смысл, — ср.: *Hörmann H. Semantische Anomalie, Metapher und Witz oder Schlafen farblose grüne Ideen wirklich wütend? // Folia Linguistica. 1971. Vol. 5. S. 310–330. Ср., однако: Lappin S. Sorts, Ontology and Metaphor: The Semantics of Sortal Structure. Berlin; N.Y., 1981.*

<sup>29</sup> Мнение, что здесь мы натываемся на границы, поскольку некоторые аномалии являются подлинными, — так считает, например: *Ortony A. Some Psycholinguistic Aspects of Metaphor // Honeck R.P., Hoffmann R. Cognition... P. 69–83, здесь p. 74* — не дает (по необходимости?) никаких критериев, по которым можно было бы опознать подлинный характер, и таким образом предмет исключает собственную интерпретацию.

<sup>30</sup> Об этом говорят и эмпирические исследования: например, испытуемые видели метафорическое значение в простых сравнительных предложениях,

ровать это в более общем виде: на фоне определенных допущений относительно расширенного контекста присвоение буквального значения должно рассматриваться как неприемлемое. Это в конечном счете вытекает из симметрии метафорического значения со знаком минус: даже тогда, когда буквальное выражение по отношению к расширенному знанию о мире, расцениваемому в данной ситуации как релевантное, ошибочно рассматривается в качестве истинного, и это суждение впоследствии корректируется, это не обязательно влияет на суждение о разбираемом метафорическом выражении и на предположения относительно того или иного значения, которое следует присвоить данному высказыванию.

Проблема разрешимости в основном связана с определением различных контекстов, к которым мы обращаемся при идентификации метафорического выражения<sup>31</sup>. Контрдетерминирующий контекст идентификации всегда есть часть детерминирующего контекста, то есть того, который рассматривается в качестве релевантного для присвоения значения метафорическому выражению. Чем более узким оказывается контрдетерминирующий контекст, тем меньше шансов идентифицировать метафорическое выражение, а с расширением его возрастает и шанс увидеть в любом выражении метафорическое. За идеей отклонения как средства идентификации метафорического выражения стоит идея когерентности выражения. Однако предположение, будто выражение полностью коге-

---

хотя те вполне вписывались в контекст и могли считаться истинными; ср.: *Glucksberg S. et al.* On Understanding Non-literal Speech: Can People Ignore Metaphors? // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1982. Vol. 21. P. 85–98; *Shinjo M., Myers J.* The Role of Context in Metaphor Comprehension // *Journal of Memory and Language*. 1987. Vol. 26. P. 226–241.

<sup>31</sup> О проблемах образования контекста при интерпретации см.: *Danneberg L.* Interpretation: Kontextbildung und Kontextverwendung // *Siegener Periodicum zur Internationalen Empirischen Literaturwissenschaft*. 1990. Vol. 9. S. 89–130; *Idem.* Zum Autorkonstrukt und zu einem methodologischen Konzept der Autorintention // *Rückkehr des Autors. Zur Erneuerung eines umstrittenen Begriffs* / Hg. von F. Jannidis et al. Tübingen, 1999. S. 77–106. На тему идентификации и интерпретации метафор см. также: *Zhu Xiao-an.* Kontexttheorie der Metapher. Ein Modell zur Erklärung der Metapher // *Sprachwissenschaft*. 1994. Vol. 19. S. 423–454. Я не имю здесь возможности для критического разбора концепции релевантности, изложенной в кн.: *Sperber D., Wilson D.* Relevance: Communication and Cognition. Oxford, 1986.

рентно, интуитивно столь же неправдоподобно, как и допущение, будто с исторической точки зрения в буквальном словоупотреблении не бывает ложных высказываний. Поэтому предположение о когерентности следует ограничить релевантным фрагментом, выделенным из всей совокупности употребления языка. Как определение того контекста, на фоне которого выражение испытывает контрдетерминацию, так и указание на тот контекст, который является релевантным для выявления значения выражения, идентифицируемого как метафорическое, и представляет собой в выбранной историографической перспективе подлинную «проблему метафоры».

В соответствии с этим идентификация отклонения описанным образом есть лишь первый шаг; второй заключается в идентификации этого отклонения как метафоры. Можно установить различные формы небуквального значения — не только в зависимости от того, какие фрагменты знания о мире будут привлечены в качестве релевантных, но и в зависимости от тех отношений, которые существуют между первым присвоением значения (обычно понимаемым как буквальное) и следующим за ним вторым. Пример симметрии метафорического выражения при отрицании показывает уже, что присвоенное вначале буквальное значение не может быть органической составной частью второго, метафорического, хотя первое и играет большую эвристическую роль при выявлении второго<sup>32</sup>.

---

<sup>32</sup> Mooij J.J.A. A Study of Metaphor: On the Nature of Metaphorical Expressions, with Special Reference to Their Reference. N.Y., 1976, различает в своем исследовании два вида концепций метафоры по тому, сохраняется ли в них первое, буквальное присвоенное значение (дуалистические концепции) или утрачивается. Моой не учитывает эвристическую функцию первого значения для выявления второго, метафорического. Это в значительной мере обесмысливает вводимое им различие. Критику см. в: Margalit A. [Review.] A Study of Metaphor [...] // The Journal of Philosophy. 1979. Vol. 76. P. 453–457. С большой риторической пышностью излагает этот простой вывод Поль Рикёр: *Ricœur P. La métaphore vive...* P. 226: «Будем снова исходить из того, что смысл метафорического высказывания порождается неудачей буквального толкования высказывания; для буквального толкования смысл сам себя уничтожает. Но это самоуничтожение смысла обуславливает, в свою очередь, разрушение первичной референции. В этом заключается вся стратегия поэтической речи: она нацелена на то, чтобы добиться уничтожения референции через самоуничтожение смысла метафорического высказывания, и это самоуничтожение делается очевидным с помощью невозможности буквального толкования. Однако это лишь первая фаза

Это может потом отличать метафорическое выражение от аллегорического, но не от иронического<sup>33</sup>. Следует помнить о том, что различие упомянутых двух шагов не обязательно отражает реальный процесс интерпретации, а лишь описывает способы аргументации при переходе значения. Таким образом, это различие нейтрально как по отношению к возврату к первому шагу (в случае, если присвоение метафорического значения сочтено не удавшимся), так и по отношению к делениям, членившим метафорический процесс понимания, — например, с разделением на *comprehension* (в значительной мере неосознанная, непосредственная переработка языковой информации), *recognition* (сознательная идентификация и приписывание метафорического значения), *interpretation* (сознательное, анализирующее рассмотрение элементов значения метафоры) и *appreciation* (сознательная оценка метафор по эстетическим или иным критериям)<sup>34</sup>.

Психологические исследования показали, что в некоторых случаях уяснение как буквального, так и метафорического значения требует одинакового времени. Отсюда делают вывод, что не существует никакого особого процесса понимания для метафор<sup>35</sup>. Но это можно истолковать и так, что восприятие

---

или, скорее, негативная сторона позитивной стратегии; самоуничтожение смысла под воздействием семантической дерзости (*Impertinenz*) есть только оборотная сторона инновации смысла на уровне целого высказывания, и эта инновация достигается через „извращение“ буквального смысла слов.

<sup>33</sup> Существует множество возможных различий между ироническим и метафорическим выражением, разбирать которые здесь не место. Ср.: *Searle J. Metaphor // Idem. Ausdruck und Bedeutung. Frankfurt a. M., 1982. S. 98–138; Berg W. Uneigentliches Sprechen...* Кроме того, ироническое использование языка не способно образовывать новых и независимых от их выражения словарных значений, и не существует ни мертвых, ни конвенциональных применений иронии.

<sup>34</sup> *Gibbs R. W. The Poetics of Mind. Figurative Thought, Language and Understanding. Cambridge, 1994. P. 116f.*

<sup>35</sup> Вот как это резюмировано в работе: *Hoffman R., Kemper S. What Could Reaction-Time Studies Be Telling Us About Metaphor? // Metaphor and Symbolic Activity. 1987. Vol. 2. P. 149–186, здесь p. 175: «Большинство имеющихся данных свидетельствуют о том, что не существует специального процесса понимания метафоры или что такой процесс может быть отброшен». Harris R.J. Comprehension of Metaphors: A Test of the Two-Stage Processing Model // Bulletin of the Psychonomic Society. 1976. Vol. 8. P. 312 ff; Ortony A. et al. Metaphor: Theoretical and Empirical Research // Psychological Bulletin. 1978. Vol. 85. P. 919–943; Idem et al.*

метафорического высказывания не есть одновременно восприятие туманного или неоднозначного высказывания, а кроме того экспериментальные ситуации, в которых получены эти результаты, не были экологически валидны, и потому их нельзя переносить на ситуации, в которых находится, например, историк, изучающий метафоры<sup>36</sup>. Данные получены в условиях, не совпадающих с условиями, в каких работает тот, кто занимается интерпретацией профессионально; нередко это автоматизированные процессы, отсутствие которых как раз характерно для профессионального идентифицирования и интерпретирования как контролируемого процесса, «долгого и мучительного»<sup>37</sup>. Экспериментальные схемы демонстрируют скорее знакомство испытуемых с тем или иным выражением, а не реакции на историческое употребление и не ознакомление

---

Interpreting Metaphors and Idioms: Some Effects of Context on Comprehension // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1975. Vol. 17. P. 465–477; *Swinney D., Cutler A.* The Access and Processing of Idiomatic Expressions // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1979. Vol. 18. P. 523–534; *Gibbs R.W.* A Critical Examination of the Contribution of Literary Meaning to Understanding Nonliteral Discourse // *Text*. 1982. Vol. 2. P. 9–27; *Idem.* Literal Meaning and Psychological Theory // *Cognitive Science*. 1984. Vol. 8. P. 274–304; *Gildea P., Glucksberg S.* On Understanding Metaphors: The Role of Context // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1983. Vol. 22. P. 577–593; *Hoffman R., Honeck R. P.* Proverbs, Pragmatics, and the Ecology of Abstract Categories // *Cognition and Symbolic Structures: the Psychology of Metaphoric Transformation* / Ed. by R.E. Haskell. Norwood, 1987. P. 121–140, а также резюмирующее изложение в: *Gibbs R.W.* The Poetics of Mind... P. 80ff.

<sup>36</sup> В зародыше эта критика была высказана еще Ульрихом Нейсером — ср.: *Neisser U.* Kognition und Wirklichkeit. Stuttgart, 1979 [Cognition and Reality, 1976]. S. 17 f: «Во-первых, когнитивным психологам нужно прилагать больше усилий к тому, чтобы понять познание, осуществляющееся в повседневной среде и в контексте естественных действий. Это не означает, что надо прекратить лабораторные эксперименты, но надо жестко ориентироваться на такие переменные, которые являются экологически важными, а не на такие, которые легко изучать. [Во-вторых...] В-третьих, психологии нужно попытаться как-то сделать своим мерилom хитроумность и многообразие когнитивных способностей, которые люди реально способны приобрести, и тот факт, что эти способности могут систематически развиваться. Удовлетворительная теория человеческого познания едва ли может основываться на экспериментах, в ходе которых неопытным испытуемым в течение короткого времени дается возможность решать новые и бессмысленные задачи».

<sup>37</sup> Выражения заимствованы из: *Eco U.* Semiotica...

«в ходе растянутых во времени процессов рефлексии»<sup>38</sup>. Хотя и здесь различие буквального и метафорического выражения с точки зрения затрат, необходимых для идентификации, обладает «незначительной психологической реальностью»<sup>39</sup> и охватывает «те же самые предположения, решения и опору на контекстуальную информацию»<sup>40</sup>, только совершенно не по тем причинам, которые указывают психологические исследования: схватить — не значит проинтерпретировать<sup>41</sup>. Многообразие метафорических концепций отчасти объясняется и тем, какие допущения они делают «по поводу временного протекания интерпретации»<sup>42</sup>. Та же самая проблема возникает при эмпирических исследованиях детей, учащихся говорить и не различающих или не способных различить то, что взрослым ретроспективно представляется буквальным или же метафорическим выражением<sup>43</sup>. Метафорическое или аналоговое мышление<sup>44</sup>, которое обусловлено онтогенетическим или психогенетическим развитием, не является главным полем ис-

<sup>38</sup> Koller W. Dimensionen des Metaphernproblems // Zeitschrift für Semiotik. 1986. Vol. 4. S. 379—410, здесь s. 398.

<sup>39</sup> Формулировка Р. Гиббса — Gibbs R.W. Literal Meaning and Psychological Theory // Cognitive Science. 1984. Vol. 8. P. 275—304.

<sup>40</sup> Gildea P., Glucksberg S. On Understanding Metaphors... P. 589; Glucksberg S. How People Use Context to Resolve Ambiguity? // Knowledge and Language / Ed. by I. Kucz et al. Amsterdam, 1986. P. 303—325, здесь p. 311: «Как же используется контекст для интерпретации метафоры? Не каким-либо особым провоцирующим образом, но тем же самым, каким он используется для интерпретации любого другого вида высказывания, чтобы сделать однозначными высказывания, которые могут быть поняты более чем в каком-то одном смысле».

<sup>41</sup> Ср.: Honeck R.P., Kibler C.T. Representation in Cognitive Psychological Theories of Figurative Language // The Ubiquity of Metaphor: Metaphor in Language and Thought / Ed. by R. Dirven, W. Paprotté. Amsterdam, Philadelphia, 1985. P. 381—423, здесь p. 417: схватывание метафор бывает, «как правило, легким, естественным, быстрым и целостным». См. также: Yoos G. A Phenomenological Look at Metaphor // Philosophy and Phenomenological Research. 1971. Vol. 32. P. 78—88.

<sup>42</sup> Ср. также: Gibbs R.W. When is Metaphor? The Idea of Understanding in Theories of Metaphor // Poetics Today. 1992. Vol. 13. P. 575—606.

<sup>43</sup> Ср.: Rumelhart D.E. Some Problems with the Notion of Literal Meaning // Miall D.S. Metaphor: Problems and Perspectives... P. 78—90; Gardner H., Winner E. The Development of Metaphoric Competence // Critical Inquiry. 1978. Vol. 5. P. 123—142.

<sup>44</sup> Ср.: Sternberg R.J., Rifkin B. The Development of Analogical Reasoning Processes // Journal of Experimental Child Psychology. 1979. Vol. 27. P. 195—232, а также: Winner E. The Point of Words: Children's Understanding of Metaphor and Irony. Cambridge, 1988.



следования для такой истории метафор, которая ориентируется на философию и науку.

Если идентификация метафорического выражения зависит от опоры на квалифицированное в определенном смысле знание, а это знание исторически изменчиво, то это может приводить к тому, что одно и то же с языковой точки зрения высказывание может быть истолковано как буквально, так и метафорически, причем не только хронологически последовательно, но и одновременно. На исторических примерах я хочу продемонстрировать некоторые следствия, к которым это ведет. То, что это примеры исторические, не значит, что проблемы не современны. С точки зрения Дональда Дэвидсона (это только один из множества современных примеров), образование множественного числа от слова «мир» (о чем говорили Томас Кун и Питер Струсон) означает «метафорическое» выражение — или же эти миры суть лишь «воображаемы». Причина — конфликт с тем, что утверждается как заявка на знание: «мир всего один»<sup>45</sup>. Даже если поддерживать это утверждение, вывод о том, что «миры» — это метафора или воображаемая сущность, представляет собой вывод, не соответствующий посылкам. Если мы говорим о множественности миров, мы можем иметь это в виду буквально, одновременно признавая допущение, что существует лишь один мир<sup>46</sup>. Один из способов непротиворечиво соединить одно с другим, часто использовавшийся в XVII веке, — это положить, что мир один — в отношении к Богу<sup>47</sup>.

---

<sup>45</sup> Ср.: Davidson D. Was ist eigentlich ein Begriffsschema? [1974] // *Idem. Wahrheit und Interpretation* [Inquiries into Truth and Interpretation, 1984]. Frankfurt a. M., 1990. S. 261–282, здесь s. 266.

<sup>46</sup> О множественности миров ср.: McColley G. The Seventeenth-Century Doctrine of A Plurality of Worlds // *Annals of Science*. 1936. Vol. 1. P. 385–430; Nicolson M.H. The Breaking of the Circle: Studies in the Effect of the New Sciences Upon Seventeenth-Century Poetry, revised edition. N. Y., 1960, особенно p. 115–122; Rossi P. Nobility of Man and Plurality of Worlds // *Science, Medicine and Society in the Renaissance* / Ed. by A. G. Debus. L., 1972. Vol. II. P. 131–162; Guthke K. S. Der Mythos der Neuzeit. Das Thema der Mehrheit der Welten in der Literatur- und Geistesgeschichte von der kopernikanischen Revolution bis zur Science Fiction. München, 1983; Dick S. J. Plurality of Worlds: The Origins of the Extraterrestrial Life Debate from Democritus to Kant. Cambridge, 1984.

<sup>47</sup> Ср. наблюдение Блюменберга относительно Канта (правда, в ином контексте): Blumenberg H. Paradigmen... S. 84 f.: «Критическое рассмотрение этого воззрения показывает, что слова о недоделанном мире здесь — вовсе не метафора, а терминологическое выражение реалистической космологии».

Мой первый исторический пример призван проиллюстрировать две вещи: во-первых, синхронную и неотменимую двойственность видения метафорического и неметафорического выражения; во-вторых — проблему ограничения объема контекстуализации. В установочных словах евхаристического канона «hoc est corpus meum» [«сие есть Тело Мое»] для лютеран было заключено буквальное значение, и они сделали все для того, чтобы рамочное знание образовать так, чтобы эта фраза в самом деле была буквальной. А для кальвинистов эти слова с такой же несомненностью представляли собой метафору, и они сделали все для того, чтобы рамочные допущения задать таким образом, чтобы это была метафора<sup>48</sup>. Никому из историков теологии или философии не хотелось бы пожелать такой амбициозности, которая заставила бы его стремиться разрешить вопрос о статусе значения этой фразы. Этот пример показывает, что нельзя просто положить некий концепт в основу какого-либо языкового сообщества; кроме того, он показывает, что места теоретической дискуссии по поводу буквального и небуквального смысла могут меняться. Ни у кого не было бы шансов понять представления о буквальности и небуквальности, существовавшие, например, в XVII столетии, лишь по риторическим трактатам той эпохи, которые, согласно грамматике, были главным местом различения прямых и переносных смыслов. Более важны трактаты и учебники по теологии, логике и сакральной риторике, в которых разбираются вопросы христологии, такие, как «общение свойств»<sup>49</sup>. Не все, что кажется на первый взгляд метафорическим выражением, оказывается таковым, если обратиться к контексту релевантного знания, и это касается не только очевидных случаев, таких, как слова

---

<sup>48</sup> Это весьма краткос изложение вызовет, быть может, впечатление, будто толкования с обеих сторон были произвольны, однако это не так: обе стороны, каждая в рамках своих исходных посылок и каждая при своих опасениях, но при одинаковой общей цели имели веские основания в пользу сделанного ими выбора.

<sup>49</sup> Я опираюсь здесь на: *Sparr W. Wiederkehr der Metaphysik. Die ontologische Frage in der lutherischen Theologie des frühen 17. Jahrhunderts.* Stuttgart, 1976; *Schröder R. Johann Gerhards lutherische Christologie und die aristotelische Metaphysik.* Tübingen, 1983. По поводу контекста этих и некоторых других излагаемых далее примеров, касающихся герменевтики: *Danneberg L. Hermeneutik und Logik. Studien zu ihrer Beziehung vom 16. bis zum 19. Jahrhundert.* Tübingen, 2002.

Христа, произнесенные над хлебом во время тайной вечери. Еще одним примером могут служить выражения, подразумевающие движение Солнца. Допустим, кто-то — скажем, в конце XVI или в XVII веке — принял бы заявку на знание о мире, вытекающую из теории Коперника. Очевидно, что в таком случае высказывание, из которого следовало бы, что Солнце движется, в буквальном понимании оказалось бы ложным и потому его можно было бы рассматривать как метафорическое. Но это было бы слишком поспешным заключением, как показывают все те, кто (как, например, Кеплер и Лейбниц) при определенных условиях допускают, что иначе выразиться невозможно: например, тогда, когда говорящий описывает феномены (*secundum apparentiam*, то есть согласно проявлению), а не их причины. Отсюда понятно, что при отсутствии критерия полноты релевантного контекста знания классификация выражения в качестве метафорического всегда будет лишь предварительной.

Второй пример, с одной стороны, подчеркивает вывод, следующий из первого, а с другой — еще сильнее высвечивает проблему узости контекста при идентификации метафорического или же неметафорического выражения. В словах «мир — это машина» интуитивно видится метафора. Однако если соотнести их с таким знанием о мире, которое контекстуально релевантно, то это может оказаться и не так. Христиан Вольф в качестве «доказательства» того, что мир есть «машина», приводит следующее определение понятий: «Машина есть собранное произведение, движение которого определяется тем, как оно собрано. Мир тоже есть собранная вещь, изменения которой определяются тем, как она собрана. Поэтому мир — машина»<sup>50</sup>. Хотя Вольф пишет, что не стал бы «затевать войну» по поводу «этого слова», его комментарий к этому параграфу показывает, что слово «машина» он в данном случае употребляет в буквальном смысле: «Но поскольку я привык не использовать никакого слова, особенно искусственного, значения которого я бы не заключил в точные границы, то я и здесь слово “машина” заключил в подходящие ему границы, дабы оно могло без

<sup>50</sup> Cp.: Wolff C. Vernünfftige Gedancken von Gott, der Welt und der Seele des Menschen [1719]. Frankfurt a. M., 1740 (= *Idem*. Gesammelte Werke. I. Abt. 3. Hildesheim; Zürich; N.Y., 1983). IV. Kap. § 557 (S. 337).

ущерба для истины употребляться в таких случаях, когда его обыкновенно употребляют»<sup>51</sup>. Независимо от того, что показывает этимология слова «машина», и независимо от того, как часто оно прежде было употреблено метафорически, в данном случае Вольф употребляет его не метафорически. Это слово приняло то значение, которое ему эксплицитно присвоил тот, кто его употребляет. Это не значит, что у Вольфа не встречается метафорических употреблений этого слова, как не означает это и того, что его употребления всегда оказывались приняты. Но даже тогда, когда их не принимали — как, например, прославившийся в то время своей критикой Вольфа Христиан Крузиус, — критика была нацелена не на буквальный характер выражений<sup>52</sup>. Если выбрать специальный контекст знания для

<sup>51</sup> Cp.: Ibidem. *Anderer Theil, bestehend in ausführlichen Anmerkungen*. § 183 Ad § 557 (S. 300–303); *Idem*. *Cosmologia Generalis Methodo Scientifica Pertractata* [1731]. Frankfurt 1737. (= *Idem*. *Gesammelte Werke*. II. Abt. 3. Hildesheim, 1964), например, § 73. S. 67: «Весь мир, даже зримый, есть машина»; или § 74: «Всякое составленное существо (*ens compositum*) есть машина». Слова Лейбница, что всякое органическое тело живого существа есть «разновидность божественной машины или природного автомата, бесконечно превосходящего все рукотворные автоматы», представляют собой, видимо, тоже скорее буквальное выражение; ср.: *Leibniz G.W. Monadologie* [1720] // *Idem*. *Vernunftprinzipien der Natur und der Gnade/Monadologie*. Hamburg (1956), 1963. S. 26–60, здесь § 64. S. 57.

<sup>52</sup> Cp.: *Crusius C. A. Entwurf der nothwendigen Vernunft Wahrheiten wiefern sie den zufälligen entgegen gesetzt werden*. Leipzig, 1745 (Neudruck Hildesheim, 1964) *Die Kosmologie*. Cap. I. § 382. S. 734: «Как, легко видеть, что мир не есть машина и что нельзя его с таковой сравнивать». Причина, по которой мир есть нечто лучшее, чем машина, состоит в том, что «это — Царство Божие»; выше (§ 371. S. 702) Крузиус определил понятие «машина» таким образом, что оно включало в себя и животные тела. Другие примеры, исследование которых может быть полезно в данной связи, это «Человек-машина» Ламетри, или теория Декарта о животных как автоматах, или его идея о «*esprits reflechis*». Об этом см.: *Jaynes J. The Problem of Animate Motion In the Seventeenth Century* // *Historical Conceptions of Psychology* / Ed. by M. Henle et al. N. Y., 1973. P. 166–179. Однако мы здесь не занимаемся написанием истории животного-машины — об этом см.: *Rosenfield L. C. From Beast-Machine to Man-Machine: Animal Soul in French Letters From Descartes to La Mettrie*. Enlarged edition. N.Y., 1968; по весьма пространной области машинной метафоры см., в частности: *Meyer A. Mechanische und organische Metaphorik politischer Philosophie* // *Archiv für Begriffsgeschichte*. 1969. Vol. 13. S. 128–199; *Baruzzi A. Mensch und Maschine. Das Denken sub specie machinas*. München, 1973; *Schmidt-Biggemann W. Maschine und Teufel. Jean Pauls Jugendsatiren nach ihrer Modellgeschichte*. München, 1975; *Sutter A. Göttliche Maschinen. Die Automaten für Lebendiges bei Descartes, Leibniz, La Mettrie und Kant*. Frankfurt a. M., 1988; *Jakob K. Maschine, mentales Modell, Metapher. Studien zur Semantik und Geschichte der Techniksprache*. Tübingen, 1991.

идентификации метафорического выражения, то может оказаться неметафорическим то, что как правило или хотя бы часто является метафорическим. Как здесь уже становится видно, для истории философии и истории науки мало пользы в распространенном представлении, что буквальное употребление слова следует считать идентичным его первому употреблению. У слов и выражений есть своя история, но эта история не обязательно помогает понять смысл их употребления.

Пример с машиной сравнительно прост, потому что он в контексте знания и в речевой ситуации опирается на эксплицитное высказывание, которое эксплицитно выражает неметафорический характер. Сложнее обстоит дело с третьим примером, где сильнее проявляются подлежащие рассмотрению альтернативы интерпретации. Несомненно, что выражение «книга природы» во многих случаях используется метафорически. Было бы, однако, ошибкой связывать выражение «Читать книгу природы» (заглавие одной недавней работы по философии науки) со старой метафорикой книги и чтения<sup>53</sup>. Слово «читать» здесь означает не более чем рамочное понятие, позволяющее охватить различные эпистемологические цели при познании природы либо оставить этот вопрос в заглавии открытым; метафорика книги и чтения в этой работе не играет никакой роли. Этим примером я хотел лишь указать на разные функции, которые может иметь выражение, кажущееся метафорическим. Собственно пример с метафорой книги касается исторического употребления словосочетания «книга природы».

В соответствии с тем, что было сказано об идентификации метафорического выражения, небуквальное значение мерится тем релевантным знанием, на фоне которого буквальное толкование выражения «книга природы» представляется неподходящим. Однако это выражение обретает свой смысл во времени только в контексте заявок на знание, выдвинутых христианской теологией. Не в последнюю очередь все тут зависит от того, какой статус значения мы признаем за высказываниями теологов о Боге. Если доминирует такое представление

<sup>53</sup> Kosso P. Reading the Book of Nature: An Introduction to the Philosophy of Science. N. Y., 1992.

о Боге, согласно которому приписывать Ему антропоморфные и антропатические качества считается неправильным, то остаются, по сути дела, только характеристики по аналогии и от противного (*via analogiae* и *via negationis*). С другой стороны, не всякое теологическое утверждение надо считать метафорическим (или негативным)<sup>54</sup>. Здесь тоже для тех, кто оспаривает какое бы то ни было сходство между Богом и Его «образом и подобием», все, что говорится о Нем, является не метафорическим, а только иносказательным выражением<sup>55</sup>. В конце кон-

<sup>54</sup> Направлено против: *MacCormac E.R.* Metaphor and Myth in Science and Religion. Durham, 1976, который видит метафорическое выражение и в слове «Бог», а не только в словосочетании «Бог-Отец». Применительно к метафорическим высказываниям о Боге в последнее время были выдвинуты различные концепции. Например, одна из них видит в метафорах связующие звенья между лишенными наглядности абстрактными теологическими высказываниями и нашим повседневным опытом, — средство обеспечения понятности. Не наблюдается единства и при сравнении естественно-научных и теологических метафоризации, аналогизации и моделирования с точки зрения оценки: так, подчеркиваемое в некоторых исследованиях сходство между научным и теологическим использованием моделей или аналогий приветствуется как уменьшение потенциального конфликта между теологией и наукой, но и расценивается как свидетельство того, что описываемый таким образом способ действия для теологии находится за рамками адекватных высказываний о Боге; вот небольшой выбор литературы: *Ferre F.* Die Verwendung von Modellen in Wissenschaft und Theologie // *Sprachanalyse und religiöses Sprechen* / Hg. von D. M. High. Düsseldorf, 1972. S. 51–92; *Palmer H.* Analogy. A Study of Qualification and Argument in Theology. L., 1973; *Burrell D.* Analogy and Philosophical Language. New Haven, L., 1973; *Ricoeur P., Jüngel E.* Metapher. Zur Hermeneutik religiöser Sprache. München, 1974; *Barbour I. G.* Myths, Models and Paradigms. N.Y., 1976; *Woodsmall W.L.* An Analysis of the Use of Models in Science and Religion: A Clarification of the Notion of Theoretical Model in Response to Some Misunderstandings of this Notion on the Part of Two Writers in the Philosophy of Religion. Ph.D. Columbia University, 1979; *Soskice J.M.* Metaphor and Religious Language...; *Hesse M.B.* The Sources of Models for God: Metaphysics or Metaphor? // *Physics and Our View of the World* / Ed. by J. Hilgevoord. Cambridge, 1994. P. 239–254.

<sup>55</sup> Так у Маймонида; из обширной литературы на эту тему см.: *Wolfson H. A.* Maimonides on Negative Attributes [1945] // *Essays in Medieval Jewish and Islamic Philosophy* / Ed. by A. Hyman. N.Y., 1982. P. 180–218; *Cohen J.P.* Figurative Language, Philosophy, and Religious Belief: An Essay on Some Themes in Maimonides' The Guide of the Perplexed // *Studies in Jewish Philosophy* / Ed. by N. M. Samuelson. Lanham, L., 1987. P. 367–396; *Hyman A.* Maimonides on Religious Language // *Ibidem*. P. 351–365. Иногда взгляды Фомы Аквинского и Маймонида рассматриваются как весьма схожие: *Franck I.* Maimonides and Aquinas on Man's Knowledge of God: A Twentieth Century Perspective // *Review of Metaphysics*. 1985. Vol. 28. P. 591–615, оправданную критику см.: *Buijs J.A.* The Negative Theology of Maimonides and Aquinas // *Ibidem*. 1988. Vol. 41. P. 723–738.

цов, аналогическое выражение, если рассматривать направление переноса, тоже может быть буквальным<sup>56</sup>. Как бы то ни было: важнее, что всякое высказывание по поводу Священного Писания как «книги» сталкивается с той же самой проблемой, что и выражение «книга природы». Разумеется, люди видели различия между этими двумя «книгами», однако это не обязательно значит, что между ними имеет место различие в статусе значений. Кеплер в своей работе «Краткое изложение коперниканской астрономии» использует идею двух книг. В данном контексте нас интересуют только аспекты сравнения. Сравнение Кеплер производит ради той цели, которую поставило себе астрономическое познание природы: аналитически выяснить причины, отправляясь от эффекта (*demonstratio a*

---

<sup>56</sup> Ср.: *Thomas Aquinas. Summa Theologica* [1266–1273] // Editio [...] Josepho Pecci [...]. Editio Tertia. Roma, 1925. I-I. Q. 13 a. 3sq (p. 77 ff). Главная мысль состоит в том, что нам по метафизическим причинам дано знание о свойствах Бога. Хотя мы узнаем такие понятия, как «добрый», в качестве свойств человека, они все же в первую очередь применяются в качестве описания свойств Бога, поскольку совершенства (*perfectiones*) Бога направлены от Него к Его творениям. Это, согласно Фоме Аквинскому, есть аналогическое выражение, которое в отношении к Богу являет собой буквальное, которое следует отличать от метафорического — например, «Бог — наша скала». Последнее высказывание представляется неудовлетворительным по двум причинам: во-первых, оно в конечном счете неверно, поскольку Бог не есть в самом деле скала; во-вторых, оно неопределенно, потому что мы не знаем наверняка, в каком отношении проводится такое сравнение. В этом смысле высказывание «Бог мудр» является буквальным, а «Бог — солнце» метафорическим. Хотя Бог находится на бесконечном удалении от Своих творений и потому не может быть им никоим образом пропорционален, а также не подпадает ни под один род, так что у Него с тварями нет ничего общего (ср.: *Thomas Aquinatus. Summa...* Q. 3 a. 5. p. 318q. и q. 4 a. 3 p. 36), верно тем не менее и то положение, что созданное Богом частично к его совершенствам. Он есть мера всех вещей, так что Он в каком-то отношении все же должен иметь нечто общее со Своими созданиями — (ср.: *Ibidem.* Q. 6 a. 4 p. 44sq.), и к этому добавляется в качестве решающего аргумента античный принцип переноса, согласно которому причина должна обладать сходством со своим следствием (ср.: *Ibidem.* q. 5, a. 3, ad 4. P. 27). Таким образом, учение об аналогии применительно к метафорическому характеру высказываний о Боге следует отличать: хотя речь и идет о человеческих словах, они все же говорят о Боге (по метафизическим причинам) буквально, а о человеке — в переносном смысле. Лингвистический характер метафорического выражения у Аквината, как видим, перекрывается метафизической теорией отношений между разными видами сущностей (*analogia entis*).

*signe*)<sup>57</sup>. Истинное познание, пишет Кеплер, направлено на то, как Господь устроил мир, посредством которого Он возвещает человеку о Себе и Своей воле. Именно такая связь существует между Богом и Священным Писанием: оба — результаты целенаправленной божественной деятельности и в таковом качестве являют собой предмет «понимания». Общность обеих книг создается, далее, единой концепцией понимания и объяснения, которая базируется на причинно-следственной модели. Кроме того, Кеплер рассматривает самого себя и других астрономов как священников Всемогущего, стоящих перед книгой природы, которая обязывает всякого, кто ее разглядывает, стремиться не к личной славе, но споспешествовать вящей славе Господней<sup>58</sup>. Единственное отличие, которое, как кажется, видит Кеплер, состоит в том, что книга природы написана не языком, без слов («*alogs*»)<sup>59</sup>. Интерпретатору в данном случае предстоит решить, насколько языковой характер есть свойство, принадлежащее сущности книги (как Божьего творения), — или же существуют книги, которые могут быть

---

<sup>57</sup> Ср.: *Kepler J. Epitome Astronomiae Copernicanae* [1618] // *Idem. Gesammelte Werke* / Hg. von M. Caspar. München, 1953. Bd. VII. Hb. I. S. 25: «Для этой цели все свои благоволения Он излагает то геометрическими, то физическими аргументами — то есть для того, чтобы подлинную форму и расположение или красоту мира явить глазам: поэтому это и есть та самая Книга Природы, в которой Господь-создатель Свою сущность и Свою волю по отношению к человеку частично и [...] своего рода письменами изложил и изобразил». Позже эта формула встречается нам у Кеплера в том месте, где он пишет о своей цели: познать Бога из книги природы и творения Его рук (*Ibidem*. S. 511): «[...] и наконец мы дойдем до самых высот, познавая Бога-творца по книге природы и по творениям рук Его».

<sup>58</sup> См. письмо Кеплера Гервату фор Гогенбургу от 16 марта 1598 года в кн.: *Kepler J. Gesammelte Werke* / Hg. von M. Caspar. München, 1945. Bd. XIII: *Briefe 1590–1599*. S. 193.

<sup>59</sup> Я здесь не имю возможности говорить подробнее о том, как Кеплер представляет себе создание книги природы, как он представляет себе Бога-мастера (*Deus opifex*), равно как и о его мысли, что геометрия, столь же вечная, как и Бог, дала Ему примеры (*exempla*, иногда Кеплер также называет их «архетипами»), из которых Он создал наилучший и наипрекраснейший мир, обладающий максимально возможным сходством со своим Творцом. Ср.: *Kepler J. Harmonices Mundi Libri V* [1619] // *Idem. Gesammelte Werke* / Hg. von M. Caspar. München, 1940. Bd. VI. S. 104 f.: «Геометрия же, [...] столь же вечная, как и Бог [...] отражая божественный разум, в изобилии предоставляла Богу примеры, [...] как украсить мир, чтобы он стал лучшим и прекраснейшим, наконец — как можно более похожим на Создателя». Выражение *opifex* — *ibidem*. S. 330.



написаны как языком, так и не языком, и тогда их общим свойством будет их знаковый или референционный характер.

Однако проблема становится еще сложнее. В пользу равного статуса обоих выражений говорит то, что обе книги, в которых проявляется Божье творение, различным образом соотносят друг с другом и рассматривают во взаимной зависимости. Зависимость эта основывается еще и на едином обосновании. Так, например, теолог-реформат Ламберт Даней в этой связи обращается к самой сильной на то время концепции значимости: зафиксированная в Священном Писании Моисеева физика, пишет он, представляет собой аутентичную интерпретацию Богом другого его творения. Это — самообъяснение, которое предпринимает Господь относительно своего природного творения в Священном Писании, которое связует то и другое; и, по словам Данея, как всякий художник, Бог может лучше всех объяснить мир, потому что Он сам его создал, — и где же быть этому объяснению, как не в Священном Писании?<sup>60</sup> Это повторяется еще раз, когда приходит Сын Божий как аутентичный интерпретатор другой книги — Ветхого Завета<sup>61</sup>. Джамбаттиста Вико подхватывает эту мысль, определенным образом ее трансформируя: аутентичная интерпретация превращается в границу человеческого понимания. Человек может понять лишь то, что он сам создал, а это, по Вико, включает в себя математику, но не природу. Только на фоне герменевтического понимания аутентичной интерпретации раскрывается одно различие между двумя книгами, но вместе с этим игнорируется другое различие, а главное — на этом фоне становится яснее виден диапазон действия познания как природы, так и Священного Писания, если Кеплер, подобно другим ренессансным ученым, настаивает на том, что направленность Священного Писания заключается как раз не в том, что Господь с его помо-

<sup>60</sup> Ср.: *Danaeus. Physice christiana, sive Christiana De Rerum Creatarum Origine et Vsv Disputatio* [1570]. Editio tertia. Genevae, 1580 [у второго тома несколько отличающееся название].

<sup>61</sup> Ср.: *Lubac H. de. Exégèse Médiévale*. Т. I. Р., 1959. Р. 322: «Но это единение во Христе имеет еще один аспект, сильнее обнаруживающий его [единение]. Раз Иисус Христос есть толкование Святого Писания, он же и его толкователь. Он поистине, в активном и пассивном смысле — его Логос. (*Christus qui solus intelligentiam scripturarum aperit.*) Это Он, Он один его [Святое Писание] объясняет нам, и, объясняя его в нас, Он сам себя объясняет: *liber ipse aperit seipsum*».

шью собирается наставлять людей в природных делах, то есть Бог не имеет в виду давать никакого аутентичного толкования другой своей книги. Перед нами в самом деле две разные, но равноценные «книги», сообщения которых дополняют друг друга.

Кроме того, надо учесть, что в якобы собственном смысле, в котором применяется слово «книга», имеется в виду не всякая обычная человеческая книга и ее чтение, но лишь Священное Писание и его чтение. Собирательное существительное в этом случае рассматривается как одно слово Божье<sup>62</sup>, которое проявляет себя в боговдохновенном Писании (и которое поэтому нельзя читать так, как любую другую книгу)<sup>63</sup>. И книга природы, и книга милости предстают результатом божественного акта написания<sup>64</sup>: если Бог — писатель, то, как хорошо ска-

<sup>62</sup> По первому аспекту ср. также: *Blumenberg H. Die Lesbarkeit der Welt. Frankfurt a. M., 1981. S. 22f.; Idem. Irdische und himmlische Bücher // Akzente. 1979. Vol. 26. S. 619—631; S. 623*: «для того, чтобы метафору такого масштаба (то есть, например, метафору книги) сделать исторически информативной, нужно прежде всего прояснить, что она возникает не как что-то, само собой разумеющееся, и не во всякий момент времени была бы убедительной. Так, платоновский космос идей — вовсе не книга, и помышляемое отношение к нему как к миру явлений в корне отличается от той установки и того действия, что характерны для чтения. Уж скорее процесс схватывания всех предметных отношений здесь можно было бы сравнить с восприятием изображений. [...] Собирательное существительное для обозначения священной книги, как единства «священных книг», лишь сравнительно поздно обозначенных заимствованным египетским словом *biblios*, являет собой языковую предпосылку всего последующего: книги как метафоры тотальности, будь то тотальность природы или же тотальность истории».

<sup>63</sup> Могут лишь упомянуть, что это выражение приобретает просто захватывающее дух значение, когда Гоббс в своем «Левиафане» переводит латинское «*nosce teipsum*» («познай самого себя») как «*read thy self*» («читай самого себя»), ср.: *Hobbes T. Leviathan [1651] / Ed. by C.B. Macpherson. Middlesex, 1968. Introduction. P. 82*; см. также размышления на эту тему: *Missner M. Hobbes' Method in Leviathan // Journal of the History of Ideas. 1977. Vol. 38. P. 607—621; Shapiro G. Reading and Writing in the Text of Hobbes's Leviathan // Journal of the History of Philosophy. 1980. Vol. 18. P. 147—157*, — которые представляют собой лишь первые подступы к проблематике.

<sup>64</sup> Ср.: *Augustinus. Enerrationes in Psalmos I—L // Cur. Dekkers et al. Turnhout, 1946. P. 522*: «Ибо буду зреть, говорит (sc. Псалмопевец), небеса, творения перстов Твоих, то есть увижу и пойму писания, которые Ты написал, чрез служителей Твоих, водимых Духом Святым». Правда, Августин, через которого идея двух книг пришла в средневековую Европу, видит, глядя с точки зрения читателя, различие между этими двумя книгами: «Книгой тебс да будет божествен-

зал И.Г. Хаман, это приводит впоследствии к тому, что писатель становится Богом. Поэтому обе книги могут представляться незавершенными, и как раз в XVII веке это предположение применительно к Священному Писанию было выдвинуто вновь, но в весьма эмфатическом смысле<sup>65</sup>. Хотя выражаемое в собирательном слове «книга» единство «книг», сочиненных Всевышним, создает постоянную проблему определения канона — проблему, которой «книга природы» не знает, разве что если ее уравнивать с человеческим вмешательством в природу и созданием артефактов. Но даже эта замкнутость Священного Писания, выступающего в незамкнутой полноте значений, предполагает конфессионально спорное допущение замкнутости Откровения (*revelatio vel inspiratio nova divina*). Это проблема прогресса (*profectus*) в теологии, раскрывающейся (*evolvere*) и развивающейся (*explicare*) в качестве дополнения к существующему, не создавая нового. В католической теологии, в особенности по отношению к *magisterium* (прерогативе провозглашения догматов веры), это привело к трудно решаемым проблемам отдельного Откровения<sup>66</sup>.

Блюменберг упускает главное, когда пишет: «Чтобы отрезать забегающую вперед доверчивость, необходимо такое неприятное добавление: природа — книга, но такая, которая написана иероглифами, шифром, математическими формулами»<sup>67</sup>. Ведь дело всегда было еще и в том, какая из двух книг более знакома, какая написана более пригодным для чтения языком. Именно ответы на этот вопрос бывают различны и приносят движение в употребление этих выражений. Поэтому нельзя говорить о единой всеобщей рецепции — как, например, утверждать, что знакомство с библейской книгой в целом

---

ная страница, чтобы ты слушал ее; книгой тебе да будет круг земной, чтобы ты его видел. В этих кодексах ничего не прочтут те, кто не знают букв; а весь мир может читать и неведжда» (*ibidem*).

<sup>65</sup> Ср., в противоположность этому, у Блюменберга: «Замкнутость и завершенность, на которые претендуют книги, неправильны уже по форме притязания. Поэтому есть некоторая ирония в том, что язык раннего естествознания метафорически снова пользуется понятием книги» — *Blumenberg H. Irdische...* S. 620. Я бы сказал, что это не ирония: это «страшно серьезно»!

<sup>66</sup> Об этом см.: *Chadwick O. From Bossuet to Newman. Cambridge, 1957. (2nd ed. 1987). P. 1—48.*

<sup>67</sup> *Blumenberg H. Irdische...* S. 620.

стало более глубоким. Ведь именно это обстоятельство было подвержено историческим изменениям. Этот пример был призван не только показать, что уже сама идентификация метафорического употребления слов порой ставит трудные интерпретационные проблемы; он должен был, кроме того, продемонстрировать, что не всякое различное употребление одних и тех же слов ведет к изменению их статуса значения. Метафорическое выражение может, таким образом, при измененном контексте сделаться буквальным. Блюменберг говорит об «остаточной» метафоре, которая становится лишней, если ее можно без остатка перевести в фиксированное понятие, и эти слова нельзя понимать статично, потому что они предполагают изменение релевантного контекста. Так, это может указывать и в противоположную сторону, где буквальное выражение в силу изменившихся заявок на знание в своем новом контексте становится метафорическим выражением. У Людвика Флека, чьи формулировки порой бывают слишком обобщающими, этот пункт с восхитительной ясностью разобран на конкретном примере<sup>68</sup>.

---

<sup>68</sup> Ср.: Fleck L. Das Problem einer Theorie des Erkennens [польск. ориг. 1936] // *Idem. Erfahrung und Tatsache* // *Idem. Gesammelte Aufsätze*. Frankfurt a. M., 1983. S. 84—127, здесь s. 98—103 (еще один пример там же на s. 106): «Но, в отличие от того, что мы могли бы подумать, это не какие-то переносные метафорические употребления слова “тепло”, потому что мы читаем, что от холода старости белеют ногти и волосы, “потому что от любого холода бледнеет все, что от благодатной жары краснеет”, или что вино вливает в стариков естественное тепло, которое в них уже ослабевает. Или что жар голода может довести до готовности сырую пищу и сделать ее удобоваримой. Этот жар, это тепло, таким образом, во всех своих формах идентично, поскольку они взаимозаменимы: их суть остается одной и той же. [...] Таким образом, перед нами завершенная система воззрений: одно и то же суть тепло огня, жар темперамента или аффекта, “жгучая” пряность блюда, жжение голода, тепло перины или младенца и т.п. [...] Нет никакой дифференциации этих пяти видов тепла, которые для нас различны [...]. Имплитно в этом заложено представление, что “огонь” и “жизнь” неким образом связаны друг с другом, причем отнюдь не только в переносном или символическом смысле: они некоторым образом идентичны по своей сути. [...] Эти понятия преобразовались: они дифференцировались и, так сказать, разделились на несколько значений. Одно значение приняло роль “физического значения”, другое — роль “переносного”, несобственного, поэтического [...] значения. Специфический стиль мышления, который сформировался в современной физике, отказался от “холода” и придал “теплу” (= теплоте) совсем не то содержание, какое оно имело прежде [...]. Если мы сегодня с на-

Если метафоры в философских и научных текстах существовали не в вакууме, то важнейшим фактором и одновременно проблемой при определении метафорического выражения с опорой на релевантный контекст знания является то, что этот вакуум мы ни в коем случае не должны заполнять нашими, предпочитаемыми на сегодняшний день, заявками на знание, то есть мы должны всегда «советоваться» с прошлым. Это необходимо, если мы говорим об исторической эволюции утверждений знания всерьез, а не просто ради красного словца.

## II

Идентификация метафор ничего не говорит ни об их специфических когнитивных функциях, ни о выяснении их конкретного значения в каждом случае. Если обратиться к новейшим дискуссиям философов на эту тему — в частности, в англосаксонских странах, — то мы увидим, что представленные взгляды по этим двум аспектам проблематики метафор, выходящим за пределы собственно вопроса их идентификации, разделяются по трем пунктам. Пункт первый — вопрос о релевантности метафор в процессах формирования и передачи знания; пункт второй — вопрос о когнитивном содержании метафор в этих процессах; пункт третий — вопрос о концепции метафорического значения, имеющей собственное право на существование наряду с концепцией буквального значения. По первому вопросу на сегодняшний день единодушно признается, что метафоры в принципе релевантны. А вот на второй вопрос ответы даются разные: те ответы, в которых признается когнитивное содержание метафор, можно распределить по группам в зависимости от целей, которые они приписывают процессам когнитивного формирования и передачи знания. Различия, наблюдаемые здесь, восходят к концу XIX века и связаны, с одной стороны, с именем Пьера Дюэма, который признавал, что модели, аналогии и метафоры эвристически полезны при производстве знания, но их присутствие в сформулированном знании считал недостатком; с другой стороны,

---

шим научным стилем мышления приступаем к чтению старинных научных трактатов, то мы непроизвольно предполагаем за словами сегодняшние их значения. [...] Поэтому оно (слово “тепло”) вообще не поддастся точному переводу на сегодняшний язык».

они связаны с именем Нормана Кэмпбелла, с чьей точки зрения метафоры являются неотъемлемыми элементами каждого агрегатного состояния, в котором пребывает та или иная научная теория, поскольку именно и только они образуют связку между абстрактными теоретическими структурами и той эмпирической областью, в которой теория должна применяться<sup>69</sup>. В различных обстоятельствах и независимо друг от друга Мэри Бренда Хессе и Макс Блэк начиная с 50-х годов XX века с большим красноречием отстаивали мнение, что без метафор в научном контексте обойтись невозможно<sup>70</sup>. При этом нередко встречаются и промежуточные позиции<sup>71</sup>; не только философы науки, но и ведущие ученые-исследователи утверждали когнитивную релевантность моделей, аналогий и метафор<sup>72</sup>. Квалифицированные возражения встречаются крайне редко<sup>73</sup>.

<sup>69</sup> Об этом, а также о роли аналогий и моделей в науках см.: *Danneberg L. Methodologien: Struktur, Aufbau und Evaluation*. Berlin, 1989. S. 50 ff.; новейшую литературу см. также в работе: *Rothbart D. Explaining the Growth of Scientific Knowledge: Metaphors, Models, and Meanings*. Lewiston, Queenston, Lampeter, 1997. Даже это недавнее прошлое иногда, похоже, забывают, а потом с большими трудами открывают заново, как, например: *Brandon R.N. The Units of Selection Revisited: The Modules of Selection // Biology and Philosophy*. 1999. Vol. 14. P. 167–180, особенно s. 172 f.

<sup>70</sup> Сборники давних статей: *Hesse M. Models and Analogies in Science*. Notre Dame, L., 1966; *Idem. The Structure of Scientific Inference*. Berkeley, Los Angeles, 1974; *Black M. Models and Metaphors*. N.Y., 1962. Оба автора в позднейших статьях подтверждали свои тезисы — см.: *Black M. More About Metaphors [1977] // Miall D.S. Metaphor: Problems and Perspectives...* P. 19–43; ссылки на работы Хессе — в нижеследующих примечаниях.

<sup>71</sup> В книге: *Goodman N. Weisen der Welterzeugung [Ways of Worldmaking]*. Frankfurt a. M., 1987. S. 132, говорится: «Даже если конечным продуктом науки — в отличие от искусства — является денотативная теория, сформулированная на языке слов или математическом языке и предполагающая буквальное понимание, все равно наука и искусство в своих поисках и построениях действуют очень похожим образом (т.е. посредством метафор)». Гудмен не считает «метафорический характер» сформулированной теории ее недостатком, но и не разделяет того взгляда, что метафоры в каком-то смысле нужны для языка научного изложения. А *Quine W.V.O. A Postscript on Metaphor // On Metaphor / Ed. by S. Sacks*. Chicago, 1979. P. 159 f., здесь p. 159, говорит о том, что метафорическое выражение особенно необходимо «в точках прироста науки».

<sup>72</sup> В качестве выхваченного примера назовем: *Oppenheimer R. Analogy in Science // American Psychologist*. 1956. Vol. 11. P. 127–135, здесь p. 129: «[...] аналогия в самом деле представляет собой незаменимый и неизбежный инструмент для прогресса науки».

<sup>73</sup> Так, например, у: *Danto A.C. Metapher and Cognition // Knowledge and Language*. Vol. III. Metaphor and Knowledge / Ed. by F.R. Ankersmit, J.J.A. Mooij.

Если проводить различие между сферой открытия и сферой обоснования, то ответ может быть таков: когнитивное содержание метафор ограничивается сферой открытия, там они обнаруживают свою эвристическую силу, стимулируют мысль и понимание, однако в сфере обоснования они никаких функций не выполняют<sup>74</sup>. А мнения, согласно которым метафоры обладают более значительным когнитивным содержанием, распадаются на две группы. Если не считать того взгляда, согласно которому всякое изменение значения слова в языке толкуется как возникновение метафорического выражения, и таким образом метафорическому выражению *a fortiori* приписывается когнитивное содержание<sup>75</sup>, то первая группа мнений — это те, согласно которым всякое движение, всякая инновация в познании исключительно или в основном связаны с метафорическим или аналогическим употреблением языка, по меньшей мере — в случаях так называемых революционных инноваций, приводящих к новым парадигмам или картинам реальности<sup>76</sup>. Метафоры, таким образом, рассматриваются как

---

Dordrecht; Boston; L., 1993. P. 21–35, здесь p. 33: «Я не знаю точно, каков вклад метафор в процесс познания, но я склоняюсь к той точке зрения, что, хотя они служат мощными средствами фиксации наших представлений о вещах — мощными потому, что в силу своего характера они выделяют главное и отбрасывают второстепенное, — я все же не уверен, что они, как метафоры, когда-либо сообщают нам что-либо такое, чего мы бы не знали и так. По этой причине я не склонен рассматривать определенного рода утверждения в науке в качестве метафор, даже если они таковыми кажутся». Подробнее о его концепции метафор см.: Danto A. C. The Transfiguration of the Commonplace: A Philosophy of Art. Cambridge, 1981, особенно p. 165–208.

<sup>74</sup> Так, например, у: Loewenberg I. Identifying Metaphors // Foundations of Language. 1975. Vol. 12. P. 315–338, особенно p. 333–336; в своей более ранней работе она, как кажется, признавала за метафорами большее когнитивное содержание — ср.: Idem. Truth and Consequence of Metaphors, или: Haack S. Surprising Noises: Rorty and Hesse on Metaphor // Proceedings of the Aristotelian Society. N.S. 88 (1987/88). P. 295–301, особенно p. 195; Nersessian N. J. Methods of Conceptual Change in Science: Imagistic and Analogistic Reasoning // Philosophica. 1990. Vol. 45. P. 33–52.

<sup>75</sup> Один из примеров — MacCormac E. R. Metaphor and Myth... P. 100: «Срапы научные термины, которые меняют свое значение в новых теориях, по необходимости являются метафорическими». Попытка понять переход значения между теориями в соответствии с метафорическим выражением — у него же в: Idem. Meaning Variance and Metaphor // British Journal for the Philosophy of Science. 1971. Vol. 22. P. 145–159.

<sup>76</sup> Ср.: Arbib M. A., Hesse M. The Construction of Reality. Cambridge, 1986, P. 150–156, где говорится, что «научные революции, на самом деле, суть революции метафорические».

факторы формирования теорий, и в этой роли им было присвоено название «парафоры»<sup>77</sup>. Иногда это приводит к требованию включать размышления над метафорами в общую теорию креативности<sup>78</sup>, и точно так же, как в случае с понятиями, это породило утверждение, будто без метафор обретение определенных видов опыта вообще невозможно<sup>79</sup>. Примером могут служить слова Макса Блэка, что метафоры не воспринимают в себя существующие сходства, а сами их создают<sup>80</sup>, или мнение Харальда Вайнриха, что метафоры «первыми создают связи, а стало быть — являются демиургическими инструментами»<sup>81</sup>, — примерно в том смысле, в каком выразился Лихтенберг (правда, слова его были вырваны из контекста): «Нужно сделать что-то новое, чтобы увидеть что-то новое»<sup>82</sup>. Это креационистское толкование нашло множество последователей<sup>83</sup>,

<sup>77</sup> Этот термин — творение: West D. M., Travis L.E. The Computational Metaphor and Artificial Intelligence // *AI Magazine*. 1991. Vol. 12/1. P. 64–79. До него были созданы слова «эпифора» (ее значение зависит от сходств) и «диафора» (она создает новые значения посредством рядопоставления несхожих вещей), см.: Wheelwright P. *Metaphor and Reality*. Bloomington, 1962. Chap. IV.

<sup>78</sup> Так, например, в: Miall D. S. Metaphor as a Thought-process // *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1979. Vol. 38. P. 21–28.

<sup>79</sup> Один из множества примеров — Ricœur P. La métaphore vive... [Рикер П. Живая метафора ...] У Рикера речь идет в конечном счете о создании мифической взаимосвязи разрозненных предметов опыта. Об этом см.: Krämer S. Die Suspendierung des Buchstäblichen. Über die Entstehung metaphorischer Bedeutung // *Allgemeine Zeitschrift für Philosophie*. 1990. Bd. 15. S. 61–68.

<sup>80</sup> У Макса Блэка формулировка, правда, весьма осторожная — см.: Black M. Metaphor // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1954/1955. Vol. 55. P. 273–294, здесь р. 284 f. (рус. изд.: Блэк М. Метафора // *Теория метафоры*. М., 1990. С. 153–172): «В ряде случаев было бы более правильно говорить, что метафора именно создает, а не выражает сходство». Попытку с помощью постулатов гештальтпсихологии разобраться с тем, что происходит в творческом плане после интерактивной метафоры, см. в статье: Glücksohn J., Goodblatt C. Metaphor and Gestalt: Interaction Theoiy Revisited // *Poetics Today*. 1993. Vol. 14. P. 83–97.

<sup>81</sup> Weinrich H. Semantik der kühnen Metapher // *Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte*. 1963. Bd. 47. S. 325–344, здесь s. 336. Ср. также: Camac M., Glucksberg S. Metaphors Do Not Use Associations Between Concepts, They Are Used to Create Them // *Journal of Psycholinguistic Research*. 1984. Vol. 13 P. 441–455.

<sup>82</sup> Lichtenberg G. Chr. Vermischte Schriften, nach dessen Tode gesammelt und hg. v. L. Chr. Lichtenberg, F. Kries. Göttingen, 1806. Bd. 9. S. 140.

<sup>83</sup> Обстоятельно этот взгляд развивают: Kittay E.F. *Metaphor. Its Cognitive Force and Linguistic Structure*. Oxford, 1987, и: Indurkha B. *Metaphor and Cognition: An Interactionist Approach*, Dordrecht. Boston; L., 1992.



но вызвало и немало вопросов<sup>84</sup>. Меньше всего проблем при этом возникает в связи с так называемыми установочными метафорами (*Einstellungsmetaphern*), которые по определению не предусматривают никакого сходства, но сходство все равно устанавливается, и заключается оно лишь в «настроении пренебрежительности, в презрительной установке»<sup>85</sup>. Выработать представление о метафорически неверном выражении в рамках сильного креационистского допущения — уже труднее<sup>86</sup>, и это (как будет показано ниже) — одно из условий креативности метафор в определенном смысле. Оценка метафоры как неперемного условия не ограничивается языком науки: она играет важнейшую роль в рамках «конституирующей роли означающего, которое пребывает еще в статусе неосознанного»<sup>87</sup> или когда человек говорит о том, в каком состоянии он пребывает пред Богом: опыт греха структурирован, по сути, метафорически, утверждают сторонники этой точки зрения<sup>88</sup>.

<sup>84</sup> О вытекающей отсюда невозможности перефразирования — Warner M. Black's Metaphors // *The British Journal of Aesthetics*. 1973. Vol. 13. P. 367–372; Strub C. Abbilden und Schaffen von Ähnlichkeiten. Systematische und historische Thesen zum Zusammenhang von Metaphorik und Ontologie // L. Danneberg et al. *Metapher und Innovation...* S. 105–125; а также универсальное противоядие против креационистского понимания метафоры — Puster E. Erfassen und Erzeugen. Die kreative Metapher zwischen Idealismus und Realismus. Tübingen, 1998.

<sup>85</sup> Пример: использование слова «жаба» для обозначения «золотых монет» при утверждении, что между ними не существует отношения сходства; ср.: Feldkeller P. Die Einstellungsmetapher // *Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft*. 1928. Bd. 22. S. 147–165.

<sup>86</sup> Я игнорирую возможность разработки некоего специального понятия истинности для метафор; выражения «метафорически истинный» или «метафорически ложный» здесь используются таким образом, что утверждают истинность или ложность того или иного высказывания, которое претерпело метафорическое присвоение значения; на едином понятии истины настаивают авторы столь различных концепций метафоры, как Гудмен или: Hintikka J., Sandu G. Metaphor and varieties of Lexical Meaning // *Dialectica*. 1990. Vol. 44. P. 55–78, особенно p. 72.

<sup>87</sup> Так у: Lacan J. Das Drängen der Buchstaben im Unbewußten oder die Vernunft seit Freud [1957] // *Theorie der Metapher* / Hg. von A. Haverkamp. Darmstadt, 1983. S. 175–215, здесь s. 197.

<sup>88</sup> См. об этом, например, исследование: Ohly F. Metaphern für die Sündenstufen und die Gegenwirkung der Gnade. Opladen, 1930. S. 7: «От догматики нам не приходится ожидать разъяснения сути греха, каковое, обычно несистематически, но постоянно, то с умыслом, то произвольно, дает нам в своей метафорике язык. [...] Только метафорика как герменевтический принцип антропо-

Другое, противоположное направление мысли предусматривает более высокую оценку аналогий или метафорического выражения в связи с обоснованием утверждений знания или их рекламой. Сторонницей этого направления является уже упоминавшаяся Мэри Бренда Хессе. Такая повышенная оценка фигурального выражения получила поддержку со стороны произошедшего в недавнее время «риторического поворота», подчеркивающего риторический, литературный характер научных текстов, в отличие от такого взгляда, который пытается реконструировать аргументацию текстов, излагающих заявки на знание, преимущественно как соблюдение норм обоснования, предписанных теорией науки<sup>89</sup>. Однако и эта повышенная оценка когнитивного содержания метафор в принципе может сочетаться с предположением, что они исчерпаемы, что они в рамках хорошо сформулированной теории утратят свой избыток когнитивного содержания, став заменимыми, даже если и сохранятся в качестве языковой оболочки<sup>90</sup>. Против этого говорит лишь мнение, что по меньшей мере один определенный тип метафор может (в отличие от других инструментов познания) непрерывно раскрывать творческий потенциал.

Ответы на вопрос о когнитивном содержании метафор в некотором отношении зависят от ответов на третий вопрос, то есть на вопрос об их особом значении. Если такое — подлежа-

---

логического познания таких феноменов, как время, любовь, смерть и грех, открывает для нас возможность через язык выйти на путь освещения бытия (*Seinserhellung*) таких феноменов [...]» См. также: *Räbser G. Metaphorik und Personifikation der Sünde. Antike Sündenvorstellungen und paulinische hamartia. Tübingen, 1987.*

<sup>89</sup> Об аспектах форм научного изложения см.: *Danneberg L., Niederhauser J.* «...daß die Papierersparnis gänzlich zurücktrete gegenüber der schönen Form». *Darstellungsformen der Wissenschaften im Wandel der Zeit und im Zugriff verschiedener Disziplinen // Darstellungsformen der Wissenschaften im Kontrast / Hg. von L. Danneberg. Tübingen, 1998. S. 23–102.*

<sup>90</sup> Ср., например: *Swanson J.W. On Models // British Journal of Philosophy of Science. 1966. Vol. 17. P. 297–311, здесь p. 298–299:* «После того, как приписывание структуры осуществлено, изоморфизм зафиксирован и формализован, логические следствия намечены, модель должна перестать быть плодотворной, перестать быть источником озарения. Она становится стерильной, иссохшей окаменелостью, представляющей интерес только для палеонтолога, изучающего процессы формирования теорий». Как кратко и наглядно выразился Уильям Куайн, научный язык представляет собой «просеку в тропических джунглях». *Quine W.V.O. A Postscript on Metaphor... P. 160.*

щее выяснению — значение метафор отрицается, то отрицается и их когнитивное содержание, но не обязательно отрицается их релевантность. Часто, хотя и не обязательно, за метафорами признается когнитивная значимость в тех случаях, когда они задуманы в качестве аналогий или могут как таковые восприниматься<sup>91</sup>. В той мере, в какой вообще признаются языковые обоснования<sup>92</sup>, метафорическое выражение уже *a fortiori* обладает когнитивным содержанием, если между буквальным и не буквальным значением не проводится различия, то есть если все считается метафорой и тем самым стираются различия между метафорическим и терминологическим употреблением слов<sup>93</sup>. Менее радикальными в таком случае выглядят среди новейших представителей метафорического универсализма, например, взгляды Мэри Хессе с ее «сетевой теорией значения» и предположением, что «весь язык метафоричен». По ее мнению, важно не столько осуществлять различие между буквальным и метафорическим языком, сколько изучать различные механизмы смещения значения (*meaning shift*) и его интеракции<sup>94</sup>.

Идея вездесущей метафоры проявляется с различной силой, и в пользу ее состоятельности выдвигаются различные доводы<sup>95</sup>: например, предполагается, что уже само применение

<sup>91</sup> Ср., например: *Hartman C.O. Cognitive Metaphor // New Literary History. 1981/1982. Vol. 13. P. 327–339.*

<sup>92</sup> Этого, пожалуй, не происходит у Жака Деррида: *Derrida J. Mythologie blanche — La métaphore dans les textes philosophiques // Poétique. 2 (1971). P. 1–52.*

<sup>93</sup> Ср. также: *Man P. de. Allegories of Reading: Figural Language in Rousseau, Nietzsche, Rilke, and Proust. New Haven, 1979. P. 146.*

<sup>94</sup> Ср., например: *Hesse M. Die kognitiven Ansprüche der Metapher // Erinnern, um Neues zu sagen. Die Bedeutung der Metapher für die religiöse Sprache [англ. orig. 1983] / Hg. von J.-P. van Noppen. Frankfurt a. M., 1988. S. 128–148.*

<sup>95</sup> Ср.: *Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago; L., 1980*: авторы исходят из того, что «[...] суть метафоры в том, чтобы понять и прочувствовать одну вещь через другую» (р. 5), а также что «наша обыденная концептуальная система, посредством которой мы и мыслим, и действуем, является фундаментально метафорической по своей природе» (р. 3). Это приводит их к утверждению, что «[...] процессы человеческого мышления по большей части являются метафорическими» (р. 6). В этом же ключе выдержаны последующие работы — *Lakoff G. Woman, Fire, and Dangerous Things. Chicago, 1987; Idem, Turner M. More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor. Chicago, 1989; Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago, 1987; Idem. Moral Imagination. Implication of Cognitive Science for Ethics. Chicago,*

любого общего выражения основывается на восприятии сходств<sup>96</sup>. Более того: метафорическое выражение (в той или иной форме) имеет весьма почтенный возраст, излюбленными свидетелями чему являются Джамбаттиста Вико<sup>97</sup>, Иоганн Георг Гаман и Иоганн Готфрид Гердер, а также Руссо и Кондильяк<sup>98</sup>. Над всеми остальными возвышается Ницше и его рассуждения об «инстинкте создания метафор — этом фундамен-

1993, где говорится, что моральные представления (*moral concepts*) определяются системами метафор (р. IX); *Turner M.* Mind is the Mother of Beauty: Mind, Metaphor, and Criticism. Chicago, 1987. Весьма решительную критику работы Лакоффа и Джонсона, встретившей в основном благоприятный прием, см. в рецензии: *Black M.* Lakoff, George, and Mark Johnson, Metaphors [...] // *Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1981/1982. Vol. 40. P. 208–210; поводом для критики неоднократно становилось то, что Лакофф и Джонсон выбрали очень расширительное понятие метафоры: например, то, что обычно классифицируется как многозначность, они рассматривают как метафоричность; критику и дальнейшее развитие этих идей см.: *Baldauf C. J.* Metapher und Kognition. Grundlagen einer Theorie der Alltagsmetapher. Frankfurt a. M., 1997.

<sup>96</sup> Ср.: *Hesse M.* Tropical Talk: The Myth of the Literal // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1987. Vol. 6. Suppl. vol. P. 297–311, особенно р. 311. «Обнаруженное» ею уже достаточно давно известно и дало повод для весьма разнообразных заключений: *Korner S.* Erfahrung und Theorie. Ein wissenschaftstheoretischer Versuch [Experience and Theory, 1966]. Frankfurt a. M., 1970; см. также его более ранние работы — *Idem.* Conceptual Thinking. A Logical Inquiry [1955]. N.Y., 1959, где он толкует этот момент в общем и целом как характерный признак эмпирического языка. В качестве его противоположности он мыслит идеализацию.

<sup>97</sup> Об этом, в частности: *Verene D. P.* Vicos Wissenschaft der Imagination. Theorie und Reflexion der Barbarei [Vico's Science of Imagination, 1981]. München, 1987; *Haskell R. E.* Giambattista Vico and the Discovery of Metaphoric Cognition // *Idem.* Cognition and Symbolic Structures... P. 67–82; *Bryan F. J.* Vico on Metaphor: Implications for Rhetorical Criticism // *Philosophy and Rhetoric*. 1986. Vol. 19. P. 255–265; *Danesi M. A.* Vician Footnote to Nietzsche's Views on the Cognitive Primacy of Metaphor // *New Vico Studies*. 1987. Vol. 5. P. 157–164; Неясности, возникающие в связи с парадоксальным представлением, будто все — метафорично, проясняет в более широком контексте: *Trabant J.* Neue Wissenschaft von alten Zeichen: Vicos Sematologie. Frankfurt a. M., 1994. Более чем сомнительно намерение представлять Вико свидетелем определенных представлений о всеобщем характере метафор, ведь согласно его теории возникновения языка первые метафоры были собственным значением выражений, которое лишь при ретроспективном взгляде выглядит метафорическим выражением; ср. также: *Levin S. R.* Vico and the Language of the «First Poets» // *Idem.* Metaphoric Worlds: Conceptions of a Romantic Nature. New Haven; L., 1988. P. 106–150.

<sup>98</sup> Ср., например: *Miller J. H.* Ariadne's Thread: Repetition and the Narrative Line // *Critical Inquiry*. 1976. Vol. 3. P. 57–77, здесь р. 70: «[...] закон Руссо или Кондильяка, согласно которому все слова изначально были метафорами».

тальном инстинкте человека», приведенном в работе «О правде и лжи во вненравственном смысле»<sup>99</sup>. Однако во многих случаях использование таких авторитетов для создания традиции скорее демонстрирует личные пристрастия автора, нежели его способность к дифференцированному восприятию истории философии<sup>100</sup>. Как бы то ни было: основная мысль старше, чем можно подумать, прибегая к названным свидетелям<sup>101</sup>. Это важная информация, поскольку она показывает, что не всегда делаются такие далекие идущие выводы, какие делал, например, Джордано Бруно<sup>102</sup>. Один из вариантов метафорического уни-

---

<sup>99</sup> Nietzsche F. Über Wahrheit und Lüge im außermoralischen Sinne [1873] // *Idem. Werke*. Bd. III / Hg. von K. Schlechta. München, 1973. S. 309–322, здесь s. 319 [рус. изд.: Ницше Ф. Об истине и лжи во вненравственном смысле // *Он же. Философия в трагическую эпоху*. М., 1994].

<sup>100</sup> Взятый наугад пример: идентификация Вико с традицией – см.: *Debatin B. Die Rationalität der Metapher. Eine sprachphilosophische und kommunikationstheoretische Untersuchung*. Berlin; N.Y., 1995. S. 34ff., который рассчитывает к ней примкнуть, потому что она, во-первых, опираясь на Аристотеля с его *phronesis* и *episteme*, различает между «мудростью», которая достигает лишь вероятности, и «наукой», которая стремится к твердой определенности; это различие знало все XVII столетие (и, в частности, картезианцы, в которых время от времени целит Вико); вопрос был лишь в том, каким рангом обладает «мудрость» и каким – «наука» и в каких областях достижима только одна из них; ср. также: *Danneberg L. Erfahrung und Theorie als Problem moderner Wissenschaftsphilosophie in historischer Perspektive* // *Der Begriff der Erfahrung in der Philosophie des 20. Jahrhunderts* / Hg. von J. Freudiger et al. München, 1996. S. 12–41; вторая причина была в том, что идентификация способа функционирования метафоры у Вико якобы осуществляется по принципу абдукции (как его описывает Пирс); утверждать это – значит упускать из виду, что в эпоху Вико такой способ построения умозаключений, которому Пирс (и почти никто, кроме него) дал название абдукции, был вполне известен; проблемы, возникающие в связи с ним, Пирс смог решить несколько не лучше, чем его предшественники, – ср.: *Danneberg L. Peirces Abduktionskonzeption als Entdeckungslogik. Eine philosophiehistorische und rezeptionskritische Untersuchung* // *Archiv für Geschichte der Philosophie*. 1988. Bd. 70. S. 305–326. Оба момента, с подчеркиванием особого значения Вико, – также у: *Schöffel G. Denken in Metaphern. Zur Logik sprachlicher Bilder*. Opladen, 1987. S. 87 ff.

<sup>101</sup> Он отсылает к одному месту у Квинтилиана – *Quintilian Inst.*, IX, 3, где говорится: «А фигуры речи всегда изменчивы и меняются так, как захочет обычай». Из этого Квинтилиан делает вывод (правда, с ограничением «часто»): «Итак, если мы сравним древний язык с нашим, то уже почти все, что мы говорим, – есть фигура».

<sup>102</sup> Об этом, в частности, см.: *Fellmann F. Bild und Bewußtsein bei Giordano Bruno* // *Die Frankfurter Schriften Giordano Brunos und ihre Voraussetzungen* / Hg. von K. Heipcke. Weinheim, 1991. S. 17–36; *Otto S. Die Augen und das Herz. Der philosophische Gedanke und seine sprachliche Darstellung in Giordano Brunos «Heroische Leidenschaften»* // *Scientia Poetica*. 2000. Vol. 4. S. 28–47.

версализма мы находим, например, у Джона Локка, но более интересен — как с точки зрения философского контекста, так и в отношении разработанности — вариант картезианца Иоганна Клауберга, который в своем трактате «*Ars Etymologica*», помимо всего прочего, формулирует такое правило этимологии: наши философские выражения всегда переносятся от «чувственно воспринимаемого к умопостигаемому» (*a sensilibus ad intelligentia*)<sup>103</sup>. Эту мысль он сформулировал уже в 1658 году в «*Logica vetus et nova*»<sup>104</sup>, откуда ее и позаимствовал, видимо, Локк<sup>105</sup>. Эти примеры показывают, что одна форма метафорического универсализма может сочетаться с множеством философов (и при этом возникать в сравнительно неожиданных философских контекстах). Кроме того, они демонстрируют

<sup>103</sup> Ср.: *Clauberg J. Ars etymologica Teutonum E philosophiae fontibus derivata, Id est VIA Germanicarum vocum à origines à praestantiam detegendi, cum plurimum harum, Vernunft/Suchen/Außspruch exemplis, atque exinde enatis regulis praemonstrata. Deutsch von Deutschem. Dvisburgi ad Rhenvm, 1663. S. 9*: «Уже многие слова переведены из воспринимаемых чувственно в понимаемые разумом». Этот труд ценил Лейбниц и включил его в: *Leibniz J. G. Collectanea Etymologica, Illustrationi lingvarvm, veteris celticae, germanicae, gallicae, aliarvmque inservientia / Cvm Praefatione Jo. Georgii Eccardi [...]. Hanoverae, 1717. Vol. I. S. 157–252*.

<sup>104</sup> Ср.: *Clauberg J. Logica vetus à nova [1658] // Idem. Opera Omnia Philosophica; Ante quidem separatim, nunc vero conjunctim edita, multis partibus auctiora à emendatoria [...]* / Cura Joh. Theod. Schalbruchii. Amstelodami, 1691. Prolegomena. Cap. III. § 77. P. 776: «И вот всякий раз, когда мы хотим обозначить что-то так, чтобы оно было удобопонятно разуму, мы пользуемся такими оборотами речи, которыми вообще-то называются чувства органов тела или доступные им ощущения [...] мы переносим их из области зрения и зримых вещей в область разума и вещей разумных: «очевидно», «ясно видно», «я это четко вижу», «освещать», «наглядно», «зоркий ум», «отчетливо», «быстро становится видно», «яснее полуденного солнца», «яркая речь» и т.д. [...] из области осязания: «придерживаться», «схватывать», «передергивать», «коснуться предмета» [...] и т.д.». В варианте «*Логики*», вышедшем в 1654 году, этой мысли еще нет.

<sup>105</sup> Джон Локк, который знал «Старую и новую логику» Клаусберга, писал в: *Locke J. An Essay Concerning Human Understanding. 1689. Book III. Chap. I. § 5. P. 2/3* (рус. изд.: *Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Он же. Сочинения: В 3 т. М., 1985. Т. 1. С. 78–582, здесь с. 459*): «Мы приблизимся немного к источнику всех наших понятий и всего нашего познания, если заметим, как велика зависимость наших слов от обыкновенных чувственных идей и как слова, которыми пользуются для обозначения действий и понятий, весьма далекие от чувства, происходят из этого источника и от идей, явно чувственных, переносятся на более неясные значения, обозначая идеи, не относящиеся к области наших чувств».

одно из базовых предположений всякого метафорического универсализма — предположение, от которого при сохранении выражения следует метафорически отказаться, чтобы иметь возможность проводить различия в мире выражения; ведь если выражение в любой момент времени является метафорическим, тогда явно речь идет уже не о том, что имеется в виду под словом «метафора» как различительным термином.

Упомянутое базовое предположение заключается в том, что история выражения определяет его собственное, неметафорическое значение. Отсюда сразу же следует указание на одно из двух предположений, на которых основывается утверждение, будто метафорическое выражение является вездесущим: первое ссылается на то, что это различие не имеет никакого объективного основания, — и возражать на это, как и в случаях со множеством других различий, не имеет смысла. Иначе обстоит дело со вторым предположением, которое эксплицитно высказывал уже Ницше в своих рассуждениях<sup>106</sup>: речь идет о связи между буквальным смыслом и этимологией. Для установления такой связи нет достаточных оснований, причем не только тогда, когда ее связывают с представлением об истинном или собственном значении слова. Сила этой связи за-

---

<sup>106</sup> Ср.: *Nietzsche F. Über Wahrheit...* — например, s. 314. На представления Ницше о языке и метафоре (по крайней мере, в ранний период) определяющее влияние оказали труды Густава Гербера. Об этом см.: *Meijers A. Gustav Gerber und Friedrich Nietzsche // Nietzsche-Studien. 1988. Bd. 17. S. 369–390; Meijers A., Stingelin M. Konkordanz zu den wörtlichen Abschriften und Übernahmen von Beispielen und Zitaten aus Gustav Gerber «Die Sprache als Kunst» (Bromberg, 1871) in Nietzsches Rhetorik-Vorlesung und in «Ueber Wahrheit und Lüge im aussermoralischen Sinne» // Ibidem. S. 350–370; о Гербере см. также: Knobloch C. Zeichen und Bild bei Gustav Gerber und Ludwig Noiré // Geschichte und Geschichtsschreibung der Semiotik. Fallstudien / Hg. von K. D. Dutz, P. Schmitter. Munster, 1986. S. 163–180. О взглядах Ницше см.: Kofman S. Nietzsche et la métaphore. P., (1972) 1983 (второе исправленное издание); Stern J.P. Nietzsche and the Idea of Metaphor // Nietzsche: Imagery and Thought / Hg. von M. Pasley. Berkeley, Los Angeles, 1978. P. 64–83; Cantor P. A. Friedrich Nietzsche: the Use and Abuse of Metaphor // Miall D. S. Metaphor: Problems and Perspectives... P. 71–88; Schrift A. D. Language, Metaphor, Rhetoric: Nietzsche's Deconstruction of Epistemology // Journal of the History of Philosophy. 1985. Vol. 23. P. 371–395; Idem. Nietzsche and the Question of Interpretation. N.Y.; L., 1990. P. 123 ff.; Zunjic S. Begrifflichkeit und Metapher. Einige Bemerkungen zu Nietzsches Kritik der philosophischen Sprache // Nietzsche-Studien. 1987. Bd. 16. S. 149–163.*

ключается скорее в том, что ее очень часто предполагают как нечто само собой разумеющееся<sup>107</sup>. Нас могло бы навести на размышление то обстоятельство, что идея метафорического происхождения была весьма распространена в XVIII веке<sup>108</sup>, равно как и признание «этимологического аргумента» при выяснении значения; а точка зрения метафорического универсализма, наоборот, тогда распространена не была. Причина главным образом в том, что буквальный смысл не ограничивали этимологическим смыслом. Так, философ Иоганн Карл Христов Фербер в своем учении о разуме отличает «собственное» значение от «наиболее общепринятого» (в тот или иной период времени), «каковое есть то, которое на протяжении определенного времени употребляется больше всего. Ибо несобственное значение может также долгое время быть наиболее общеупотребительным»<sup>109</sup>. А у теолога Георга Лоренца Бауэра в «Герменевтике Ветхого и Нового Завета» сказано: «Следовательно, значение слова является собственным значением, а) когда оно выражает предмет, который выражало с самого появления языка, б) когда оно в употреблении приобрело некое господствующее значение [...], в) когда оно выражает некий предмет, который не может быть выражен никаким собственным словом»<sup>110</sup>.

То значение, которое в определенный момент времени является буквальным, можно определять через употребление, через актуальную в этот момент практику, а не через историю употребления: «[...] ибо буквальное устанавливается не столько на основе седой старины, сколько на основе современной практики. Домашней сферой схемы [то есть метафоры] является не столько страна ее рождения, сколько страна ее натурализации. И возвратившийся эмигрант, вопреки своим воспоминани-

---

<sup>107</sup> Один пример из многих — *Boas G. The History of Ideas: An Introduction*. N.Y., 1969. P. 16: «[...] буквальное, т.е. этимологическое, значение [...]».

<sup>108</sup> Это можно прочесть, например, в: *Berry C.J. Eighteenth-Century Approaches to the Origin of Metaphor // Neuphilologische Mitteilungen*. 1973. Vol. 74. S. 690–713.

<sup>109</sup> *Ferber K.C. Vernunftlehre*. Helmstadt, Magdeburg, 1770. 4. Hauptst., II. Abschnitt. § 94. S. 308–311.

<sup>110</sup> *Bauer G.L. Entwurf einer Hermeneutik des Alten und Neuen Testaments. Zu Vorlesungen*. Leipzig, 1799. Anhang. § 94. S. 79.



ям, — чужак»<sup>111</sup>. Много раз предпринимались попытки определить буквальный смысл — в том числе и с признанием того, что этот смысл может меняться при смене контекста актуализации<sup>112</sup>. Определения буквального смысла, даваемые вне связи с контекстом, могут иметь оправдание применительно к определенным постановкам вопроса<sup>113</sup>, однако в их число не входят такие, которые задает история метафор, — за исключением тех, которые являются неадекватными в том смысле, что слишком узко очерчивают зону буквального<sup>114</sup>.

<sup>111</sup> Goodman N. Sprachen der Kunst. Entwurf einer Symboltheorie [Languages of Art. 1968. 19/6]. Frankfurt a. M., 1976. Kap. II. § 7. S. 86. Этот взгляд Гудмена связан с его концепцией «укоренения» (*entrenchment*), которая имеет важное значение и для предложенного им разрешения проблемы индукции. Ср.: *Idem*, *Elgin C. Z.* Preconceptions in Philosophy à Other Arts à Sciences. Indianapolis, Cambridge, 1988, особенно р. 14 ff.; о приложении ее к концепции метафор см. также: *Bache C. M.* Towards a Unified Theory of Metaphor // *Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1980. Vol. 39. P. 185–193.

<sup>112</sup> См., в частности: *Nunberg G.* The Non-Uniqueness of Semantic Solutions: Polysemy // *Linguistics and Philosophy*. 1979. Vol. 3. P. 43–184; *Bierwisch M.* Wörtliche Bedeutung — eine pragmatische Gretchenfrage // *Sprechaktheorie und Semantik* / Hg. von G. Grewendorf. Frankfurt a. M., 1979. S. 119–148, *Sadock J. M.* Figurative Speech and Linguistics // *Ortony A.* Metaphor and Thought... P. 46–63; *Searle J.* Wörtliche Bedeutung [Literal Meaning, 1978] // *Idem*. Ausdruck und Bedeutung... S. 139–159; *Idem*. The Backgrounds of Meaning // *Speech Act Theory and Pragmatics* / Ed. by J. Searle. Boston, 1980. P. 221–232; см. также обзорную работу: *Dascale M.* Defending Literal Meaning // *Cognitive Science*. 1987. Vol. 11. P. 250–281.

<sup>113</sup> Ср., например: *Katz A. N.* Literal Meaning and Logical Theory // *The Journal of Philosophy*. 1981. Vol. 78. P. 203–233.

<sup>114</sup> Так, например: *Van Steenburgh E. W.* Metaphor // *The Journal of Philosophy*. 1965. Vol. 62. P. 678–688, или: *MacCormac E.* A Cognitive Theory of Metaphor. Cambridge, L., 1985. P. 73, с чьей точки зрения буквальный язык определяется как «использование обычного языка с целью выражения конкретных объектов и событий. Когда мы употребляем обычные слова в их обычном словарном смысле для описания объектов или ситуаций, которые доступны публичному наблюдению, мы говорим буквально». О критике некоторых определений буквального смысла см. также: *Radman Z.* On the Limits of Literalness: Metaphorical Meaning Revisited // *Zeitschrift für philosophische Forschung*. 1992. Bd. 46. S. 76–88. Часто полагают, будто значение, которое мы находим для того или иного выражения в Толковом словаре, не может быть метафорическим значением, или что метафорическое значение не попадет в Толковый словарь. Либо это неверно, либо это есть имплицитное закрепление выражения «метафорическое значение»; о метафорических элементах в статьях толковых словарей см., например: *Dirven R.* Metaphor as a Basic Means for Extending the Lexicon // *Dirven R., Paprotte W.* The Ubiquity of Metaphor... P. 85–119; *Blank G. D.* Metaphors in

Поэтому при определении метафорического выражения как инструмента для историка следует отказаться от этимологического критерия, даже при том, что этимология может быть важна для понимания того или иного употребления слова. Повторное открытие этимологического значения выражений еще не делает их хорошо знакомыми средствами коммуникации. То есть я выступаю за историзацию различий — если угодно, за прагматическое (не семантическое) различие. Этот взгляд независим от предположений по поводу метафорического универсализма<sup>115</sup>, для которого необходимое объяснение представляется обратным по сравнению с метафорическим партикуляризмом: прежде всего надо объяснить, как происходит литерализация, т.е. как может сформироваться буквальное или хотя бы менее метафорическое употребление выражения<sup>116</sup>. В одной только частоте использования не может быть дело (это показывают религиозные метафоры, но не они одни<sup>117</sup>), а критерий новизны не задает градуального порядка. Отказ от этимологии как средства определения метафорического выражения приводит, помимо всего прочего, к тому, что многочисленные эпициклы при терминологизации концепта метафоры могут быть списаны в архив или, по крайней мере,

---

the Lexicon // *Metaphor and Symbolic Activity*. 1988. Vol. 3. P. 21–36; *Strauß G.* Metaphern – Vorüberlegungen zu ihrer lexikographischen Darstellung // *Wortbedeutungen und ihre Darstellung im Wörterbuch* / Hg. von G. Harras et al. Berlin; N.Y., 1991. S. 125–211; *Lieben W.-A.* Metaphernbereiche der deutschen Alltagssprache. Kognitive Linguistik und die Perspektiven einer kognitiven Lexikographie. Frankfurt a. M., 1992.

<sup>115</sup> Подробно останавливаться на критике я здесь не буду; ср.: *Van Woudenberg R.* Panmetaphoricism Examined // *Philosophy and Rhetoric*. 1998. Vol. 31. P. 231–247.

<sup>116</sup> Этот вопрос эксплицитно делает своей отправной точкой: *Mühlhäusler P.* Towards an Explanatory Theory of Metaphor // *Dirven R., Paprotté W.* The Ubiquity of Metaphor... P. 57–83; Эрл Маккормак считает, что метафорический универсализм неприемлем, потому что это неразрывно связано с проблемой введения компаративной концепции метафоры; см.: *MacCormac E.* Die semantische und syntaktische Bedeutung von religiösen Metaphern // *van Noppen J.-P.* *Erinnern...* S. 84–107, особенно s. 86ff.

<sup>117</sup> Так уже у: *Stöhlín.* Zur Psychologie und Statistik der Metaphern. Eine methodologische Untersuchung // *Archiv für die gesamte Psychologie*. 1914. Bd. 31. S. 297–425. Например, s. 388: «Сколько раз уже использованы такие метафоры, как “весна жизни” [...]; сколько раз уже называли Бога “Солнцем жизни”, [...] и тем не менее, эти образы не утратили нисколько своей метафорической силы».

не образуют необходимого условия для применения этого инструмента. Примером этому могут служить общепринятые различия между лексическими, мертвыми<sup>118</sup>, топическими, концепциональными, конвенциональными или живыми метафорами, внимание на которые обращают особенно поборники эмфатического понимания метафор. Концепциональные метафоры, например, согласно тому критерию, за который выступаю я, чаще всего рассматриваются в качестве буквального выражения. Это, правда, не аргумент, но классической риторике тоже, видимо, не известна разница между мертвыми и живыми метафорами; мертвые метафоры — уже не метафоры. Это не значит, что всякая дифференциация метафорического выражения с порога исключается<sup>119</sup>, важно только, что различия — или тем более мера удаленности — не привязаны к буквальному выражению<sup>120</sup>.

Иная проблема — когда при обсуждении концепций метафоры фигурируют различные виды метафорического выражения. Так, например, по отношению к теории метафор Серля нередко высказывается критическое замечание, что он иллюстрирует ее приложение конвенциональными метафорами, применительно к которым зачастую достаточно знать соответствующую статью в энциклопедическом словаре<sup>121</sup>. Независимо от этого конкретного критического замечания, речь идет о принципиальной проблеме, которая возникает в связи со многими разъяснениями метафор, выбирающими своей отправной точ-

<sup>118</sup> Об этом см., например: *Traugott E. C. «Conventional» and «Dead» Metaphors Revisited // Dirven R., Paprotté W. The Ubiquity of Metaphor... P. 17–56.*

<sup>119</sup> Это не исключает того, что различие между буквальным и метафорическим «есть не разделение по качеству, на черное и белое, а скорее по количеству, представляющее собой непрерывную шкалу» — ср.: *Aiston W.P. Philosophy of Language. New Jersey, 1964. P. 101*; или, как сказано у Энтони Ортони в: *Ortony A. Some Psycholinguistic Aspects of Metaphor // R.P. Honeck, R. Hoffmann Cognition and Figurative Language... P. 69–83, здесь p. 82*: «Вполне возможно, что с точки зрения теории значения различие между буквальным и небуквальным употреблением языка базируется скорее на разнице в степени, нежели на чем-либо еще. То есть вполне возможно, что некоторые высказывания более метафоричны, чем другие».

<sup>120</sup> *MacCormac E. A Cognitive Theory of Metaphor... P. 85 ff.* — предлагает разбивку на разряды, истолковывая их как степени правдивости, однако это предложение неадекватно проблеме и ведет к абсурдным следствиям.

<sup>121</sup> Ср., например: *Carney J.D. The Meaning of a Metaphor // Philosophical Studies. 1983. Vol. 4. P. 257–267.*

кой интуитивно определенное метафорическое выражение<sup>122</sup>, то есть когда интуитивно выбираются те примеры, которые будут названы парадигматическими для этого выражения и на основе которых будет определяться адекватность той или иной экспликации концепции метафор<sup>123</sup>. Так, например, Макс Блэк в своей знаменитой статье начинает с семи примеров, — «безошибочно распознаваемых как примеры метафоры»<sup>124</sup>, — из которых два он отбрасывает как слишком сложные, а еще три других далее не разбирает. И вот один из слишком сложных примеров — это тот, который был бы интереснее всех для историка метафор, а именно — высказывание Томаса Брауна: «Свет есть лишь тень Бога». Такого рода проблемы — не помеха для описываемого здесь взгляда на метафорическое выражение<sup>125</sup>. В конце концов, если так определять идентификацию метафорического выражения, то нет нужды ни в каких предположениях относительно того, как она происходит: при употреблении метафорического выражения не обязательно должен меняться его статус (например, в результате привыкания).

В завершение следует сказать несколько слов об объективном основании. Различие между привычным выражением и менее привычным, по-видимому, постоянно (по крайней мере, начиная с Античности) существовало в известной историкам письменной культуре, хотя практика этого различения и сами границы могли меняться. Отсылка к античным концепциям и практике аллегоризации, то есть непривычного употребления выражений, имеет отношение к обсуждаемому предмету, точно так же как и возникшие из них модели экзегезы. Выражение «непривычность» здесь является теоретическим и функциональным выражением, которое можно наполнять различными

<sup>122</sup> В большинстве случаев тонкие возможности теоретической рефлексии по поводу разъяснений остаются неиспользованными, ср.: *Danneberg L. Zwischen Innovation und Tradition: Begriffsbildung und –entwicklung als Explikation // Zur Terminologie der Literaturwissenschaft / Hg. von Chr. Wagenknecht. Stuttgart, 1983. S. 50–68.*

<sup>123</sup> Ср. также: *Kronfeld C. Novel and Conventional Metaphors. A Matter of Methodology // Poetics Today. 1981. Vol. 2. P. 13–24, особенно p. 16ff.*

<sup>124</sup> *Black M. Metaphor... P. 274.*

<sup>125</sup> В своем богатом идеями исследовании Кристиан Штруб (*Strub C. Kalkulierte Absurditäten...*) показывает, что в истории разъяснения метафор можно различить как минимум два разных вида разъясняемых сущностей.

идеями: так, например, в аргументации некоторых христианских авторов (правда, не только в связи с этими представлениями) скрытый смысл — это тот смысл, который призван ограждать христианскую истину от неверующего, то есть от того, кому, поскольку он не имеет веры, выражение не привычно. Важным источником постоянства такого различия являются интерпретативная практика и построенные в связи с ее потребностями теории, то есть — история герменевтики<sup>126</sup>. Резкая подчас критика метафоры и других образных способов изъяснения в истории философии предполагает такое различие как свою предпосылку. Усматривать в риторической практике подобной критики непоследовательность, эмфатическое иконоборчество или тем более действие подрывной силы неизбежно метафорического языка и констатировать перформативное противоречие — на первый взгляд звучит умно, но в действительности — слишком поверхностно<sup>127</sup>, и зачастую оказывается совершенно неубедительно, если более внимательно проанализировать данные критические формулировки у рассматриваемых авторов.

Очень редко говорится об употреблении метафор вообще. Это можно констатировать не только в связи с тем, что в литературе о метафорах (и не только в ней) ради более эффектной подачи обсуждаемой проблематики то и дело подчеркивают враждебное отношение тех или иных философов (особенно часто — Томаса Гоббса или Джона Локка) или даже эпох (на-

<sup>126</sup> О сложности и различности определений буквального смысла, о его зависимости от принятого знания о мире и об отграничении его от других смыслов — см.: *Danneberg L. Der sensus metaphoricus...*; *Idem. Schleiermacher und das Ende des Akkommodationsgedankens in der hermeneutica sacra des 17. und 18. Jahrhunderts // 200 Jahre «Reden über die Religion». Akten des I. Internationalen Kongresses der Schleiermacher-Gesellschaft, Halle, 14–15. März 1999 / Hg. von U. Barth, C.-D. Osthövner. Berlin; N. Y., 2000. S. 194–246.*

<sup>127</sup> Даже такой поэт, как Пауль Целан, говоря о «круговерти метафор», использует метафору. Пожалуй, не реже, чем критика философов или ученых в адрес метафорического выражения, встречается критика такого употребления поэтами, однако ее тоже невозможно оценить по достоинству, если не принимать всякий раз в расчет, против чего именно она направлена и какие представления о языке лежат в ее основе; об этом — со ссылками на другую литературу — *Danneberg L. Sprachphilosophie in der Literatur // Sprachphilosophie/Philosophy of Language/La philosophie du langage. 2. Halbbd. / Hg. von Marcello Dascal et al. Berlin; N.Y., 1996. S. 1538–1566.*

пример, «эмпиризма») к метафоре. Скорее, имеется в виду дурное ее употребление или употребление ее в рамках ложной философии; нередко в связи с этим высказываются обвинения в намеренном обмане или лжи<sup>128</sup>. Во многих случаях за этим стоит усиливающееся требование сделать более доступными те заявки на знание, которые рассматриваются как условие научного сотрудничества и как выражение определенных научно-теоретических норм при оценке чужих заявок на знание. Не в последнюю очередь требование доступности направлено против элитарного и герметичного изложения, — например, алхимического знания о тайных мистериях с его многочисленными и загадочными иллюстрациями<sup>129</sup>. Такое обобщение здесь столь же неприемлемо, как и попытка сделать из множества недавних хвалебных статей о креативной метафоре вывод, будто их авторы отрицают возможность злоупотребления метафорами, приветствуют их употребление в любой речевой ситуации или считают любую метафору креативной. Я позволю себе не приводить здесь ссылок, которые по необходимости были бы неполными и потому заделали бы отдельных авторов. Замечу, однако, что подбор цитат, свидетельствующих о враждебности тех или иных авторов к метафорам, порой оказывается столь же убогим, как и подбор примеров метафорических высказываний. Чаще всего приводят одно место из «Истории Королевского Общества» Томаса Спрата и на его основе делают далеко идущие выводы; но при этом часто видно, что ничего, кроме приводимой цитаты, пишущий у Спрата не читал<sup>130</sup>.

---

<sup>128</sup> В более радикальном варианте — у Ницше в: *Ницше Ф.* Об истине и лжи... С. 259: «[...] до сих пор мы слышали лишь об обязательстве, которое нам ставит общество — как залог своего существования, — обязательстве быть правдивыми, т.е. употреблять обычные метафоры, или, выражаясь морально, об обязательстве лгать согласно принятой условности, лгать стадно в одном для всех обязательном стиле».

<sup>129</sup> О контексте, в котором велись рассуждения о доступности, — *Danneberg L., Schöner J.* Zur Internationalität und Internationalisierung von Wissenschaft // *Wie international ist die Literaturwissenschaft?* / Hg. von L. Danneberg, F. Vollhardt. Stuttgart; Weimar, 1996. S. 7–85. О связи магии и риторики — *Ward J. O.* Magic and Rhetoric From Antiquity to the Renaissance: Some Ruminations // *Rhetorica*. 1988. Vol. 6. P. 57–118.

<sup>130</sup> См.: *Vickers B.* The Royal Society and English Prose Style // *Rhetoric and the Pursuit of Truth* / Ed. by B. Vickers, N. Struever. Berkeley, 1985. P. 1–54. Правда, у Викерса, на мой взгляд, слишком большое место уделено общему полемиче-

Но еще более печальны случаи, когда девиз Королевского Общества — «Nullius in verba» (лат. «ни по чьему слову», то есть не подчиняясь словам какого-либо учителя) читают как «Nihil in verba» (лат. «ничто по слову»). Это неверно, и при таком толковании теряется главный смысл, который, помимо всего прочего, заключается в отказе от подчинения всякому человеческому авторитету<sup>131</sup>.

Кеплер мог восхвалять аналогию как средство, ведущее в лабиринт мистерий природы, и одновременно видеть в «круговерти аналогий» у Роберта Фладда лишь тьму и отвлеченные спекуляции<sup>132</sup>. Жертвами таких неверных заключений стали, в частности, Джон Локк<sup>133</sup> и особенно Томас Гоббс<sup>134</sup>. Как раз в

---

скому контексту по сравнению с соображениями из области теории языка и философской критики. См. также: *Hüllen W.* «Their Manner of Discourse». *Nachdenken über Sprache im Umkreis der Royal Society*. Tübingen, 1989; самое важное содержится уже в работе: *Chielt R.* Style, Precept, Personality: A Test Case (Thomas Sprat, 1635–1713) // *Computer and the Humanities*. 1971. Vol. 5. P. 257–277.

<sup>131</sup> Кстати, помимо стандартной ссылки на Горация надо бы упомянуть еще и Сенеку: *Seneca*. *Epistolae morales*. 16, 3, — где о философии говорится, что она «не в словах, а в вещах» (*non in uerbis, sed in rebus est*). Те же самые слова Горация использует, между прочим, уже Марен Мерсенн в: *Mersenne M.* *Quaestiones celeberrimae in Genesim*, [...]. Lutetiae Parisiorum, 1623. Praefatio ad lectorem. Non pag.

<sup>132</sup> *Kepler J.* *Harmonices Mundi*... P. 366: «И с помощью этой, если так можно выразиться, путеводной нити продвигаться по лабиринтам тайн Природы [...]». См. также: *Idem*. *Pro suo opere Harmonices mundi apologia ad versus demonstrationem analyticam* cl. V.-D. Roberti de Fluctibus [1622] // *Ibidem*. P. 379–457. Выражение «отвлеченные спекуляции» (*phantasia ablata*) Кеплер использует на с. 306.

<sup>133</sup> Можно было бы наполнить целую библиотеку указаниями на то, что есть якобы расхождения между общими воззрениями Локка на соотношение между языком, мышлением и миром, с одной стороны, и тем, что он пишет в Главе десятой «О злоупотреблении словами» в III книге, — *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении... С. 548 сл. Есть указания на то, что Локк имел в виду лишь один конкретный аспект, а именно — риторику как искусство обмана с целью политического подстрекательства (имея в виду времена Кромвеля).

<sup>134</sup> О том, как оценивал и как использовал риторику Гоббс, см. также: *Zapfen J.P.* Aristotelian and Ramist Rhetoric in Thomas Hobbes's *Leviathan* // *Rhetorica*. 1983. Vol. 1. P. 65–91; *Sacksteder W.* Hobbes: Philosophical and Rhetorical Artifice // *Philosophy and Rhetoric*. 1984. Vol. 17. P. 30–46; *Kahn V.* Hobbes: a Rhetoric of Logic // *Idem*. *Rhetoric, Prudence and Skepticism in the Renaissance*. Ithaca, 1985. P. 152–181; *Mathie W.* Reason and Rhetoric in Hobbes's *Leviathan* // *Interpretations. A Journal of Political Philosophy*. 1986. Vol. 14. P. 281–298; *Johnston D.* The Rhetoric of *Leviathan*: Thomas Hobbes and the Politics of Cultural Transformation. Princeton, 1986; *Cantalupo C.* Hobbes's Use of Metapher // *Restoration*.

случае Гоббса исследователей могло бы удивить то, что он предпринял обработку и частичный перевод Аристотелевой «Риторики»<sup>135</sup> и что в конце его «Левиафана» — произведения, которое едва ли можно себе представить без бурелома метафор и в котором Гоббс метафорически ругает метафоры, называя их «болотными огнями»<sup>136</sup>, — стоит фраза: «Нет ничего, чему я доверял бы менее, чем собственному красноречию»<sup>137</sup>, а за ней следуют рассуждения о стиле<sup>138</sup>. То, что Гоббс пишет по

---

1988. Vol. 12. P. 20–32; *Idem.* Hobbes's Style: Origins, Developments, Contexts // Language and Style. 1986. Vol. 19. P. 99–117; *Barnouw J.* Persuasion in Hobbes's Leviathan // Hobbes Studies. 1988. Vol. 1. P. 3–25; *Prokhovnik R.* Rhetoric and Philosophy in Hobbes's Leviathan. L., 1990, особенно P. 110–117; *Skinner Q.* Rhetoric in the Philosophy of Hobbes. Cambridge, 1996; *Wilson-Quayle J.* Resolving Hobbes's Metaphorical Contradiction: The Role of the Image in the Language of Politics // Philosophy and Rhetoric. 1996. Vol. 29. P. 15–32; но ср.: *Silver V.* The Fiction of the Self Evidence in Hobbes's Leviathan // ELH. 1988. Vol. 55. P. 351–379; *Stillman R. E.* Hobbes's Leviathan: Monsters, Metaphors, and Magic // Ibidem. 1995. Vol. 62. P. 791–819.

<sup>135</sup> Ср. The Rhetorics of Thomas Hobbes and Bernard Lamy / Ed. by J. T. Harwood. Carbondale, 1986; об этой работе см. также: *Sorell T.* Hobbes' Un-Aristotelian Rhetoric // Philosophy and Rhetoric. 1990. Vol. 23. P. 96–108; *Rainer J.* Hobbes and the Rhetoricians // Hobbes Studies. 1991. Vol. 4. P. 76–95. Долгое время Гоббсу приписывали также произведение под названием «Искусство риторики в простом изложении» (*The Art of Rhetoric Plainly Set Forth*). На самом же деле это выполненный его современником Дадли Феннером перевод трактата Омара Таля, соратника Петра Рамуса.

<sup>136</sup> Ср.: *Hobbes T.* Leviathan [1651] / Ed. by C. B. Macpherson. Middlesex, 1968. P. 116 f. Рус. изд.: *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // *Он же.* Сочинения: В 2 т. М., 1991. Т. 2.

<sup>137</sup> *Гоббс Т.* Левиафан... В немецком переводе слово *elocution* передано словом *Rhetorik*, что несколько проблематично, так как Гоббс в этом месте имеет в виду, вероятно, *elocutio* — а это риторический термин. Ср.: *Hobbes T.* Leviathan. Aus dem Englischen übertragen von Jutta Schlösser. Darmstadt, 1996. S. 597. В рамках *elocutio* в классической риторике метафора описывалась как одна из фигур речи. Контекст критики языка у Гоббса образует все то, что он отвергал под обобщающим названием «аристотелевщины» (*Aristotelity*). *Hobbes T.* Leviathan... III, 46; в рус. переводе этого слова нет — ср.: *Гоббс Т.* Левиафан... Об этом см.: *Wolffers B.* Geschwätzige Philosophie. Thomas Hobbes's Kritik an Aristoteles. Würzburg, 1991.

<sup>138</sup> В письме к Вильяму Давенанту по поводу его предисловия к стихотворному эпосу «Гондиберт» Гоббс демонстрирует большое понимание трудностей и превратностей поэтического творчества, привлекая при этом множество метафорических сравнений. Ср.: *Hobbes T.* Answer to Davenant's Preface to Gondibert [1750] // *Spingarn J. E.* Critical Essays of the Seventeenth-Century. L.; Oxford, 1908. P. 65: «[...] в прозе манеры и движения души [...] неопределенны и не различаются, словно ход и движение корабля в море, так что не только расстраивают



вопросу о метафорическом словоупотреблении, надо рассматривать в контексте более крупной проблемы, которая заключается (выражаясь словами Гоббса) в определении правильного отношения между *fancy* и *judgement* (в традиции Локка, например, это различие между *true wit* и *false wit*). Сомнительно, что современная дискуссия о метафорах достигла в поисках ответа на этот вопрос таких колоссальных успехов, которые оправдывали бы подобные неверные прочтения<sup>139</sup>. Примером того, как сложно представлялась многим в то время проблема употребления слов в несобственном значении, может служить Роберт Бойль и то, как он оправдывал свое «частое использование уподоблений, или сравнений»<sup>140</sup>. Для него, писал он,

---

самых лучших сочинителей, но и разочаровывают порой самого внимательно-го читателя и заставляют его охотиться за смыслом». Там же см. указание на новизну как критерий качества метафоры. См.: *Dowlin C.M. Sir William Davenant's Gondibert, Its Preface, und Hobbes's Answer. A Study in English Neo-Classicism.* Philadelphia, 1934.

<sup>139</sup> Эти слова по необходимости останутся лишь намеком. О том, сколь сложна и многогранна эта проблема, поможет понять указание на композитные представления непропорциональных и т.п. предметов — например, у Горация в работе «О поэтическом искусстве» — *Гораций. О поэтическом искусстве* / Пер. А.А. Фета // Фет А.А. Вечерние огни / Издание подготовили: Д.Д. Благой, М.А. Соколова. М., 1981. Гл. 1–3. Это потом стало у Коперника важным аргументом в пользу его теории и против птолемеевской. *Kopernikus Nicolaus. De Revolutionibus orbium coelestium, Libri VI [...].* Basileae, 1543 (репринт Pragae, 1971). Praefatio. Non pag. (iijv) (рус. изд.: *Коперник Н. Об обращении небесных сфер* // Николай Коперник. [Сб. ст. к 400-летию со дня смерти]. М.; Л., 1947). Коперник называет «чудовищем» именно то, что древние усматривали в составе частей мира, — связь с человеческим телом. Ссылка на Горация в этой связи возникла давно, но потом вскоре снова была забыта — ср.: *Prowe L. Nicolaus Copernicus. Bd. I/2.* Berlin, 1883. S. 498. Позже этот образ под названием химеры вошел в натурфилософскую и эстетическую литературу.

<sup>140</sup> Стандартный дифференцированный взгляд обнаруживаем, например, у Томазия: *Thomasius Chr. Ausübung der Vernunft=Lehre[...].* Halle, 1691 (репринт Hildesheim, 1968), в связи с «умением преподносить другим истину» (2. Hauptst. § 34. S. 89/90): «[...] остерегайся использовать многозначные слова там, где можешь взять однозначные, не [используй] фигуральные там, где можешь передать предмет собственными словами; разве что в тех случаях, когда из других слов можно было бы сразу увидеть, какое значение ты имеешь в виду, или если предмет невозможно было бы выразить иначе нежели фигуральными словами». Если добавить к этому герменевтический скептицизм Томазия, утверждавшего, что в процессе понимания мы можем достичь, самое большее, «герменевтической вероятности» (*hermeneutica probabilitas*), то станет понятно, что применительно к коммуникации буквальное выражение имеет лишь относительное преимуще-

главным были не красоты стиля («чтобы доставить наслаждение большинству читателей»), не облегчение запоминания («они позволяют лучше удержать в памяти») и не пример весьма успешного применения метафор и аллегорий самыми лучшими ораторами и проповедниками<sup>141</sup>. Важнее были другие два аспекта. Говоря о первом из них, Бойль признавал, что злоупотреблял этим средством и отдавал себе в этом отчет. Показательно, что имеется тут в виду под злоупотреблением: сочиненное древними писателями и поэтами было употреблено плохо<sup>142</sup>. Но даже применение таких фиктивных сравнений Бойль не исключал, а опирался на различие между двумя способами изложения, популярным и непопулярным, которые были в ту эпоху хорошо известны и имели восходившие к античной философии названия *exoterica* (учения, доступные по форме и методу сравнительно широкой массе слушателей) и *acroamatica* (учения, предназначенные для небольшого круга избранных учеников ввиду сложной формы изложения и строго научного метода)<sup>143</sup>. По мнению же Бойля, сравнения нуж-

---

щество перед небуквальным с точки зрения соотношения целей и средств. Ср. также: *Danneberg L. Die Auslegungslehre des Christian Thomasius in der Tradition von Logik und Hermeneutik // Christian Thomasius (1655–1728). Neue Forschungen im Kontext der Frühaufklärung / Hg. von F. Vollhardt. Tübingen, 1997. S. 253–316, а также: Idem. Probabilitas hermeneutica. Zu einem Aspekt der Interpretationsmethodologie in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts // Aufklärung. 1994. Bd. 8. S. 27–48.*

<sup>141</sup> Ср.: *Boyle R. The Christian Virtuoso [...]. The First Part [...1690] // Idem. The Works [...] in Six Volumes, volume the Fifth, a new Edition. L., 1777 (перепринт Hildesheim, 1966). P. 508–540, здесь p. 511.*

<sup>142</sup> Уже в первой своей, анонимной публикации Бойль критиковал «наших химиков» за то, что они посредством энигматического изложения скрывали знание, — ср.: *Idem. An Epistolical Discourse of Philaretus to Emericus [1655] // Rowbottom M.E. The Earliest Published Writing of Robert Boyle // Annals of Science. 1950. Vol. 6. P. 376–389, здесь p. 380–385, особенно p. 384; об этом см.: Hunter M. The Reluctant Philanthropist: Robert Boyle and the «Communication of Secrets and Receipts in Physick» // *Religio Medici: Medicine and Religion in Seventeenth-Century England / Ed. by O.P. Grell, A. Cunningham. Aldershot, 1996. P. 247 ff.**

<sup>143</sup> *Boyle R. The Christian Virtuoso...: «[...] я легко признаюсь, что произвольные уподобления, а также те, которые чужды рассматриваемому предмету, — а таковы большинство вульгарных уподоблений, которые обычно заимствуются из сочинений поэтов и из неопределенных и зачастую неправильно привлекаемых сообщений Плиния, Элиана и других слишком часто упоминаемых сочинителей сказок, — едва ли пригодны для использования кроме как для читателей-простолудинов или широкой аудитории».*

но выбирать уместные и применять их хорошо, а они потом неоднократно будут «помогать людям воспринять их (то есть понятия) гораздо лучше, чем они бы иначе (то есть без сравнений] это сделали»<sup>144</sup>. Но не один этот момент пользы был ведом Бойлю; уместные сравнения, писал он, придают не только «свет, но и силу тем пассажиам, в которые они включены, поскольку они всегда суть лишь картины и подобия, но своего рода аргументы; будучи зачастую, если можно так выразиться, аналогическими примерами, которые являют природу или образ действия той вещи, к которой они относятся, и таким образом они доказывают, что если возможно, то значит и не невероятно, что предмет именно таков, каким представлен»<sup>145</sup>.

Применительно к первому моменту — пользе для изложения — Бойль особо отмечал Бэкона, применительно ко второму — Декарта (и это не удивляет читателя его текстов<sup>146</sup>): «Но этот суровый философ, сам месье Декарт, где-то говорит, что, по его мнению, он понял в физике только то, что смог пояснить каким-то подходящим уподоблением, каковых у него в трудах в самом деле множество». Приведя несколько примеров аналогий у Декарта, Бойль подчеркивает эту высокую оценку таким развернутым сравнением:

«К этому я должен добавить, что подходящие сравнения оказывают воображению почти такую же услугу, как микроскоп — глазу; ведь точно так же, как этот инструмент позволяет нам отчетливо видеть разные весьма мелкие вещи, которые наш невооруженный глаз не способен как следует различить, потому что эти стекла представляют их гораздо более крупными, нежели они кажутся нам, когда мы смотрим невооруженным глазом, — точно так же и умело подобранное и хорошо примененное сравнение весьма помогает воображению, иллюстрируя трудноразличимые предметы и представляя их с помощью предметов, гораздо более знакомых и легких для восприятия»<sup>147</sup>.

<sup>144</sup> Op. cit.

<sup>145</sup> Op. cit.

<sup>146</sup> Об этом: *Clarke D.* Descartes' Philosophy of Science. Manchester, 1982. P. 122 f.; *Galison P.* Descartes' Comparisons: From the Invisible to the Visible // *Isis*. 1984. Vol. 75. P. 325—339; *Eastwood B.C.* Descartes on Refraction. Scientific Versus Rhetorical Methode // *Ibid.* P. 481—502.

<sup>147</sup> *Boyle R* // *Ibid.* P. 511f.

Высокая оценка аналогий, моделей и метафор в современной теории науки недалеко ушла от этого, да и едва ли здесь можно многое добавить, если вспомнить третье правило философствования — правило аналогии в природе, которое у Ньютона образует фундамент для умозаключения, идущего от наблюдаемого предмета к предмету, принципиально не поддающемуся наблюдению<sup>148</sup>. Правда, некоторые частные утверждения обрели таким образом бо́льшую отчетливость.

Таким образом, чтобы идентифицировать метафорическое выражение, нужно меньше доверять своим нынешним познаниям о метафорическом, а больше — изучать взгляды людей соответствующей эпохи и то, как они пользовались языком. Так, например, в XVIII веке один и тот же автор мог заявлять, что метафоры, основанные на сходстве, суть лишь украшения, подобающие поэзии, и тут же — что аналогизации или другие умозаключения, основанные на сходствах, расширяют познание. Еще Аристотель говорил (и это его мнение о метафоре было — зачастую в урезанном виде — воспринято в европейской философии), что метафора имеет двоякую функцию: она есть и риторическое стилистическое средство (украшение), и средство, способствующее познанию<sup>149</sup>. К тому же некоторые взгля-

<sup>148</sup> Ср.: *Newton I. Philosophiae Naturalis Principia Mathematica*, the Third Edition (1726). With Variant Readings / Ed. by A. Koyré, L. B. Cohen, A. Whitman. 2 vols. Cambridge, 1972. Book III. Regula III (так уже и во втором издании 1713 года): «Свойства тел, которые не могут быть [...] опровергнуты и которые одинаково наблюдаются во всех телах, с которыми можно провести опыты, следует считать свойствами всех тел».

<sup>149</sup> Все еще достойные внимания работы: *Lieb H.-H. Der Umfang des historischen Metaphernbegriffs*. Phil. Diss. Universität Köln, 1964, а также крайне сжато: *Idem. Was bezeichnet der herkömmliche Begriff «Metapher»? // Muttersprache*. 1967. Bd. 77. S. 43–52; *Sinnreich J. Dis aristotelische Theorie der Metapher. Ein Versuch ihrer Rekonstruktion*. Phil. Diss. München, 1969; *Levin S. R. Aristotle's Theory of Metapher // Philosophy and Rhetorics*. 1982. Vol. 15. P. 24–46; *Jürgensen H. Der antike Metaphernbegriff*. Phil. Diss. Kiel, 1968. О возможности путем переносного использования языка прояснить или «наглядно представить» предмет, — *Bremer D. Aristoteles, Empedokles und die Erkenntnisleistung der Metapher // Poetica*. 1980. Vol. 12. S. 350–376. Об эвристическом применении аналогий у Аристотеля — интересное исследование — *Loeck G. Aristotle's Technical Simulation and Its Logic of Causal Relation // History and Philosophy of Life Sciences*. 1991. Vol. 13. P. 3–32. О не упомянутых там исследованиях — *Muskens G. De Vocis ANALOGIA Significatione Ac Usu Apud Aristotetem*. Groningae, 1943; *Philippe M.-D. Analogon und Analogia in the Philosophy of Aristotle // The Thomist*.

ды и отрицательные мнения о метафорическом использовании языка невозможно понять, не учитывая теологического контекста. А последний в немалой мере состоит из теологических теорий доказательства<sup>150</sup> и из обосновывающего их принципа «*figura non probat*» (фигура речи — не доказательство), который возводили к отцам церкви, а в период Реформации использовали полемисты независимо от конфессиональной принадлежности. В более пространной формулировке Фомы Аквинского он звучал так: «*Ex tropicis locutionibus non est assumenda argumentatio*»<sup>151</sup> (из тропов не следует выводить аргументации): надежность доказательства связывалась с буквальностью<sup>152</sup>. Насколько очевидным казался этот взгляд, можно судить по строкам английского поэта Мэтью Прайора, написанным в 1718 году: «[...] в споре уподобления подобны песням влюбленного: они многое описывают, но ничего не доказывают»<sup>153</sup>.

---

1969. Vol. 33. P. 1–74; Fiedler W. Analogie Modelle bei Aristoteles, Untersuchungen zu den Vergleichen zwischen den einzelnen Wissenschaften und Künsten. Amsterdam, 1978.

<sup>150</sup> Разумеется, теологическая теория доказательств — и не только средневековая — сложнее, чем я могу ее здесь обрисовать. Альберт Великий знал три формы обоснования, используемые для опровержения ложных взглядов посредством доказательства истины и вскрытия заблуждений в теологии: ссылку на всеми признаваемый авторитет, на природный разум и на сравнимый случай. Эти три формы были известны и Фоме Аквинскому. Однако он, в отличие от Альберта Великого, очень низко ценил значимость сравнимых случаев, вообще сходство, — настолько, что третий метод фактически перестал у него быть методом доказательства. Для Аквината «поэтика — низшее среди всех учений» — *Thomas Aquinas. Summa Theologica... I–I. Q. 1. A. 9. Ob. 1* (p. 21). Причину этого он усматривает в конечном счете в ее форме выражения: она пользуется языком образов, подобий, представлений (*similitudines, representationes*). Но это приводит к проблеме: ведь на уровне выражения Священное Писание в неменьшей степени, чем поэзия, характеризуется образностью языка, а значит, и к нему должен был бы относиться приговор, вынесенный литературе. Чтобы разрешить эту проблему, нужно с поверхностного уровня выражения текста перейти к какому-то различию, которое должно быть существенным, но не способным проявиться на том уровне. Такое различие Фома видит.

<sup>151</sup> Этот пассаж цитируется и в статье: Weinrich H. Diese Stelle auch... // Historisches Wörterbuch der Philosophie / Hg. von J. Ritter, K. Gründer. Bd. 5. Basel; Stuttgart, 1980. Sp. 1179–1186, здесь sp. 1180.

<sup>152</sup> Об этом см. в: Danneberg L. Der sensus metaphoricus...

<sup>153</sup> Prior M. Alma: or, The Progress of the Mind [1718] // *Idem. The Literary Works [...]* / Ed. by H. Bunker Wright, M. K. Spears. Vol. I. Oxford, 1953. Canto III. Lines 313–315. P. 508.

И наконец, одно наблюдение касательно использования метафор в наши дни, которое показывает, что различие привычного и непривычного по-прежнему представляет собой относительно стабильный критерий<sup>154</sup>: метафорическое выражение в тенденции необратимо, или направленно<sup>155</sup>. Хотя инверсии метафорической операции, то есть перемена мест исходного и конечного пункта, сохраняют ее метафорический характер, но эти изменения направленности часто рассматриваются как неудачные. Причина такой асимметрии заключается в том, что метафоры нередко направлены в сторону от более знакомого к незнакомому, от наглядного к менее наглядному<sup>156</sup>, а синестезии следуют иерархии чувств — от осязания через вкус и обоняние — к зрению и слуху<sup>157</sup>. Это, правда в меньшей степени, выражено в литературных текстах<sup>158</sup>. Вопреки широко распространенному мнению, возможность такой асимметрии является общей для метафоры и для буквального сравнения, основанного на сходстве<sup>159</sup>. Встречающееся порой пред-

<sup>154</sup> На эту тему тоже есть эмпирические исследования, ср., в частности: Katz A.N. *Metaphoric Relationships: The Role of Feature Saliency* // *Journal of Psycholinguistic Research*. 1982. Vol. 11. P. 283–296; Ortony A. et al. *Saliency, Similes, and the Asymmetry of Similarity* // *Journal of Memory and Language*. 1985. Vol. 24. P. 569–594.

<sup>155</sup> Это не обязательно противоречит положениям интеракционной концепции метафорического значения об исходном и конечном пункте — например, в том смысле, в каком выражается Блэк, когда говорит, что метафора «человек — это волк», «позволяет посмотреть другими глазами и на волка и увидеть в нем что-то от человека»: Блэк М. *Метафора...* С. 163.

<sup>156</sup> Проблема к тому же в том, что исходный и конечный пункты могут в принципе иметь мало общего; это относится, во-первых, к религиозным высказываниям о Боге, который уже должен быть нам известен, чтобы он стал известен без посредства той же метафорической речи. Ср.: Ricoeur P., Jünger E. *Metaphor...* S. 110–122; или в физике — см.: Lightman A. P. *Magic on the Mind: Physicist's Use of Metaphor* // *The American Scholar*. 1988/1989. Vol. 58. P. 97–101, здесь p. 101: «Когда мы слышим, что «председательствующий с трудом пробивался через дискуссию», мы уже многое знаем о председательствующих, комитетах и дискуссиях. Но когда мы говорим, что «фотон ударил по электрону», то какой у нас есть конкретный опыт касательно фотонов и электронов?»

<sup>157</sup> Ср.: Williams J.M. *Synaesthetic Adjectives: A Possible Law of Semantic Change* // *Language*. 1976. Vol. 52. P. 461–478; Neisser U. *Kognition und Wirklichkeit...* S. 22.

<sup>158</sup> См., однако: Shen Y. *Cognitive Constraints on Directionality in the Semantic Structure of Poetic vs. Non-Poetic Metaphors* // *Poetics*. 1995. Vol. 23. P. 255–274.

<sup>159</sup> Этим я не хочу сказать, что всякое метафорическое выражение в том или ином смысле основывается на отношениях сходства или всегда должно иметь

положение, что сходство есть отношение симметричное и потому не может служить основой для метафорического выражения<sup>160</sup>, несостоятельно, даже в том случае, когда оно (сходство) в самом деле такой основы не образует, не говоря о том, что при метафорическом выражении — равно как и при аналогии или аналогизации — могут быть значимы или выделены метафорическим выражением не только определенные сходства, но и определенные различия<sup>161</sup>. Причина этого заключается в ошибочной предпосылке: симметрия не есть всеобщее свойство отношений сходства. Примеров тому множество: так, утверждаемое сходство между Богом и Иисусом Христом (и еще больше — между Богом и людьми)<sup>162</sup>. Иисус мог сказать: «Видевший меня видел Отца» (Ин. 14:9), но видел ли Иисуса тот, кто видел Отца? Причины асимметрии могут быть весьма разнообразными. Генрих Гентский приводит такой пример: Геркулес есть *similitudo* (подобие) своего изображения, но изображение не есть *similitudo* Геркулеса<sup>163</sup>; здесь понятие сходства очевидно связывается с идеей «происхождения» или «источника», которая придает ему асимметричный характер<sup>164</sup>.

Можно, конечно, постановить, что отношение сходства всегда симметрично, а потому асимметричные отношения не могут быть отношениями сходства; и применительно к неко-

---

но так рассматриваться; см., например: *Glucksberg S., Keyser B. Understanding Metaphorical Comparisons: Beyond Similarity // Psychological Review. 1990. Vol. 97. P. 3–18.*

<sup>160</sup> Так, например, в: *Moran R. Seeing and Believing: Metaphor, Image, and Force // Critical inquiry. 1983. Vol. 16. P. 87–112, здесь p. 93.*

<sup>161</sup> Это — возражение Морану: *Ibid. P. 99f.* Так, Мэри Хессе постоянно указывала на различие между позитивной, нейтральной и негативной аналогией; также см.: *Khatchadourian H. Metaphor // British Journal of Aesthetics. 1968. Vol. 8. P. 227–243.*

<sup>162</sup> См. также: *Aquinas Thomas. Summa Theologica ... I–I. Q. 4. A. 3. Ad 4 (P. 27).*

<sup>163</sup> Ср.: *Gent H. von. Summa Quaestionum Ordinariam [...]. P., 1520 (факсимильное переиздание St. Bonaventura, 1953). I.VIII. 3. Ad 4m; II 133VC.*

<sup>164</sup> Другой пример — *Wollheim R. Objekte der Kunst. Frankfurt a. M., 1982. S. 29* (англ. orig. *Idem. Art and its Objects: An Introduction to Aesthetics. N.Y., 1968; Harmondsworth, 1970; with supplementary essays 1980*); об этом также: *Tversky A. Features of Similarity // Psychological Review. 1977. Vol. 84. P. 327–352; Connor K., Kogan N. Topic-Vehicle Relations in Metaphor: The Issue of Asymmetry // Honick R.P., Hoffman R. Cognition... P. 238–305; Paivio A., Clark J.M. The Role of Topic and Vehicle Imagery in Metaphor Comprehension // Communication and Cognition. 1986. Vol. 19. P. 367–385; Shen Y. Symmetric and Asymmetric Comparisons // Poetics. 1989. Vol. 18. P. 517–536.*

торым отношениям — например, репрезентации — это было бы, наверное, даже желательно<sup>165</sup>. Но ни в коем случае нельзя утверждать, что метафоры ввиду их асимметричного характера не могут основываться на сходствах, поскольку те симметричны. На такой асимметрии метафор, а также моделей и аналогий основывается постоянно подчеркиваемая роль процесса передачи знания, при котором абстрактные понятия или теории в научно-популярных изложениях и иллюстрациях делаются доступными для наглядного и чувственного восприятия<sup>166</sup>: этот метод восходит к *ars memorativa* (искусству запоминания) и предположению, будто то, что выражено в зрительной форме, лучше запоминается<sup>167</sup>. Но, пожалуй, большее значение имеет его релевантность для процесса формирования знания об «абстрактных» процессах и сферах, которые не доступны ни для какого иного способа описания, кроме «*a sensilibus ad intelligentia*» (от чувственно воспринимаемого к умопостигаемому)<sup>168</sup>. Хотя исходный и конечный пункты в метафорах, моде-

<sup>165</sup> Ср.: Goodman N., Elgin. C.Z. *Reconception in Philosophy und Other Arts and Sciences*. Indianapolis, 1988, где применительно к изобразительным репрезентациям говорится, что «репрезентация асимметрична, сходство симметрично».

<sup>166</sup> Ср., в частности: Petrie H.G. *Metaphor and Learning* // Miall D.S. *Metaphor...* P. 438–461, который в этом даже усматривает разрешение метанапарокса, понимаемого как вопрос: «Как можно узнать что-то радикально новое?» (p. 439). Наряду с названными здесь функциями метафор есть еще целый ряд других, которые рассматриваются в качестве функций неутвердительного действия, — например, описание языковых табу. Об этом на фольклорном материале писал уже: Werner H. *Die Ursprünge der Metapher*. Leipzig, 1919, а также: Coseriu E. *Die Metaphernschöpfung in der Sprache* // *Idem. Sprache — Strukturen und Funktionen* / Hg. von U. Petersen. Tübingen, 1970. S. 15–52, особенно s. 40ff.; о других функциях — Koller W. *Dimensionen...*

<sup>167</sup> Об этом, в частности: Rossi P. *Clavis universalis. Arts de la mémoire, logique combinatoire et langue universelle de Lulle ...* Leibniz. Grenoble, 1983 (ит. orig. 1960); Yates F.A. *Giordano Bruno and the Hermetic Tradition*. L., 1964; *Idem. The Art of Memory*. Chicago, 1966; а также впечатляющие исследования: Sturlese R. *Giordano Brunos Schrift De imaginum, signorum et idearum compositione und die philosophische Lehre der Gedächtniskunst* // Heipcke K. et al. *Die Frankfurter Schriften...* S. 51–73; *Idem. Giordano Brunos Gedächtniskunst und das Geheimnis der Schatten der Ideen* // Giordano Bruno. *Tragik eines Unzeitgemäßen* / Hg. von W. Hirdt. Tübingen, 1993. S. 69–91, где также корректируются некоторые интерпретации мадам Фрэнсес Йейтс; см. также: Gatti H. *Giordano Bruno and Renaissance Science*. Ithaca, L., 1999. P. 171–103 («Picture Logic»).

<sup>168</sup> Новейшие исследования в этом направлении — Traugott. *On the Rise of Epistemic Meanings in English: An Example of Subjectivation in Semantic Change* // *Language*. 1989. Vol. 65. P. 31–55; Sweetser E.E. *From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure*. Cambridge, 1990.



лях и аналогиях могут меняться местами, но происходит это обычно в том случае, если утверждения знания в конечной точке становятся более привычными, чем в начальной, и могут превратиться в исходный пункт метафоризации, аналогизации или создания модели; вот лишь один пример: сперва компьютер описывают как электронный мозг, потом функционирование человеческого мозга начинают описывать с помощью метафор из компьютерного языка<sup>169</sup>.

### III

Если игнорировать идею метафорического универсализма, то и вопрос о метафорическом значении может получать различные ответы. Согласно одному, образование — равно как и обнаружение — метафорического значения в той или иной мере подчиняется, подобно буквальному значению, неким правилам<sup>170</sup> — в отличие от того, что говорил Аристотель<sup>171</sup> и многие после него<sup>172</sup>. Под правилом или подчиненностью пра-

<sup>169</sup> MacCormac E. A Cognitive Theory of Metaphor... P. 19 ff. Об этом см. также: Boden M. A. Computer Models of Mind: Computational Approaches in Theoretical Psychoiogy. Cambridge, 1988. О других метафорах человеческого интеллекта см.: Kassler J. C. Man — A Musical Instrument: Models of the Brain and Mental Functioning Before the Computer // History of Science. 1984. Vol. 22. P. 59—92; о метафорах воспоминания и памяти: Draaisma D. Die Metaphernmaschine. Eine Geschichte des Gedächtnisses. Darmstadt, 1999.

<sup>170</sup> В англосаксонском мире, наверное, самым известным представителем этой точки зрения является Джон Серль с его различием «того, что говорится» и «того, что имеется в виду». См.: Searle J. Metapher... Сам того не зная, он продолжает основную традицию осмысления метафор в герменевтике прежних времен, см.: Danneberg L. Der sensus metaphoricus... S. 97 ff.

<sup>171</sup> В 22-й главе «Поэтики» Аристотеля говорится: «[...] особенно важно быть искусным в метафорах, так как только одного этого нельзя позаимствовать у других, и эта способность служит признаком таланта» — см.: Аристотель. Поэтика / Перевод М. Л. Гаспарова // Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1984. Т. 4. 1459а5сл.

<sup>172</sup> Непосредственный отзыв это находит у Ламберта — Lambert J. H. Neues Organon [1764] / Hg., bearbeitet und mit einem Anhang versehen von G. Schenk. Berlin, 1990. Dianoologie. Cap. VII. § 549. S. 271, где говорится, что «восприимчивость [органов] чувств», которые позволяют улавливать сходства и несходства, есть «дары природы»; о концепции метафоры у Ламберта см. также: Hülzer H. Die Metapher: Kommunikationsemantische Überlegungen zu einer rhetorischen Kategorie. Münster, 1987. S. 25—59; Schiewer G. L. Sprachtheorie im 18. Jahrhundert: Metapher bei J. H. Lambert // Danneberg L. et al. Metapher und Innovation... S. 53—65; Breitenbürger G. Metaphora. Die Rezeption des aristotelischen Begriffs in den Poetiken des Cinquecento. Kronberg, Ts. 1975.

вилам, правда, понимают разные вещи, от алгоритмических процедур производства метафор (или, в более общем плане, генерируемости метафор) на одном краю шкалы<sup>173</sup> до всего лишь подобного правилу ограничения произвольности интерпретации метафор<sup>174</sup> на другом — таковы, например, «принцип конгруэнтности» и «принцип полноты» у Монро Бирдсли<sup>175</sup>. Вопрос о том, характерно ли для производства метафор в языке следование правилам, или же нарушение их зачастую становится одним из главных вопросов в исследованиях, отличающихся уклоном в лингвистику. Иногда при этом предполагается существование некоего контекста, в котором ответ на этот вопрос применительно к производству метафор рассматривается как условие ответа (или уже сам ответ) на такой же вопрос применительно к их восприятию или интерпретации. Предполагать наличие такого контекста нет никаких веских причин; пожалуй, это предположение даже несостоятельно.

Согласно другому ответу на вопрос о метафорическом значении, всякое значение, которое теоретически прозрачным образом может быть приписано некоему словесному выражению, является буквальным. Этот взгляд отстаивает Дональд Дэвидсон в своей работе, привлечшей большое внимание<sup>176</sup>. По

---

<sup>173</sup> Так, у Айрин Беллен в: *Bellen I. Sherlock Holmes' Interpretation of Metaphorical Texts // Poetics Today. 1980/81. Vol. 2. P. 25–44*, здесь р. 27, читаем: «[...] хотя практически осуществима такая порождающая грамматика, которая перечисляет все „конвенциональные“ высказывания в языке и только их, такая порождающая грамматика, которая бы перечисляла все высказывания, включая метафорические, и только их, представляется теоретически неосуществимой. Не может быть никакого соответствующего алгоритма или рекуррентной функции; не может быть рецепта для креативности в том смысле, о котором я веду речь».

<sup>174</sup> *Kubczak H. Die Metapher. Beiträge zur Interpretation und semantischen Struktur der Metapher auf der Basis einer referentialen Bedeutsungsdefinition. Heidelberg, 1978*, тоже считает, что метафорическая речь следует правилам, а не нарушает их, — но лишь при условии, что у нас «правильное понятие правила».

<sup>175</sup> Ср.: *Beardsley M. Aesthetics. Problems in the Philosophy of Criticism [1958]*, second edition, Indianapolis. Cambridge, 1981. P. 144 ff.; принцип конгруэнтности справедливо критикуется как недостаточно ограничительный в кн.: *Scheffler. Beyond the Letter: A Philosophical Inquiry into Ambiguity, Vagueness and Metaphor in Language. L.; Boston, 1979. P. 99*.

<sup>176</sup> Уже почти необозрима литература, отражающая рецепцию Дэвидсоновой теории языка и дискуссию по ее поводу. В качестве введения можно порекомендовать: *Ramberg B. T. Donald Davidson's Philosophy of Language. Oxford, 1989*;

его утверждению, обладать научной и философской релевантностью метафоры могут, а когнитивным содержанием — нет<sup>177</sup>. Из его теории значения вытекает, что рядом с основным значением не может быть места для вариантов значения (а стало быть, и для метафорического значения), которые удовлетворяют систематическим требованиям, сравнимым с тем, какие выполняет, согласно Дэвидсону, определение буквального значения<sup>178</sup>. Процесс, который исходит из метафор, в отличие от присвоения буквального значения, доступен, как считает Дэвидсон, только каузальному пониманию: метафорическое выражение производит эффекты, но не значения. Теоретическому определению поддается только буквальное значение, пусть и изменчивое. Все остальное видоизменяется лишь в глазах каждого конкретного наблюдателя<sup>179</sup>. Так, во всяком случае,

---

почти так же обстоит дело и с его теорией метафор. См., например: *Black M.* How Metaphors Work: A Reply to Donald Davidson // *Sacks S.* On Metaphor... P. 181–192; *Goodman N.* Metaphor as Moonlighting // *Ibid.* P. 175–180; *Novitz D.* Metaphor, Derrida, and Davidson // *Journal of Aesthetics and Art Criticism.* 1985. Vol. 44. P. 101–114; *Moran R.* Seeing and Believing..., где, в частности, анализируется идея об образности метафоры, то, как она являет что-то взору слушателя; концепция воображения занимает центральное место, например, в: *Davies M.* Idiom and Metaphor // *Proceedings of the Aristotelian Society.* 1982/1983. Vol. 83. P. 67–85; *Crosthwaite J.* The Meaning of Metaphors // *The Australasian Journal of Philosophy.* 1985. Vol. 63. P. 320–335; *Stern J.* What Metaphors Do Not Mean // *Midwest Studies in Philosophy.* 1991. Vol. 16. P. 13–52; *Scholz O.R.* «What Metaphors Mean» and How Metaphors Refer // *Reflecting Davidson* / Ed. by R. Stoecker. Berlin, N.Y., 1993. P. 161–171; *Gaipa M., Scholes R.* On the Very Idea of a Literal Meaning // *Literary Theory After Davidson* / Ed. by R. W. Dasenbrock. University Park, 1995. P. 160–179; *Kittay E.F.* Metaphor as Rearranging the Furniture of the Mind: A Reply to Donald Davidson's «What Metaphors Mean» // *From a Metaphorical Point of View* / Ed. by Z. Radman. Berlin; N.Y., 1995. P. 73–116.

<sup>177</sup> *Davidson D.* What Metaphors Mean [1978] // *Idem.* *Inquiries into Truth...* P. 343–371, здесь р. 367: «Я не признаю, что метафора выполняет свою задачу благодаря тому, что имеет специальное значение, некое специфическое когнитивное содержание».

<sup>178</sup> Есть и другие статьи, где авторы выдвигают аргументы против гипотезы особого или определенного метафорического значения. Например: *Cooper D.E.* *Metaphor.* I., 1986.

<sup>179</sup> В известном смысле тут можно видеть отзвук тех идей, которые уже в 1920–1930-х высказывали логические эмпиристы, см.: *Cohen T.* Metaphor and the Cultivation of Intimacy // *Critical Inquiry.* 1978. Vol. 5. P. 3–12; *Rorty R.* Unfamiliar Noises // *The Aristotelian Society. Suppl.* 1987. Vol. 61. P. 283–296, здесь р. 231. Хотя некоторые из логических эмпиристов сомневались в том, что метафорическое выражение может быть релевантно для наук, оно все же смогло стиму-

выглядит концепция Дэвидсона, если судить по одной только вышеупомянутой статье, и так ее в основном и воспринимали. Хотя более общие рассуждения автора об интерпретации, применительно к выяснению как буквального, так и фигурального значения, также заслуживают внимания; его же концепция метафоры прежде всего страдает тем недостатком, что не способна объяснить «загадку метафоры»<sup>180</sup>: как возможен континуитет в использовании и толковании метафоры? Если осмыслять восприятие и/или интерпретацию метафорического значения как каузальный процесс, то открывается возможность определять континуитет через сходство или равенство исходных ситуаций, однако ввиду того, что релевантность предполагается всякий раз в уникальных ситуациях восприятия, практических последствий эта возможность не имеет.

Названные концепции означают различные предпосылки для изучения метафор в нелитературных текстах и столь же различные возможности сделать это занятие осмысленным. Это относится даже к концепции Дэвидсона, потому что она признает релевантность за метафорическим выражением. Кроме этого, по всей видимости, она имеет одно преимущество перед теми концепциями, которые приписывают метафорам еще и когнитивное содержание, а стало быть, и значение: в отличие от них, она способна объяснить разнообразие приписываемых метафорам значений как каузальные реакции. Это, в свою очередь, гармонирует с постоянно демонстрируемым обилием значений метафор в связи с интуитивным взглядом, согласно которому в истории использования и толкования креативных метафор имеет место всегда принципиально безграничное многообразие значений, пусть и не одновременно, а последовательно реализуемых. Именно это и исключает возможность перефразировать, перевести на иной язык или заметить метафорическое выражение и делает его креативным и уникальным. Эта концепция тоже имеет формулировки разной силы. Наиболее распространенной является довольно сильная

---

ликовать научные открытия — видимо, так же, как печально знаменитая чашка кофе Отто Нойрата.

<sup>180</sup> Об этом выражении см.: *Kronfeld C. Novel and Conventional Metaphors...*, здесь р. 14: «как [...] люди понимают метафоры друг друга и как [...] они производят метафоры таким образом, что те понятны другим».

формулировка: «Отдельное метафорическое выражение может претерпевать бесконечное перефразирование. Если оно достаточно богато, то, даже при том, что его можно перефразировать и истолковать, его нельзя будет полностью „перевести“: не найдется такого заменителя, который скажет все то же самое, что говорит она, без остатка»<sup>181</sup>. Перефразировать и истолковать — можно, перевести (заметим, что это слово взято в кавычки как употребленное в несобственном значении) и заменить — нельзя. На примере этой цитаты, как всегда в литературе о метафорах, видна проблема, от которой не отделаешься, сказав, что она сама метафорична: речь идет о терминологической туманности. Взять хотя бы слово «перефразирование». У Поля Рикера оно употребляется иначе, нежели в процитированной фразе. Он утверждает, что «напряженные метафоры» непереводимы, так как создают новые значения; однако их непереваемость не означает, что их нельзя перефразировать, но эти парафразы бесконечны и не исчерпывают «семантических инноваций» метафорического выражения<sup>182</sup>.

Непереваемость, неперефразируемость или незаменимость считаются (все вместе или по отдельности) критерием определенного рода метафор — креативных. Лишь изредка на фоне различия между «тем, что говорится» и «тем, что имеется в виду» эти свойства признают за метафорическими значениями, но при этом настаивают на том, что тот, кто инициирует метафорическое выражение, может иметь в виду какое-то определенное значение<sup>183</sup>. Прежде всего надо обратить внимание на то, что неперефразируемость, непереваемость

---

<sup>181</sup> См.: *Cohen T. Notes...* P. 250f.

<sup>182</sup> Так, например, в: *Ricoeur P. Parole et Symbole* // *Revue des sciences religieuses*. 1975. Vol. 49. P. 142–161, особенно p. 148. О перефразируемости см. также: *Sheldon M. Metaphor* // *The Philosophical Forum*. 1975. Vol. 7. P. 56–70; *Stewart D. Metaphor and Paraphrase* // *Philosophy and Rhetoric*. 1971. Vol. 4. P. 111–123; *Manns J. W. Metaphor and Paraphrase* // *The British Journal of Aesthetics*. 1975. Vol. 15. P. 358–366; *Turetzky P. Metaphor and Paraphrase* // *Philosophy and Rhetoric*. 1988. Vol. 21. P. 205–219.

<sup>183</sup> См., например: *Bergman M. Metaphorical Assertions* // *Philosophical Review*. 1982. Vol. 91. P. 229–245, здесь p. 231: «Тот факт, что метафоры „порождают“ все новые и новые прочтения, не противоречит, однако, утверждению, что автор вполне может вкладывать в метафору совершенно конкретное когнитивное содержание».

и незаменимость (в каком бы порядке их ни ставить) — выражения составные, которые обретают смысл, только если указаны те аспекты, которые следует сохранить при парафразе, переводе или замене<sup>184</sup>. Требование сохранить все аспекты невыполнимо при метафорическом словоупотреблении точно так же, как и при неметафорическом; всякая парафраза, всякий перевод и всякая замена несовершенны, если учесть всю совокупность возможных контекстов употребления. Кроме того, как правило, имеются в виду переводы не с одного языка на другой, а внутри одного языка<sup>185</sup>. Межъязыковые переводы метафорического выражения всегда возможны — по крайней мере, теоретически, — но и здесь есть некоторые тонкости. Перевод креативных метафор на другой язык должен носить строго буквальный характер, то есть в ходе перевода не должен осуществляться переход значения. Этим метафорическое выражение отличается от идиоматического<sup>186</sup>, ведь все те языковые признаки, что указывают на отклоняющийся характер метафорического выражения, в переводе, как правило, должны быть сохранены. Кроме того, три названных признака не коэкстенсивны, так что ими не обязательно утверждается одно и то же. Если определения этих признаков релятивируются как при буквальном, так и при небуквальном употреблении слова, то в качестве отличительных критериев они могут функционировать лишь в том случае, когда определены свойства, подлежащие сохранению. Это приводит в конечном счете к определению концепции когнитивного содержания, которая должна быть независимой от предполагаемой неперефразируемости, непереводимости и незаменимости буквальным выражением. Без определения этой концепции возможны три варианта. Первый: все эти формулировки приписывает (имплицитно или эксплицитно) креативному метафорическому выражению

---

<sup>184</sup> Относительно перефразируемости это подчеркивает также: *Proft M. Metaphorik und sogenannte Paraphrasen // Metapher, Kognition, künstliche Intelligenz // Hg. von H.J. Schneider. München, 1996. S. 53–81.*

<sup>185</sup> Об этом также: *Newmark P. The Translation of Metaphor // Dirven R., Paprotte W. The Ubiquity of Metaphor... P. 297–326, в том числе p. 312; Kupsch-Loesereit S. Zum Problem der Übersetzbarkeit von Metaphern // Linguistics Antverpiensia. 1977. Bd. 11. P. 127–142.*

<sup>186</sup> Об этом также: *Dammann R.M.J. Metaphors and Other Things // The Aristotelian Society. 1977/1978. Vol. 78. P. 127–140, особенно p. 130 ff.*

некое неясное онтологическое свойство, в силу которого метафорическое выражение не может быть переведено, перефразировано или заменено. Ведь это не может быть эмпирическим утверждением по поводу восприятия некоего конкретного метафорического выражения: наблюдение имевших место до сего момента действий публики, воспринимавшей ту или иную метафору, не позволяет сделать вывод о том, как эти действия продолжатся. Точно так же наблюдение затухающих интерпретативных действий не позволяет говорить о том, что и в будущем данное метафорическое выражение не будут толковать. Второй: дефиниционное приписывание, то есть все, что отвечает данным признакам, есть по определению метафорическое выражение. Тогда это определение метафорического выражения либо мало что дает, либо слишком широко. Третий: это может быть рекомендация так обращаться с определенными метафорами, чтобы как бы воспроизводить их креативность; при этом, однако, неясны причины, почему именно такой способ обращения нужно избирать применительно к определенным метафорам.

Если не установить, в каких именно отношениях непереводаемость, неперефразируемость и незаменимость следует считать критериями креативного метафорического выражения, то нельзя будет, например, утверждать, что парафраза метафоры должна быть асимметричной: если  $P$  — парафраза метафорического выражения  $M$ , то это не исключает, что  $M$  — парафраза  $P$ . Далее, не только метафоры, но и вообще любые небуквальные употребления слов в принципе имели бы более одного возможного перевода или парафразы, а различные метафорические употребления можно было бы перефразировать с помощью одной и той же парафразы. Еще более сложные проблемы возникают, если задаться вопросом о том, *что* может потерять метафора при переводе, перефразировании или замене. Это же есть и вопрос о том, как определяется когнитивное содержание. Соблюдение названных критериев не говорит нам ничего о том, каково когнитивное содержание метафор, оно только определяет, чем это содержание *не* является: например, это не то, что соответствует отношениям непереводаемости, неперефразируемости и незаменимости, существующим между метафорическим и буквальным выражениями.

Так, концепция эмфатической метафоры Макса Блэка была перефразирована следующим образом: «Блэк называет метафоры, не допускающие ни вариации, ни парафразы без утраты смысла, эмфатическими метафорами. [...] Метафоры, которые индуцируют большое количество импликаций, побуждают ко все новым и новым интерпретациям и при этом открывают все новые скрытые импликации, Блэк называет *резонирующими метафорами*»<sup>187</sup>. Нас тут не интересует, насколько это можно считать адекватной парафразой концепции Блэка, который видит потерю в «способности осведомлять и просвещать», а также в «тонком чутье на их сравнительные приоритеты и степени важности», даже используя в одном контексте слово «эмфаза»<sup>188</sup>. Главное здесь — термин «потеря смысла». Чтобы констатировать ее применительно к переводу или парафразе, надо уже знать смысл метафорического выражения<sup>189</sup>. Высказывание, таким образом, относится к своего рода диспозиционно-

<sup>187</sup> *Debatin B. Die Rationalität der Metapher... S. 100.*

<sup>188</sup> Для большей ясности приведем более пространную цитату из этого пассажа: «Предположим, что мы захотели передать когнитивное содержание “метафоры взаимодействия” “простым языком”. Мы, конечно, с успехом можем назвать некоторое количество релевантных связей между двумя субъектами [...] Но полученные неметафорические утверждения не обладают и половиной проясняющей и информирующей силы оригинала. Импликации, выделение и упорядочение которых согласно степени их приоритета и важности составляло приятную обязанность самого читателя, теперь все предъявлены ему открыто — и как бы имеют равный статус. Буквальная парафраза неизбежно говорит слишком много, причем с неправильной эмфазой. Я особенно хочу подчеркнуть, что в данном случае речь идет о потерях в когнитивном содержании. Недостатки буквальной парафразы заключаются не в утомительном многословии, чрезмерной эксплицитности и дефектах стиля, а в том, что она лишена того проникновения в суть вещей, которое свойственно последней». *Блэк М. Метафора ... С. 170.* Это соответствует тому, что писал еще Штелин, — *Stöhlín. Zur Psychologie und Statistik... S. 346*: «Изъясняясь прямо, всегда можно было бы лишь назвать, обозначить те отношения, настроения, взаимосвязи, нюансы мысли и чувства, которые метафора порождает в сознании. Так стенография-метафора сообщает нам то, чего самые подробные слова не смогли бы сообщить».

<sup>189</sup> По всей видимости, в процитированном пассаже Блэк сравнивает воздействие на реципиента метафоры с воздействием ее дословного перевода и после этого формулирует свои утверждения. Прежде всего надо сказать, что это относится только к одному отдельно взятому реципиенту метафоры. Отсюда — дистанция огромного размера до часто встречающегося утверждения, будто парафраза или перевод «по необходимости упускают часть смысла метафоры», — *Ortony A. et al. Metaphor... P. 922.*



му свойству метафорического словоупотребления — его способности «побуждать ко все новым и новым интерпретациям» или порождать «множество импликаций». Совершенно очевидно, что этим не объясняется, почему метафорическому выражению присущи такие диспозиционные свойства (не говоря уже об общих проблемах, связанных с тем, как устанавливать диспозиционные свойства). Ссылка на то воздействие, которое оказывает метафорическое выражение, в отличие от буквального, на реципиента, прежде всего создает лишь новые проблемы. Если говорится — наверное, справедливо, — что понимание метафор есть активный процесс, который требует от читателя творческого интерпретативного усилия, то возникает вопрос, какое же понимание текстуальных свидетельств не представляет собой такого усилия. Конечно, есть процессы, которые можно описать как рутинное и конвенциональное восприятие значений, но для всякого профессионального понимания текстов (будь то метафорических или нет) утверждать этого нельзя.

Если мы хотим добиться смысла от многочисленных эмфатических рассуждений о креативности метафор, то, вероятно, прежде всего это будет утверждение, отрицающее возможность того, что буквальность и метафоричность в строгом смысле слова зависимы от контекста, то есть что любая последовательность знаков (как макрофизический предмет) в принципе может быть как буквальной, так и метафорической (в том числе и в некоем определенном, но естественном языке). Это, на мой взгляд, показывает, что значительная доля работ о метафоре — особенно философских — нацелена на проблему, по сравнению с которой вопрос о метафорическом словоупотреблении является вторичным. Выполнение таких критериев, как неперифразируемость, непереводаемость или незаменимость, истолковывается как проявление креативного свойства, якобы присущего определенному, особенному способу выражения. Предположение, будто существует такой способ, вытекает из более общего предположения, что вообще существует креативное употребление языка (мы сейчас не говорим о так называемых метафорах-инопиях, которые как бы заполняют лексические лакуны<sup>190</sup>). Это, в свою очередь, призвано объяснить,

<sup>190</sup> Об этом писал еще Аристотель — *Аристотель. Поэтика*... 1457b 27/28.

почему существует как языковая, так и когнитивная инновация. Большое количество работ в дискуссии о метафорах ориентировано, таким образом, на решение философской проблемы, а именно – на объяснение возникновения нового (обладающего иными свойствами, чем сумма составивших его частей). Вследствие этого в некоторых вариантах креационистской интерпретации метафоры только метафорическому выражению приписывается свойство креативности, однако ни одно конкретное метафорическое выражение не может быть идентифицировано в качестве такового. Речь идет об эффекте, производимом конкретной метафорой на конкретного реципиента, но он не может быть разными реципиентами приписан одному и тому же метафорическому выражению.

Минимальной предпосылкой для разрешения проблемы креативности метафор является возможность оценивать разные метафоры, потому что не всякое небуквальное выражение, которое не поддается парафразе, переводу или замене, может считаться креативным выражением, ведь в противном случае можно было бы утверждать, что креативность подчиняется правилам, а это противоречило бы одной из посылок; метафоры, созданные компьютером, – прекрасный тому пример<sup>191</sup>. В самом деле, постоянно слышатся утверждения, что метафорическое выражение или словоупотребление можно назвать метафорически истинным<sup>192</sup>. Как и в случае с буквальным словоупотреблением, следует разделять метафорическую истин-

---

<sup>191</sup> У Эко в: *Eco U. Semiotica...* сказано: «Не существует никакого алгоритма для метафоры, и ее невозможно породить с помощью компьютера». Эко, пожалуй, несколько недооценивает возможности даже очень простых компьютерных программ, симулирующих метафорическое словоупотребление. Об этом см., в частности: *Coetzee J.M. Surreal Metaphors and Random Processes // Journal of Literary Semantics*. 1979. Vol. 7. P. 22–30; *Hedges I. Surrealist Metaphor: Frame Theory and Compositional Analysis // Poetics Today*. 1983. Vol. 4. P. 275–295; *Russell S.W. Information and Experience in Metaphor: A Perspective From Computer Analysis // Metaphor and Symbolic Activity*. 1986. Vol. 1/4. P. 227–270.

<sup>192</sup> Это существенная составляющая экстенционалистской концепции метафоры, которую представляют Нельсон Гудмен и другие, – см.: *Goodman N. Sprachen der Kunst...* S. 72–92; *Idem. Vom Denken und anderen Dingen [Of Mind and Other Matters]*. Frankfurt a. M., 1987. S. 83 ff.; *Elgin C.Z. With Reference to Reference*. Indianapolis, 1983. P. 59–70, 146–164; *Idem. Metaphor and Reference // Radman Z. From a Metaphorical...* P. 53–72; *Idem. Considered Judgement*. Princeton, 1996, в частности p. 196 ff.; *Scheffler. Beyond the Letter...*

ность выражения и его действенность<sup>193</sup>. Я здесь обхожу вопрос о том, на каком «языке» задается третий член (критерий сравнения, то, в чем совпадают две сравниваемые вещи) для такого сравнения, потому что трудности, которые в связи с этим возникают, становятся заметны уже тогда, когда мы снова проводим испытание отрицанием: отрицание метафорически истинного выражения само может быть метафорически истинным. А вот отрицание ложного метафорического выражения, похоже, часто оказывается истинным. Проблема заключается в том, как определять, что считать ложным метафорическим выражением. По всей вероятности, надо также креативный характер метафор отделять от их истинности и различать хорошие метафорические выражения и плохие, то есть необходима критика употребления метафор. Когда подчеркивают креативный характер, часто упускают из внимания, что метафора может обладать не только креативными, но и соблазняющими качествами<sup>194</sup>, и, как подчеркивает Блюменберг, она есть не только «предварительная фаза» или «база» для образования понятий, «но также и препятствует таковому, и сворачивает его на путь своих суггестий»<sup>195</sup>. В общем и целом, единственное, что предлагается, — это всего лишь моральный призыв

---

<sup>193</sup> См.: Goodman N. Sprachen der Kunst... S. 83: «Истинность метафоры, конечно, не гарантия ее действенности».

<sup>194</sup> Я не стану здесь разбирать многочисленные метафоры, которые используются для обоснования политических и расистских взглядов и мотиваций; посредством метафоры можно перенести очень многое — в том числе и видимость авторитета — из области, скажем, биологии в социальную область (на эту тему имеется значительная исследовательская литература). Но метафора может и ослаблять установки по отношению к исходной области — вспомним, например, инфляцию, которую претерпело от чрезмерного употребления слово «насилие», так что теперь уже даже понимание других людей или текстов представляет собой «применение насилия» (в соответствии с интеракционистской теорией метафоры и геноцид или насилие по отношению к женщинам представили бы в куда более безобидном свете). О метафоре как средстве убеждения существует множество работ, из которых назовем: Johnson J.T., Taylor S.E. The Effect of Metaphor on Political Attitudes // Basic and Applied Social Psychology. 1981. Vol. 1. P. 305–316; Bosman J. Persuasive Effects of Political Metaphors // Metaphor and Symbolic Activity. 1987. Vol. 1. P. 97–113; Graesser A.C. et al. Metaphors in Persuasive Communication // Comprehension of Literary Discourse / Ed. by D. Meutsch, R. Viehoff. Berlin, 1989. S. 131–154.

<sup>195</sup> Blumenberg H. Beobachtungen... S. 212.

сопротивляться метафорическому фундаментализму<sup>196</sup>, или же существовавшие до сих пор научно-теоретические критерии выставляются в качестве прагматических критериев оценки истинности или приемлемости<sup>197</sup>.

Если отделить вопрос о метафорическом выражении от философской проблемы возникновения нового или если признать, что эту проблему нельзя решить с помощью определения метафорической силы языка, то появляется возможность посмотреть более непринужденно на метафорическое словоупотребление, которое при этом возвращается в ту область, откуда оно произошло: область герменевтики. Главное требование к герменевтике метафор будет в таком случае заключаться именно в том, чтобы она могла указать границу значения, в том числе и для метафорических выражений, в каждой конкретной ситуации.

#### IV

Прежде чем я обращусь к тому, *что* могут дать метафоры в качестве инструмента в руках историка философии и науки, мне хотелось бы привести пример, вдохновленный последними дискуссиями о метафорах; это будет своего рода «разрушительная часть рассуждения», с помощью которой можно четче очертить ожидания, возлагаемые на данный предмет. Ричард

---

<sup>196</sup> См.: *Lakoff G., Johnson M. The Metaphorical Structure of the Human Conceptual System // Perspectives on Cognitive Science / Ed. by D.A. Norman. Norwood, 1981. P. 193–206, здесь p. 206: «Когда одна метафора не позволяет понять различные аспекты некоей идеи, люди обычно имплицитно привлекают множество метафор [...]». Эти грозди метафор имеют целью обеспечить лучшее понимание, чем могла бы дать любая метафора по отдельности [...] если мы будем настаивать на том, чтобы только последовательно расширять какую-то одну метафору, мы можем не заметить каких-то аспектов реальности, которые эта метафора игнорирует или скрывает [...]». Мораль: когнитивным наукам следует отдавать себе отчет в используемых ими метафорах, задумываться о том, что те скрывают, и быть готовыми к принятию альтернативных метафор — даже если они не согласуются с теми, которым отдается предпочтение сейчас». См. также — в ином контексте: *Spiro R.J. et al. Multiple Analogies for Complex Concepts: Antidotes for Analogy-Induced Misconception in Advanced Knowledge Acquisition // Similarity and Analogical Reasoning / Ed. by S. Vonsiadou, A. Ortony. Cambridge, 1989. P. 498–531.**

<sup>197</sup> См. также: *Arbib M., Hesse M. The Construction..., особенно p. 154 ff.; Hesse M. Die kognitiven Ansprüche...*

Рорти, один из наиболее выдающихся современных американских философов<sup>198</sup>, пишет по поводу заглавия своей книги «Философия и зеркало природы», воспринятой с единодушным восхищением: «Именно образы, а не суждения, именно метафоры, а не утверждения определяют большую часть наших философских убеждений. Образ, пленником которого является традиционная философия, представляет ум в виде огромного зеркала, содержащего различные репрезентации, одни из которых точны, а другие — нет. Эти репрезентации могут исследоваться чистыми неэмпирическими методами. Без представления об уме как огромном зеркале понятие точной репрезентации не появилось бы. Без этого представления картезианско-кантовская стратегия философского исследования — стратегия, направленная на получение все более точных репрезентаций посредством, так сказать, осмотра, починки и полировки зеркала, — не имела бы смысла»<sup>199</sup>.

Хотя Рорти на момент написания своего труда, видимо, еще не ознакомился с идеями Блюменберга<sup>200</sup>, сходство налицо. Блюменберг, как уже было показано выше, говорит о том, что выбранная в качестве фокуса метафора не обязательно должна сама присутствовать в тексте. Рорти, правда, интересуют не только отдельные тексты: он охватывает целую фазу истории философии, которой с помощью одной центральной метафо-

<sup>198</sup> Во введении к интервью с Ричардом Рорти, опубликованном в: *Olson G.A. Social Construction and Composition Theory: A Conversation with Richard Rorty // (Inter)-views: Cross-disciplinary Perspectives on Rhetoric and Literacy / Ed. by G.A. Olson, I. Gale. Carbondale, Edwardsville, 1991. P. 127–240, здесь p. 227: «Нет сомнений в том, что Ричард Рорти — один из наиболее влиятельных и новаторских американских философов, работающих в наше время». А в: *Bernstein R.J. Philosophy in the Conversation of Mankind // Hermeneutics and Praxis / Ed. by R. Hollinger. Notre Dame, 1985. P. 54–86, здесь p. 54, читаем: «Одна из самых важных и стимулирующих мысль книг, какие были опубликованы за последние десятилетия американскими философами».**

<sup>199</sup> *Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton, 1979 (рус. изд.: Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997. С. 12).*

<sup>200</sup> Ричард Рорти, наверное, познакомился с идеями Блюменберга только после выхода английского перевода его книги — *The Legitimacy of the Modern Ages* — в 1983 году (потом сравнительно быстро вышло еще несколько переводов). Ссылка на эту книгу встречается в: *Rorty R. The Historiography of Philosophy: Four Genres // Philosophy in History / Ed. by R. Rorty et al. Cambridge, 1984. P. 49–75, здесь p. 56 f., прим. 4.*

ры можно приписать внутреннее единство. Ни у Декарта, ни у Канта, о которых идет речь в приведенной здесь цитате, насколько мне известно, вообще не встречается метафора зеркала<sup>201</sup>. У Декарта, как и у многих других авторов XVII века, кандидатом на роль центральной метафоры, скорее, могло бы считаться выражение «свет разума», но можно ли считать его — в языке той эпохи — действительно метафорой? Уже при поверхностном просмотре картезианского письменного наследия должно было бы броситься в глаза обилие метафор, связанных с архитектурой и с путешествием<sup>202</sup>. Рорти щедро говорит не

<sup>201</sup> Кант — один из тех многих философов, чьи метафоры нечасто становятся предметом внимания исследователей. См., например: *Tarbet D. W. The Fabric of Metaphor in Kant's Critique of Pure Reason // Journal of the History of Philosophy*. 1968. Vol. 6. P. 257–270; больше всего внимания досталось, видимо, его метафоре «коперниканского переворота», — правда, не столько с исторической точки зрения, сколько в порядке характеристики его мышления, см.: *Kaulbach F. Die Copernikanische Denkfigur bei Kant // Kant-Studien*. 1973. Bd. 64. S. 30–48, а также рецепцию у: *Gerhardt V. Kants kopernikanische Wende // Ibid.* 1987. Bd. 78. S. 133–152; *Laserna M. Kantian Epistemology: A Copernican or a Thalesian Revolution? // Philosophia Naturalis*. 1987. Vol. 24. P. 157–184; возражения — прежде всего у: *Hanson N.R. Copernicus' Role in Kant's Revolution // Journal of the History of Ideas*. 1959. Vol. 20. P. 274–281; в: *Blumenberg H. Die Genesis der kopernikanischen Welt*. Frankfurt a. M. (1975, 1981) 1996 (2. Aufl.). S. 691–713, справедливо отмечается (s. 706): «Именно потому, что Кант в своем самосознании не представляет того, что привело к формуле „коперниканской революции“, необходимо рассматривать этот знаменитый текст как риторическое средство, как метафору». Однако Кант играет значительную роль в качестве поставщика идей для теории метафор — см., наряду с работами Блюменберга, также, например: *Johnson M. A Philosophical Perspective...* P. 57–65, или: *Nuyen A.T. The Kantian Theory of Metaphor // Philosophy and Rhetoric*. 1989. Vol. 22. P. 95–109.

<sup>202</sup> Что касается Рене Декарта, для которого, несомненно, тоже не существует философии без риторики (об этом писал еще: *Gouhier H. La résistance au vrai dans une philosophie sans rhétorique* [1956] // *Idem. La pensée métaphysique de Descartes*. P., 1962. P. 91–112, а также: *Carr T.M. Descartes and the Resilience of Rhetoric: Varieties of Cartesian Rhetorical Theory*. Carbondale, Edwardsville 1990), то риторический анализ его текстов еще не вышел за пределы зачаточной стадии; образцовое начало было положено в: *Ginsburg R. Text and Argument in Descartes's First and Second Meditations // Acta Conventus Neo-Latini Sanctandreami / Ed. by T.D. McFarlane*. Binghamton, N.Y., 1986. P. 343–350; о стиле и метафорике — *Tonau H. Syntaktische und stilistische Studien zu Descartes*. Leipzig, 1900; *Edelman N. The Mixed Metaphor in Descartes // The Romanic Review*. 1950. Vol. 41. P. 167–178; *Schildknecht C. Philosophische Masken. Studien zur literarischen Form der Philosophie bei Platon, Descartes, Wolff und Lichtenberg*. Stuttgart, 1990; *Spoerri T. La puissance métaphorique de Descartes*. P., 1958.

только обо всем XVII столетии. Не делая действительно репрезентативной выборки, можно утверждать, что, хотя метафорика зеркала в английской литературе нашла широкое распространение<sup>203</sup>, в XVII веке она, видимо, еще не играла в философском контексте особо выдающейся роли. Джон Локк в своем «Опыте о человеческом разумении» использовал (с разной частотой) по крайней мере полдюжины видов метафор для процесса познания, в том числе и метафору зеркала, но — всего дважды. Наиболее часто встречаются у него метафоры, разрабатывающие те или иные элементы судоходства<sup>204</sup>.

<sup>203</sup> См.: *Grabes H. Speculum, Mirror und Looking-Glass. Kontinuität und Originalität der Spiegelmetapher in den Buchtiteln des Mittelalters und der englischen Literatur des 13. bis 15. Jahrhunderts. Tübingen, 1973.* Хотя в этом исследовании содержится масса материала, оно, в соответствии со своим подзаголовком, носит узкоспециальный характер и почти не затрагивает тексты за пределами художественной литературы. Примерно так же, как и у Ричарда Порти, в: *Abrams M.H. The Mirror and the Lamp: Romanticism and the Critical Tradition. N.Y., (1953) 1958*, зеркало (*mirror*) и лампа (*lamp*) выступают в качестве центральных метафор, которые призваны внести некоторый порядок в приводимый материал. Кроме этого, у Абрамса говорится (р. 31): «живая или отжившая» метафора «есть неотъемлемая часть всякого дискурса, включая и такой дискурс, цель которого не в убеждении и в эстетике, а в дескрипции и информации. В частности, метафизические системы являются глубоко метафорическими [...]. Даже традиционный язык естественных наук не может претендовать на полную буквальность [...]. Потому что факты — это *facta*, т.е. вещи, в такой же мере сделанные, в какой и найденные, и сделаны они отчасти по аналогиям, через которые мы глядим на мир как через линзу». Порти не упоминает эту книгу Абрамса (однако очевидно ее влияние на его высокую оценку подлинной креативности поэтов-романтиков). Кроме этого вышло, похоже, мало работ об этой метафоре — назовем: *Leisegang H. Die Erkenntnis Gottes im Spiegel der Seele und der Natur // Speculum. 1954. Bd. 29. S. 100–115*; *Nolan E.P. Now Through a Glass Darkly: Specular Images of Being and Knowing from Virgil to Chaucer. Ann Arbor, 1990*; *Konersmann R. Lebendige Spiegel: die Metapher des Subjekts. Frankfurt a. M., 1991*.

<sup>204</sup> Хотя D.B. Paxman («Adam in a Strange Country»: Locke's Language Theory and Travel Literature // *Modern Philology. 1995. Vol. 92. P. 460–481*) рассматривает значение литературы о путешествиях и феномена чужести в работах Локка, он мало внимания обращает на выделяемый здесь аспект. В 1681 году тогдашний секретарь Королевского «Общества» Роберт Хук попытался инициировать сбор описаний путешествий. Путешественников предполагалось инструктировать по вопросам методики систематического наблюдения; см.: *Hooke R. Preface // Knox R. Historical relation of the Island of Ceylon [...]. L., 1681. A 2r ff.* Еще ранее Ян Амос Коменский в обращенной к Королевскому Обществу посвяительной надписи своего «Пути света» говорит в тех же терминах — см.: *Comenius J. A. Der Weg des Lichts. Via Lucis [1668] / Eingeleitet, übersetzt und mit*

То же самое можно сказать и о Бэконе<sup>205</sup>, вопреки афоризму 41 в «Новом органоне». Во всяком случае, метафора зеркала у него не выступает на передний план сильнее, нежели другие использованные им метафоры когнитивных процессов<sup>206</sup> —

Anmerkungen versehen von U. Voigt. Hamburg, 1997. S. 18: «Воистину, для этого универсального предприятия (которое нацелено на то, чтобы споспешествовать благу народов), нам нужна не одна уключина, но целая лодка, на которой можно было бы отправить груз света, мира и истины ко всем континентам и островам круга земного. Всдъ недостаточно будет предпринять изучение вещей вне нас; искать надо нечто гораздо большее — истину вещей в нас и истину Царства Божьего для нас». — Дело, однако, далеко не всегда ограничивалось современным мореплаванием; не менее популярен был образ античного корабля, — например, корабля Тесея, вновь и вновь восстанавливаемого из обломков: его, по понятным причинам, применяли в контексте проблемы идентичности. Из примеров назовем лишь: *Clauberg J. Metaphysica de Ente, Quae recti Ontosophia, aliarum Disciplinarum, ipsius quoque jurisprudentiae à Literarum, studiosis accommodata* // *Idem. Opera omnia...* P. 177–340. Cap. XVIII. § 295. S. 332.

<sup>205</sup> Ср.: *Bacon F. Novum Organum* [1620] // *Idem. The Works [...]* / Collected and edited by J. Spedding et al. Vol. 1. New edition. L., 1889. P. 147–365 (англ. пер. — *Ibidem. Vol. IV. L., 1890. P. 7–248*, рус. пер.: *Бэкон Ф. Новый Органон...* [1620] // Он же. Сочинения: В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 7–214, здесь с. 17], где он сравнивает человеческий разум с кривым зеркалом (*False mirror*): «Ум человека уподобляется неровному зеркалу, которое, примешивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривленном и обезображенном виде». Искажающий характер зеркала (с постоянной ссылкой на Новый Завет — 1 Кор. 13, 12) играл большую роль в библейской герменевтике и не только в ней, начиная со Средневековья: «Мы видим то через загадочное зеркало, то лицом к лицу». Так, например, для Гуго Сен-Викторского загадкой является само Священное Писание: «Оно дает человеку тот образ, который он видит в вере. Но оно есть загадка, потому что его смысл не доступен в открытом виде, но скрыт за непосредственным смыслом буквы. Зеркало, в котором человек зрит образ, — это его сердце. Однако сердце человеческое лишь тогда действительно является зеркалом, в котором он может видеть образ и понимать скрытый смысл Священного Писания, когда оно чисто и не замутнено, то есть когда человек снова открыт Богу, для чего и был предназначен творением», — так резюмирует мысль Гуго. См.: *Ernst S. Gewißheit des Glaubens. Der Glaubenstraktat Hugos von St. Viktor als Zugang zu seiner theologischen Systematik*. Münster, 1987. S. 79. Уже Ансельм Кентерберийский сравнивал «человеческий разум» (*mens humana*) с зеркалом (*Anselmus Cantuariensis. Monologion* // *Idem. Opera omnia* / Recensuit F.S. Schmitt. Seckau, 1938. Bd. 1. 77. 27–78, 1): «Наиболее уместно можно назвать его [sc. разум] зеркалом самого себя, в котором отражается, так сказать, тот его образ, который лицом к лицу увидеть невозможно»: человеческий разум представляется отражением абсолюта.

<sup>206</sup> Метафорическая формулировка Фрэнсиса Бэкона «сломанное знание» (*knowledge broken*) дала повод для всякого рода спекуляций, как, например, у: *Hattaway M. Bacon and «Knowledge Broken»: Limits for Scientific Method* //



например, из области опять-таки судоходства<sup>207</sup>, а также охоты<sup>208</sup>, театра (театральные метафоры очень любили в те времена)<sup>209</sup> и, не в последнюю очередь, юриспруденции<sup>210</sup>.

Однако не все возникает из этого метафорического поля, как на первый взгляд кажется критику науки. Например, мнение, что Бэкон, применявший такие выражения, как *ars inquisitionis* (искусство исследования), хотел якобы вздернуть «природу» «на дыбу», поскольку метод его предполагает не только пассивное наблюдение, но является «строгим инквизитор-

Journal of the History of Ideas. 1978. Vol. 39. P. 183–197. В качестве противоядия можно порекомендовать: *Horton M.* Bacon and Knowledge Broken: An Answer to Michael Hattaway // *Ibid.* 1981. Vol. 43. P. 487–504; о других метафорах у Бэкона см.: *Jonston A.* Introduction // *Francis Bacon The Advancement of Learning* and *New Atlantis*. Oxford, 1974. P. I–XXV, особенно р. VII–XX; *Schildknecht C.* Experiments with Metaphors: On the Connection Between Scientific Method and Literary Form in Francis Bacon // *Radman Z.* From a Metaphorical... P. 27–50; *Idem.* «Ideen-Körner austreuen» – Überlegungen zum Verhältnis von Metapher und Methode bei Bacon und Lichtenberg // *Danneberg L.* et al. Metapher... P. 196–215; *Kindervater J.* Die Bildersprache in Francis Bacon's Essays and Advancement of Knowledge. Phil. Diss. Göttingen, 1921; в более широком контексте – *Engell J.* The Creative Imagination: Enlightenment to Romanticism. Cambridge, L., 1981, особенно Chap. II; *Park K.* Bacon's Enchanted Glass // *Isis*. 1984. Vol. 74. P. 290–302; *Jardine L.* Francis Bacon, Discovery and the Art of Discourse. Cambridge, 1974, особенно Chap. VII.

<sup>207</sup> См.: *Konersmann R.* Francis Bacon und die «Große simple Linie». Zur Vorgeschichte der perspektivistischen Metaphorik // *Perspektiven des Perspektivismus* // Hg. von V. Gerhardt, N. Herold. Würzburg, 1992. S. 33–57.

<sup>208</sup> Вспомним бэконовскую «охоту Пана». О метафоре охоты в ту эпоху: *Eamon W.* Science as a Hunt // *Physis*. 1994. Vol. 31. P. 393–443. Далее у Бэкона – взаимосвязь путешествия (*journey*) и открытия (*discovery*), об этом: *Vickers B.* Francis Bacon and Renaissance Prose. Cambridge, 1968. P. 179–186, или у Дж. Бруно – об этом: *Fellmann.* Giordano Bruno und die Anfänge des modernen Denkens // *Die Pluralität der Welten* // Hg. von W.-D. Stempel, K. Stierle. München, 1987. S. 449–488.

<sup>209</sup> См.: *Vickers B.* Bacon's Use of Theatrical Imagery // *Francis Bacon's Legacy of Texts* / Ed. by W. A. Sessions. N. Y., 1990. P. 171–213; о популярности этой метафоры см., в частности: *Demandt A.* Metaphern für Geschichte, Sprachbilder und Gleichnisse im historisch-politischen Denken. München, 1978. Kap. VI; *Christian L. G.* Theatrum mundi: the History of an Idea. N.Y., 1987.

<sup>210</sup> О связях с юриспруденцией см.: *Simonds R. T.* Bacon's Legal Learning: Its Influence on His Philosophical Ideas // *McFarlane T. D.* Acta Conventus... P. 493–501; *Cardwell K. W.* Francis Bacon, Inquisitor // *Sessions W. A.* Francis Bacon's Legacy... P. 269–289; *Martin J.* Francis Bacon, The State and the Reform of Natural Philosophy. Cambridge, 1992. P. 72–104.

ским»<sup>211</sup>. Мишель Фуко затем деформировал это представление на пыточной скамье своего спекулятивного гения, имея в виду не в последнюю очередь Бэкона<sup>212</sup>. Сторонники этого мнения упускают из внимания, что Бэкон много размышлял о форме изложения своих идей и наиболее подходящей формой счел афоризм<sup>213</sup>, а также то, что он говорил об *ars inquisitionis seu inventionis* (искусстве исследования или нахождения), где слово «seu» (или) выражает синонимичность двух понятий и тем самым продолжает линию терминологической традиции теорий метафоры и логик того времени. Упускают они из виду и тот факт, что предположение о юридическом контексте в данном случае неубедительно, если учесть то обстоятельство, что такие выражения, как *inquisitio* (исследование) — или «*Topica inquisitionis*» (топика исследования), как был назван один из трактатов Бэкона о физике цвета, — часто использовались применительно к естествознанию до Бэкона, причем у авторов, которые не давали повода видеть в этом юридическую метафору или истязание человеческой природы экспериментами,

<sup>211</sup> Такую интерпретацию подготавливал уже: Cassirer E. Die platonische Renaissance in England und die Schule von Cambridge. Leipzig, 1932. S. 34 f. (в главе о Бэконе в: *Idem*. Das Erkenntnisproblem in der Philosophie und Wissenschaft der neueren Zeit. Bd. II. [1907, 1922]. Darmstadt, o. J. S. 3–28 — он явно еще смотрел на это иначе). Неоднозначно смотрит на это Н. Blumenberg (Paradigmen... S. 34 f.); применительно к Ньютону Геге использует выражение «мрачная эмпирико-механико-догматическая камера пыток».

<sup>212</sup> «Начиная с XIV столетия эта “инквизиторская” модель, которая сдвигается и постепенно перестраивается, становится основанием одной из инстанций формирования эмпирических наук. Связанное — или не связанное — с экспериментированием или посздками расследование, которое пребывает в резком контрасте с привычным авторитетом традиции и с разрешением спора посредством символического испытания, уже скоро начинает применяться в научных практиках [...], теоретически разрабатываться в методологической рефлексии (Бэконом-администратором), переноситься в разные типы дискурса (расследование как форма анализа в противоположность эссе, медитации, трактату)» и т.д. — цит. из лекции «Теории наказания и пенитенциарные институты» (1971–1972) по: *Kremer-Marietti A. Michel Foucault — Der Archäologe des Wissens. Mit Texten von Michel Foucault* [франц. изд. 1974]. Frankfurt a. M., B., Wien, 1976. S. 200f.

<sup>213</sup> Об этом прекрасно написал (в частности, обозначив отличия бэконовского понимания афоризма от современного): *Clucas S. “A Knowledge Broken”: Francis Bacon’s Aphoristic Style and the Crisis of Scholastic and Humanist Knowledge-systems // English Renaissance Prose: History, Language, and Problems / Ed. by N. Rhodes. Temple, 1997. P. 147–172.*

как это делали Филипп Меланхтон и его ученики<sup>214</sup>. Речь в конечном счете идет о вполне обычном для схоластической философии словоупотреблении — вспомним, например, понятие *dialectica inquisitiva* (исследующая диалектика) у Иоанна Солсберийского<sup>215</sup> или «Пролог» абеляровского «Да и нет»<sup>216</sup>, то есть еще до употребления этого выражения в юриспруденции<sup>217</sup>.

Этими примерами я не имею в виду создать такое впечатление, будто есть какие-то априорные противопоставления против

<sup>214</sup> Приведем лишь один из множества примеров: *Melanchthon P., Eber P. De doctrina physica* [1550] // *Melanchthon. Opera Quae Superstunt Omnia* [...]. Vol. XI. Halis Saxorum, 1843. (= CR 11). Sp. 932–939, здесь sp. 933: «И меня не волнуют сегования [тех], кто, изображая набожность, протестуют против изучения природы (*naturae inquisitionem*) и громко заявляют, что ум свой выводят из книг, которые Господь поведал Своим голосом». Этому соответствует пассаж у влиятельного ученика Меланхтона — Николауса (Нильса) Геммингсена: *Hemming-sen N. De Methodis Libri Dvo, quorum omnium methodorum universalium et particularium, quarum usus est in Philosophie, breuem ac dilucidam declarationem: Posterior vero Ecclesiasten siue methodum theologicam interpretandi, concionandique continet* [1555]. Lipsiae, 1565. Lib. prim. P. 6sq: «Аристотель видел цель диалектики в изучении истины (*inquisitionem veritatis*), которая обретается в споре или размышлении».

<sup>215</sup> Ср.: *Joannes Sarisberiensis. Metalogicon* [1159] // *Idem. Opera Omnia*. Parisiis, 1855 (= PL 193). Col. 825–946, здесь lib. II. Cap. 13. Col. 870: «А когда диалектика — исследующая (*dialectica inquisitiva*), ей открыт путь к принципам всех методов; если какое-либо искусство имеет какие-то свои методы, которые мы можем фигурально истолковать как подходы или подступы, и обретается методом исследования, то и достанется плод знания тому, кому не нравится усердно задавать вопросы».

<sup>216</sup> См.: *Abaelardus Sic et Non* [1132] // *Idem. Opera...* Col. 1330–1610, здесь col. 1349b [рус. пер.: *Абеляр II. Пролог к «Да и Нет»* // <http://nlib.iatp.org.ua/www/nlib.php?cat=02/01/003> © РХГИ, 1996–2001]: «Ибо, сомневаясь, мы приходим к исследованию; исследуя, достигаем истины. Согласно чему и сама истина говорит: «Ищите и отыщите, стучитесь и откроется вам» (Мф. 7:7)».

<sup>217</sup> Такие отождествления связаны с мифом об «инквизиции»; в юридическом контексте это слово изначально стало употребляться, когда была введена процедура, призванная облегчать возбуждение судебного процесса против представителей высшего клира (прежде процесс мог быть возбужден только истцом, теперь — специальным органом). Позднее (особенно во Франции) применение этого понятия было расширено в связи с преследованием еретиков. Пытка не представляла собой неперемкнутого атрибута инквизиционного процесса и использовалась не только в нем. Ясность в эту сложную тему вносят работы: *Trusen W. Der Inquisitionsprozeß. Seine historischen Grundlagen und frühen Formen* // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonische Abteilung*. 1988. Bd. 74. S. 168–230; *Idem. Von den Anfängen des Inquisitionsprozesses zum Verfahren bei der inquisitio haereticae privatatis* // *Die Anfänge der Inquisition im Mittelalter* // Hg. von P. Segel. Köln; Weimar; Wien, 1993. S. 39–76.

того, чтобы предположить существование каких-то центральных и фоновых метафор, которые в текстах не проявляются эксплицитно<sup>218</sup>; на герменевтический заряд такого предположения я уже указывал применительно к Блюменбергу. Но как раз этого-то и нельзя утверждать применительно к Рорти. Ведь он принимает теорию метафоры Дэвидсона, и для него, как гласит название одной статьи, метафоры — лишь «незнакомые звуки»<sup>219</sup>. В такой системе предпосылок, как та, в которой разрабатывает свои истории метафор Блюменберг, утверждение об удаленном действии метафор может быть осмысленным и, пожалуй, даже убедительным. Хотя в ушах постмодерна гремят самые разные голоса из текстов, все-таки даже звучащая трансцендентально формулировка метафоры зеркала у Рорти (словно бы условие возможности определенных эпистемологических воззрений<sup>220</sup>) — не может при данных предпосылках нейтрализовать проблему для такой истории метафор: спрашивается, как по теории Дэвидсона, который сравнивает воздействие метафоры с ударом по голове, вызывающим в ней некую реакцию<sup>221</sup>, — как по этой теории метафора может привести к какому-то каузальному эффекту, не присутствуя физически в

<sup>218</sup> Эту тему можно раскрыть более адекватно с точки зрения истории науки, чем это делает Рорти, — это показывает вышедшее в то же время исследование: *Yolton J. W. As in a Looking-Glass: Perceptual Acquaintance in Eighteenth-Century Britain* // *Journal of the History of Ideas*. 1979. Vol. 40. P. 207–234, а также (тоже в полемике с Рорти): *Idem. Perceptual Acquaintance from Descartes to Reid*. Minneapolis, 1984; *Idem. Mirrors and Veils, Thoughts and Things: The Epistemological Problematic* // *Reading Rorty: Critical Responses to Philosophy and the Mirror of Nature (and Beyond)* / Ed. by A. R. Malachowski. Oxford, 1990. P. 58–73.

<sup>219</sup> Ср.: *Rorty R. Unfamiliar Noises...* Позже он говорил о «так сказать, голозе извне логического пространства» — см.: *Idem. Philosophy as Science, as Metaphor, as Politics* [1989] // *Idem. Essays on Heidegger and Others. Philosophical Papers*. Vol. 2. Cambridge, 1991. P. 9–26, здесь p. 12.

<sup>220</sup> Легко можно вообразить, что кто-то разделял эпистемологические воззрения XVII века (по ошибочному мнению Рорти, ничем не отличавшиеся), ни разу не читав и не слышав метафоры зеркала. Я отдам себе отчет в том, что Рорти, терзая философские тексты прошлого, имеет в виду современность. Но какой современный теоретик-эпистемолог мог бы отнести к себе тот распылчатый зеркальный образ, который рисует Рорти?

<sup>221</sup> См.: *Davidson D. Was Metaphern...* S. 368: «Анекдот, сновидение или метафора могут — точно так же, как картинка или шишка на голове (*bump on the head*), — довести до нашего сознания некий факт, при этом не называя и не высказывая его».

тексте? Можно было бы отбросить это как промашку постмодернистского философствования — но это нечто большее, как видно уже по метафоре «плена» в процитированном пассаже, вызывающей ассоциацию с Витгенштейном и его концепцией языковых игр (тоже метафорической?). Не так уж важно, что цель Рорти — освободить читателя, и не так уж важно, что делает он это с помощью другой метафоры — метафоры герменевтического разговора (такого, который, по мнению Рорти, способен преодолеть границы между парадигмами). Самое важное — то, каким образом это делается. При этом становится видно, что и диагноз проблемы, который дает Рорти повод к терапевтическому вмешательству, и предлагаемое им лекарство имеют для любой формы написания истории метафор катастрофические последствия и не представляют собой никакой альтернативы той или иной форме писания истории философии. Как это бывает порой с самозваными лекарями, их страсть лечить сама по себе имеет такие корни, которые требуют лечения, и, к счастью для истории метафор, эти корни в данном случае лежат в метафорическом представлении, туманность которого сильно мешает освобождению от него<sup>222</sup>, но его экспликация лишь показывает, что оно безосновательно.

Для Рорти «интересная философия» лишь в редких случаях заключается в проверке аргументов за и против того или иного тезиса. Обычно, говорит он, она представляет собой — явно или неявно — «состязание между застывшим словарем, который уже мешает и раздражает, — и новым, который еще только наполовину оформился и заключает в себе смутное обещание чего-то великого»<sup>223</sup>. В этом, судя от противного, и заключается терапевтическая цель его труда «Философия и зеркало природы»: «Нам надо вообще убрать из нашей речи визуальные метафоры и в особенности метафоры отражения»<sup>224</sup>. «Интересная» философия, с точки зрения Рорти, «прагматич-

---

<sup>222</sup> Я, таким образом, ставлю под сомнение тезис, что можно достичь «цели иронистской теории», которая состоит в том, чтобы «так хорошо понять метафизическую страсть — страсть к теоретизированию, — чтобы полностью от нее освободиться». *Rorty R. Kontingenz, Ironie und Solidarität* [Contingency, Irony, and Solidarity, 1989]. Frankfurt a. M., 1989. S. 163.

<sup>223</sup> *Op. cit.* S. 30.

<sup>224</sup> *Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature.* Princeton, 1979. P. 371.

на» и «холистична»; первое означает, что надо «заменить традиционные вопросы следующими, новыми и, возможно, более интересными вопросами»<sup>225</sup>, второе — что выбор между старым и новым словарем (языковые игры) не может быть сделан на основе общих критериев, поскольку они зависимы от словаря и относительны в рамках языковой игры<sup>226</sup>. И Рорти знает, что такие традиционные критерии перестанут существовать, когда «новый язык будет действительно новым»<sup>227</sup>. Критикуя проводимое Умберто Эко различие между «интерпретацией» и «использованием» текста, Рорти переносит его на интерпретацию. Так, «прагматистам» (к каковым относит себя Рорти) это различие не нравится, потому что в его свете описание, истолкование и познание суть лишь «различные формы», в которых описывается «процесс использования вещи»<sup>228</sup>. Это «использование» направлено на определенные цели. Следует обратить внимание на то, что Рорти не прилагает слово «интересный» ни к каким заявкам на знание. Например, он говорит, что «прагматист»<sup>229</sup> в конце концов осознает, «что он может создавать описания, как и все прочее, в зависимости от желаемой цели: описаний существует столько же, сколько эффектов, полезных прагматисту, будь то для его собственных нужд или для нужд постороннего заказчика. На этой ступени все описания (в том числе и самоописание прагматиста в качестве такового) оцениваются сообразно их эффективности как средств для достижения некоей цели. То есть дело не в том, соответствуют ли они описываемому»<sup>230</sup>.

---

<sup>225</sup> Rorty R. Kontingenz... S. 31.

<sup>226</sup> Op. cit. S. 25.

<sup>227</sup> Op. cit., также s. 31.

<sup>228</sup> Rorty R. Der Fortschritt des Pragmatisten // Zwischen Autor und Text: Interpretation und Überinterpretation [Interpretation and Overinterpretation, 1992] // Hg. von U. Eco. München, 1996. S. 99–119, здесь s. 103.

<sup>229</sup> Прагматизм, а равно и герменевтика у Рорти входит в тот словарь — сколь многообещающий, столь и туманный, — который он использует в качестве волшебной палочки для своей концепции; так же в: *Idem*. Pragmatismus, Davidson und der Wahrheitsbegriff [Pragmatism, Davidson and Truth, 1986] // Die Wahrheit der Interpretation. Beiträge zur Philosophie Donald Davidsons // Hg. von E. Picardi, J. Schulte. Frankfurt a. M., 1990. S. 55–96.

<sup>230</sup> Rorty R. Der Fortschritt... S. 102f. Порой непонятно, на какую референтную группу ориентируется Рорти, употребляя это выражение; часто он говорит «мы, прагматисты», однако некоторым из «прагматистов» описание Рорти не попра-

Как любитель литературы (или, точнее, одного определенного способа ее использования), Рорти усматривает парадигматически именно в ней подлинный творческий потенциал для введения нового словаря; и он знает, что к «методическому чтению» склонны «обычно» такие люди, которые не ощущают «влечения к поэзии»<sup>231</sup>. И потому «глубокая любовь» и «сильная ненависть» суть предпосылки «неметодической критики». Чтение книг таким способом позволяет предмету увлечь читателя, меняет «приоритеты», выводит «из равновесия»<sup>232</sup>. «Если бы мы понимали историю человечества как историю сменяющихся друг друга метафор, то мы могли бы рассматривать поэтов — в общем смысле этого слова, т.е. как творцов новых слов, создателей новых языков, — в качестве авангарда вида [*homo sapiens*]»<sup>233</sup>. Именно таков взгляд Рорти и на историю науки<sup>234</sup>: он видит ее как постоянные попытки метафорической языковой инновации. Мне хотелось бы выделить два момента в «Описании» Рорти. Новое («новый язык») пробивает себе дорогу в произведении за счет того, что это произведение существует. Произведение продуцирует новые словари, имеет успех — что самое важное: без всякой аргументации<sup>235</sup>. Второй момент — то,

---

вилось — см. материалы симпозиума по его книге: *Consequences of Pragmatism* in *Transactions of the Charles S. Peirce Society*. 1985. Vol. 21. P. 1–48; иногда референтная группа уменьшается до «мы, дэвидсоианцы», «мы, фишианцы», иногда расширяется: так, Рорти знает, что определенные виды семиотического анализа «механизмов» для «большинства целей литературоведческой критики бесполезны» (*ibid.* p. 115). И наконец, границы референтной группы максимально расширяются, когда о термине «имманентная природа» говорится, что это выражение, «которое породило больше проблем, чем оправдывает его ценность», — *Idem.* *Kontingenz...* S. 29.

<sup>231</sup> *Idem.* *Der Fortschritt...* S. 117.

<sup>232</sup> *Op. cit.* S. 117f.

<sup>233</sup> *Idem.* *Kontingenz...* S. 47 f.

<sup>234</sup> См., например: *Idem.* *Science as Solidarity* [1987] // *Idem.* *Objectivity, Relativism, and Truth. Philosophical Papers*. Vol. 1. Cambridge, 1991. P. 35–45, здесь p. 44, где после противопоставления «строгости» (*rigor*) и «оригинальности» (*originality*) говорится: «Образ великого ученого — это не образ человека, который что-то сделал правильно, а образ человека, который что-то сделал по-новому. Новая риторика в большей степени использовала бы словарь поэзии романтизма и социалистической политики, а словарь греческой метафизики, религиозной морали и просвещенческого сциентизма — в меньшей степени».

<sup>235</sup> См.: *Idem.* *Consequences of Pragmatism*. Minneapolis, 1992. P. 142: «Характерной чертой того, что я называю литературой, является то, что в ней можно

что Рорти рассматривает новое как неповторимо индивидуальное, нечто столь оригинальное, что его невозможно израсходовать, и потому оно неподвластно времени, то есть то, что в соответствии с эмфатическими представлениями о метафоре есть креативное употребление метафор, или то, что литературовед Хэролд Блум называет творением «сильного» автора<sup>236</sup>. По оценке Блума, Рорти «на сегодняшний день — самый интересный философ в мире»; этому соответствуют слова Рорти о нем как об «удивительно оригинальном» ученом, который, подобно Жаку Деррида, принадлежит к тем «индивидуальным голосам» нашего века, «которые не забудутся»<sup>237</sup>. Говоря о «текстуализме» XX столетия, Рорти переносит блумовское различие на интерпретаторов и вслед за ним различает «мягких» и «сильных» текстуалистов. Первые ориентируются на то, что автор хотел сказать, и признают, по крайней мере, что у интерпретации существуют границы. Вторые игнорируют как то, что хотел сказать автор, так и то, что говорит текст. «Сильный текстуалист, — пишет Рорти, — просто вколачивает текст в такую форму, которая нужна ему для его собственной цели. Он делает так, что текст говорит о том, что важно для этой цели. Делает он это за счет того, что накладывает на текст словарь, [...] который может не иметь ничего общего ни с каким словарем, использовавшимся в тексте или его автором, а потом смотрит, что получится»<sup>238</sup>.

Однако не бывает одновременно сильных «авторов» и сильных интерпретаторов. Сильный «автор» превращается в интерпретативный конструкт сильного интерпретатора: тексты служат в качестве импульсов или поводов для размышлений, которые в конечном счете интересны исключительно своей связью с таким импульсом<sup>239</sup>. Поэтому интересная инновация —

---

добиться успеха, введя совершенно новый жанр стихотворения, или романа, или критического эссе, без всякой аргументации. Он окажется успешным просто в силу своего успеха, а не потому, что имеются какие-то веские доводы в пользу того, чтобы писать стихи, или романы, или эссе новым способом вместо старого».

<sup>236</sup> См.: *Idem*. Kontingenztanz... S. 52–83.

<sup>237</sup> Olson G. A. Social Construction... Здесь p. 234 f.

<sup>238</sup> Rorty R. Consequences... P. 151.

<sup>239</sup> При том что Рорти весьма вольно обращается с чужими философами, он справедливо указывает на то, что те, на кого он опирается (например, Кун,



это то, что не дает себя поглотить (остается живым)<sup>240</sup>, и единственное, что можно добавить, — это то, что всякая попытка аргументации пресекает возможность интересной инновации<sup>241</sup>; одним словом, здесь история метафор превращается в компенсацию кризиса аргументации, в котором оказались такие философы, как Рорти.

Но мало этого: подход Рорти к истории метафор, когда он видит в ней «жертву» собственной метафорики, поскольку протагонисты буквально понимают это выражение и забывают или игнорируют то, что формулировка носит условный характер («как бы»), — вовсе не новость в англосаксонском мире. Для этого случая принято понятие «миф» в его пейоративном употреблении<sup>242</sup>, отсылающее назад, в XVIII век<sup>243</sup>. Такое пред-

---

Куайн или Дэвидсон), вряд ли согласились бы с его интерпретациями. И в тех случаях, когда «великие», на которых ссылается в том или ином своем тезисе Рорти, еще могут оказать сопротивление, они делают это не без изрядной доли иронии, как, например: *Quine W.V.O. Let me Accentuate the Positive* // Ed. by Malachowski A.R. Reading Rorty... P. 117 ff., или Дональд Дэвидсон, который в одном из интервью, отвечая на вопрос, каково его мнение о неопрагматическом прочтении его трудов Рорти, говорит не об этом, а о Дьюи: «Дьюи, который был по-своему потрясающим человеком, почти никогда не давал себе труда обосновывать то, что он говорил; он просто говорил вам что-то, и часто это было нечто стоящее. Но это не мой способ занятия философией» — *Borradori G. The American Philosopher*. Chicago; L., 1994. P. 40–54, здесь p. 49.

<sup>240</sup> См. также: *Blumenberg H. Paradigmen...* S. 11, где говорится, что «абсолютные метафоры» хотя и обогащают постоянно мир понятий, но при этом «не преобразуют и не поглощают этот базовый фонд».

<sup>241</sup> См.: *Rorty R. Kontingenzen...* S. 31: «Верный собственным принципам, я не буду приводить аргументов против того словаря, который я хочу внедрить. Вместо этого я постараюсь то, что я предпочитаю, сделать привлекательным, показывая, что оно применимо для описания множества тем».

<sup>242</sup> См. прежде всего влиятельное исследование: *Turbayne C. M. The Myth...*; об этом также: *Olscamp P.J. The Philosophical Importance of C. M. Turbayne's «The myth of Metaphor»* // *International Philosophical Quarterly*. 1966. Vol. 6. P. 110–131; *Mézaros I. Metaphor and Simile: Preliminary Notes to a Discussion of Norms and Values* // *Aristotelian Society Proceedings*. 1966/1967. Vol. 65. P. 127–144, особенно p. 142 ff.; *Berggren D. The Use and Abuse of Metaphor. I and II* // *The Review of Metaphysics*. 1962/1963. Vol. 16. P. 237–258, 450–447. Хотя Ганс Блюменберг неоднократно критически высказывался по поводу производящих антиисторичное впечатление метафор, ему ведом «реализм метафор», который он время от времени привлекает для исторического объяснения препятствий на пути познания, например применительно к Кеплеру, — см.: *Idem. Paradigmen...* S. 184 ff. и S. 114, а также: *Idem. Beobachtungen...* S. 205, или как наглядную поверхность метафоры: *Idem. Kopernikus im Selbstverständnis der Neuzeit* // *Akademie der*

ставление о метафорах сталкивается с одной крупной проблемой<sup>244</sup>: если утверждение, высказанное через данное выражение, верно, то это выражение не является метафорическим. Критикам нужно было бы показать, что притязание на истинность, заявляемое в речи, которая по замыслу является буквальной, ложно или неоправданно; однако если высказывание квалифицируется как метафорическое, то это уже предполагается<sup>245</sup>. В случае Рорти такая классификация добивается того же хитростью, потому что он считает, что всякая референция к реальному есть иллюзия, и рассматривает философское высказывание согласно куновским представлениям о парадигме или витгенштейновским о языковой игре. Укорененное и потому буквальное старое словоупотребление в конечном счете всегда лишь метафорично по отношению к недостижимой реальности. Между тем попытка заменить его лучшей или иной метафорикой не может иметь аргументативного успеха в силу отсутствия общего стандарта, несоизмеримости<sup>246</sup>. Человеческая история, таким образом, превращается в историю сменяющих друг друга метафор, а сочинитель, который, не задумываясь о прежнем, создает новый метафорический язык, причисляется к авангарду человечества<sup>247</sup>.

---

Wissenschaften und der Literatur in Mainz. Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Kl. Jg. 1961. Nr. 5. Mainz, 1965. S. 339–368, здесь s. 566.

<sup>243</sup> По словам Ницше, «только благодаря тому, что человек забывает этот первоначальный мир метафор» и принимает их «за сами вещи», он может жить «в некотором спокойствии, уверенности и последовательности» — *Ницше Ф.* Об истине... С. 19. Этот тезис усиливает Эрнст Мах, говоря, что мы обыкновенно называем метафизическими те понятия, про которые мы забыли, как мы к ним пришли.

<sup>244</sup> О кажущихся противоречиях этого взгляда, согласно которому язык носит общеметафорический характер, см. работы Аккермана. Однако он, вводя такую критику, вместе с тем стремится ввести различие между буквальным и метафорическим словоупотреблением, см.: *Ackerman T.F.* Das Wörtliche, das Metaphorische und das Wirkliche // *Ratio*. 1975. Bd. 17. S. 183–195.

<sup>245</sup> Иногда это ослабляется, когда «мы» их рассматриваем «несознательно в качестве буквальных истин», — *Shibles W.* Die metaphorische Methode // *Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte*. 1974. Bd. 48. S. 1–9, здесь S. 1; а также с. 2: «[...] по ошибке принять буквально; отсюда ложное заключение относительно метафоры и мифа».

<sup>246</sup> См.: *Rorty R.* Kontingenz... S. 49: «Мир» нам не дал «критериев для выбора между альтернативными метафорами».

<sup>247</sup> См. также: *Rorty R.* Unfamiliar Noises... P. 252, где говорится, что свежая, новая метафора играет в культуре такую же роль, что и «гений, выходящий за

Резюмирую: теория Дэвидсона в том виде, как ее воспринял Рорти, затрагивает и его реакцию на метафорику зеркала. В качестве метафоры она и для него не может быть ничем иным, кроме птичьего пения. Хуже того, в текстах, которые он подчиняет своей главной метафоре, она не фигурирует и потому не могла бы оказать никаких каузальных воздействий на Рорти. К тому же он трактует ее буквально, ведь только так он может вывести из нее некие следствия и попытаться в аргументативных пассажах своей книги показать, что эти следствия несостоятельны. Так имитируется исторический контекст для нынешнего философского кризиса. Философствование, которое хочет и пытается осуществлять Рорти, способно, быть может, обойтись без аргументов, но без авторитетов оно обойтись не может. Из множества авторитетов, на которые Рорти опирается — в собственной рецепции, — два заслуживают особого внимания при разговоре о такой истории философии и науки, которая не игнорирует метафоры. Я имею в виду теорию метафор Дэвидсона, а также тезис Куна о несоизмеримости парадигм. Я на обоих кратко останавлиюсь, даже рискуя утратить интерес читателя за отсутствием сильного текстуализма.

Рецепция теории Дэвидсона у Рорти по меньшей мере не благожелательная (хотя сам Рорти это утверждение не воспринял бы как приемлемую критику<sup>248</sup>). Это видно уже по следующей статье Дэвидсона<sup>249</sup>. Я могу показать лишь на нескольких

---

границы предсказуемого». О «гении» в связи с Витгенштейном см.: *Lurie Y. Geniuses and Metaphor // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. 1991. Vol. 49. P. 225–233.* Ср. еще у Аделунга в: *Adelungs J.C. Über den Deutschen Styl [1785], dritte, vermehrte und verbesserte Auflage. Bd. 1. Berlin, 1789. S. 398: «Хорошие метафоры — творение гения; они требуют счастливого сочетания воображения и остроумия, и потому их нельзя искать боязливо, ибо в этом случае они почти всегда оказываются неудачными».*

<sup>248</sup> См. в: *Rorty R. Kontingenz... Anm. 3. S. 52*, оговорку относительно его рецепции взглядов Дэвидсона. В сказанном не следует усматривать возражение Рорти, поскольку он занимается не аргументированием, а убеждением, а для этого, как известно, имена великих — не худшее средство. Стилистически избегание заявок на знание у Рорти проявляется в особо частом употреблении глаголов «показывать» (*show*) и «узнавать» (*learn*).

<sup>249</sup> См.: *Davidson D. Eine hübsche Unordnung von Epitaphen [A Nice Derangement of Epitaphs, 1986] // Hg. von Picardi E., Schulte J. Die Wahrheit... S. 203–227; см. также: Rahat E. Metaphors and Malapropisms: Davidson on the Limits of the Literal // Philosophia. 1992. Vol. 21. P. 311–327.*

примерах, что благожелательное объяснение мыслей Дэвидсона должно было бы отправляться от той посылки, что в своих первых высказываниях на данную тему, в которых он отрицал за метафорами когнитивное содержание и значение (в дополнение к буквальным выражениям), он имел в виду лишь один определенный аспект проблематики метафоры, причем данный аспект не представляет особого интереса для истории метафор и исторического понимания метафорического словоупотребления. Такое толкование подтверждается позднейшими статьями, в которых Дэвидсон затрагивает также и интерпретацию литературных текстов<sup>250</sup>. Его воззрения на коммуникацию всегда предполагали корректное представление о намерениях говорящего, однако можно было считать, что это ограничивалось актуальными ситуациями устного общения<sup>251</sup>. Но, считает Дэвидсон, если принять данный взгляд, то это означает (видимо, с большей непреложностью, чем он раньше полагал), что внимание будет направлено на роль авторской интенции<sup>252</sup>: «Текст, в отличие от большинства вещей, обладает смыслом, и его смысл есть продукт взаимодействия между

<sup>250</sup> См.: Davidson D. James Joyce and Humpty Dumpty // *Midwest Studies in Philosophy*. 1991. Vol. 16. P. 1–12; *Idem*. The Third Man // *Critical Inquiry*. 1993. Vol. 19. P. 610–616; *Idem*. Locating Literary Language // Dasenbrock R.W. *Literary Theory...* P. 295–308.

<sup>251</sup> См.: Davidson D. Kommunikation und Konvention [1982] // *Idem*. Wahrheit... S. 372–393. Об адаптации Дэвидсона к деконструктивизму см., в частности: Wheeler S.C.III. Metaphor According to Davidson and de Man // *Redrawing the Lines: Analytic Philosophy, Deconstruction, and Literary Theory* / Ed. by R.W. Dasenbrock. Minneapolis, 1989. P. 116–139, например: «То, как этот аналитический философ [то есть Дэвидсон] описывает не поддающуюся контролю способность фигур речи к распространению, служит убедительным дополнением к метафорам Деррида и де Мана». Или: *Idem*. Davidson as Deconstructor, Truth-Conditions, Rhetoric and Logical Form: Davidson and Deconstruction // Dasenbrock R.W. *Literary Theory...* P. 144–159; *Idem*. Indeterminacy of French Interpretation: Derrida and Davidson // *Truth and Interpretation: Perspectives on the Philosophy of Donald Davidson* / Ed. by E. LePore. Oxford, 1986. P. 477–494; Pradhan S. *Minimalist Semantics: Davidson and Derrida on Meaning, Use, and Convention* // *Diacritics*. 1986. Vol. 16. P. 66–77.

<sup>252</sup> См.: Davidson D. Locating... P. 295: «На самом деле мне теперь ясно, что любой жест в направлении такой адаптации [то есть к литературному использованию языка] покажет также, что необходимо сделать более четкий фокус на роли намерения автора в производстве письменных текстов, а значит, и на отношениях между автором и читателем».

интенциями автора, желавшего быть понятым неким определенным образом, и интерпретацией, налагаемой на слова автора читателем»<sup>253</sup>. К тому же Дэвидсон рассматривает связь между интенциями автора и интерпретатора не как свободную, то есть более или менее произвольную, игру: учет интенции автора, на его взгляд, есть необходимое (но не достаточное) условие правильной интерпретации; кроме этого, необходимо еще, чтобы интенция была разумной (*reasonable*)<sup>254</sup>. Дэвидсон совершенно справедливо обходит вниманием так называемое «интенциональное заблуждение», — которое на самом деле есть что угодно, только не заблуждение<sup>255</sup>. Он говорит: «То, что знает говорящий, должно соответствовать чему-то, что знает интерпретатор, чтобы он мог понять говорящего, ведь если говорящего понимают, то это значит, что его интерпретировали так, как он хотел быть интерпретированным»<sup>256</sup>, следуя — даже текстуально — герменевтической (нефилософской) традиции, хотя в ней аргументация порой бывала и более тонкой, нежели у Дэвидсона<sup>257</sup>. Правда, такое суждение несколько нечестно, потому что не учитывает того обстоятельства, что для Дэвидсона главное — не детальный анализ профессиональной интерпретаторской деятельности, а демонстрация неприемлемости определенных расхожих предположений, применяемых для того, чтобы объяснить понимание (например, определенные

---

<sup>253</sup> *Idem*. The Third Man... P. 610.

<sup>254</sup> См.: *Idem*. Focusing... P. 305f.: «В любом случае, интенция создателя, желавшего, чтобы сказанное или написанное было интерпретировано определенным образом, есть лишь необходимое условие для того, чтобы интерпретация была верной; необходимо также, чтобы интенция была разумной».

<sup>255</sup> См.: Danneberg L., Müller H.-H. Der «intentionale Fehlschluss» — ein Dogma? Systematischer Forschungsbericht zur Kontroverse um eine intentionalistische Konzeption in den Textwissenschaften (Teil I und II) // Zeitschrift für allgemeine Wissenschaftstheorie. 1983. Bd. 14. S. 103–137; S. 376–411, а также: Danneberg L. Zum Autorkonstrukt... — Данные экспериментов показывают, что испытуемым легче удастся приписать (за короткое время) метафорическому выражению некое значение в том случае, когда автором этого выражения является человек, якобы намеренно его сформулировавший, нежели в том случае, если метафора случайным образом сгенерирована компьютером, — см.: Gibbs A. W. et al. Authorial Intentions in Metaphor Comprehension // Journal of Psycholinguistic Research. 1991. Vol. 20. P. 577–590.

<sup>256</sup> Davidson D. Eine hübsche Unordnung... S. 207.

<sup>257</sup> Например, при рассмотрении вопроса о том, что значит «человек хочет быть понятым», когда он сам не понимает ту метафору, которую употребил.

предположения о том, что существует такая вещь, как заранее данная общая языковая компетенция). Я имею в виду, в частности, то, как он описывает процесс интерпретации, при котором интерпретатор принимает некую исходную теорию, превращающуюся с поступлением дополнительной информации о релевантных свойствах коммуникативной ситуации в переходную теорию, приводимую в соответствие с исходной теорией интерпретатора<sup>258</sup>. Дэвидсон справедливо констатирует, что нет никаких «правил» для построения переходных интерпретативных теорий, и столь же справедливо смягчает потом сказанное: «[...] по крайней мере, никаких правил в строгом смысле, в отличие от приблизительных принципов и методологических общих мест»<sup>259</sup>; однако из этой формулировки не видно, что подобные «приблизительные принципы» и «методологические общие места» несут на себе тяжесть таких попыток удержать в неких границах произвольность интерпретации текстов.

Однако более важно здесь то, что это определение Дэвидсона не исключает и того, что метафорическое выражение в определенном отношении может обладать неким значением, но может и не обладать. Его рассуждения об интерпретации открывают возможность и для неверного понимания метафорического выражения. Но именно это, как кажется, полностью противоречит самой сути его теории метафоры, согласно которой метафоры не имеют никакого когнитивного содержания и никакого значения, однако за ними признается релевантность. Если нас интересует только воздействие метафор, то концепция неверного понимания лишена смысла; важен только их успех, их вклад в инновацию, будь то намеренный или нет. Впечатление непримиримого противоречия исчезает, если различать две разные проблемы. Дэвидсон пишет: «По моему мнению, бесконечность того, что мы называем парафразой, происходит от того, что она пытается подробно изложить то, что с помощью метафоры доводится до сознания, а в этом

---

<sup>258</sup> См.: Davidson D. Eine hübsche Unordnung... S. 219: «Чтобы коммуникация состоялась, общей у участников должна быть переходная теория. Ведь именно ее интерпретатор на самом деле применяет, чтобы истолковать некое высказывание, и именно ее он должен в соответствии с намерением говорящего применять».

<sup>259</sup> Ibid. S. 216.

деле не может быть никакого однозначного завершения»<sup>260</sup>, — а в следующем непосредственно за этим предложении утверждает, что это относится ко всякому употреблению языка. Проблема, которую тут пытается ухватить Дэвидсон, — это проблема воздействия словесного выражения на читателя: такое выражение может дать сильный толчок его мыслям, а может и не дать<sup>261</sup>. Решение проблемы метафоры, предлагаемое Дэвидсоном, как и другие ее решения, в основном предопределяется его изначальным мнением о том, что собственно есть значение и как можно этот концепт эксплицировать. В своей статье «Что значат метафоры» он, по сути, на примере метафоры показывает, что словоупотребление не представляет собой реальной проблемы для его концепции значения и его теории семантики<sup>262</sup>.

Но для историка метафор роль читателя представляет собой то же самое, что для историка науки — роль естествоиспытателя: в ней не может быть неправильного понимания, всякое неправильное понимание прежнего текста, метафорического выражения, предстает оправданным, если только оно креативно и инновативно<sup>263</sup>. По крайней мере в этом отношении от историка метафор не ожидается креативности; его креативность мерится другими мерками: историка науки интересует креативность того или иного метафорического выражения, однако он не обязательно должен становиться объектом ее реализации. Итак, здесь — если не раньше — становится видно,

---

<sup>260</sup> Davidson D. Was Metaphern bedeuten... S. 369. Anm. 17.

<sup>261</sup> Это становится особенно заметно там, где Дэвидсон пишет, что «в метафоре имплицитно заложена некоторая мера определенного рода художественного успеха; неудачных метафор не бывает точно так же, как не бывает несмешных шуток. Правда, бывают безвкусные метафоры, но они все же достигают некоторого действия, даже если это того не стоило или если это можно было сделать лучше», — Ibid. S. 343.

<sup>262</sup> Основная мысль Дэвидсона заключается в том, чтобы заменить экспликанд (понятие, требующее уточнения) «s означает m» экспликандом «s верно тогда и только тогда, когда p». См.: Davidson D. Wahrheit und Bedeutung [Meaning and Truth, 1967] // Idem. Wahrheit... S. 40–67.

<sup>263</sup> См. также: Mayr O. Uhrwerk und Waage: Autorität, Freiheit und technisches System in der Frühen Neuzeit [Authority, Liberty and Automatic Machinery in Early Modern Europe, 1986]. München, 1987. S. 48: «Ничто не принуждает автора знать или учитывать то, как использовалась метафора до сих пор. На самом деле метафоры производят большее впечатление, когда они новые, неизношенные».

что имеют место две принципиально разные проблемы, встающие одна в связи с вопросом о перефразируемости и переводимости метафорического выражения, а другая — в связи с его интерпретируемостью. Эмфатические теоретики метафоры, похоже, более всего опасаются таких операций, которые ведут к заменимости метафорического выражения. Это опасение, правда лишь в очень ограниченной мере, справедливо даже и для критериев переводимости и перефразируемости, но для интерпретации оно изначально ошибочно<sup>264</sup>. Никакая интерпретация не имеет ни цели, ни возможности заменить собой метафорическое выражение — уже хотя бы потому, что всякая научная интерпретация предполагает неприкосновенность и неизменное присутствие исследуемого объекта. Заменимость в данном случае означала бы лишь отказ от собственного прочтения и подчинение авторитету чужого слова.

Я перехожу ко второму препятствию, которое может возникнуть на пути вовлечения метафор в историю философии и науки. Рорти неоднократно намекает на куновскую концепцию парадигм и не скрывает, что она оказала на него влияние<sup>265</sup>. Кун не только в определенный период активно выдвигал свои идеи по поводу смены парадигм и их несоизмеримости: он усматривал также связь между этой сменой и метафорами<sup>266</sup>. Я не буду здесь останавливаться на тех — во многих отношениях неудовлетворительных и в этом отношении безрезультатных — технических истолкованиях, которым тезис Куна о не-

<sup>264</sup> Так, может быть, следует понимать то, что С.М. Bache (*Paraphrase and Paraphrasing Metaphors // Dialectics*. 1981. Vol. 35. P. 307–326) имеет в виду, когда говорит о «христианской экспликации», а С. Strub (*Kalkulierte Absurditäten... S. 391*) — когда говорит о «комментарии».

<sup>265</sup> См., например: *Rorty R. Der Spiegel...*, особенно s. 350 ff.

<sup>266</sup> См.: *Kuhn T. Metaphor in Science // Ortony A. Metaphor and Thought...* P. 403–419, а также: *Idem. What are Scientific Revolutions? // The Probabilistic Revolution / Ed. by L. Krüger et al. Vol. I. N.Y., 1987. P. 7–22*, где делается обобщение, что «подобные метафорам сопоставления, которые меняются в моменты научных революций, являются важнейшими составляющими тех процессов, в ходе которых обретается научный и иной язык» (p. 21). Тем не менее Кун, увидев впоследствии, что некоторые из его важнейших терминов употреблены метафорически, выражал сожаление по этому поводу и вносил исправления в текст — см., например: *Idem. Speaker's Reply // Idem. Possible Worlds in Humanities, Arts and Science / Ed. by S. Allen. Berlin; N.Y., 1989. P. 49–51*.



соизмеримости парадигм подвергался в теории науки<sup>267</sup>, равно как и на тех изменениях, которые сам Кун вносил в свои воззрения<sup>268</sup>. Я буду рассматривать идею смены парадигм как более или менее туманную мысль, которая интуитивно понятна и которая обрела невероятную популярность.

Ограничусь двумя пунктами. Хотя этот взгляд на сегодняшний день уже относится к сфере простого здравого смысла, не в последнюю очередь связанное с ним представление о несоизмеримости как границы межпарадигматической переводимости или понимаемости, или даже как границы межпарадигматической выразимости, предполагает, что концепция смены парадигм как инструмент исторического анализа включает в себя понятие правильного либо неправильного понимания; природа этого неправильного понимания такова, что оно лишь очень редко доходит до сознания действующих лиц истории и определяет их представления о себе и других. Поэтому практически никогда невозможно его наблюдать, оно может быть лишь задним числом констатировано философски ориентированным историком науки. Декарта ли взять или Ньютона — всегда якобы несоизмеримые парадигмы вызывали отклики и контраргументы, их оспаривали, модифицировали и так далее. Надо долго искать, чтобы найти, скажем, в XVII столетии голос, который заявляет применительно к какому-нибудь латинскому пассажи, что не может его перевести, потому что не понимает. Одним таким примером является Декарт, который в своей работе «Мир, или Трактат о свете» цитирует Аристотеля и оставляет эту цитату не переведенной с латыни («*Motus est actus entis in potentia, prout in potentia est*»), а потом замечает по этому поводу, что использованные Аристотелем выражения для него столь темны и непонятны, что он не способен их истолковать (*interpretare*)<sup>269</sup>. В скобках он добавляет, что они не ста-

<sup>267</sup> Ссылки см. в: Danneberg L. Methodologien... S. 290 ff., и прежде всего в: Sankey H. The Incommensurability Thesis. Aldershot, 1994.

<sup>268</sup> Hoyningen-Huene P. Die Wissenschaftsphilosophie Thomas S. Kuhns: Rekonstruktion und Grundlagen-Probleme. Braunschweig; Wiesbaden, 1989. S. 202–217; особенно по поводу двух случаев неверного понимания, см. прежде всего: Sankey H. Kuhn's Changing Concept of Incommensurability // The British Journal for the Philosophy of Science. 1993. Vol. 44. P. 759–774.

<sup>269</sup> См.: Descartes R. Le Monde ou traité de la lumière [1664]. Chap. VII. Рус. изд.: Декарт Р. Мир, или трактат о свете [1634] // Он же. Сочинения: В 2 т. М., 1989.

ли бы яснее, если бы он дословно перевел их на французский<sup>270</sup>. Отголосок этого мы обнаруживаем потом у Джона Локка<sup>271</sup>. Здесь нет возможности анализировать подобные заявления о непонимании — целое поколение философов, получивших такое же образование, как и Декарт, либо понимали эти выражения, либо тратили много сил на поиск их смысла; во всяком случае, проблему темных мест считали своей проблемой, а не проблемой текста (это, кстати, один из принципов, подкрепляющих тезис о ясности Священного Писания, который на первый взгляд кажется ложным). Даже когда кто-то отказывается кого-то понимать, это не обязательно свидетельствует о несоизмеримости или о смене парадигм<sup>272</sup>. Ньютон всю жизнь старался понять высказывания, содержащиеся в бесчисленных алхимико-аллегорических трактатах, которые едва ли были понятнее, чем слова Стагирита; он составил «Указатель химических понятий» (*Index chemicus*)<sup>273</sup> — и это одновременно с более известными его натурфилософскими размышлениями<sup>274</sup> и с попытками в своих еще более объемных теологи-

---

Т. 1. С. 179–249, здесь с. 200: «Философы сами признают, что природа их движения очень мало известна. Чтобы сделать ее хоть сколько-нибудь понятной, они не нашли для ее объяснения ничего лучшего, как придумать следующее выражение: [...]. Эти слова для меня до такой степени темны, что я вынужден оставить их здесь без перевода, потому что я не сумел бы их объяснить».

<sup>270</sup> См.: Ор. cit.: «(и действительно, будучи переведены, эти слова — „движение есть действие сущего в возможности и постольку, поскольку оно в возможности“ — не становятся более ясными)».

<sup>271</sup> См.: Локк Дж. Опыт... Кн. III. Гл. IV. § 8.

<sup>272</sup> Роберт Бойль, например, обвиняет Аристотеля в том, что тот «непостижимый» (*unintelligible*), и уточняет: «Под словом [...] непостижимый, или непонятный, может иметься в виду такой предмет, о котором мы не можем образовать представления или понятия, которое бы не было либо саморазрушительным (то есть имело бы части, несовместимые друг с другом), либо явно противоречащим некоторой явной и признанной истине». *Boyle R. Appendix To the First part of the Christian Virtuoso // Idem. The Works [...]. In Six Volumes. Volume the Sixth...* P. 673–716, здесь p. 693. Разграничение, осуществляемое Бойлем, показывает, что это происходит в плане притязания на истину: «непонятным» является в конечном счете то, что нельзя связать с какой-либо корпускулярной или механической «концепцией».

<sup>273</sup> Об этом см.: *Westfall R.S. Isaac Newton's Index Chemicus // Ambix. 1975. Vol. 22. P. 174–185.*

<sup>274</sup> См.: *Idem. Newton's Marvelous Years of Discovery and Their Aftermath: Myth versus Manuscript // Isis. 1980. Vol. 7. P. 109–121.* О занятиях Ньютона алхимией писал уже: *Rattansi P.M. Newton's Alchemical Studies // Science, Medicine and*

ческих произведениях истолковать тайны эсхатологии. Все это свидетельствует о том, что реакции на «непонятность» или «непереводимость» бывали разными. Как бы то ни было: случаи отказа понимать чьи-то слова маргинальны и главное — не показательны, потому что их причины носят различный характер.

Минимального аналитического прояснения требует различение между несоизмеримостью теорий как описанием исторических коммуникативных ситуаций, с одной стороны, и несоизмеримостью теорий в силу такого научно-теоретического анализа, который релятивирован представлением о логической структуре теорий и их семантики, каковые только и способны определить радиус действия понятий переводимости, понимаемости или выразимости. (К тому же эти представления сами подвержены исторической эволюции.) Даже такие ориентированные на историческое изучение науки ее теоретики, как Кун или Фейерабенд, все еще недостаточно историчны. Они запутывают понятия, соединяя исторические события с результатами анализа, с тем чтобы таким способом еще и опровергать потом определенные концепции теории науки. Главное — что это зачастую не одно и то же, как свидетельствует

---

Society in the Renaissance / Ed. by A.G. Debus. Vol. II. L., 1972. P. 167–182; *Westfall R.S.* The Role of Alchemy in Newton's Career // Reason, Experiment, and Mysticism in the Scientific Revolution / Ed. by M.L. Righini Bonelli, W.R. Shea. N.Y., 1975. P. 189–232; *Idem.* The Influence of Alchemy on Newton // Science, Pseudo-Science and Society / Ed. by M.P. Hanen et al. Waterloo, 1980. P. 145–169, а также: *Idem.* Newton and Alchemy // Occult and Scientific Mentalities in the Renaissance / Ed. by B. Vickers. Cambridge, 1984. P. 315–335; *Dobbs B.J.T.* The Foundations of Newton's Alchemy: Or «The Hunting of the Greene Lyon». Cambridge, 1975 (P. 6 ff. — ссылки на литературу); *Idem.* Newton's Alchemy and His Theory of Matter // Isis. 1982. Vol. 73. P. 511–528; *Idem.* Alchemische Kosmogonie und arianische Theologie bei Isaac Newton // Die Alchemie in der europäischen Kultur- und Wissenschaftsgeschichte // Hg. von Chr. Meinel. Wiesbaden, 1986. S. 137–150; *Idem.* The Janus Faces of Genius: The Role of Alchemy in Newton's Thought. Cambridge, 1991, а также с более широким охватом — *Idem.* Alchemical Death à Resurrection: the Significance of Alchemy in the Age of Newton. Washington, 1990; *Figala K.* Newton as Alchemist // History of Science. 1977. Vol. 15. P. 102–137; *Idem.* Newtons rationales System der Alchemie // Chemie in unserer Zeit. 1978. Bd. 12/4. S. 101–110, а также: *Idem.* Die exakte Alchemie von Isaac Newton // Verhandlungen der naturforschenden Gesellschaft Basel. 1984. Bd. 94. S. 157–228; *Idem et al.* De Scripto-ribus Chemicis: Sources for the Establishment of Isaac Newton's (Al)chemical Library // The Investigation of Difficult Things. Essays on Newton and the History of the Exact Sciences / Ed. by P.M. Harman, A.E. Shapiro. Cambridge, 1992. P. 135–179.

рецепция Декарта и Ньютона<sup>275</sup>. Разрывы или несоизмеримости в таких случаях приобретают зачастую характер исходных данных, и все в итоге сводится к некоторой разновидности лучшего понимания действующих лиц науки.

Далее, идея несоизмеримости парадигм несовместима с одним тезисом, который на первый взгляд представляется не менее убедительным, чем тезис о взаимонепроницаемых парадигмах (в куновском смысле). Идея парадигм с ее далеко идущими философскими последствиями конфликтует с тезисом, что многочисленные процессы рецепции в философии и в науке характеризуются именно нестабильностью значений; рецепции не производят простых дубликатов значения, они представляют собой (в том или ином объеме) изменения, модификации, реинтерпретации, приложения и приспособления значений рецепируемого к конкретным проблемным ситуациям. Переходы при этом предстают более гладкими и разнообразными, нежели предполагают концепции парадигм. Более реалистично было бы сказать, что предполагаемая стабильность значения в процессах рецепции, скорее, образует исключение, так что неясно, в чем же тогда еще состоит предписывающая и детерминирующая сила парадигм. Короче говоря, несоизмеримость есть в значительной степени метафора, которая, будучи принята на веру буквально, стала мифом, более мешающим работе историка, нежели помогающим ей.

Кун — явно под давлением критиков, но прежде всего для того, чтобы дать отпор тем, кто делал из его рассуждений такие выводы, которые он был не согласен разделить, — переформулировал свою концепцию и стал рассматривать несоизмеримость лишь как непереводимость<sup>276</sup> — правда, в том смысле,

---

<sup>275</sup>О Декарте см. статью с программным названием: *Garber D. Descartes, the Aristotelians, and the Revolution that did not Happen in 1637* // *The Monist*. 1988. Vol. 71. P. 471–486. О Ньюtone как примере обсуждения «Начал» (*Principia*) Кристофа Пфаульца (1645–1711) в «*Acta eruditorum*» — см.: *Cohen B. The Review of the First Edition of Newton's Principia in the Acta Eruditorum, with Notes on the Other Reviews* // *Harman P.M., Shapiro A.E. The Investigation...* S. 323–353. Коэн приписывает рецензенту, весьма критично относившемуся к рассуждениям Ньютона в области физики, лучшее понимание теории, чем то, которое было в XIX столетии.

<sup>276</sup>См. в связи с этой критикой уже: *Kuhn T. Commensurability, Comparability, Communicability* // *PSA*. 1982.Vol. 2 / Ed. by P.D. Asquith, Th. Nickles. East

какой мы встречаем у Куайна, то есть как «своего рода механический процесс, осуществляемый по инструкции, которая позволяет вам переставлять данную цепочку слов в одном языке на место данной цепочки слов в другом языке»<sup>277</sup>. Кун отмечает, что такого рода перевод не всегда возможен. Тем не менее старую парадигму, которая теперь описывается как «герменевтическая база для науки соответствующего периода»<sup>278</sup>, невзирая на непереводаемость, можно понять. Надо просто выучить ее язык: «[...] ее не поймешь, не выучив прежде языка, на котором она сформулирована»<sup>279</sup>. По всей видимости, Кун открыл в своей структуре научной революции проблему, которая в самом деле была открытием на фоне практиковавшейся в 1950–1960-х – презентистской по большей части – истории науки, но и только на этом фоне: в остальном это не более чем повторное открытие герменевтической интерпретативной ситуации<sup>280</sup>.

---

Lansing, 1983. P. 669–688. В одном из его последних высказываний на эту тему – см. интервью в: Thomas Kuhn // *Borradori G. The American Philosopher...* P. 153–167, здесь р. 162 – говорится: «Я теперь все больше подчеркиваю различие между изучением нового языка или некоторых элементов некоего упорядоченного языка – и переводом с этого языка на тот, на котором вы говорили прежде. Часто бывает, что мы выучиваем такие языки, которые не допускают полного перевода на наш собственный язык». Кроме того, там сказано (р. 157): «[...] я никогда не думал, что ее [книгу «Структура научных революций»] будут читать так много, такие разные читатели и, сказать по правде, читать так плохо».

<sup>277</sup> Thomas Kuhn // *Borradori G. The American Philosopher...*

<sup>278</sup> Kuhn T. *The Natural and the Human Sciences* // *The Interpretive Turn: Philosophy, Science, Culture* // Ed. by D.R. Hiley et al. Ithaca; L., 1991. P. 17–24, здесь р. 22: поясняя эту формулировку, Кун говорит: «[...] вы, возможно, замечаете, что это в значительной мере напоминает один из аспектов того, что я когда-то называл парадигмой».

<sup>279</sup> Thomas Kuhn // *Borradori G. The American Philosopher...* P. 163.

<sup>280</sup> См., в частности: Kuhn T. *Revisiting Planck* // *Historical Studies in the Physical Sciences*. 1984. Vol. 14. А также: *Idem. Possible Worlds in History of Science* // *Idem. Possible Worlds...* P. 9–32; *Idem. Speaker's Reply* // *Ibidem*, об этом также: *Danneberg L. Methodologien...* S. 313 ff. – Кун к тому же принимает тезис о межпарадигматической сравнимости и все больше отходит от своей прежней позиции, подчеркивавшей изменения гештальта и изменения значения как изменения гештальта (*Ibidem*. P. 166): «Теперь я больше говорю о референционных понятиях (referring terms), давая каждому из них таксономию. И даже изменение, связанное с несоизмеримостью, я все более склонен интерпретировать как таксономическое изменение. Соизмеримы друг с другом именно таксономии, именно о них в самом деле можно разговаривать. [...] Что Вы имете

Для историка, который на метафорическом материале хочет демонстрировать глобальные эволюции метафор, семантический холизм, лежащий в основе тезиса о несоизмеримости, фатален<sup>281</sup>. Метафоры — в большей мере, нежели другие формы выражения, — зависимы друг от друга и зависимы от контекста. Возможно, именно это хотел сказать Харальд Вайнрих, когда писал, что метафоры «трудно цитировать»<sup>282</sup>. Здесь еще в большей степени, чем применительно к понятиям, верны слова Квентина Скиннера: «[...] не может быть истории понятий как таковых; может быть только история их использования в полемике»<sup>283</sup>. К счастью, универсальный семантический холизм не только кроет в себе огромные проблемы для историка метафор: он отличается еще и тем, что основывается либо на не поддающихся проверке допущениях, либо на сугубо постулативных положениях. Поясню на примере: Мэри Хессе, в контексте своей сетевой теории значения, пишет: «Употребление некоего предиката в новой ситуации в принципе смещает, пусть и очень ненамного, значение каждого другого слова и предложения в языке»<sup>284</sup>. Во-первых, тут нужно предположить, что в отношении значения в языке все взаимосвязано со всем. Эта гипотеза не поддается верификации; нужно было бы проверять, как изменяются значения слов, а такую проверку должен был бы осуществлять либо тот, кто пользуется языком, либо реципиент, и ни в одном случае не удалось бы набрать

---

в виду под таксономией? [...] Это сложный и взаимосвязанный способ категоризации, частично врожденный, частично благоприобретенный; он конституирует таксономические аспекты языка».

<sup>281</sup> Здесь у меня нет возможности вдаваться во все разнообразные аспекты этой проблематики. См.: *Hymers M. Metaphor, Cognitivity, and Meaning-Holism // Philosophy and Rhetoric. 1998. Vol. 31. P. 266–282.*

<sup>282</sup> *Weinrich H. Semantik...* Это следует понимать в указанном здесь смысле, ведь иначе именно метафорическое выражение должно — ввиду своей неперефразируемости — презетироваться как буквальная цитата; к этой проблеме см. также ссылки в: *Danneberg L. Darstellungsformen in Natur- und Geisteswissenschaft // Geist – Geld – Wissenschaft // Hg. von P.J. Brenner. Frankfurt a. M., 1993. S. 99–133.*

<sup>283</sup> *Skinner Q. A Reply to My Critics // Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics / Ed. by J. Tully. Cambridge, 1988. P. 283.*

<sup>284</sup> *Hesse M. Die kognitiven Ansprüche der Metapher... S. 133, 130: «Расширения значений, которые происходят в метафорах за счет сходств и различий, по сути, являются лишь особенно наглядными примерами того, что постоянно происходит в меняющейся, целостной сети, которую образует язык».*

достаточного для доказательства эмпирического материала. Поэтому данное положение представляется постулативным, — положением, которое с таким же (интуитивным) основанием могло бы быть постулировано иначе. Во-вторых, даже если бы в некоем языке и его употреблении все было взаимосвязано, всякое изменение этой взаимосвязи должно было бы также воздействовать на значение. А это тоже не поддается проверке, точно так же как восходящее к сочинению софиста Горгия «О не-сущем, или О природе»<sup>285</sup> утверждение<sup>286</sup>, которое в истории герменевтики то и дело вспоминают до сегодняшнего

---

<sup>285</sup> Горгий стремится доказать, что действительное (интерпретирующее) понимание невозможно уже хотя бы потому, что понимающий никогда не может пребывать в такой же ситуации, в таком же состоянии, как тот, чье высказывание необходимо понять. Анализ сложной аргументации Горгия и ее предпосылок см. в: *Newiger H.-J. Untersuchungen zu Gorgias' Schrift Über das Nicht-seiende*. Berlin; N.Y., 1973. S. 150 ff.; *Mourelatos A.P.D. Gorgias on the Function of Language* // *Philosophical Topics*. 1987. Vol. 15. P. 135–170; о ранних влияниях: *Hays S. On the Skeptical Influence of Gorgias's On Non-Being* // *Journal of the History of Philosophy*. 1990. Vol. 28. P. 327–337.

<sup>286</sup> Это утверждение проделало длинный путь в истории герменевтики и простирается от ограничивающего катастрофические последствия предположения «подобное — к подобному» до предположения о конгениальности (назовем лишь этот пример), которое произвело фурор в истории герменевтики. Один пример — соглашающийся с утверждением Горгия Бекх: «Кроме того, [...] всякое индивидуальное высказывание обусловлено бесконечным числом обстоятельств, и потому невозможно привести его к дискурсивной ясности. Горгий в своем сочинении [...], где он отрицает возможность словесной передачи реального познания, уже отмечал, что тот, кто слушает речь, всегда представляет себе нечто иное, нежели тот, кто ее произносит, потому что они отделены друг от друга — остальные причины мы опускаем; [...]». А потом он формулирует гипотезу о конгениальности (см.: *Boeckh A. Encyclopädie und Methodologie der philologischen Wissenschaften* / Hg. von E. Baratuschek. 2. Aufl. besorgt von R. Klusmann. Leipzig, 1886. S. 86). У Гете читаем: «Потому что я уже слишком отчетливо понял, что ни один человек не понимает другого, что каждый человек, произнося или слыша некие слова, представляет себе не то же, что другой, и что в разных людях один и тот же разговор или чтение одной и той же книги порождает разные последовательности мыслей [...]» (*Goethe J.W. Werke. Hamburger Ausgabe in 14 Bdn.* / Hg. von E. Trunz. 9. Auflage. München, 1981. Bd. 10. S. 78). А у Вильгельма Гумбольдта: «Одно и то же слово вызывает в одном человеке иные мысли, нежели в другом, и даже самое малое различие расходится по всему языку, как круг по воде» (*Humboldt W. von. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaus und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts* // *Idem. Gesammelte Schriften* / Hg. von der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Erste Abt.: Werke. 7. Bd. / Hg. von A. Lehmann. I. Hälfte. Berlin, 1907. S. 64).

дня и которое гласит, что постоянно меняющаяся ментальная ситуация двух человек делает невозможным понимание между ними. Здесь тоже все сводится к тому, как выбрать дефиницию значения: могу лишь добавить, что ввиду таких последствий целесообразнее было бы выбрать ее иначе.

## V

Из сказанного до сих пор ясно, что проблема, вокруг которой преимущественно вращается философская дискуссия по поводу метафор, едва ли может привести к ответам на те вопросы, которые интересны для истории метафор. В частности, это относится к анализу таких функций, как интертекстуальное единство, установление интертекстуальных связей, и к тому, в каком смысле внимание к метафорическому словоупотреблению обогащает историю философии и науки и должно стать ее неотъемлемой частью. Ограничусь тем, что укажу на несколько проблемных областей, в которых концепция метафоры в качестве инструмента историка выполняет обе эти функции.

Метафоры существуют в таком мире, из которого можно по-разному выделять фрагменты, и это будет иметь разные последствия как для познания смысла метафор, так и для написания их историй. Они существуют в среде, которая охватывает по меньшей мере контекст того текста, в котором они фигурируют и в котором надо учитывать их соседство с другими метафорами. Между тем представление, будто метафоры в текстах, как правило, происходят из одних и тех же образных полей или образуют «семантические изотопии», пожалуй, можно было бы считать верным применительно к поэзии, но не за ее пределами<sup>287</sup>. Метафоры обретаются в современном им мире, с которым они вступают в контакт. В этом мире существуют как другие метафоры, так и иные когнитивные единицы, например — понятия или теории. Эти отношения наблюдаются как на одном уровне, где они образуют горизонтальное распределение, так и на разных уровнях, то есть они могут быть структурированы вертикально. Применительно к метафорам, со-

---

<sup>287</sup> Другой точки зрения придерживается, судя по всему: *Burkhardt A. Wie die «wahre Welt» endlich zur Metapher wurde. Zur Konstitution, Leistung und Typologie der Metapher // Conceptus. 1987. Bd. 21. S. 39–67, здесь s. 47.*



ставляющим окружающий мир, в качестве горизонтальных концептов можно назвать цепочки, поля или системы метафор<sup>288</sup>, которые нужно было бы определять через сходство между частотами встречаемости метафор, а в качестве вертикальных концептов — иерархии метафор. Наконец, сюда же относится и выделение центральных метафор, таких, например, как «коренные метафоры» Стивена Пеппера — формизм, механицизм, органицизм и контекстуализм<sup>289</sup>, — лежащие в основе «гипотез о мироустройстве», или «мировых теорий»: есть два способа их развития — пермутация (варьирование существующих теорий о мироустройстве, например, по образцу неевклидовой геометрии) или аналогия. Поскольку первый вариант, как пишет Пеппер, пока ни разу не осуществлялся, все гипотезы о мироустройстве основывались на «коренных метафорах»<sup>290</sup>. По отношению друг к другу все эти мировые теории сравнительно изолированы, каждая претендует на гегемонию и не способна вытеснить или опровергнуть другие; тем самым они напоминают парадигмы в куновском употреблении этого понятия. Но это — лишь одна классификация из многих

<sup>288</sup> Ганс Блюменберг иногда использует выражение «метафорическое поле». Харальд Вайнрих понимает под «образным полем» (по аналогии с «лексическим полем») повышенное скопление метафор, которые принадлежат к одной и той же области, «дающей» образы, и нацелены на одну и ту же область, «принимающую» образы. см.: *Weinrich H. Münze und Wort. Untersuchungen an einem Bildfeld* [1958] // *Idem. Sprache in Texten*. Stuttgart, 1976. S. 276–290, особенно s. 284. Соответственно «образные поля» представляют собой рекуррентные связи, соединяющие по два лексических поля, которые делают возможными «параллельные метафоры», — см.: *Weinrich H. Semantik...* S. 13; *Stierle K. Der Maulwurf im Bildfeld. Versuch zu einer Metapherngeschichte* // *Archiv für Begriffsgeschichte*. 1982. Bd. 26. S. 101–143, особенно s. 101 ff.; критику см. в: *Peil D. Zum Problem des Bildfeldbegriffs* // *Studien zur Wortfeldtheorie / Studies in Lexical Field Theory* / Hg. von R.P. Lutzer. Tübingen, 1993. S. 185–202. О семантических полях в связи с метафорами подробно: *Kittay E. F. Metaphor...* P. 214–298.

<sup>289</sup> См.: *Pepper S.C. World Hypotheses: A Study in Evidence*. Berkeley, 1942. В более поздней своей работе: *Idem. Concept and Quality: A World Hypothesis*. Lasalle, 1966, Пеппер, похоже, принимает во внимание еще одну коренную метафору: «целенаправленный акт». См. также: *Cua A.S. Basic Metaphors and the Emergence of Root Metaphors* // *Journal of Mind and Behavior*. 1982. Vol. 3. P. 251–258.

<sup>290</sup> Очень заметное место отводит идеям Пеппера Хейден Уайт в: *White H. Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore, 1973 [рус. пер.: *Уайт Х. Метаястория: Историческое воображение в Европе XIX века* / Пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитоновой. Екатеринбург, 2002].

возможных. По сфере происхождения можно различать биоморфные, социоморфные и техноморфные метафоры, или модели<sup>291</sup>. Однако как в горизонтальном, так и в вертикальном распределении представляется невозможным и нежелательным усматривать «систематику метафорологии»<sup>292</sup>.

Иерархии метафор могли бы быть структурированы как восходящие импликационные отношения, то есть как конкретизации. Насколько трудно это оказывается в каждом конкретном случае, показывает простой пример, обнаруживающий при этом базовую интуицию данного представления<sup>293</sup>. Труднее обстоит дело, когда язык описания при этом сам является метафорическим. Изменение от одной точки в пространстве-времени к другой можно передать словом «движение». Это может быть метафорой, если она — с точки зрения логических заключений — описывает макрофизическое расположение знаков, представляющих некое заключение, в виде «движения», например сверху вниз<sup>294</sup>. Можно рассматривать «метафорическое движение сверху вниз» как метафорический имплицит подавления. Стоящая за этим метафора есть именно образ подавления, который можно как угодно продолжать в сторону нежелательного. Но можно и дойти до других конкретизаций, описывая это как метафорику путешествия, потому что всякое путешествие либо включает в себе движение в вышеозначенном смысле, либо являет собой фикциональное представление

---

<sup>291</sup> Об этом см.: *Topitsch E. Grundformen verwissenschaftlichter Seelenvorstellungen // Club Voltaire. 1963. Vol. 1. S. 322–334*, а также: *Idem. Erkenntnis und Illusion. Grundstrukturen unserer Weltauffassung. Hamburg, 1979*; *Peters H.M. Soziomorphe Modelle in der Biologie // Ratio. 1960. Bd. 3. S. 22–37*, а также: *Idem. Modell-Beispiel aus der Geschichte der Biologie // Studium Generale. 1965. Bd. 18. S. 298–305*.

<sup>292</sup> Это выражение использовано в: *Blumenberg H. Paradigmen... S. 92*. Блюменберг добавляет, что не хочет выступать по этому поводу «оракулом».

<sup>293</sup> Так утверждает I. Meichsner (*Die Logik von Gemeinplätzen – vorgeführt an Steuermanntopos und Schiffsmetapher. Bonn, 1983. S. 155*): «Зависимость между образами рулевого и корабля — лишь односторонняя; отношения между ними не могут быть развернуты в другую сторону. Если топос рулевого зависим от идеи корабля, то это не значит, что образ корабля в принципе всегда влечет за собой метафорику рулевого».

<sup>294</sup> Об этом см.: *Brown D.G. Misconceptions of Inference // Analysis. 1955. Vol. 15. P. 135–144*, и *Matthews G. Metaphor and Inference as Travelling // Analysis. 1956. Vol. 16. P. 138–144*.

движения, либо есть воображаемое движение — как, например, мысленное путешествие, странствия в загробный мир<sup>295</sup> или странствие по жизни «человека-путника», «странствование души», духовное восхождение или нисхождение, если речь идет о «движении» психических состояний.

Как показывает испытание отрицанием в случае метафорически истинного выражения, применение логических операций к таким выражениям представляет некоторые проблемы. Ссылка на то, что у метафор «своя логика»<sup>296</sup>, может быть и верна, однако сама по себе дела не меняет<sup>297</sup>. Может ли высказывание «Ричард — лев и одновременно не лев» как целое быть метафорой, которая к тому же в обеих своих частях метафорически истинна? Как нужно толковать глобальные метафоры, такие, как механицистские и органицистские, чтобы можно было о них сказать, что они представляют собой «противоположные типы метафор»?<sup>298</sup> Если не считать этих проблем, то, может быть, есть смысл в том, чтобы говорить о метафорах, которые не проявляются на поверхности исследуемых текстов<sup>299</sup>. В таком случае речь идет о конструкциях имплицитного значения, причем метафорическое значение есть лишь один из вариантов такого имплицитного значения. По оси конкретизации, метафоры можно было бы рассматривать как наименее конкретные проявления, аналогии — как промежуточные,

<sup>295</sup> Об этом см.: *Koller H. Jenseitsreisen des Philosophen // Asiatische Studien*. 1973. Bd. 27. S. 35–57, а также: *Idem. Die Jenseitsreise: Ein pythagoreischer Ritus // Symbolon*. 1971. Bd. 7. S. 33–52. В религиозной литературе Средневековья такие странствия описываются как картины загробного мира в форме видений с дидактическими целями — например, у Гонория Августодунского или — в литературно-аллегорическом варианте — у Данте. Об этом см. (с указанием литературы): *Dinzelbacher P. Nova visionaria et eschatologica // Mediaevistik*. 1993. Bd. 6. S. 45–84, а также: *Idem. Visioni e profezie // Lo spazio letterario del medioevo*. Т. II. Roma, 1994. P. 649–687.

<sup>296</sup> См.: *Weinrich H. Semantik...*; далее ссылки в: *Debatin B. Die Rationalität...* S. 104 ff.

<sup>297</sup> Первая (и проблематичная) попытка, предпринятая на основе субституциональной концепции метафор, содержится в работе: *Martin R.M. On Metaphor and Logical Form // Idem. Logico-Linguistic-Papers*. Dordrecht, 1981. P. 21–35.

<sup>298</sup> Так в: *Blumenberg H. Paradigmen...* S. 91.

<sup>299</sup> См. также: *Danzinger K. Generative Metaphor and the History of Psychological Discourse // Metaphors in the History of Psychology / Ed. by D.E. Leary*. Cambridge, 1990. P. 331–356, особенно p. 338.

а модели — как самые конкретные проявления<sup>300</sup>. Эти проявления могли бы реализовываться параллельно к оси времени, а могли бы и варьировать по отношению к ней. Их можно было бы сравнить с концепциями, которые в области эмпирических теорий вступают в подобные отношения, восходящие до их метафизических пресуппозиций. Возможно, порой будет трудно различить метафизическое и буквальное, а также неметафизическое и метафорическое выражения<sup>301</sup>, образуемые «субструктурой мышления»<sup>302</sup>, так что будет представляться подходящим для переноса все, что, например, в рамках методологии исследовательских программ Имре Лакатоса превращено в эвристически эффективные и обеспечивающие построение теорий метафизические принципы; правда, при этом нельзя исключить опасности того, что употребление метафор станет для историка философии и науки слишком нестрогим<sup>303</sup>.

Примерно то же можно разработать и применительно к отношениям с другими когнитивными единицами. Метафоры могут соперничать с теориями или понятиями, а могут их дополнять или пояснять благодаря наглядности. Их можно счи-

<sup>300</sup> Такова направленность работы: *Pihrman K.H. The Role of Analogy in Transcending Limits in Brain Sciences // Daedalus. 1980. Vol. 109. P. 19–38*, а также: *Idem. From Metaphors to Models: the Use of Analogy in Neuropsychology // Leary D.A. Metaphors in the History... P. 79–103*.

<sup>301</sup> Одно из многих соображений в данной связи — идея «синтаксической метафоры», согласно которой языковая структура «субъект — предикат» может выражать не только, как обычно, отношение «действующее лицо — действие», но и другие отношения, намекая синтаксически на их сходство, которого семантически не существует. См. в первую очередь: *Stenius E. Wittgenstein's Tractates. A Critical Exposition of Its Main Lines of Thought. Oxford, 1960. P. 211 ff.*, а также в особенности: *Schneider H.J. Syntactic Metaphors: Frege, Wittgenstein, and the Limits of a Theory of Meaning // Philosophical Investigations. 1990. Vol. 13. P. 137–153; Idem. «Syntaktische Metaphern» und ihre begrenzende Rolle für eine systematische Bedeutungstheorie // Deutsche Zeitschrift für Philosophie. 1993. Bd. 41. S. 477–486; Idem. Metaphorically Created Objects: «Real» or «Only Linguistic»? // Metaphor and Rational Discourse / Ed. by B. Debatin et al. Tübingen, 1997. P. 91–100*. См. также: *Leddy Th. Metaphor and Metaphysics // Metaphor and Symbolic Activity. 1935. Vol. 10. P. 205–222*.

<sup>302</sup> *Blumenberg H. Paradigmen... S. 13*.

<sup>303</sup> Достаточно, думаю, одного примера: принцип относительности, выдвинутый Эйнштейном в 1905 году, назван «новой или ведущей метафорой» — см.: *Johnson-Sheehan R.D. Scientific Communication and Metaphors: An Analysis of Einstein's 1905 Special Relativity Paper // Journal of Technical Writing and Communication. 1995. Vol. 25. P. 71–83, здесь p. 77*.

тать зависимыми от когнитивных единиц, располагающихся на более высокой ступени, — например, проблем или идей, которые ими управляют, или парадигм и исследовательских программ, частью которых они могли бы быть. До сих пор лишь изредка предпринимаются попытки определить функции метафорического выражения по отношению к современному им окружающему миру — например, экспликативные, вариативные, обогащающие, продолжающие, повышающие или коннотирующие<sup>304</sup>. У метафор есть прошлое, к которому следует обращать вопросы об их континуитете и дисконтинуитете, тем более что образ метафоры, идентичной самой себе, применительно к которой изменения толкуются как обогащения смысла, — несомненно, слишком упрощает суть дела. Проблема заключается, во-первых, в выделении метафор, во-вторых, в их идентификации: как можно отграничить метафоры друг от друга и в какой мере можно объединять их в надвременные метафорические поля, объединяемые темой или областью бытования? Против интертекстуальных критериев идентичности говорит тот принцип, что каждый случай метафорического словоупотребления имеет «в последнем» «свое собственное лицо» и настолько же «отличен от всех других», как и «текст», в котором он «встречается»<sup>305</sup>. Одновременно, правда, указывается на возможность «надындивидуального образного мира», на то, что «метафора принадлежит сообществу»<sup>306</sup>. Какая доля непосредственного контекста, в котором идентифицируется метафорическое выражение и который придает ему смысл, должна сохраняться, чтобы можно было говорить о проявлениях одной и той же метафоры или чтобы отдельное метафорическое событие соотносилось с предшествующим? Могут ли отдельные выражения замещать, репрезентировать этот кон-

<sup>304</sup> Horn A. Zur Syntax der Metapher // Sprachkunst. 1987. Bd. 18. S. 245–264; там же см. попытки экспликации каждой из «функций», ориентированные, правда, в основном на литературные тексты.

<sup>305</sup> Weinrich H. Semantik... S. 344.

<sup>306</sup> Weinrich H. Münze... S. 277. Еще сильнее гипотезы об универсальном характере некоторых метафор: см., например, исследование о совпадающих смысловых прилагательных, используемых для обозначения физических и психических свойств в исторически независимых друг от друга языках: Asch S.E. The Metaphor: A psychological Inquiry // Documents of Gestalt Psychology / Ed. by M. Henle. Berkeley, 1961. P. 86–94.

текст и рассматриваться в качестве своего рода намеков?<sup>307</sup> Одно и то же вербальное выражение может приводить ко множеству несовместимых или противоположных форм метафорического выражения, так что стабильность метафорически употребленного выражения не может зависеть от этих присвоений значения.

Метафоры производят следствия, которые могут менять их статус. На фоне того, что имеет место до, после, вокруг и наряду с метафорой, выстраиваются интра-, интер- и трансметафорические связи. Эти связи затем и изучает историк метафор, однако — как уже было сказано — историк метафор работает с ними иначе, чем тот, кто понимает метафору, употребляя ее. И наконец, метафоры обрамлены социальным миром, который они преобразуют, — точно так же, как и понятия, — в структурированное поле, элементами которого являются факторы и индикаторы. Поясню на примере сложность отношений между метафорическим выражением и социальным миром: метафору «король — это солнце» следует рассматривать в соответствии со средневековым геоцентрическим представлением о Солнце, и в этом отношении она осмысленна. Но и у Коперника данная метафора тоже встречается, однако теперь уже в гелиоцентрическом смысле: приведенное им графическое изображение, где Солнце расположено посередине, Коперник поясняет так: Солнце восседает и правит своими детьми — планетами, которые вокруг него кружат<sup>308</sup>. Здесь метафорически переносное значение получает описание уже не тех свойств космологической системы, как прежде, в связи с этим напрашивается предположение, что и в социальной системе что-то из-

<sup>307</sup> Об этом см. вызывающую некоторые сомнения статью: Keller-Bauer F. *Metaphorisches Verstehen. Eine linguistische Rekonstruktion metaphorischer Kommunikation*. Tübingen, 1984, где вводится понятие «метафорического precedente» как «вспоминания о прежнем метафорическом использовании» (S. 28).

<sup>308</sup> См.: Коперник Н. Об обращении... Кн. I. Гл. X. Весь пассаж, относящийся к схеме, звучит так: «В середине всех этих орбит находится Солнце; ибо может ли прекрасный этот светоч быть помещен в столь великолепной храмине в другом, лучшем месте, откуда он мог бы все освещать собой? Поэтому не напрасно называли Солнце душой Вселенной, а иные — Управителем мира; Трисмегист называет его "видимым Богом", а Электра Софокла — „всевидающим“. И таким образом Солнце, как бы восседая на царском престоле, управляет вращающимся около него семейством светил».

менилось — от мобильности короля в Средневековье в сторону его оседлой жизни в собственной резиденции, как это имело место во времена Коперника. Каким бы убедительным ни казалось это предположение, оно не может быть исчерпывающим<sup>309</sup>. Ведь через пятьдесят лет после Коперника Тихо Браге использует тот же самый образ, хотя теория у него уже существенно иная: у него в центре все еще находится Земля, в то время как другие планеты вращаются вокруг Солнца, которое вместе со всей этой «семьей» кружит вокруг Земли<sup>310</sup>. Неприя-

<sup>309</sup> В кн.: *Harvey W. An Anatomical Disputation Concerning the Movement of the heart and Blood in Living Creatures* [1628] / Transl. by G. Whitteridge. Oxford, L., 1976. Dedication to Charles. P. 3, где сердце описывается как центр круга кровообращения, автор говорит, имея в виду Коперника: «Солнце мира вокруг него, Сердце Республики [...]», далее: «Сердце всех тварей есть основа их жизни, и из него проистекает вся их сила и вся бодрость. Таким же образом и Король есть основа своего королевства, солнце своего микрокосма, сердце своего содружества, от которого проистекает вся власть и исходит вся милость». Но и это (как и многое другое у Харви) еще сказано в аристотелевском или галеновском смысле. Ранее, впрочем, большее распространение имело сравнение короля с «головой» — см.: *Archambault P. The Analogy of the «Body» in Renaissance Political Literature* // *Bibliothèque d'Humanisme et renaissance*. 1967. Vol. 29. P. 21–53; об одном примере идентификации короля с сердцем см.: *Frühsoerge G. Der politische Körper. Zum Begriff des politischen im 17. Jahrhundert und in den Romanen Christian Weises*. Stuttgart, 1974. S. 64 f. Кристофер Хилл указал на параллель между социальными изменениями и изменениями в метафорике Харви: если в 1628 году он своей «Метафорой» поддерживал абсолютную монархию, то после 1649 года, по мнению Хилла (которое, впрочем, не осталось без возражений), Харви стал своего рода республиканцем — см.: *Hill Chr. William Harvey and the Idea of Monarchy* // *The Intellectual Revolution of the Seventeenth Century* / Ed. by Chr. Hill. L.; Boston, 1974. P. 160–181; в двух своих сочинениях — «De generatione» и «De Moti cordis» — Харви приписывал сердцу различный статус; об этом см.: *Whitteridge G. William Harvey and the Circulation of the Blood*. L., 1971. Прославился Харви не в последнюю очередь своей метафорой сердца как насоса — об этом, в частности: *Basalla G. William Harvey and the Heart as a Pump* // *Journal of the History of Medicine*. 1962. Vol. 36. P. 467–470; *Webster C. William Harvey's Conception of the Heart as a Pump* // *Ibid.* 1965. Vol. 39. P. 508–517; *Whitteridge G. Ibid.* S. 169 ff.; *Burchell H.B. Mechanical and Hydraulic Analogies in Harvey's Discovery of the Circulation* // *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*. 1981. Vol. 36. Кроме того, он занимался и теоретической рефлексией — в разделе, посвященном сходствам и аналогиям, в: *Harvey W. De Motu locali animalium* / Ed. by G. Whitteridge. Cambridge, 1959. P. 150 f. и в: *Idem. Anatomical Lectures [...]* / Ed. by G. Whitteridge. L., 1964. P. 86, где говорится: «Отсюда правило Сократа по подобию [...]».

<sup>310</sup> См.: *Tycho Brahe. De Mvndi Aetherei Recentioribvs* // *Idem. Opera omnia, Sive Astronomiae Instavratae Progymnasmata, In duas partes distribvta [...]* secvnda

тие коперниканской теории пытались объяснить тем, что она лишала человека привилегированного положения во Вселенной и разрушала его нарциссические иллюзии<sup>311</sup>. Такие драматизирующие объяснения отошли — не в последнюю очередь благодаря исследованиям Блюменберга — в царство бессмертных легенд, и теперь проблема заключается скорее в том, как объяснить *приятие* теории Коперника, маловероятное даже для XVII века. В его метафоре идентификация пла, по-видимому, в основном через физические свойства Солнца, которые демонстрируют его величие относительными качествами: «больше, чем» и «ярче, чем», но не через его геометрическое положение в центре, а через пространственное отношение «выше, чем» и «ниже, чем», так что Солнце оказывалось «выше», чем Земля<sup>312</sup>.

Коперник время от времени ссылался на Плиния или Цицерона<sup>313</sup>, которые говорили о «середине», однако они (в противоположность тому, что он, по-видимому, думал) имели в виду, что с точки зрения геоцентрической Вселенной есть такие небесные тела, которые располагаются выше Солнца, и такие, которые располагаются ниже его. Как показывают ссыл-

---

[...] *Francofurti*, 1648. *Pars secvnda*. P. 96: «[...] остальные же пять планет вокруг самого Солнца, словно вокруг своего герцога и короля, ходят по кругу [...]».

<sup>311</sup> Об этом писал уже: *Dingle H. Astronomy in the Sixteenth and Seventeenth Centuries* // *Science, Medicine and History* / Ed. by E. A. Underwood. L., 1953. Vol. I. P. 455–468; в последнее время прежде всего: *Brague R. Geozentrismus als Demütigung des Menschen* // *Internationale Zeitschrift für Philosophie*. 1994. S. 2–24, который подробно доказывает, что в «докоперниканском мировоззрении [...] центральное положение Земли было не почетным местом, а ровно наоборот» (S. 6). Крупные теологические проблемы возникают лишь с предположением о существовании нескольких населенных миров.

<sup>312</sup> Я не могу здесь вдаваться в анализ упомянутых метафорических формулировок, тем более что они различны; наряду с неотносительными и относительными следовало бы учитывать еще формы каузальных или других отношений более высокого ранга; концепцию такого анализа см. в статье: *Gentner D. Structure-Mapping: A Theoretical Framework for Analogy* // *Cognitive Science*. 1983. Vol. 7. P. 155–170.

<sup>313</sup> Ср. «Сон Сципиона» в трактате: *Marcus Tullius Cicero. De Re Publica*. VI. C. 17 [рус. пер.: *Марк Туллий Цицерон. Диалоги*. М., 1994 / Пер. с лат. и коммент. В.О. Горенштейна. Издание подготовили И.Н. Веселовский, В.О. Горенштейн и С.Л. Утченко]: «Далее внизу, можно сказать, среднюю область занимает Солнце, вождь, глава и правитель остальных светил, разум и мерило вселенной; оно столь велико, что светом своим освещает и заполняет все».



ки на Гермеса Трисмегиста и Софокла, метафорика возвышенного образа Солнца у Коперника основывается на таких предположениях, которые разделял также, например, Кеплер, сравнивавший Солнце с разумом (*mens*)<sup>314</sup>, или таких, которые тем или иным образом отражают величие Солнца<sup>315</sup>. И может получиться так, что посредством гелиоцентрической картины геометрическое описание Солнца и социальное описание монархии метафорически экземплифицируют некое общее свойство и что только эта экземплификация (которая может вбирать в себя и другие экземплификации в плане физических свойств, кроме тех, которые относятся к «выше» и «ниже») и дала теории Коперника в определенных сферах шанс найти признание<sup>316</sup>.

Я перехожу к завершению. Та история метафор, которую практикует Рорти, — это ни история *метафор*, ни *история* метафор. То, что практикует Блюменберг, представляет собой гораздо более интересную модель и того и другого, но требует дальнейшего прояснения и разбора во многих аспектах, которые сам Блюменберг систематически мало разрабатывал<sup>317</sup>. Главное возражение против того, что делает Блюменберг, я выскажу и проиллюстрирую на небольшом примере. В его кни-

<sup>314</sup> См.: *Kepler J. Harmonices...* S. 366: «И как Солнце, вращаясь, источаемым из себя взглядом [*speciem*] движет все планеты, так же и разум, — учат философы, — понимая самого себя и совершая относительно себя всякие расчеты и размышления, а свою простоту в них выводя наружу и разъясняя, делает все понятным».

<sup>315</sup> У драматурга шекспировской эпохи Джона Уэбстера в «Белом дьяволе», например, читаем: «Жизнь правителей должна быть подобна Солнцу, которое в своем движении столь строго, что с незапамятных времен правит движением мира и временем» — см.: *Webster J. Der weiße Teufel [The White Devil, 1612] // Dramen der Shakespearezeit / Hg. von R. Weimann. Leipzig, 1964. S. 542.*

<sup>316</sup> См. об этом в целом: *Hutchison K. Towards a Political Iconology of the Copernican Revolution // Astrology, Science, and Society / Ed. by P. Curry. Woodbridge, 1987. P. 95–141.* Формулировки его очень взвешенные, но все же он не учитывает многообразия существовавших в XVII веке аргументов за и против теории Коперника, исходя из которых только и можно понять подлинную проблему их сравнительной роли в принятии или отторжении этого утверждения знания. См. об этом: *Danneberg L. Hermeneutik...; Idem. Schleiermacher...*

<sup>317</sup> Я имею в виду, например, его мнение о континуитете и дисконтинуитете в истории философии и науки — в частности, в его крупных работах, таких, как: *Blumenberg H. Die Genesis der kopernikanischen Welt. Frankfurt a. M., 1975; Idem. Der Prozeß der theoretischen Neugierde. Frankfurt a. M., 1973.*

ге «Читаемость мира», вызвавшей справедливое восхищение, есть место, посвященное Спинозе. Блюменбергу оказывается трудновато связать Спинозу со своей центральной метафорой чтения, и то, как он пытается это сделать (через этимологию), — мягко говоря, несколько разочаровывает. Причина не в том, что Спиноза не имеет отношения к теме книги, а в том, что Блюменберг это отношение хочет «считать», причем ограничивается языковыми репрезентациями метафорики книги («языковой сферой выражения», как у него сказано), то есть как раз не предпринимает считывания той центральной метафорики, что стоит за текстом<sup>318</sup>. И потому он оставляет без внимания то место в «Богословско-политическом трактате» Спинозы, который для данной темы наиболее важен, — а именно известный пассаж, начинающийся словами «А этот метод истолкования Писания, коротко говоря, не отличается, по-моему, от метода истолкования природы, но согласуется с ним совершенно»<sup>319</sup>. Затем Спиноза поясняет, в чем заключается этот общий метод<sup>320</sup>. Это, несомненно, относится к теме метафорики двух Книг, и в этом пассаже (как и в нескольких других) Спиноза делает лишь небольшой шаг вперед по сравнению с прошлым, но этот шаг производит гигантский эффект на метафору книги и на преобразование этой метафоры. Однако, чтобы увидеть это, данную метафорику надо не изолировать, а рассматривать в неразрывной взаимосвязи с неметафорическими рассуждениями. Интенсивное изучение философ-

<sup>318</sup> См.: *Blumenberg H. Die Lesbarkeit der Welt. Frankfurt a. M., 1981, особенно s. 101–107.*

<sup>319</sup> *Spinoza B. Tractatus theologico-politicus [1670]. Theologisch-politischer Traktat / Hg. von G. Gawlick, F. Niewöhner. Darmstadt, (1979) 1989. Kap. VII. S. 231. [Рус. изд.: Спиноза Б. Богословско-политический трактат... С. 308.]*

<sup>320</sup> См.: Ор. cit.: «Ибо как метод истолкования природы состоит главным образом в том, что мы излагаем собственно историю природы, из которой, как из известных данных, мы выводим определения естественных вещей, так равно и для истолкования Писания необходимо начертать его правдивую историю и из нес, как из известных данных и принципов, заключать при помощи законных выводов о мысли авторов Писания. Ведь таким образом каждый (если действительно он для истолкования Писания и рассуждения о вещах, в нем содержащихся, не допустит никаких других принципов и данных, кроме тех только, которые заимствуются из самого Писания и его истории) всегда будет двигаться вперед без всякой опасности ошибиться и будет в состоянии рассуждать о том, что превосходит наше понимание, так же верно, как и о том, что мы познаем при помощи естественного света».

ских сочинений, которые появились, скажем, с начала XX века, сулит гораздо больший прогресс в познании биографии «абсолютной метафоры», чем метод, при котором текст прочесывается под одним узким (чисто языковым) углом зрения. Оно позволило бы (я здесь могу лишь в самых общих чертах об этом сказать) сделать заключение, что с появлением профанной герменевтики, созданной на основе герменевтики сакральной, но в чем-то решительно от нее отличающейся, семантика книжной метафоры меняется, потому что теоретически вводится понятие человеческой книги. Шаг, сделанный Спинозой, минимален: он отменил статус сакральной герменевтики как особого случая профанной и перевел Священное Писание в ведение герменевтики общей, тем самым в гносеологическом отношении приравняв его к человеческим книгам; это было, возможно, одно из самых крупных изменений, происходивших в понимании книги. Если бы исследование было сосредоточено на одних лишь метафорах, то оно вряд ли смогло бы это обнаружить, потому что герои профанной герменевтики ввели ее в состав современной им логики и тем самым институционально сделали ее одним из учебных предметов, но метафорику книги при этом практически не использовали.

Теоретически Блюменберг всегда имел в виду указанную проблему; например, говоря о «метафорики истины» в «продольном историческом разрезе», он в определенной точке останавливается и указывает на «идеальное требование комплементарного метода». Речь идет о такой интерпретации, которая исходит «из того идейного контекста, в рамках которого» метафорическое выражение «обретает свои контуры и свой колорит»: «такие поперечные сечения сами по себе уже могут быть чисто метафорологическими, они должны рассматривать понятие и метафору, дефиницию и образ как единство выразительной сферы мышления данного человека или данного времени»<sup>321</sup>.

К этому я хотел бы лишь добавить: никакая история метафор не может быть самодостаточной.

*Перевод с немецкого Кирилла Левинсона*

---

<sup>321</sup> Blumenberg H. Paradigmen... S. 49. В другом месте (s. 80) это вновь представит в виде последовательности и разделения: «Метафоры указывают поле, в котором терминологические изыскания должны выяснять детали».

ИЗ БИЛЕФЕЛЬДА В КЕМБРИДЖ И ОБРАТНО:  
ПУТИ УТВЕРЖДЕНИЯ  
«ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ» В РОССИИ  
Послесловие

Немецкий оригинал настоящего сборника вышел в свет в 2002 году — в начале 2006 года не стало одного из основателей немецкой истории понятий (*Begriffsgeschichte*) Райнхарта Козеллека. Его смерть способствовала новому этапу осмысления не только его собственных работ, но и дальнейших путей развития истории понятий. В отношении новых публикаций о *Begriffsgeschichte* 2006 год стал весьма урожайным: это были не только похвальные надгробные речи или новое переиздание работ ушедшего в вечность большого ученого<sup>1</sup>, но также и весьма критические замечания<sup>2</sup>, которые показывают, что история понятий развивается дальше и по-прежнему является дискуссионным, а следовательно, живым направлением. Дискуссии о возможностях и границах метода не закончились не только на родине различных подходов исторической семантики<sup>3</sup>, но переместились также и в сравнительно недавно открывшие для

---

<sup>1</sup> Появилось новое издание работ Р. Козеллека с переработанным научно-справочным аппаратом и статьями, поясняющими положение немецкой истории понятий в общеисторическом пространстве: *Koselleck R. Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache*. Frankfurt a. Main, 2006. См. также: *Gumbrecht Hans Ulrich. Dimensionen und grenzen der Begriffsgeschichte*. Paderbon, 2006.

<sup>2</sup> *Gumbrecht H.U. Pyramiden des Geistes. Über den schnellen Aufstieg, die unsichtbaren Dimensionen und das plötzliche Abebben der begriffsgeschichtlichen Bewegung*. In: *Gumbrecht Hans Ulrich: Dimensionen und grenzen der Begriffsgeschichte*. 2006. Paderbon: Wilhelm Fink Verlag, S. 7–36.

<sup>3</sup> Термин «историческая семантика» является прямым переводом немецкого *Historische Semantik*, направление, нашедшее свое отражение в издании фун-

себя историю понятий страны. В Голландии и Финляндии уже в течение некоторого времени развиваются центры по истории понятий, проходят конференции и круглые столы в Турции, Испании, в России, а работы Райнхарта Козеллека активно переводятся на другие языки<sup>4</sup>.

Несмотря на то что Козеллек был поклонником малых форм (за всю жизнь он написал только две цельных монографий<sup>5</sup>) и его небольшие статьи по отдельности легко поместятся в любом, даже не очень «толстом» журнале, — до последнего времени его работы мало переводились. Активные дебаты и критика немецкой *Begriffsgeschichte* со стороны английской ветви истории понятий в 70–80-е годы прошлого века не привели к широкому знакомству англоязычного читателя с твор-

даментальных справочных трудов, вроде словаря «Основные понятия». Дитрих Буссе так объясняет содержание этого подхода, возникшего прежде всего в рамках немецкой традиции: «исходной была мысль о том, что в словах выражаются понятия, а, тем самым, и языковые единицы, оказывающие влияние на общественную мысль во всех областях знаний. Поэтому необходимо еще раз проследить общественное и историческое воздействие понятий и также обнаружить их способность конституировать и изменять действительность». Буссе Д. История понятий — история дискурса — лингвистическая эпистемология. Философские замечания по поводу теоретических и методологических основ исторической семантики в связи с философией личности // Плотников Н.С.; Хаардт А. (ред.). Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге. М., 2007. С.110–135. Здесь с. 112.

<sup>4</sup> В Голландии над этой темой активно работают Pim den Boer, Wyger Veelma и Karin Tilmans. В Испании в русле немецкой *Begriffsgeschichte* работает Ксавье Фернандес Себастиан (Javier Fernández Sebastián), в Финляндии Хенрик Стениус. См., например: Stenius H. «The Finnish Citizen, How a Translation Emaculated the Concept» i Redescriptions. Yearbook of Political Thought and Conceptual History. Vol 8. Jyväskylä. Fernández Sebastián, Javier Intellectual History and Democracy: An Interview with Pierre Rosanvallon // Journal of the History of Ideas — Volume 68, Number 4, October 2007. P. 703–715.

В Турции в университете Истамбула недавно прошедшая международная конференция показала значительный международный интерес к наследию Козеллека (Турция, Испания, Дания, Болгария, Норвегия, Корея), а также к применению метода *Begriffsgeschichte* на отечественном материале (Istanbul, Turkey August 30 – September 2, 2007 «Transnational Concepts, Transfers and the Challenge of the Peripheries»). <http://www.itb.itu.edu.te/anchorage>

<sup>5</sup> Koselleck R. Preußen zwischen Reform und Revolution. Allgemeines Landrecht, Verwaltung und soziale Bewegung von 1791 bis 1848. Stuttgart, 1967; Koselleck R. Kritik und Krise: eine Studie zu Pathogenese der bürgerlichen Welt. Frankfurt am Main, 1973.

чеством Козеллека, и первое полномасштабное издание его статей на английском языке вышло только в 2002 году<sup>6</sup>. Подобное «невнимание» переводчиков по отношению к столь востребованным текстам можно объяснить, во-первых, трудностями перевода: немецкие термины, включая и ключевое понятие (*Begriff*), не всегда имеют однозначные эквиваленты. Например, *historical concept*, хотя и является наиболее распространенным вариантом перевода немецкого *Begriff*, но вариантом далеко не однозначным, потому как английское *concept* имеет и другие значения<sup>7</sup>. Не избегают этих проблем и русские переводы, а потому, не имея на руках немецкого оригинала, из них не всегда можно понять мысль автора<sup>8</sup>. Во-вторых, здесь играет роль укорененность самих исторических понятий в национальной традиции, в которой они получили свое употребление и сформировали свое значение. Вследствие этого Райнхарт Козеллек хотя и приветствовал интерес к методу *Begriffsgeschichte* со стороны восточноевропейских коллег, как и возможность создания общего словаря исторических понятий за три последних века в Восточной Европе, был, однако, предельно осторожен в отношении попыток сравнительной истории понятий<sup>9</sup>. Несмотря на то что он сам участвовал в подобном сравнитель-

---

<sup>6</sup> Koselleck R. The Practice of Conceptual History – Timing History, Spacing Concepts. Stanford, 2002.

<sup>7</sup> См., например, недавний сборник, посвященный историческим концептам, в котором «historical concept» употреблено в другом его значении: Hildermeier M. (Hg.). Historical Concepts between Eastern and Western Europe. New York, Oxford: Berghahn Books (New German Historical Perspectives, 1), 2007. Наиболее адекватным, хотя и малоупотребимым переводом немецкого понятия «Begriff» специалисты по истории понятий, например Ханс Эрих Бёдекер, считают английское «Notion».

<sup>8</sup> Принятые в немецком языке термины часто не имеют прямого эквивалента в русском языке, и если переводчик стремится точно следовать рамке немецкого текста – получается «калька», не всегда доступная пониманию без знания немецкого. Например: «Даже когда язык в процессе действия и страдания местами мог бы стать второстепенным фактором...» – Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX веков. С. 41.

<sup>9</sup> См.: Ricken U. Zum Verhältnis vergleichender Begriffsgeschichte und vergleichender Lexikographie? // Bödeker H.E. (Hg.). Begriffsgeschichte, Diskursgeschichte, Metapherngeschichte. (Göttinger Gespräche zur Geschichtswissenschaft Bandnummer: 14). Göttingen, 2002. S. 51–72.

ном проекте, он характеризовал такое исследование как методологическую апорию<sup>10</sup>.

Произошедший в гуманитарных науках в конце прошлого века «лингвистический поворот» предоставил истории понятий возможность обрести методологическую самостоятельность и поставил перед национальными школами исторической семантики проблему их соотношения. Поскольку эти национальные традиции развивались независимо и в продолжение достаточно долгого времени даже не стремились друг друга узнать, то с утверждением лингвистических методов в гуманитарных науках на широком международном пространстве встал вопрос о соотношении этих традиций между собой. Этой задаче и была посвящена конференция, состоявшаяся 1 июля 1999 года в Институте общества Макса Планка в Геттингене, материалы которой опубликованы в настоящем сборнике. В предисловии к этому изданию Ханс Эрих Бёдекер представил сравнительный анализ исторической семантики в трех научных традициях, участницах этого диалога — немецкой, англо-американской и французской. Он убедительно показал, что при сходстве теоретических подходов различное происхождение этих трех традиций и их параллельное развитие создают напряжение между общими для них «познавательными интересами и различными эпистемологическими посылками, что не позволяет согласовать эти направления без дальнейших дискуссий»<sup>11</sup>. Наиболее авторитетной версией, представляющей разные традиции внутри истории понятий, считается книга Мелвина Рихтера<sup>12</sup>, но она также не является окончательным решением указанной выше проблемы.

Все эти подходы нашли в России своих сторонников, и для активно развивающегося сейчас на русском материале метода истории понятий одним из ключевых стал вопрос о том, за

<sup>10</sup> Koselleck R. Spree, Ulrike; Steinmetz, Willibald Drei bürgerliche Welten? Zur vergleichenden Semantik der bürgerlichen Gesellschaft in Deutschland, England und Frankreich // Puhle H.-J. (Hg.): Bürger in der Gesellschaft der Neuzeit. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1991. (Sonderforschungsbereich 177 «Sozialgeschichte des Neuzeitlichen Bürgertums» an der Univ. Bielefeld). S. 14–58.

<sup>11</sup> См. настоящее издание: Бёдекер Х.Э. Отражение исторической семантики в исторической культурологии.

<sup>12</sup> Richter M. The History of Political and Social Concepts. A Critical Introduction. NY: Oxford Univ. Press. 1995.

какой из этих традиций следовать. Этот интерес демонстрирует, например, сборник статей «Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX веков», изданный Европейским университетом в Санкт-Петербурге. Как это часто бывает со сборниками, издание объединяет в себе статьи разного уровня проработанности и теоретической обоснованности: вводная статья Н.Е. Копосова задает общетеоретический тон, настроенный на немецкую *Begriffsgeschichte*, что подкрепляется и публикацией перевода статьи «столпа» немецкой истории понятий Райнхарта Козеллека<sup>13</sup>. Остальные статьи сборника посвящены анализу истории конкретных понятий русского политического дискурса: государству, демократии, суверенитету, народности и так далее.

Русский читатель до сих пор не имеет достаточно возможностей познакомиться с работами знаменитого немецкого ученого, потому особенно важно, что редакторы сборника «Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX веков» выбрали для русского издания последнюю версию программной статьи Козеллека «Социальная история и история понятий». Она гораздо меньше первого ее варианта сосредоточена на внутренней полемике профессоров университета Билефельда и более широко тематизирует проблему метода<sup>14</sup>. Эта статья принадлежит уже ко времени, когда история понятий заявила о себе как о более или менее самостоятельном методе, чему немало способствовал уже упомянутый «лингвистический поворот». Однако отношение Козеллека к этой автономности осталось весьма осторожным, потому как языковая реальность существовала для него не самостоятельно, а только в тесной связи с социальным. «Если каждый речевой акт есть действие, то далеко не каждое действие есть акт речи», — откомментировал он триумфальное шествие лингвистических методов в

---

<sup>13</sup> Копосов Н.Е. История понятий вчера и сегодня // Копосов Н.Е. (ред.): Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX веков. С. 9–32; Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Там же. С. 33–53.

<sup>14</sup> Статья «Социальная история и история понятий» была написана Козеллеком в начале 70-х годов прошлого века. В сборнике под редакцией Н.Е. Копосова, Н.Д. Потаповой и М.М. Кромма помещен вариант 1986 года: Kosselleck R. Sozialgeschichte und Begriffsgeschichte // Sozialgeschichte in Deutschland. Entwicklungen und Perspektiven im internationalen Zusammenhang. Band 1 Die Sozialgeschichte innerhalb der Geschichtswissenschaft. 1986. Göttingen. S. 89–109.



исторических исследованиях<sup>15</sup>. Доклад Райнхарта Козеллека «К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий», помещенный в настоящем сборнике, — это его размышления о месте *Begriffsgeschichte* в социальных науках после «лингвистического поворота», о месте понятий среди лингвистических теорий, а также размышления о дальнейших возможностях развития метода.

Несмотря на близость Козеллека к немецкой философской традиции историзма и герменевтики, а также на его сотрудничество с многочисленными авторами известного философского лексикона «Исторический словарь философии» (*Historisches Wörterbuch der Philosophie*)<sup>16</sup>, *Begriffsgeschichte* воспринимается как направление внутри исторической науки. Чтобы подчеркнуть эту укорененность в истории и отличить метод Козеллека от подхода авторов «Исторического словаря философии», в немецких текстах историю понятий называют «историографической историей понятий»<sup>17</sup>.

Изначальная связь истории понятий и исторической науки состояла в идее, исходившей из общего литературоведения и философии, «что история проявляет себя в определенных понятиях и вообще история — это то, что было когда-либо понято»<sup>18</sup>. Кроме того, история понятий могла рассматриваться как метод критики источников, позволяющий защитить научный язык историков от анахронизмов, подвергнуть историописание так называемому «семантическому контролю», о чем неоднократно говорил Козеллек, доказывая важность истории понятий для социальной истории<sup>19</sup>. Еще одним влиятельным

<sup>15</sup> Koselleck R. *Feinbegriffe* // *Jahrbuch der Deutschen Akademie für Sprache und Dichtung*, 1993. S. 83–90; S. 84.

<sup>16</sup> См. об этом подробнее: *Плотников Н.* Воспитание «личности». От «индивидуальности» к «идентичности». История воспитания личности в русской культуре // *Новое литературное обозрение*. 2008. № 3. С. 64–83.

<sup>17</sup> См., например, введение Ханса Эриха Бёдекера к настоящему изданию. См. также: *Буссе Д.* Указ. соч. С. 125.

<sup>18</sup> *Dipper Ch.* Die «Geschichtlichen Grundbegriffe». Von der Begriffsgeschichte zur Theorie der historischen Zeite // *Historische Zeitschrift*. 2000. Jg. 270. S. 281–308. Здесь s. 288.

<sup>19</sup> *Bödeker H.E.* Begriffsgeschichte als Theoriengeschichte — Theoriengeschichte als Begriffsgeschichte. Ein Versuch // *Casale R., Tröhler D., Oelkers J.* (Hg.). *Methoden und Kontexte. Historiographische Probleme der Bildungsforschung*. Göttingen, 2006. S. 100.

фактором явились жесткие рамки программы, заданной вполне конкретным проектом по составлению словаря «Основные исторические понятия» (*Geschichtliche Grundbegriffe*). Ее главные положения — ограничение временного пространства *переломным временем* (*Sattelzeit*), то есть эпохой между 1750 и 1850 годами, а также ограничение поля исследования только *основными понятиями* (*Grundbegriffe*), дефиницию которых Козеллек приводит в последнем томе лексикона, — были вызваны потребностями словаря, над которым билефельдская «рабочая группа по современной социальной истории» (*Arbeitskreis für moderne Sozialgeschichte*) работала многие годы. Как минимум для реального осуществления подобного проекта требовалось произвести выборку «основных понятий», что проходило не всегда гладко. Например, в словарь не попали важные для истории понятия «время» и «пространство», тогда как присутствовали неологизмы, не принадлежавшие переломному времени, вроде «фашизма» и «антисемитизма»<sup>20</sup>. Кроме того, авторы словарных статей не всегда сходились во мнениях и не всегда придерживались заданной Козеллеком теоретической концепции.

Концепция переломного времени пережила трансформацию за долгие годы работы над словарем, также изменились и взгляды самого Козеллека, — в последней версии его статьи «история понятий и социальная история» нет речи как о переломном времени, так и об основных понятиях. Однако в работе над словарем рабочая группа должна была поддерживать хотя бы внешне однажды заданную линию, чтобы быть в состоянии завершить работу над ним<sup>21</sup>. Даже и критика методов истории понятий, уже после «лингвистического поворота» и появления «археологии знания» Мишеля Фуко, никогда не была мотивирована в Германии только лингвистически. «Она отталкивалась от того странного подвешенного состояния, в котором находилась история понятий, — между историей мысли (историей идей) и историей слов»<sup>22</sup>. В статье «Размышления

<sup>20</sup> *Dipper Ch.* Die «Geschichtlichen Grundbegriffe». С. 292.

<sup>21</sup> *Козеллек Р.* К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий. См. настоящее издание: С. 23.

<sup>22</sup> *Буссе Д.* Указ. соч. С. 113. Отечественным примером второго подхода — лексикографии, или, как ее называет Буссе, «истории слов», см., например, работу В.В. Виноградова: *Виноградов В.В.* История слов. М., 1999.

о методе истории понятий» Ханс Эрих Бёдекер подробно разбирает вопрос о дальнейшем развитии немецкой истории понятий, о том, что объединяет ее с англо-американским дискурсивным анализом и французским типом исторической семантики<sup>23</sup>. Настоящий сборник показывает стремление разных направлений исторической семантики к диалогу развивавшихся параллельно традиций.

Возможно, оттого, что Западная Европа представляется с точки зрения русской науки неким единым пространством, осмысление наследия направлений исторической семантики в русской науке происходит прежде всего через выявление их отличий. Интерес к методу истории понятий развивается в России по преимуществу под влиянием Кембриджской школы, что, возможно, вызвано большей распространенностью английского языка по сравнению с немецким или французским. В уже упомянутом сборнике Санкт-Петербургского Европейского университета те авторы статей, которые эксплицитно заявляют о своем принятии метода истории понятий, ссылаются, например, не на Козеллека, а на представителей Кембриджской школы — Джорджа Покока и Квентина Скиннера, хотя и не всегда следуют своим заявлениям<sup>24</sup>. Например, статья С.В. Андрияйна посвящена проектам и формированию мировоззрения П.И. Шувалова, которое автор без лишних доказательств называет «идеологией». Он рассматривает взгляды Шувалова в отношении известных и популярных философских концепций того времени, а вывод его концентрируется на фигуре самого Шувалова, который «по праву занимает уникальное место в истории Российской империи XVIII в.»<sup>25</sup>. Такой подход намного ближе к традиционной (философской) истории идей (*History of Ideas*), чем к истории понятий, поскольку история понятий стремится «не устранить зазор между понимающим и понимаемым, а, наоборот, заострить внимание к

<sup>23</sup> Бёдекер Х.Э. Размышления о методе истории понятий.

<sup>24</sup> Андрияйна С.В. «Изобретение всеобщего добра»: идеологические основания деятельности графа П.И. Шувалова (1710–1762). С. 71 // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX веков; Рощин Е.Н. История понятия «суверенитет» в России. С. 191 // Там же.

<sup>25</sup> Андрияйна С.В. Указ. соч. С. 107.

той дистанции, которая обнаруживается между языком источника и языком исследователя»<sup>26</sup>.

Другой пример применения методов «истории понятий», в котором возникают сомнения, к какому «теоретическому багажу» — немецкому или английскому — можно отнести исследование: статью Е.Н. Рощина, посвященную истории утверждения в русском политическом дискурсе понятия *суверенитет*. Здесь автор выделяет три этапа: первый связан с утверждением западного понятия *суверенитет* под русским названием *верховная власть* и *верховность*, второй — с утверждением юридической профессии в России и с заимствованием немецкого термина *суверенитет* на уровне специальной литературы; третий — введение термина в официальный государственный словарь, в котором он изменяет свое смысловое содержание. Результат этого интересного анализа показывает плодотворность метода истории понятий для русской истории. Но и тут у специалистов по истории понятий возникает сомнение в правомочности применения методов Скиннера и Покока. Поскольку анализ понятия *суверенитет* в этой статье связан прежде всего с официальным дискурсом, то редактор сборника относит его скорее к немецкой *Begriffsgeschichte*, чем к методам Кембриджской школы<sup>27</sup>, а оценивая место истории понятий для русских исследований, отмечает, что «из обзора материалов сборника видно, что интерес к истории понятий пока еще мало связан с обращением к работам основоположников жанра. В той слабой мере, в какой это все же происходит, англосаксонская традиция явно преобладает над немецкой»<sup>28</sup>.

Очень показательно, что в русском научном пространстве так много внимания уделяется разграничению различных методологических концепций. Это стремление закрепить за каждым методом его четкое место происходит, возможно, от потребности иметь в качестве защиты своей позиции авторитетного предшественника. Кроме того, и сам теоретический фундамент строится на работах западных исследователей, что

---

<sup>26</sup> Плотников Н. Воспитание «личности». От «индивидуальности» к «идентичности». С. 68.

<sup>27</sup> Копосов Н.Е. История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX веков. С. 31

<sup>28</sup> Там же. С. 32.

приводит не только к «трудностям перевода», но и к потребности, куда более важной для России, чем для Западной Европы, представить зарубежные методы в виде ясной схемы и/или иерархии различных теоретических школ. Кроме очевидных сложностей такого четкого разграничения существует также проблема потери связи с контекстом, в котором развивались эти теоретические дискуссии и который во многом задавал тон в развитии истории понятий как направления. О проблематичности разделения методов Козеллека и Кембриджской школы говорит и вводная теоретическая статья сборника, указывая на схожесть исследовательской практики английского и немецкого варианта, несмотря на различное понимание роли самих понятий<sup>29</sup>. При этом, однако, практические исследования по истории понятий оцениваются в этой статье все-таки по шкале — ближе/дальше к Козеллеку/Скиннеру<sup>30</sup>. Об этом же разграничении снова заходит речь и в помещенном в сборнике отчете о круглом столе «История понятий как метод», где участники снова искали водораздел между Пококом и Козеллеком, а также спорили о применимости или неприменимости метода Скиннера к истории России раннего Нового времени. Все эти попытки не привели, однако, к какому-либо определенному выводу и на круглом столе снова пришли к мнению, что нет оснований жестко отделять Кембриджскую школу от немецкой истории понятий<sup>31</sup>.

Различие методов Кембриджской школы и *Begriffsgeschichte* — есть следствие разной историографической традиции и условий формирования этих концепций. Н.Е. Копосов во всту-

<sup>29</sup> Копосов Н.Е. История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX веков. С. 24.

<sup>30</sup> Оценивая опубликованные в сборнике статьи, каждый раз упоминается о том, разделяют ли они метод Покока/Скиннера или Козеллека. См., например: «Статья М.М. Крома... вполне намеренно написана в ключе истории понятий, однако совершенно очевидно, что автору ближе более позитивистская версия Скиннера...», или по поводу статьи Андриайнена С.В. «... в статье сделан лишь самый первый шаг в этом направлении, свидетельствующий, впрочем, об интересе автора скорее к англосаксонской, чем немецкой версии истории понятий» — Копосов Н.Е. История понятий вчера и сегодня // Там же. С. 30.

<sup>31</sup> История понятий как метод (Круглый стол) / Подготовка материала Е.Н. Рошина // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX веков. С. 231–241. Здесь с. 233.

пительной статье много внимания уделяет специфическим условиям формирования *Begriffsgeschichte* в постнацистской Германии, к чему следует еще добавить различные теоретические влияния. Так, теории языка развивались в Германии прежде всего под воздействием герменевтики Ханса-Георга Гадамера, поставившего вопрос о языке как центральной проблеме понимания, а также указавшего на необходимость точного разграничения исторической и философской истории понятий<sup>32</sup>. Языковые теории в Англии развивались вслед за аналитической философией Людвига Витгенштейна, — отсюда следуют и различные задачи анализа понятий для обоих направлений, которые не означают, что они придерживаются взаимоисключающих методов.

В споре с английскими коллегами Райнхарт Козеллек так обозначил взаимоотношения между привязанностью немцев к социальной истории и английской склонностью к истории дискурса: «История понятий и история дискурса могут рассматриваться как противоположные и несовместимые, но они неизбежно зависят друг от друга. Дискурс требует основных понятий для того, чтобы показать, о чем идет речь. Анализ понятий требует обладать как лингвистическим, так и внелингвистическим контекстом, включая и тот, который предоставляется дискурсами»<sup>33</sup>. В конечном счете вопрос о том, какой из двух вариантов английский или немецкий наиболее адекватен для исследования понятий, зависит от того, каковы познавательные интересы исследователя: интересуют ли его разнообразные дискурсы, или он хочет объяснить при помощи понятий социальные процессы. Для мало еще «распаханного» русского поля исследований исторических понятий предоставляется много возможностей для дальнейшего развития метода: неразрешимый же спор, кто правильнее понимает Козеллека и

---

<sup>32</sup> Dipper Ch. Die «Geschichtlichen grundbegriffe». S. 287. Райнхарт Козеллек указывал на Гадамера как на одного из своих «учителей» и на влияние герменевтики Хайдеггера, которая нашла свой путь к молодому послевоенному поколению ученых через семинары Гадамера. См. подробнее: *Begriffsgeschichte, Sozialgeschichte, begriffene Geschichte*. Reinhart Koselleck im Gespräch mit Christof Dipper // *Neue politische Literatur*. 1998. Jg. 43. H. 1. S. 187–205. Здесь s. 187.

<sup>33</sup> Koselleck R. A Response to Comments on the *Geschichtliche Grundbegriffe* // Lehman H., Richter M. (Hg.). *The Meaning of Historical Terms and Concepts*. 1996. P. 59–70. Здесь p. 65.

Скиннера или кто из них лучше подходит к русским реалиям, — угрожает истории понятий превращением в музейный экспонат, все будущее которого заключается в его прошлом.

Развитие исторической семантики, дискурсивного анализа или истории понятий после «лингвистического поворота», по словам Дитриха Буссе, неизбежно перерастет в лингвистически ориентированную эпистемологию<sup>34</sup>. Потому можно сказать, что как лингвистический дискурс-анализ, так и история понятий не только нуждаются друг в друге, но и развиваются в одном направлении. Несмотря на то что критический импульс в отношении истории понятий Козеллека базировался во многом на «Археологии знаний» Мишеля Фуко, по характеру своих задач *Begriffsgeschichte* является весьма близкой тому кругу исследований дискурса, которые ориентируются в своих теоретических установках на труды М. Фуко или позднего Витгенштейна<sup>35</sup>.

Эта общая философская база не упрощает, однако, сам вопрос о конкретном способе изучения понятий и не разрешает споров о методах исследования, которые велись и продолжают вестись между различными направлениями, изучающими слова/понятия. История понятий отличается от лексикографии и старой «истории идей» принципиальным интересом не просто к описанию этимологии слов или понятий внутри различных философских систем, а интересом к таким понятиям, которые влияют на формирование культурного опыта. Здесь ключевым является вывод Козеллека о том, что основные историко-социальные понятия — «это не только “индикаторы” общественных и исторических процессов, они могут напрямую влиять на исторические изменения как “факторы” этих процессов. В качестве примера часто приводятся такие понятия, как “социализм”»<sup>36</sup>. Кроме того, и сами технические приемы осуществления анализа подобных понятий также являлись дискуссионными внутри направления. Например, в «Справочнике основных социально-политических понятий во Франции с 1680 по 1820 год»<sup>37</sup>, инициированном историком Рольфом

<sup>34</sup> Буссе Д. Указ. соч. С. 111.

<sup>35</sup> Плотников Н. Указ. соч. С. 66.

<sup>36</sup> Буссе Д. Указ. соч. С. 112.

<sup>37</sup> *Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680–1820* / R. Reichardt, E. Schmitt (Hg.). München, 1985.

Райхардтом, предполагалось анализировать массовое словоупотребление определенной эпохи и через это реконструировать структуры сознания культурного опыта. Этот прием был раскритикован Козеллеком с самого начала как нереальный: «В таком случае у нас появились бы толстые книги об эволюции языка в Париже с 1869 по 1871 год или с 1791 по 1794 в том же Париже»<sup>38</sup>. Действительно, как комментирует эту ситуацию Николай Плотников: «общие понятия требуют для своего семантического наполнения теоретической рефлексии, которая позволяет выразить в них целый комплекс социальных процессов и объем политического опыта. А такая теоретическая рефлексия не может быть изучена на примерах массового словоупотребления, которые не дают в этом отношении никакого прироста знания»<sup>39</sup>.

Спровоцированные смертью Райнхарта Козеллека дискуссии по поводу развития истории понятий в Германии затронули и немецких славистов и специалистов по русской истории: сборник «Русская история понятий Нового времени: к постановке проблемы» — результат прошедшей на эту тему в Германии конференции<sup>40</sup>. Уже и само название сборника, что подтверждается и текстом вводной статьи, дает возможность предполагать миссионерский замысел этого издания — популяризировать историю понятий на русском материале и популяризировать ее в немецком варианте *Begriffsgeschichte*. В сборнике нет авторов ни из французской, ни из англо-американской традиции подхода к подобным исследованиям.

Автор предисловия выражает свои сожаления, что в России не создано базы для исследования понятий, подобной «словарю исторических понятий». По его мнению, в России еще пройдут годы, или даже десятилетия, прежде чем появится нечто подобное словарю «Исторические понятия»<sup>41</sup>. Однако если уже и сам Козеллек тяготился рамками, заданными сло-

---

<sup>38</sup> Koselleck R. Begriffsgeschichten. Frankfurt a.M., 2006. S. 537.

<sup>39</sup> Плотников Н. Указ. соч. С. 67.

<sup>40</sup> Thiergen P. (Hg.). Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2006.

<sup>41</sup> Thiergen P. Begriffsgeschichte: Traditionen, Probleme, Desiderat // Thiergen P. (Hg.). Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat. Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2006, S. XIII–XXIX. Здесь s. XXV.



варем «Geschichtliche Grundbegriffe», считая, что его метод давно перерос их границы, а «Переломное время», как и дефиниции «Основных понятий», не может объяснить всех поставленных *Begriffsgeschichte* вопросов<sup>42</sup>, то тем менее может подобный дорогостоящий проект быть плодотворным на русской почве. Отсутствие в России подобного словаря не означает, однако, неподготовленности научного языка, то есть русской «отсталости», на которую легко можно списать все недоработки предпринимаемых исследований на этой ниве. Например, в качестве проблемы русских исследований по истории понятий автор вступительной статьи к сборнику «Русская история понятий Нового времени», кроме отсутствия наработанной базы исследований, выдвигает еще и проблему церковно-славянского языка<sup>43</sup>. В этом пессимистическом взгляде ощущаются следы концепции «особого пути» (*Sonderweg*), которая хотя и утратила свою былую популярность, но все еще поддерживает стремление изучать Россию как отдельный и специфический феномен. Поэтому даже и общая для всех медиевистов потребность в специальных лингвистических познаниях выглядит на русском материале «особенной» проблемой.

В любом случае, язык летописей не является препятствием для анализа русских исторических понятий, как это показано в статье М.М. Кромма, посвященной анализу употребления слова «государство» в текстах конца XV — середины XVI века<sup>44</sup>. Представив широкий спектр значений *государства* в некоторых летописных текстах, М.М. Кромм конкретными примерами подкрепляет мнение историографии о том, что это понятие пережило в России XV—XVII веков значительную эволюцию: «от полного отождествления его с личностью государя до осознания множеством провинциальных дворян и горожан своей политической общности» и делает, таким образом, вывод о зарождении в России XVI века «modern State»<sup>45</sup>.

<sup>42</sup> См.: Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий.

<sup>43</sup> Там же. С. XXIII.

<sup>44</sup> Кромм М.М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI—XX веков. С. 54—69.

<sup>45</sup> Там же. С. 64, 69.

Русская история понятий в отношении изучения «государства» базируется в основном на исследованиях «state» в английском языке Квентина Скиннера, программная работа которого помещена в сборнике под редакцией Олега Хархордина «Понятие государства в четырех языках» и доступна теперь читателю и на русском языке<sup>46</sup>. Остальные статьи сборника тематизируют понятие государства во французском<sup>47</sup> и финском языках<sup>48</sup>. В основании статьи Олега Хархордина «Что такое государство?»<sup>49</sup> лежит идея, сходная с той, что проводится в статье Кромма, только тут автор связывает переход от личного подхода к государству как «state» с более поздним периодом русской истории. Точнее, он связывает этот переход с «решающим изменением в дискурсе», произошедшим в эпоху Петра Великого, «когда вводится понятие общего блага и предпринимается попытка наиболее радикальным образом дистанцировать персону государя от общности под названием государство»<sup>50</sup>. Анализируя русское понятие государства, Хархордин помещает его в своей статье в европейский контекст, «соображая известные факты о развитии термина “государство” в русском языке и проводя параллели с процессами развития понятий в других европейских языках»<sup>51</sup>. В результате он приходит к интересному выводу о той роли, которую вносит русский вариант развития понятия «государство» в общеевропейскую историографию истории понятий о государстве. По его мнению, русский, в некотором смысле «абсурдный случай», — «когда монархи использовали свою безграничную власть, чтобы навязать *res publica* сопротивляющемуся населению, — помогает понять, что было вообще поставлено на карту в процессе внедрения общего блага». По мнению автора, эта «апелляция к идее общего блага была необходима для того,

---

<sup>46</sup> Скиннер К. The State // Хархордин О. (Ред.). Понятие государства в четырех языках. СПб., 2002. С. 12–74.

<sup>47</sup> Кола Д. Политическая семантика «Etat» и «état» во французском языке // Там же. С. 75–113.

<sup>48</sup> Пулккинен Т. Valtio — история понятия «государство» в финском языке // Там же. С. 114–151.

<sup>49</sup> Хархордин О.: Что такое «государство»? Русский термин в европейском контексте // Там же. С. 152–217.

<sup>50</sup> Там же. С. 177.

<sup>51</sup> Там же. С. 155.

чтобы управлять поведением людей и контролировать их действия более тщательно и эффективно, чем это было возможно до тех пор, как в Западной, так и в Восточной Европе»<sup>52</sup>.

В сборнике «Русская история понятий Нового времени» сходному с изучением термина «государство» принципу интерпретации следуют статьи, посвященные анализу понятий *прогресс* (Райнхард Лауэр), *цивилизация* (Вольфганг Стефан Киссель) и *интеллигенция* (Галина Скляревская), которые, как и *государство*, можно причислить к основным понятиям русской истории<sup>53</sup>. Авторы статей сосредотачиваются в основном на изменениях смысла этих понятий в Новое время в связи с заимствованием из других языков или использованием в качестве флага различными общественными группами.

При том что русские авторы много внимания уделяют вопросу о том, как лучше развивать историю понятий в России — вслед за Козеллеком или за Кембриджской школой, а в немецком сборнике по русской истории понятий английский вариант практически не фигурирует, — в обоих этих сборниках чувствуется след традиционного литературного подхода. Во вводной статье Н.Е. Копосов намечает два варианта этого влияния: отечественная традиция лексикографии и «характерное для лингвистики у нас движение от истории литературы к истории культуры»<sup>54</sup>, влияние которой сказывается в доминировании литературных источников в русской истории понятий. Примером тому служит статья Д.А. Бадаляна, посвященная спорам литераторов о народности в России XIX века<sup>55</sup>. Уже в самом начале заявленное автором определение народности, как *эстетического*, являющегося частью *не коллективно бессознательного*, а созданного *усилиями отдельных интеллектуалов* понятия<sup>56</sup>, говорит о том, что речь пойдет прежде всего о внутри-

<sup>52</sup> Хархордин О. Что такое «государство»? Русский термин в европейском контексте // Там же. С. 192.

<sup>53</sup> Kissel W.S. Im Zeichen der Ambivalenz: Zur Geschichte des russischen Begriffs «civilizacija» im frühen 19 Jahrhundert. S. 189–202; Lauer R. «Progress» — der russische Fortschritt. S. 269–279; Скляревская Г.Н. Русские понятия «интеллигенция», «интеллигент»: Размышления о семантических трансформациях. С. 435–447.

<sup>54</sup> Копосов Н.Е. История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX веков. С. 26.

<sup>55</sup> Бадалян Д.А. Понятие «народность» в русской культуре XIX в. С. 108–122.

<sup>56</sup> Там же. С. 108.

литературных дискуссиях. Эта с самого начала заданная линия не нарушается и с появлением в тексте статьи официального дискурса народности С.С. Уварова, которую автор трактует без внимания к последним работам на эту тему<sup>57</sup>. Подобная логика исследования определяется самим понятием народности, которое появилось в русском дискурсе без всякой предварительной традиции как перевод с французского языка. Потому неудивительно, что большинство существующих на эту тему исследований также сосредотачиваются на литературных дискуссиях. Правда, автор статьи о народности в сборнике «Русская история понятий» пошел немного дальше в своих выводах, указав на идею о необходимости народного языка (следствия дискурса народности) как на непеременимое условие для существования национальной независимой литературы<sup>58</sup>.

Увлечение литературными примерами не всегда плодотворно для развития русской истории понятий, потому как часто результатом такого исследования становится работа — понятие такое-то в произведении такого-то автора. Наглядным примером подобного подхода служат многие статьи из сборника «Russische Begriffsgeschichte»: типичный для славистов прием — анализ понятия «пошлость» в романах Н.В. Гоголя или «размышление» у И.С. Тургенева — сам по себе правомерен, но никак не использует возможности, предоставляемые историей понятий для объяснения переломных эпох, смены и зарождения новых дискурсов<sup>59</sup>. Даже литературный анализ на более широкой источниковой базе — если он не касается ключевых

---

<sup>57</sup> Смысловое содержание понятия «народность» в трилогии С.С. Уварова отсылает в статье Бадаляна к работе Н.И. Цимбаева, написанной в 1989 году. Автор отводит народности второстепенную роль в Уваровской триаде, предполагая, что оно «попало туда, что называется, за компанию, ради создания красивой тройственной формулы и для поддержания двух первых составляющих» (Бадалян Д.А. Указ. соч. С. 116). При этом автор не упоминает о прямо противоположном этому выводу мнению А.Л. Зорина. См.: Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... М.: НЛЮ, 2001.

<sup>58</sup> Ebbinghaus A. «National» (narodnyj) und «nationale Eigenart» (narodnost) in der russischen Literaturkritik der 1820er Jahre // Thiergen P. (Hg.): Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2006. S. 51–79. Здесь s. 57.

<sup>59</sup> Heftrich U. Der Dämon im Alltagskleid: Zum Begriff der «poľlost» bei Nikolaj Gogol'. S. 127–138; Rothkoegel A. Der Begriff «Reflexion» bei I.S. Turgenew. S. 333–346.

для дискурса понятий или концентрируется только на мировоззрении пары оторванных от общества интеллектуалов — не позволяет «схватить» дискурсы эпохи через анализируемый текст.

Отечественная лексикография перешла из литературы и на исследование политических идеологий — чему примером является последняя работа Д.М. Фельдмана<sup>60</sup>. Конечно, советский период представляет массу материала для исследования языка — может быть, ни в одну из эпох языковые изменения не лежали так на поверхности и влияние языка на сознание не было так очевидно. Его анализ не имеет, однако, общей методологической базы с историей понятий: Фельдман исследует «изучение ключевых образцов словоупотребления, описание динамики словоупотребления, изучение причин, обусловивших изменения, наконец, изучение самой техники использования термина» в программе Хрущева на XX съезде и выражения идеологической программы советского и постсоветского руководства в отношении понятий «репрессии» и «реабилитация»<sup>61</sup>. Он рассматривает понимание и развитие терминов вроде «культ личности», способов их репрезентации народу, то есть автор пишет историю советского словаря как изучение злоупотребления словом. Но даже и в такой работе, в которой автор считает нужным отказаться от обзора литературы по теме и заявления своего места в историографии по причине того, что «о языке советской эпохи и специфике советской терминологии написаны — иностранными и отечественными учеными — сотни статей и десятки монографий...», Райнхарт Козеллек все-таки заслужил у него одного упоминания как противопоставивший «археологию понятий» «влиянию вербализма»<sup>62</sup>.

Возможность этого «схватывания» может быть наиболее результативна в переломные эпохи, и для русской истории совершенно необязательно искать или копировать немецкое *Sattelzeit*, что показывает ряд очень хороших работ о языке рево-

<sup>60</sup> Фельдман Д.М. Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М., 2006.

<sup>61</sup> Там же. С. 12–13.

<sup>62</sup> Там же. С. 12.

люции<sup>63</sup>. Эту интересную эпоху в сборнике «Исторические понятия и политические идеи в России XVI—XX веков» представляет статья Б.И. Колоницкого, посвященная различным интерпретациям понятия *демократия* во время революции 1917 года<sup>64</sup>. Автор представил пестрый спектр понимания слова *демократия* различными слоями общества: от политиков, использовавших повальное увлечение *демократизацией* в своих целях, до неграмотных крестьян и матросов — чьи трактовки *демократии* недалеко ушли от попыток освоения словаря иностранных слов дедом Щукарем: «“Адаптер” — означает: пустяковый человек, вообще сволочь, и больше ничего»<sup>65</sup>, — что в который раз подтверждает тот факт, что народ и власть часто говорят на разных языках. В результате изложения этих различных трактовок автор приходит к выводу, что «рассмотрение революции 1917 г. как конфликта сторонников демократии и ее противников весьма искажает действительность»<sup>66</sup>.

Очень плодотворным оказался метод *Begriffsgeschichte* для изучения перемен правовой культуры в России, которой посвятила свою статью Т.Ю. Борисова, хотя она и не объявляет себя последователем немецкой истории понятий и не ссылается в тексте на каких-либо авторитетных ученых этого направления<sup>67</sup>. Свое обращение к анализу конкретных понятий она обосновывает следующим образом: «Здесь важно отметить, что политические метаморфозы языковой реальности — не измышление исследователя, а явление, чрезвычайно важное для современников, провоцирующих их отклик»<sup>68</sup>. В статье представлен анализ правового дискурса, связанного с составлением

---

<sup>63</sup> См., например: *Kotkin S. Speaking Bolshevik // Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. University of California Press, 1995. P. 198—237*; или очень интересную работу Файджеса и Колоницкого, в которой под «языком революции» понимаются не только понятия, но и визуальные символы — флаги, плакаты. *Figes O., Kolonitskii O. Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven; London, 1999.*

<sup>64</sup> *Колоницкий Б.И. Язык демократии: проблема перевода текстов эпохи революции 1917 г. С. 152—189.*

<sup>65</sup> *Шолохов М. Поднятая целина. М., 1986.*

<sup>66</sup> *Колоницкий Б.И. Язык демократии... С. 189.*

<sup>67</sup> *Борисова Т.Ю. Борьба за русское «национальное» право в первой четверти XIX века. Изобретение новых смыслов старых слов // Исторические понятия и политические идеи в России XVI—XX веков. С. 123—151.*

<sup>68</sup> Там же. С. 150.

«свода законов» комиссией под руководством М.М. Сперанского. Т.Ю. Борисова убедительно показывает, что «свод законов» был реализован как национальный проект, как исконное традиционное русское право, хотя на деле содержал много реформаторских идей, и даже заимствований из кодекса Наполеона. Понятие «свод» кодировалось как традиционное и противопоставлялось дискредитировавшему себя в глазах власти реформаторскому «уложению», под знаком которого проходила деятельность М.М. Сперанского в начале царствования Александра I. Таким образом, понятия *свод* и *уложение*, вне зависимости их специального содержания, маркировали смысл происходящих в России XIX века правовых изменений.

Подобная направленность истории понятий на изучение конкретных форм мышления и повседневного восприятия политического дискурса — расширяет возможности исследования понятий на русском материале. Поле исследования здесь не ограничивается ключевыми политическими понятиями — *демократия*, *свобода*, *государство* etc., что стало в последнее время предметом преимущественного интереса исследований по истории понятий в России<sup>69</sup>. Разнообразие влияний политического языка на разные стороны повседневной жизни убедительно показано в статье Ингрид Ширле о патриотическом мифе в России XVIII — начала XIX века<sup>70</sup>. Автор подробно анализирует смысловое содержание понятия «Сын отечества» и его реализацию как идеала воспитания, как ключевого понятия государственной педагогики и бюрократического патриотизма. Устанавливая гендерные и сословные границы понятия, его дефиниции через противоположное понятие «враг отечества» и близкое по смыслу — «патриот», Ингрид Ширле делает вывод о характере императорской власти, стремившейся подчеркнуть «семейность» своего управления.

<sup>69</sup> См., например: Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., РОССПЭН, 1997; или серия статей, публикуемых в ежегоднике восточноевропейской истории, например последняя статья: Schmidt Ch. Freiheit in Russland. Eine Begriffshistorische Spurensuche. (Russische Begriffsgeschichte) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2007. Bd. 55:2. S. 264–275.

<sup>70</sup> Schierle I. «Syn otečstva»: Der «wahre Patriot» // Thiergen P. (Hg.): Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat. S. 347–367.

Таким образом, у истории понятий как метода на русском материале может сложиться интересное будущее, несмотря на то что она, по словам Ханса Гумбрехта, «не родила никаких категорий, вроде фукоистского дискурса, которые дали бы интернациональный инструмент для анализа»<sup>71</sup>. Как человек, имевший отношение к проекту по созданию «словаря исторических понятий», он разочарованно смотрит на его результаты, которые не оправдали колоссальных затрат на осуществление проекта и поубавили энтузиазма у тех, кто будет писать историю понятий в будущем. «Историю понятий в некотором смысле будут писать и в будущем, — заключает Ханс-Ульрих Гумбрехт, — но только уже без прежних надежд и прежнего энтузиазма»<sup>72</sup>.

Безотносительно к ценности и важности самого проекта словаря, необходимо только отметить, что повторять его сейчас в России нет необходимости, как нет необходимости жестко следовать методологическим рамкам, для него создававшимся. Пример развития истории понятий на русском материале показывает, что потенциал метода значителен, и он прекрасно может развиваться в рамках отдельных национальных историй. Потому для русской науки нет надобности заново изобретать немецкий или английский велосипед, а стоит обратиться к тем перспективам, которые предлагает история понятий.

При помощи истории понятий можно изучать не только эпохальные социальные и политические структурные перемены, но также и изменения в области опыта, ожиданий и эволюции научных теорий<sup>73</sup>. Таким образом, история понятий может быть важным теоретическим подходом для истории науки, поскольку изучение употребления понятий не только репрезентирует их взаимосвязь, но и позволяет интерпретировать структуру знания в определенную эпоху, восприятие научных теорий и их развитие<sup>74</sup>. Как сфера изучения челове-

---

<sup>71</sup> Gumbrecht H.U. *Pyramiden des Geistes*. S. 29.

<sup>72</sup> Op. cit. S.35.

<sup>73</sup> Bodeker H.-U. *Begriffsgeschichte als Theoriengeschichte*. S. 98.

<sup>74</sup> Op. cit. S. 114–115.



ского опыта и ожиданий<sup>75</sup> история понятий позволяет через анализ употребления и смыслов понятий очертить взаимоотношения больших структур и повседневности<sup>76</sup>, ответить на вопрос о том, как понимали окружающий мир исторические актеры, как они его для себя интерпретировали, поскольку это также находит свое выражение в языковых формах и поддается изучению при помощи истории понятий. Все это показывает гибкость междисциплинарного метода истории понятий и дает надежду на его плодотворное развитие на русской почве.

---

<sup>75</sup> Имеются в виду дефиниции, данные Райнхартом Козеллеком понятиям «пространство опыта» (*Erfahrungsraum*) и «горизонты ожидания» (*Erwartungshorizont*). См.: Koselleck R. «Erfahrungsraum» und «Erwartungshorizont» — zwei historische Kategorien // Koselleck R. (Hg.). *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt a. Main, 1984. S. 349–375.

<sup>76</sup> Повседневность понимается тут как сфера человеческого опыта. См. об этом: Людке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1999. С. 77–100; Людке А. История повседневности в Германии после 1989 // Казус. 1999. С. 117–126.

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ханс Эрхх Бёдекер</i> . Отражение исторической семантики в исторической культурологии .....	5
---	---

### ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ

<i>Райнхарт Козеллек</i> . К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий .....	21
<i>Ханс Эрхх Бёдекер</i> . Размышления о методе истории понятий .....	34
<i>Ульрих Риккен</i> . О соотношении сравнительной истории понятий и сравнительной лексикологии .....	66

### ИСТОРИЯ ДИСКУРСА

<i>Жак Гийому</i> . Лингвистическая история концептуальных словоупотреблений, проверенная на опыте лингвистических событий .....	85
<i>Марк Бивир</i> . Роль контекстов в понимании и объяснении .....	112

### ИСТОРИЯ МЕНТАЛЬНОСТЕЙ

<i>Рюдигер Цилл</i> . «Субструктуры мышления». Границы и перспективы истории метафор по Хансу Блюменбергу .....	155
<i>Лютц Даннеберг</i> . Смысл и бессмысленность истории метафор .....	189
<i>Вера Дубина</i> . Из Билефельда в Кембридж и обратно: пути утверждения. «История понятий» в России. Послесловие .....	298

# ИСТОРИЯ ПОНЯТИЙ, ИСТОРИЯ ДИСКУРСА, ИСТОРИЯ МЕНТАЛИТЕТА

Сборник статей

Дизайнер  
*Д. Черногаев*

Редактор  
*И. Калинин*

Корректор  
*Э. Корчагина*

Компьютерная верстка  
*С. Пчелинцев*

Налоговая льгота —  
общероссийский классификатор продукции  
ОК-005-93, том 2;  
953000 — книги, брошюры

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:

129626, Москва,

абонентский ящик 55

Тел.: (495) 976-47-88

факс: (495) 977-08-28

e-mail: [real@nlo.magazine.ru](mailto:real@nlo.magazine.ru)

Интернет: <http://www.nlobooks.ru>

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1

Печ. л. 20,5. Тираж 1000. Заказ № 924

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК  
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Издательство  
**НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ**  
2009 год

Серия «Интеллектуальная история»

Оксана Тимофеева

**ВВЕДЕНИЕ В ЭРОТИЧЕСКУЮ ФИЛОСОФИЮ Ж. БАТАЯ**

Книга посвящена мыслителю, критику, писателю и порнографу Жоржу Батаю, одному из самых радикальных французских интеллектуалов XX века, который бросил вызов нормативности теоретической культуры своего времени, сделав предметом философского рассмотрения эротизм, насилие, жертвоприношение. Оксана Тимофеева шаг за шагом реконструирует тонкую связь между мыслью и чувственностью, доказывая, что этот на первый взгляд маргинальный сюжет глубинным образом меняет всю структуру философствования.



Серия «Интеллектуальная история»

Ханс Ульрих Гумбрехт  
**ПОХВАЛА КРАСОТЕ СПОРТА**  
Перевод с английского В. Фещенко



Новая книга известного немецкого ученого посвящена спорту, точнее, его зрелищной стороне, которая делает многих из нас страстными болельщиками, прильнувшими к экранам телевизоров или сопереживающими состязанию с трибуны стадиона. Античные Олимпиады, рыцарские турниры, атлетические игры Ренессанса, возникновение современного спорта и его сегодняшний день становятся источником антропологических интуиций замечательного историка и литературоведа профессора Гумбрехта.

Издательство  
**НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ**  
2009 год

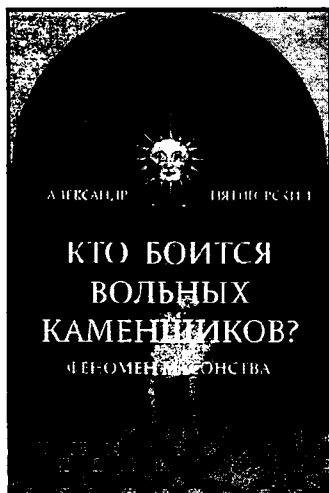
Серия «Интеллектуальная история»

Александр Пятигорский  
**КТО БОИТСЯ ВОЛЬНЫХ КАМЕНЩИКОВ?**

Феномен масонства

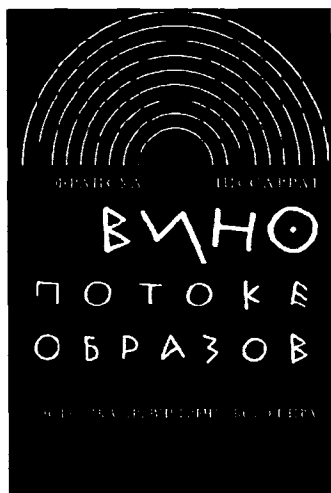
Авторизованный перевод с английского К. Боголюбова

Эта книга – авторизованный перевод работы известного философа, востоковеда и писателя, профессора Школы востоковедения Лондонского университета Александра Пятигорского «Who's Afraid of Freemasons? Phenomenon of Freemasonry», вышедшей в 1997 году. В ней читатель найдет очерк истории британского и американского масонства, а также феноменологический анализ этого явления и структуралистский разбор масонского ритуала.



Серия «Интеллектуальная история»

Франсуа Лиссарраг  
**ВИНО В ПОТОКЕ ОБРАЗОВ.**  
**ЭСТЕТИКА ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ПИРА**  
Пер. с французского Е. Репетниковой



Вино – душа греческой культуры. Симпосий, дружеская попойка и, одновременно, один из самых значимых социальных институтов, – место, где зарождались культурные смыслы и формы. Книга Франсуа Лиссаррага, лучшего современного французского эллиниста, позволяет по-новому взглянуть на ключевые аспекты греческого способа жить и видеть мир, а также на истоки многих позднейших европейских традиций.

**НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ**  
**Теория и история литературы, критика и библиография**

Периодичность: 6 раз в год

Первый российский независимый филологический журнал, выходящий с конца 1992 года. «НЛО» ставит своей задачей максимально полное и объективное освещение современного состояния русской литературы и культуры, пересмотр устарелых категорий и клише отечественного литературоведения, осмысление проблем русской литературы в широком мировом культурном контексте.

В «НЛО» читатель может познакомиться с материалами по следующей проблематике:

- статьи по современным проблемам теории литературы, охватывающие большой спектр постмодернистских дискурсов; междисциплинарные исследования; важнейшие классические работы западных и отечественных теоретиков литературы;
- историко-литературные труды, посвященные различным аспектам литературной истории России, а также связям России и Запада; введение в научный обиход большого корпуса архивных документов (художественных текстов, эпистолярия, мемуаров и т.д.);
- статьи, рецензии, интервью, эссе по проблемам советской и постсоветской литературной жизни, ретроспективной библиографии.

«НЛО» уделяет большое внимание информационным жанрам: обзорам и тематическим библиографиям книжно-журнальных новинок, презентации новых трудов по теории и истории литературы.

**Подписка по России, СНГ и Балтии:**

каталог «Роспечать» –  
подписной индекс **47147**

**Подписка по России:**

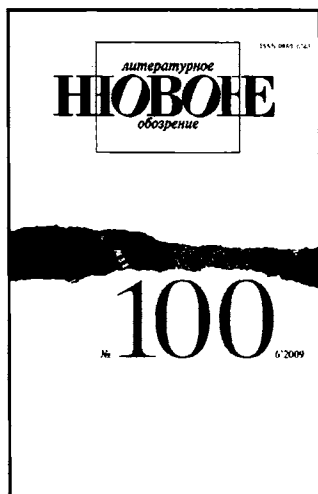
каталог «Пресса России» –  
подписной индекс **39356**

**Зарубежная подписка:**

«МК-Периодика» –

Тел. в России: +7 495 681 82 15;

<http://www.periodicals.ru>





## **Издания**

### **«Нового литературного обозрения»**

(журналы и книги)

можно приобрести в магазинах:

Интернет-магазин издательства «НЛО» — [www.nlobooks.mags.ru](http://www.nlobooks.mags.ru)

### **в Москве:**

«Библио-Глобус» — ул. Мясницкая, 6, т. (495)924-46-80

«Москва» — ул. Тверская, 8, т. (495)629-6483, 797-87-17

«Московский Дом книги» — ул. Новый Арбат, 8, т. (495)789-35-91

«Молодая гвардия» ул. Большая Полянка, т. (495)238-50-01

«У Кентавра» — РГГУ, ул. Чаянова, д.15, т. (495)250-65-46

«Гилея» — Институт ИНИОН Нахимовский просп. 51/21, 3 этаж,  
т. (499)724-61-67

«Книжная лавка писателей» — ул. Кузнецкий мост, 18;  
т. (495)624-46-45

«Культ-парк» — магазин в здании ЦДХ на Крымском Валу

«Старый свет» — книжная лавка при Литинституте.

Тверской бульвар, 25 (вход с М. Бронной), тел. (495)202-86-08

ГЦСИ — ул. Зоологическая, д.13, т. (495)254-06-74

Галерея книги «Нина» — ул. Бахрушина, 28, т. (495)959-20-94

Киоск «Новой газеты» на Страстном бульваре

«Фаланстер» — М. Гнезниковский пер., д.12/27, т. (495)629-88-21

Проект ОГИ Потаповский пер., 8/12, стр. 2 т. (495)627-56-09

Книготорговая компания «Берроунз» т. (495)971-47-92

### **в Санкт-Петербурге:**

Склад издательства — Лиговский пр., д. 27/7, т. (812)579-50-04

«Академкнига» — Литейный пр., 57, т. (812)230-13-28

«Вита Нова» — Менделеевская линия, 5, т. (812)328-96-91

Киоск в Библиотеке Академии наук ВО — Биржевая линия, 1

Киоск в Доме кино — Караванная ул., 12 (3 этаж)

«Книги и кофе» — наб. Макарова, 10 (кафе-клуб при Центре современной литературы и искусства), т. (812)328-67-08

Книжная лавка писателей Невский пр., 66, (812) 314-47-59

Книжная лавка в фойе Академии художеств — Университетская наб., 17

Книжные мастерские — Наб. реки Фонтанки, 15 (магазин при РХГА),  
т. (812)310-50-36

Книжные салоны при Российской национальной библиотеке

Садовая ул., 20; Московский пр., 165 т. (812)310-44-87

«Книжный окоп» — Тучков пер., д.11/5 (вход в арке), т. (812)323-85-84

Книжный салон — Университетская наб., 11 (в фойе филологического факультета СПбГУ), т. (812)328-95-11

Книжный магазин-клуб «Квилт» Каменноостровский пр., 13,  
т. (812) 232-33-07

«Подписные издания» — Литейный пр., 57, (812) 273-50-53

«Ретро Стенд» № 24 (1 этаж) на книжной ярмарке в ДК Крупской;  
ул. Обуховской обороны, 105  
«Санкт-Петербургский Дом книги» (Дом Зингера) — Невский пр., 28,  
т. (812) 448-23-57  
«Фонотека» — ул. Марата, 28, т. (812)712-30-13

**в Екатеринбурге:**

«Дом книги» — ул. Антона Валека, т. (343)358-12-00

**в Нижнем Новгороде:**

«Дирижабль» — ул. Б.Покровская, д.46, т.(312)31-64-71

**в Воронеже:**

«Галерея»

**в Красноярске:**

«Русское слово» — ул. Ленина, д.28, т. (3912)27-13-60

**в Ярославле:**

Книжная лавка гуманитарной литературы, т.(4852)72-57-96

**в Минске:**

ИП Людоговский А.С. — ул. Козлова, 3.

ООО «МЕТ» — т. 10-375-172-84-90-21, 10-375-172-84-36-21(факс)

**в Кнве:**

ООО «АВР» — т. (044)273-64-07

Интернет-проект «Лавка Бабуин» ул. Юрковская, д. 36, оф. 10,  
т.(044)53- 22-43

**в Стокгольме:**

Русский книжный магазин «INTERBOK» Hantverkargatan, 32, Stockholm,  
т. 08-651 1147

**а также в Интернете:**

[www.ozon.ru](http://www.ozon.ru)

[www.bolero.ru](http://www.bolero.ru)

[www.lavkababuin.com/shop](http://www.lavkababuin.com/shop)

[www.mkniga.com](http://www.mkniga.com)

